



М. В. ШИЛОВСКИЙ

ПОЛИТИЧЕСКИЕ
ПРОЦЕССЫ В СИБИРИ
В ПЕРИОД СОЦИАЛЬНЫХ
КАТАКЛИЗМОВ
1917-1920 гг.

М. В. Шиловский

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ
В СИБИРИ В ПЕРИОД
СОЦИАЛЬНЫХ КАТАКЛИЗМОВ
1917–1920 гг.

Ответственный редактор

чл.-кор. РАН В. А. Ламин

Новосибирск

«Сибирский хронограф»

2003

ББК 63.3(2)711.2+63.3(2)712

Ш59

Федеральная программа книгоиздания России

Рецензенты:

доктора исторических наук

В. А. Демидов, С. А. Красильников, В. С. Познанский

Учреждено к печати

Ученым советом Института истории СО РАН

Шиловский М. В.

Политические процессы в Сибири и период социальных катаклизмов 1917–1920 гг. — Новосибирск: Сибирский хронограф, 2003. — 428 с.

ISBN 5–87550–150–2

В монографии анализируется борьба за власть на востоке России от свержения самодержавия до создания в начале 1920 г. Дальневосточной Республики. Рассматривается деятельность основных политических группировок региона: формирование ими властных структур, выработка оптимальной модели административно-территориального устройства и автономии Сибири. Объектом социального рассмотрения являются антибольшевистские государственные образования, возникшие на территории региона. В работе содержатся интересные и колоритные характеристики активных участников политических процессов рассматриваемого времени, региональных партийных лидеров, руководителей правительств, военных. Предпринимается попытка анализа противоборствующих группировок элиты с точки зрения выявления основных социокультурных параметров и характеристик психоментальности.

На колоссальном фактическом материале воссоздаются обстоятельства установления режима военной диктатуры в «белом» движении на востоке России, рассматриваются усилия так называемой демократической контрреволюции в 1919 г. по ее ликвидации и созданию в регионе буферного государственного образования. Прослеживается участие во всех этих процессах сибирских областников во главе с Г. Н. Потаниным.

Для историков, краеведов, всех интересующихся историей гражданской войны в России.

ББК 63.3(2)711.2+63.3(2)712

ISBN 5–87550–150–2

© Шиловский М. В., 2003

«Сибирский хронограф», 2003

Введение

Одним из наиболее ярких, значимых и противоречивых событий отечественной истории ушедшего XX в. стала, по образному выражению известного историка В. П. Булдакова, «красная смута» 1917–1920 гг., начавшаяся практически бескровным свержением самодержавия в феврале 1917 г., борьбой различных политических группировок за власть, завершившейся большевистским переворотом в октябре 1917 г., который после вмешательства (интервенции) бывших союзников по Антанте привел к полномасштабной гражданской войне, закончившейся в основном к концу 1920 г. победой коммунистов.

Как известно, царское самодержавие рухнуло всего за несколько дней, не предприняв каких-либо попыток защитить себя как в центре, так и на местах. Подобный исход был обусловлен двумя группами причин.

Во-первых, отечественная экономика и политическая система не выдержали серьезных испытаний империалистической войны. Быстроразвивающийся частнокапиталистический уклад, зависимый от казенных инвестиций и иностранного капитала, низкая товарность преимущественно натурального и мелкотоварного сельского хозяйства, общая неподготовленность к войне привели к мощному экономическому кризису. На его базе и под влиянием военных неудач в стране развивается общеполитический кризис, приведший к полной изоляции и дискредитации системы самодержавного правления.

Попытка монархии после 3 июня 1907 г. опереться не только на дворянство, но и на буржуазию провалилась по той простой причине, что новый союзник (буржуазия) оказался слабым и не имел поддержки даже у своего естественного союзника — пролетариата. Данное обстоятельство предопределило провал курса «реформ» (в частности, столыпинской аграрной) еще в 1911–1913 гг. В 1914–1917 гг. этот процесс усугубился, вся система вла-

сти пришла в состояние полной разбалансированности. Из строя вышел прежде всего головной механизм третьейюльской монархии — система двух большинства в Государственной думе. В их глазах идея самодержавия обанкротилась. Далее произошла самоизоляция династии. Инструментом корректировки сложившегося положения могли стать монарх и его окружение. Но в рассматриваемое время это окружение выродилось в эгоистическую и трусливую камарилью. Все вместе и привело к взрыву и краху системы.

Во-вторых, помимо конкретных причин обострения затяжного общенационального кризиса в годы войны, не менее важную роль для России начала XX в. сыграли факторы глобального порядка, обусловленные тем, что русский абсолютизм, несмотря на все его попытки эволюции в сторону европеизации, оказался неспособным довести ее до логического завершения — конституционной монархии. Основная причина связана с хроническим отставанием политической модернизации от изменений в экономической сфере. Третье, начиная с середины XIX в., со все увеличивающейся быстротой (1855–1890, 1890–1905, 1905–1914 гг.) повторялась следующая закономерность: сначала отрицание самой возможности реформ, затем вынужденное их проведение и, наконец, их свертывание после стабилизации ситуации в стране. Такой «поступательно-затухающий» характер эволюции обеспечивал лишь очень медленное продвижение вперед, а главное, накапливались неразрешимые противоречия. Таким образом, окончательно себя исчерпала сверхцентрализованная монархическая власть, обладавшая высокой прочностью и динамичностью в период своего становления.

Развитие событий от февраля к октябрю 1917 г., в силу специфики Февральской революции и наличия двоевластия, таило в себе различные перспективы: буржуазно-демократическую, или эволюционно-реформаторскую (А. Ф. Керенский и первый состав Временного правительства), авторитарно-диктаторскую (Л. Г. Корнилов и стоящие за ним буржуазные круги), «однородно-социалистическую» («третий путь» меньшевиков и эсеров) и, наконец, большевистско-леворадикальную (В. И. Ленин, Л. Д. Троцкий). Причем последняя исходила не из наличия предпосылок для социалистической революции, их как раз не было, а из став-

ки на мировую социалистическую революцию. Уже 10 апреля 1917 г. В. И. Ленин в развитие «Апрельских тезисов» подчеркнул: «А мы хотим перестроить мир»¹. Шансы большевиков на успех повышались благодаря особому типу экономической эволюции России (многоукладность), специфике социальной структуры общества (включенность буржуазии в отжившую систему общественных отношений, ее «рептильность»), наличию партии нового типа, а также утопического фактора (идеалистических представлений о социализме и коммунизме, распространенности в России мощной традиции народнического социализма).

Попытки продолжить эволюционное развитие государства в рамках буржуазно-парламентской модели в 1917 г. успеха не имели вследствие экономического и политического кризисов, слабости и ошибок Временного правительства, авантюризма правых сил. Наряду с этими конкретными причинами краха либеральной альтернативы существовала еще одна — фундаментальная. Она была связана с отсутствием в России начала XX в. (как, впрочем, и сегодня) социальной базы, адекватной данной модели развития, — так называемого «гражданского общества», или «третьего сословия». Всего численность образованной и экономически независимой части россиян к 1917 г. составляла 1,5–2 млн чел. на 170 млн населения. Число лиц, получивших по закону от 3 июня 1907 г. избирательные права, составляло 1% от общей численности населения.

В этих условиях народные массы, убедившись в безысходности своего положения, в тщетности надежд на мирное реформаторство и постепенное решение накопившихся проблем, обращаются к радикальному средству коррекции общественного развития — революции, поддержав большевиков. Во многом поворот симпатий в их сторону, начиная с сентября 1917 г., связан с политическим искусством Ленина и Троцкого, наличием у них конкретной демократической программы спасения государства от развала и хаоса. Но подавляющая часть населения, прежде всего крестьянство, поддержала большевиков не в момент взятия власти в октябре 1917 г., а в процессе реализации декретов о земле и мире. Именно поэтому крестьяне, проголосовавшие за эсеров во время выборов в Учредительное собрание, отреагировали на его разгон пассивно (или вообще никак).

Кроме того, нужно иметь в виду, что большевики победили и взяли власть не под социалистическими, а под демократическими лозунгами. Процесс же «социалистического» переустройства России начался с весны 1918 г. и получил первоначальное воплощение в политике «военного коммунизма».

Борьба за власть, как главная составляющая разнообразных и многоплановых явлений 1917–1920 гг., вовлекла в свою орбиту многочисленные политические партии, объединения и группировки. Причем еще до февраля 1917 г. политический процесс для них ограничивался пределами Таврического дворца в Петрограде (резиденция IV Государственной думы), но к лету 1917 г. в него включились десятки миллионов граждан России. Анофеозом многопартийности стали выборы в Учредительное собрание, результаты которых отразили рейтинг популярности и авторитетности основных российских партий, но одновременно явились «вчерашним» днем для большинства из них из-за узурпации власти большевиками. Практически все участники политического процесса стали их противниками, однако в годы гражданской войны утратили свой «электорат» и в конечном счете сошли с политической арены.

Изучение социальных катаклизмов 1917–1920 гг. началось противоборствующими сторонами еще в ходе гражданской войны. Уже в первом крупном библиографическом указателе, подготовленном А. Н. Туруновым и В. Д. Вегманом в 1928 г., было учтено 870 публикаций, касавшихся событий рассматриваемого периода². Находившиеся в эмиграции участники «белого» движения до конца 1930-х гг. подготовили более 500 работ, прежде всего мемуаров³. Солидное место в этом объеме заняли публикации, относящиеся к Сибири (И. В. Лавров, А. А. Аргунов, Г. К. Гинс, В. М. Зензинов, Вс. Н. Иванов, А. Е. Котомлян, К. В. Сахаров, Г. М. Семенов, И. И. Серебренников, Б. Солодовников и др.). За рубежом возникли исследовательские центры, планомерно занимавшиеся сбором и публикацией документов, воспоминаний и исследований по истории революций и гражданской войны в Сибири. Так, по инициативе И. А. Якушева в Праге в конце 1920-х — первой половине 1930-х гг. вышло в свет 9 номеров (выпусков) сборника «Вольная Сибирь» и 5 номеров «Сибирского архива», большая часть опубликованных здесь материалов относи-

лась к событиям 1917–1920 гг. Однако если до конца 1920-х гг. эмигрантская литература частично была доступной для отечественных исследователей и реферировалась в периодических изданиях, в частности в журнале «Сибирские огни», то впоследствии она стала недоступной и нежелательной вплоть до 1980-х гг. и не оказывала, за редчайшим исключением, воздействия на историографию проблемы.

Между тем лавина работ по истории Октября и гражданской войны продолжала нарастать вплоть до конца 1980-х гг., хотя первые обобщающие монографии А. И. Крушанова, В. П. Софронова и М. М. Шорникова появились в самом начале 1960-х гг.⁴, а работы, касающиеся деятельности организаций «непролетарских», по терминологии того времени, партий (эсеровской, меньшевистской, кадетской и т. д.), — в конце 1970-х — начале 1980-х гг. Изучались прежде всего предпосылки социалистической революции, рабочий класс и большевистская партия. Вопреки ленинскому положению о слабом уровне развития рыночных отношений в России к 1917 г., в которой развитые формы капитализма «в сущности, охватили небольшие верхушки промышленности и совсем мало еще затронули земледелие»⁵, в конце 1960-х гг. в историографии утверждается схема о среднем уровне развития отечественного капитализма с некоторыми пережитками крепостничества. Так, во введении к 6-му тому многотомной «Истории СССР» категорично утверждалось: «Ленин не делал различий между Россией, страной среднего уровня капитализма, и экономически более развитыми странами»⁶. История противников большевизма рассматривалась через призму их закономерного банкротства и утраты массовой социальной базы. Одновременно с этим происходил процесс расширения источниковой базы.

Последние значительные исследования по истории социалистической революции были приурочены к ее 70-летию юбилею. Среди них прежде всего необходимо выделить двухтомник «Победа Великого Октября в Сибири», вышедший под общей редакцией И. М. Разгона в 1987 г. и не потерявший своей научной ценности до настоящего времени⁷. За последние десять лет историографическая ситуация коренным образом изменилась. Практически прекратилось изучение большевистской партии и ее деятельности в 1917–1920 гг., резко сократилось количество

публикаций, посвященных событиям 1917 г. Лишь в 1997 г. по материалам конференций в Кемерово и Омске, посвященных очередному юбилею Октября, увидели свет два сборника, в основном носящих прикладной и публицистический характер⁸. Помимо общих причин, обусловивших падение интереса к «опальной» революции, сыграл свою роль фактор физического старения и смерти целого поколения историков, занимавшихся ее изучением в 1950–1980-е гг. (И. М. Разгон, М. М. Шорников, В. П. Софронов, М. Е. Плотникова, Е. Н. Бабилова и др.).

По-иному сложилась ситуация в области исследования гражданской войны. Уже на «старте» в 1920-е гг. появились обобщающие работы П. С. Парфенова, В. Г. Виленского-Сибирякова, Р. А. Знаменской⁹. С начала 1960-х гг. в рамках разработки истории «демократической» контрреволюции началось активное изучение антисоветских сил в регионе, прежде всего деятельности партий меньшевиков, эсеров, Сибирской областной думы, Западно-Сибирского комиссариата, Временного Сибирского правительства и т. д. Правда, все это рассматривалось в духе концепции авантюризма и закономерного банкротства вышеназванных сил. Данное обстоятельство подчеркивалось даже в названиях монографий, например Г. З. Иоффе и Н. Г. Думовой («Колчаковская авантюра и ее крах», «Кадетская контрреволюция и ее разгром»). С конца 1980-х гг. изучение гражданской войны не только не прекратилось, но еще в большей степени активизировалось. Правда, теперь внимание историков сосредоточилось преимущественно на «белом» движении и его участниках. Применительно к Сибири подтверждением данной тенденции стали материалы трех конференций, проведенных в Кемерово по инициативе С. П. Звягина в 1995–1999 гг.¹⁰ Подготовленный к последней из них библиографический указатель показывает, что за 1992–1998 гг. увидела свет 861 публикация по истории «белого» движения (616 тезисов, 219 статей, 25 монографий и учебных пособий), в том числе 237 работ посвящено вооруженной борьбе, воинским формированиям и военным деятелям «белых»¹¹.

Характерной особенностью в изучении истории социальных катаклизмов 1917–1920 гг. стало пристальное внимание к деятельности таких политических партий и объединений, как кадеты (Л. М. Коломыцева), эсеры (Э. И. Черняк, В. И. Шишкин, А. В.

Добровольский), областники (М. В. Шиловский), националы (В. А. Демидов, И. В. Нам, Н. И. Наумова), анархисты (А. А. Штырбул), а также военные (Н. С. Ларьков, В. П. Кожевин, Д. Г. Симонов) и земцы. Принципиально новым направлением в историографии антибольшевистского лагеря стало пристальное внимание к персоналиям. Упомянутый выше библиографический указатель зафиксировал 274 публикации биографического характера, в том числе 35 были посвящены А. В. Колчаку. Кроме него, активно изучалась деятельность В. Н. Пепеляева, П. В. Вологодского, И. И. Серебрянникова, А. В. Адрианова, И. А. Якушева, М. Б. Шатилова и др.

Развернувшаяся дискуссия затронула проблему определения хронологических рамок «демократической» контрреволюции. Большинство исследователей, начиная с М. Е. Плотниковой, правильно, на наш взгляд, связывали ее эволюцию с существованием Сибирской областной думы и ее взаимоотношениями с Временным Сибирским правительством. Но дата окончательной ликвидации определяется произвольно. Например, Л. А. Шиканов относит данное событие к концу октября 1918 г.; по В. М. Суверову, получается, что деятельность думы была прекращена 22 сентября 1918 г., когда она ушла в подполье, а 10 ноября того же года самораспустилась¹². Причем ликвидация последнего легального органа мелкобуржуазной контрреволюции в регионе описывается с использованием терминов «самораспустилась», «запрещена», «была распущена», «прекращены занятия» и т. д., которые усугубляли путаницу.

В концентрированном виде все эти недостатки присутствуют на страницах энциклопедии «Гражданская война и военная интервенция в СССР». В частности, в ней безосновательно утверждается, что Сибирская областная дума была упразднена в конце сентября 1918 г. Уфимской директорией, хотя она самораспустилась 10 ноября этого же года. Создание Земского политического бюро эсерами-земцами осенью 1919 г. в Иркутске неправомерно относится на счет левого крыла областников, которые к тому времени окончательно сошли с политической арены¹³.

Исследователи отмечают активное использование «автономистских» лозунгов (созыв Земского собора Сибири, Сибирского учредительного собрания, Сибирского народного собрания и др.)

антибольшевистскими силами во главе с эсерами на заключительном этапе гражданской войны¹⁴. В связи с этим правомерно поставить вопрос о «демократической» контрреволюции как этапе (конец 1919–1920 г.), во время которого остатки мелкобуржуазных партий и группировок выдвинулись на первый план в лагере местной контрреволюции. Но этот сюжет практически не разработан, как и вопрос об использовании «автономистских» лозунгов врагами коммунистов. Наконец, до сих пор не выяснен вопрос о времени окончательного идейно-политического и организационного краха областничества. Упоминания о нем как общественно-политическом движении прекратились с лета 1918 г. До сих пор нет ясности относительно партийной принадлежности и общественно-политических взглядов таких активных противников большевиков и идеологов «белого» движения, как П. В. Вологодский, И. А. Михайлов, А. В. Адрианов, Вл. М. Крутовский и др.

Степень изученности проблемы в основном и определила цель настоящей работы — анализ политических процессов на территории Сибири со времени Февральской революции до завершения в основном гражданской войны (март 1920 г.) и образования Дальневосточной Республики. Объектом исследования стали борьба за власть в общероссийском масштабе и ее особенности в регионе, а также аналогичный процесс на уровне органов местного управления и самоуправления (земства, городские думы, Советы, Сибирская областная дума, Центросибирь и т. д.), антибольшевистских государственных образований: Временное правительство автономной Сибири, Запдно-Сибирский комиссариат, Временное Сибирское правительство, Временное Всероссийское правительство (Директория). Предмет исследования включает политическую деятельность местных организаций основных политических партий (большевики, меньшевики, эсеры, кадеты, народные социалисты), группировок и объединений (областники, националисты), а также политизированных формирований (кооператоры, военные, интеллигенция и т. д.).

Источникную базу настоящей работы составляют архивные материалы, мемуары, сборники документов, отдельные документальные публикации, периодическая печать. Кроме того, используется и тот фактический материал, который введен в научный оборот и обобщен различными поколениями историков.

Качественно новым моментом в формировании источниковой базы по истории социальных катаклизмов 1917–1920 гг. за последние 15–20 лет стало открытие спецхранов центральных и местных архивов, предоставивших исследователям возможность воспользоваться источниками, собранными эмигрантами, а также мемуарами участников «белого» движения, наконец, появление первых публикаций источников, отображающих многообразие подходов и взглядов политических сил в рассматриваемое время, а не только позицию победившей коммунистической партии. Среди изданий последнего времени необходимо отметить 9-томную тематическую подборку материалов о съездах, конференциях и совещаниях политических, религиозных и национальных организаций в Сибири за март 1917 — ноябрь 1918 г., осуществленную проблемной лабораторией истории, археологии и этнографии Сибири Томского университета в 1991–1992 гг. Кроме них следует назвать научно-документальные публикации Э. И. Черняка о политических партиях и профсоюзных объединениях региона того же периода. Серьезный вклад в освещение истории политической борьбы в рассматриваемое время внесли подготовленные И. В. Нам и В. И. Шишкиным документальные подборки по культурно-национальной автономии и аресту А. В. Колчака¹⁵. Их дополняют собранные С. Ф. Фоминных, С. П. Звягинным и Е. В. Луковым программные документы антибольшевистских государственных образований на территории Сибири с весны 1918 до начала 1920 г.¹⁶

Объективную трудность для исследования представляет состояние источников, вышедших из лагеря контрреволюции, которые, будучи многочисленными и разнообразными, не отложились единым массивом. Кроме того, они не являются полностью достоверными и часто не согласуются друг с другом. Поэтому при реконструкции тех или иных фрагментов политической истории приходится оперировать документами различного происхождения, сопоставляя и перепроверяя их.

В целом использованные источники можно условно подразделить на три приблизительно равные по объему группы — архивные материалы, периодическая печать и опубликованные документы. К первой группе относятся документы сибирских (Омск, Томск, Новосибирск, Красноярск, Иркутск) и центральных

(ГАРФ) архивохранилищ. Сложность выявления и использования источников данного вида заключается в том, что местные организации политических партий и объединений не оставили после себя фондообразований. Вместе с тем в Государственном архиве Томской области сохранился массив источников (ф. р-72, 552, 578), отображающих деятельность (протоколы и стенограммы заседаний, заявления фракций, переписка, резолюции, анкеты делегатов и т. д.) региональных областных съездов в 1917 г. и Сибирской областной думы в 1918 г. Обширный комплекс материалов, впервые вводимых в научный оборот, хранится в бывшем спецхране ГАРФ (ф. 151, 176, 5869) и представляет собой разнообразные документы, исходящие от антибольшевистских группировок и организаций (протоколы заседаний, декларации, официальная переписка, инструкции и др.). Они позволяют проследить выработку политического курса Временного Сибирского правительства, его взаимоотношения с Сибирской областной думой, борьбу думцев во главе с эсерами за установление контроля над деятельностью омского Кабинета министров.

Личные фонды, обычно привлекаемые при исследовании общественно-политических движений, отложились в местных архивах в незначительном количестве. Из таковых можно назвать фонды Г. Е. Катанаева в ГАОО и областника И. И. Серебренникова в ГАО, В. Н. Пепеляева в ГАНО. Главную ценность последнего представляют дневники фондообразователя за 1917–1919 гг., позволяющие проследить эволюцию его взглядов и политических симпатий. Большой интерес вызывают личные фонды П. В. Вологодского, В. Н. Пепеляева и И. А. Якушева в ГАРФ (ф. 193, 195, 5871), содержащие частную переписку, переговоры по прямому проводу, воспоминания, которые дают оценку политической ситуации участниками и лидерами антибольшевистского движения, раскрывают эволюцию их взглядов и содержат ценные сведения о взаимоотношениях различных политических группировок в рассматриваемое время.

Важным источником по истории политических процессов в Сибири в 1917–1920 гг. является периодическая печать. Нами использовано около 80 комплектов более 60 газет и журналов, в основном местных. По политической ориентации периодику можно разделить на три большие группы. Прежде всего, это больше-

вистские партийно-советские издания за 1917–1918, 1920–1923 гг. (газеты «Знамя революции» (Томск), «Красноярский рабочий», «Советская Сибирь» (Новониколаевск); журналы «Сибирский горнорабочий», «Сибирские огни» и т. д.). В них содержатся материалы, отображающие позицию местных большевистских организаций и контролируемых ими Советов по актуальным общероссийским и местным вопросам, их отношение к акциям других политических партий и движениям в регионе. В ряде случаев они печатали документы противников советской власти с единственной целью — их дискредитации. Например, в газете «Знамя революции» с января по май 1918 г. в рубрике «Из документов сибирских областников» большевиком И. Л. Нахачичем публиковались материалы из текущего архива Временного Сибирского областного совета, изъятые в процессе разгона Сибирской областной думы в конце января 1918 г.

Другую, самую многочисленную (около 40 наименований), группу изданий составляют газеты и журналы организаций мелкобуржуазных партий и группировок, в том числе и областнических. Ведущее место среди них принадлежит газетам эсеровским или близким к ним — «Путь народа» и «Голос народа» (Томск), «Новая Сибирь», «Наша деревня», «Сибирь» (Иркутск), «Наш голос» (Красноярск), «Народная Сибирь» (Новониколаевск), «Жизнь Алтая» (Барнаул), «Слово трудового крестьянина» (Омск); местных отделов трудовой народно-социалистической партии — «Голос народа» (Красноярск), «Народник» (Иркутск); различных мелкобуржуазных организаций — «Заря» (Омск), «Прибайкальская жизнь» (Верхнеудинск); журналам «Трудовая Сибирь» (Омск), «Томский кооператор», «Сибирский вестник Бунда» (Томск) и т. д. Особое место среди них занимают чисто областнические издания, к которым мы относим газеты «Вольная Сибирь» (январь — апрель 1918 г.) — орган созданного в Петрограде 5 марта 1917 г. Союза сибирских областников — и новоиколаевскую «Свободную Сибирь» (март — декабрь 1917 г.), с конца марта ставшую рупором Сибирского союза независимых социалистов-федералистов.

Наконец, ярко выраженную областническую окраску имел красноярский общественно-политический и литературный журнал «Сибирские записки», издававшийся в 1916–1919 гг. под ре-

дакцией Вл. М. Крутовского. Поскольку Л. М. Коломыцева характеризует его как кадетское издание¹⁷, попытаемся аргументировать свою точку зрения. Во-первых, в журнале постоянно сотрудничал областнический актив (Г. Б. Патушинский, Вл. М. Крутовский, Н. Н. Козьмин и др.). Во-вторых, редактором-издателем являлся Вл. М. Крутовский, который одновременно был председателем Красноярского союза областников-автономистов и отрицательно относился к местным кадетам, прежде всего к одному из их руководителей — Д. Е. Ланно. В-третьих, об областнической направленности журнала свидетельствует его содержание: из номера в номер здесь пропагандировались областнические идеи, публиковались документы, связанные с историей движения.

Данная группа изданий дает представление о деятельности местных организаций и позиции отдельных представителей эсеровской, меньшевистской, народно-социалистической партий, областников, кооператоров, националов. По ним можно проследить отношение мелкобуржуазной демократии региона к Учредительному собранию, Советам, земствам и городским самоуправлениям, областническим лозунгам, к свержению советской власти, деятельности Западно-Сибирского комиссариата, Временного Сибирского правительства, Сибирской областной думы, Директории, государственному перевороту 18 ноября 1918 г. и колчаковщине.

К третьей группе периодических изданий относятся буржуазные, прежде всего кадетские, а также официальные издания антибольшевистских государственных образований на территории региона, например, «Сибирский вестник» и «Правительственный вестник» (Омск). Среди них выделяются издания местных организаций партии народной свободы: «Сибирская речь» (Омск), «Приишимье» (Петропавловск), «Свободная Сибирь» (Красноярск), «Народная свобода» (Иркутск). Особняком в этом списке стоит томская «Сибирская жизнь». Традиционно она квалифицируется исследователями как кадетское издание с сильной областнической окраской, возглавляемое кадетом А. В. Адриановым¹⁸. Нам представляется, что этот вывод справедлив для периода гражданской войны. В 1917 г. в ней сотрудничали не только буржуазно-либеральные, кадетские деятели, но и мелкобуржуазные. К тому же А. В. Адрианов никогда кадетом не был, а в 1917 г. всту-

пил в трудовую народно-социалистическую партию, по списку которой баллотировался в Учредительное собрание от Томской губернии¹⁹.

Газеты рассматриваемого направления содержат сведения об отношении к происходящим событиям буржуазии, кадетских организаций Сибири, их участия в различного рода региональных форумах (съездах, конференциях, совещаниях), деятельности в составе контрреволюционных правительств и объединений.

Опубликованные источники в свою очередь могут быть разделены на две группы: документальные публикации, а также мемуары и дневники. Среди них абсолютно преобладают сборники документов и воспоминаний, отображающие борьбу коммунистов региона, возглавляемых ими Советов, а также историю повстанческо-партизанских формирований (более 30 наименований). Особое место в этом массиве принадлежит воспоминаниям. Мемуары большевиков, участников революций и гражданской войны дают представление о положении дел в социал-демократических организациях Сибири, позволяют понять причины живучести объединенческих тенденций, промедлений с разгоном Сибирской областной думы, освещают положение дел в коммунистическом подполье в период колчаковщины.

Многочисленные материалы, касающиеся анализируемой проблемы, оставили лидеры и участники антибольшевистского движения. Характерной особенностью этого вида источников является их оперативность. Например, сразу же после свержения советской власти в Сибири в газетах появились воспоминания, проливающие свет на историю антисоветского подполья первой половины 1918 г.²⁰ Большая часть этих мемуаров появилась в ходе гражданской войны или непосредственно после ее окончания, поэтому их авторы сравнительно точно и последовательно восстанавливают канву событий; впрочем, и их память хранила только то, что им хотелось запомнить, и в этом проявляются особенности, присущие мемуаристике. В воспоминаниях В. Г. Болдырева, Г. К. Гивса, Л. А. Кроля, И. А. Якушева, И. И. Серебренникова, дневниках П. В. Вологодского, Г. Е. Катанаева и В. Н. Пепеляева содержится ценная информация о борьбе за власть между различными группировками контрреволюции, даются характеристики некоторых деятелей антибольшевистского движения, све-

дения о личных качествах, а также материалы, позволяющие проследить идейную эволюцию интересующих нас лиц.

Итак, в книге использован значительный объем материалов, весьма разнохарактерных и по содержанию, и по форме. Они представляют собой солидную источниковую базу по узловым вопросам истории политической жизни Сибири 1917–1920 гг. Вместе с тем, в ряде случаев автору приходилось прибегать при реконструкции событий и объяснении тех или иных фактов к косвенным свидетельствам, поискам аналогий или гипотезам. К тому же необходимо учитывать, что используемые источники требуют последовательного критического анализа.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Позднее В. И. Ленин неоднократно возвращался к этому положению: «Мирного развития к социализму быть не может»; «...Советская власть растет непрерывно во всем мире»; «...вспыхнула мировая революция»; «Советская власть — это всемирная власть. Она идет на смену старому буржуазному государству»; «Грядет основание международной Советской республики»; «Еще неделю, и мы увидим победу коммунизма во всем мире»; «Говорят, что мы одни не удержим вла[сти] и пр. Но мы не одни. Перед нами целая Европа. Мы должны начать. Теперь только социалистическая революция». См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 37. С. 377, 380, 511; Т. 38. С. 231, 356, 358; т. 41. С. 376; Т. 42. С. 76; В. И. Ленин. Неизвестные документы 1891–1922. М., 1999. С. 217.
- ² Турунов А. Н., Вегман В. Д. Революция и гражданская война в Сибири: Указатель книг и журнальных статей. Новосибирск, 1928.
- ³ Arans D. How we lost the civil war: Bibliography of Russian emigre memoirs 1917–1922. Newtonville, 1988.
- ⁴ Крушанов А. И. Борьба за власть Советов на Дальнем Востоке и в Забайкалье. Владивосток, 1961; Софронов В. П. Октябрь в Сибири. Красноярск, 1962; Шорников М. М. Большевики Сибири в борьбе за победу Октябрьской революции. Новосибирск, 1963.

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 7.

- ⁶ История СССР с древнейших времен до наших дней. М., 1968. Сер. 1-я. Т. 6. С. 10.
- ⁷ Победа Великого Октября в Сибири. Томск, 1987. Ч. 1–2.
- ⁸ Революция 1917 года в России: История, современность, поиски путей примирения и согласия: Мат-лы регион. науч. конф. Омск, 1997; Октябрь 1917 года: Уроки истории и современность: Мат-лы науч. конф. Кемерово, 1997.
- ⁹ Парфенов П. С. Гражданская война в Сибири. 1918–1920 гг. Харбин, 1921; 2-е изд. М., 1925; Виленский-Сибиряков В. Г. Борьба за Советскую Сибирь (Центросибирь). М., 1926; Знаменская Р. А. Иркутск в борьбе за власть Советов. Иркутск, 1929.
- ¹⁰ История «белой» Сибири: Тезисы науч. конф. Кемерово, 1995; История «белой» Сибири: Тезисы Второй науч. конф. Кемерово, 1997; История «белой» Сибири: Тезисы Третьей науч. конф. Кемерово, 1999.
- ¹¹ Литература последних лет по истории белой Сибири: Библиогр. указатель. Кемерово, 1999.
- ¹² Шиканов Л. А. К вопросу о хронологических рамках «демократической» контрреволюции в Сибири // Из истории интервенции и гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке. Новосибирск, 1985. С. 65; Суверов В. М. Деятельность партийных организаций Сибири по укреплению союза рабочего класса и крестьянства (октябрь 1917–1925). Томск, 1985. С. 134.
- ¹³ Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия. М., 1983. С. 464, 538.
- ¹⁴ Солодянкин А. Г. Коммунисты Иркутска в борьбе с колчаковщиной. Иркутск, 1960; Журов Ю. В. Енисейское крестьянство в годы гражданской войны. Красноярск, 1972; Васильев Г. А. Борьба против «демократической» контрреволюции в период освобождения Красноярска от колчаковщины // Вопросы истории партийных организаций Сибири. Красноярск, 1972. Вып. 1; Шишкин В. И. Революционные комитеты в Сибири в годы гражданской войны (август 1919 — март 1921). Новосибирск, 1978.
- ¹⁵ Культурно-национальная автономия в истории России: Документальная антология. Томск, 1998. Т. 1: Сибирь 1917–1920 /

Автор-сост. И. В. Нам; Арест адмирала А. В. Колчака (декабрь 1919 — январь 1920 г.) / Сост. В. И. Шишкин // Власть и общество в Сибири в XX веке. Новосибирск, 1997. Вып. 1.

¹⁶ История «белой» Сибири: Тезисы науч. конф. Кемерово, 1995. С. 150–188.

¹⁷ Коломыцева Л. М. Кадеты Сибири и армия в 1917 г. // Из истории Сибири. Томск, 1973. Вып. 6. С. 139.

¹⁸ Коломыцева Л. М. Кадетская печать в Сибири в 1917 году // Некоторые вопросы расстановки классовых сил накануне и в период Великой Октябрьской социалистической революции в Сибири. Томск, 1972. С. 192; Красильников С. А., Сошкин В. Л. Интеллигенция Сибири в период борьбы за победу и утверждение Советской власти 1917 — лето 1918. Новосибирск, 1985. С. 128–129.

¹⁹ Сиб. жизнь. (Томск.) 1917. 17 авг., 20 нояб.

²⁰ Адрианов А. В. Из истории переворота // Сиб. жизнь. 1918. 5 июня; Крутовский Вл. М. Переворот в Сибири и организация Временного Сибирского правительства // Свободная Сибирь. (Красноярск.) 1918. 7 сент.; Сазаонов А. Годовщина: (Из воспоминаний) // Заря. (Омск.) 1919. 25 мая.

Глава 1

Борьба за власть в Сибири (март 1917 — январь 1918 г.)

§ 1. СИТУАЦИЯ В РЕГИОНЕ НАКАНУНЕ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Февраль 1917 г. в Сибири, как, впрочем, и в России, не предвещал, казалось бы, начала мощного социального катаклизма. Ежемесячные отчеты местных жандармских управлений в 1916 — начале 1917 г. неизменно констатировали, что на подведомственных им территориях «деятельности противоправительственных организаций не проявлялось, революционных изданий они не издавали и не распространяли, своих типографий не имели»¹. За годы войны существенно сократилось количество крестьянских выступлений (38 — в 1913 г., 32 — в 1914, 10 — в 1915, 12 — в 1916 г.)², а число рабочих (стачек, демонстраций, митингов, сходок, собраний и волнений) хотя и выросло с 55 в июле — декабре 1914 г. до 178 в 1916 г., но значительно уступало периоду Первой русской революции (214 одних только забастовок в 1905 г.)³.

Тем не менее это было чисто внешнее спокойствие, и мы согласны с В. П. Булдаковым в том, что «настоящие факторы революции 1917 г. стали формироваться лишь в связи с вовлечением

России в мировую войну»⁴. Однако данное обстоятельство до сих пор игнорируется в большинстве исследований по социально-экономической и политической истории государства начала XX в.; даже в фундаментальной монографии Б. Н. Миронова, посвященной анализу социальных процессов, в том числе в рассматриваемое время, фактор войны с точки зрения ускорения или торможения социального развития специально не освещался⁵.

Военные действия сопровождалась, прежде всего, массовым призывом. В армии оказалось в общей сложности около 1 млн сибиряков (из 10,1 млн жителей региона), было призвано 53,6% трудоспособных мужчин Алтайской, 38,8 — Енисейской, 49,5 — Иркутской, 51,8 — Тобольской, 51,5 — Томской губерний, 60,6 — Акмолинской и 54,8% — Забайкальской областей⁶. На низовом уровне масштабность этого процесса можно проследить, в частности, на примере д. Шабаново Касыминской волости Кузнецкого уезда Томской губернии, где форму надели 183 крестьянина из 347 трудоспособных⁷. Резко вырос личный состав местных гарнизонов, сопоставимый с численностью населения соответствующих городов. Так, число военнослужащих Омского гарнизона колебалось в пределах 60–90 тыс. чел., Томского — от 50 до 70 тыс., Иркутского — от 30 до 50 тыс. чел.

В результате появился мощный маргинальный слой фронтовиков, своей активностью повлиявший на процессы установления советской власти, развертывание партизанско-повстанческого движения против «белых», а затем возглавивший антикоммунистические выступления 1920–1921 гг. Именно бывшие военнослужащие русской армии стали командирами наиболее крупных партизанских формирований в регионе (М. Д. Антонов, И. С. Афанасьев, Н. М. Буда, И. П. Востриков, И. В. Громов, Ф. Е. Колядо, А. Д. Кравченко, С. Г. Лазо, П. К. Лубков, Е. М. Мамонтов, И. П. Новоселов, П. Е. Щетинкин, В. Г. Яковенко и др.).

Уже в кампаниях 1914–1915 гг. была перебита большая часть кадрового офицерского состава. К осени 1917 г. в пехотных полках только 4% офицеров имели подготовку в объеме нормального военного училища, а остальные прошли ускоренный курс обучения или были произведены из солдат и унтер-офицеров. Примерно 80% офицерского корпуса являлись выходцами из крестьян⁸. Всего же за годы войны офицерские погоны надели 220 тыс.

чел., и, как верно подметил С. В. Волков, к 1917 г. офицерский корпус «практически соответствовал числу лиц, имевших какое-либо образование: все такие лица призывного возраста, годные по состоянию здоровья к военной службе, становились офицерами, то есть офицерские погоны носила почти вся молодая российская интеллигенция»⁹. Не случайно военный журналист Вс. Н. Иванов заметил: «А между тем уже и царская армия последнего периода была армией прапорщиков»¹⁰.

В ходе войны представители различных групп офицерства, прежде всего кадровых и военного времени, все более осознавали необходимость радикального изменения ситуации в стране для достижения победы. Их кредо наиболее полно выразил сибиряк, тогда еще подполковник А. Н. Пепеляев, заявивший: «...моим знаменем на Германской войне было — победа и величие России. Для этого я не щадил своей жизни, но действительность оказалась иной; боевые полки бестолково гибли, таяли новые пополнения, армия не получала патронов и снарядов... Встал вопрос: кто виноват? Ответ один: бездарное правительство, неспособное организовать оборону страны. Поэтому я, как большинство офицеров, спокойно встретил Февральскую революцию и отречение Николая Романова от престола»¹¹.

Позиция офицеров военного времени определялась еще целым рядом факторов. Если квалифицированные специалисты и студенты призыв в армию воспринимали как временное явление с последующим возвращением к мирной деятельности после демобилизации, то для офицеров из крестьян армия предоставляла возможности для социальной мобильности. Тем не менее реально их карьера в вооруженных силах после войны стояла под вопросом. Дело в том, что офицеры военного времени, выпускники школ прапорщиков и ускоренных курсов военных училищ, не обладали в полной мере правами и льготами кадровых военных. Запрещалось производить их в штаб-офицерские чины, их не причисляли к сословию дворян, они становились всего лишь почетными гражданами и, самое главное, подлежали увольнению в запас по окончании войны. Данные обстоятельства предопределили высокую политическую активность именно этой части офицерской корпорации, их активное участие в событиях 1917 г.

Таким образом, в 1917 г. подавляющая часть офицеров сочувственно и благожелательно встретила свержение самодержавия. Вообще события 1917 г. можно назвать революцией прапорщиков из-за активного участия в них военных офицеров. Так, из 54 офицеров — активных борцов за установление в регионе советской власти в 1917 — начале 1918 г. (персоналии которых приводятся в монографии А. Н. Баталова) 37 (68,5%) являлись прапорщиками¹². Руководящий орган новой власти — Президиум Центросибиря состоял из 5 чел., в том числе двух солдат и двух прапорщиков (Р. П. Эйдеман и К. С. Кошкин).

Существенные изменения в начале XX в. произошли в сибирской деревне. Нам представляется, что тогда местное крестьянство, являясь социумом преимущественно традиционного общества, действовало солидарно, всем миром. На его активность оказывали влияние стремление сохранить привычный патриархальный уклад жизни, традиционное неприятие политики властей и некоторые постоянные константы российской ментальности — страстность, максимализм, экстремизм, анархизм. Вместе с тем, в действиях сибирского крестьянства первого двадцатилетия XX в. проявились и новые закономерности, обусловленные спецификой процесса разрушения патриархальности и социальными катаклизмами. Наложение ареалов их массовых выступлений 1905–1907 гг., межреволюционного периода, 1917, 1918–1919, 1920–1921 гг., имевших разную политическую направленность, показывает в большинстве случаев совпадение в границах. Можно говорить о существовании в Сибири начала XX в. полосы (дуги) нестабильности, охватывавшей ее южную часть (Курганский, Тюкалинский, Омский, Барнаульский, Змеиногорский, Бийский, Минусинский, Канский, Нижнеудинский уезды)¹³.

Систематические волнения в перечисленных уездах во многом объяснялись тем, что в них осела основная масса переселенцев. Например, на Алтай в 1907–1911 гг. прибыло 730 тыс. чел., или 40% всех переселившихся тогда в Сибирь. Массовое переселение порождало клубок проблем, связанных с землеустройством, ограничением наделов старожилов и аборигенов; возникавшие проблемы государство решало за счет крестьян. К тому же переселенцы жили хуже старожилов. Крестьянство в целом считало себя ущемленным по части пользования землей и лесом, поэтому рай-

оны, куда направлялись новоселы, становились очагами хронического противостояния сельского мира и государства. Оно приобретает характер открытого, в том числе вооруженного противостояния, сопровождаемого эскалацией насилия. При общем сокращении количества крестьянских выступлений к 1917 г. росла их агрессивность и массовость. По данным Д. М. Шиловского, если в 1861–1904 гг. зафиксирован лишь один случай массовых выступлений, в 1905–1907 — три, то в 1908–1916 гг. их было более десятка. В ходе кровавых столкновений 1908–1916 гг. были убиты 29 полицейских, лесных стражников, сельских старост, 89 ранено и избито. В свою очередь, в порядке самообороны ими были убиты 13 крестьян и 14 ранены¹⁴.

Дело в том, что сибирское крестьянство постоянно использовало насилие для защиты своих интересов внутри и вне общины. С его помощью сельский мир боролся с конокрадами, ворами, бродягами, хулиганами. Типичными явлениями местной жизни оставались охота на «горбачей» (бродяг), самосуды, «варнацкий расчет» (убийство батраков по окончании сезона сельскохозяйственных работ). Жизнь сибирского крестьянства в XIX — начале XX в. была значительно грубее, жестче, примитивнее, чем иногда буколически изображалось в исследованиях и художественной литературе. Не произошло скачкообразного падения религиозности в 1917–1919 гг., поскольку и в предшествующее время местного мужика нельзя было назвать набожным. «Тлетворный дух неверия, сомнения, холодного равнодушия к вопросам веры, вообще упадок религиозного чувства, все более возрастающая безразличность... — все это стало характерным и для простого народа», — отмечал священник Томской епархии М. Солнцев в проповеди 23 апреля 1915 г. С другой стороны, духовенство теряло авторитет в глазах мирян из-за его же собственных недостатков. «...Влияние Церкви на народные массы все слабело и слабело, — констатировал в своих мемуарах митрополит Вениамин (Федченков), — авторитет духовенства падал. Причин много. Одна из них в нас самих: мы перестали быть „соленою солью“ и поэтому не могли осолить и других»¹⁵.

Определенное воздействие на поведение крестьян оказал процесс деградации власти, падение ее авторитета в их глазах. С началом войны резко возрастает число случаев публичного оскорбле-

ния личности монарха и правящей династии. Так, в 1915 г. Томское губернское жандармское управление проводит дознание по поводу оскорбления крестьянином Туртуровым Николая II, а именно крестьянин сказал: «Какой он царь, он не царь, а душегуб, и душегубское их поколение, предки его составляли шайку разбойников»¹⁶. В какой-то степени отношение сибирской деревни к самодержавию в рассматриваемое время выразил крестьянин Кондратов, заявивший, что «власть, при которой пачка спичек стоит 25 коп., да и ту нигде не купишь, надо уничтожать»¹⁷.

Что касается индустриального развития Сибири, то со второй половины 90-х гг. XIX в. она вступила в стадию промышленного переворота на транспорте, в обрабатывающей промышленности, концентрации последней в городах и углубления технического переворота в горнодобывающих отраслях. Тем не менее к 1914 г. доля промышленной продукции в общей стоимости местного валового продукта составила 22%, существенно уступая сельскому хозяйству. Ведущее место в экономике региона (61%) занимали отрасли, связанные с переработкой сельскохозяйственного сырья (мукомольная, винокуренная, кожевенная), а также горнодобывающая и горнозаводская промышленность (35%)¹⁸. В годы войны несколько увеличилось производство продукции, необходимой для армии, возросла доля фабричных заведений, в 15 городах электроэнергия поступала на промышленные предприятия¹⁹. В то же время уменьшились объемы переработки сельскохозяйственного сырья, что привело к сокращению общей численности наемных рабочих в Сибири с 700 тыс. в 1914 до 670 тыс. к 1917 г.²⁰ Однако их размещение было неравномерным. Более половины пролетариев, занятых вне сельскохозяйственной сферы, концентрировались в полосе железной дороги и в крупных городах (Омск — 21 тыс., Томск и Красноярск — по 10 тыс., Иркутск — 7 тыс., Новониколаевск и Курган — по 6 тыс., Чита — 5 тыс., Барнаул и Бийск — по 4 тыс.)²¹, что создавало благоприятные условия для их участия в политической жизни общества. Но примерно 80% промышленных рабочих размещалось вне городов — в приисках, рудниках, среди них преобладали полупролетарии, наблюдалось размывание кадрового ядра.

Что касается буржуазии, то по состоянию на 1912 г. численность ее наиболее состоятельной части (крупной и средней) оп-

ределялась в 55–60 тыс. чел. (вместе с членами семей), а количество миллионеров (с личным состоянием 1 млн руб. и выше) в 60–70 чел.²² В начале века в Сибири происходит монополизация экономики, здесь активно начинают действовать банковские монополии центра страны, занявшие ведущие позиции в промышленности, торговле и на транспорте. Типичным проявлением данного процесса стало создание акционерного общества Кузнецких каменноугольных копей («Копикуз»), уставной капитал которого (6 млн руб.) примерно поровну распределялся между петербургскими Международно-коммерческим и Русско-азиатским банками, с одной стороны, и группой французских банков — с другой. Для региональной же буржуазии «было характерно преобладающее положение торгового капитала, незаконченность отделения промышленного капитала от торгового, отсутствие местного развитого капиталистического кредита»²³. Поэтому она не оформилась как самостоятельная политическая сила и, за редким исключением, не проявляла интереса к политической деятельности.

Основными очагами промышленного и культурного развития региона, центрами общественно-политической жизни являлись города. После сооружения Транссиба происходил бурный рост их численности (в 3 раза с 1897 по 1916 г.), изменялись и усложнялись их функции, а также социальная структура. На начало 1917 г. в 47 сибирских городах (вместе с военнослужащими) проживало 1 320 тыс. чел., или 13% населения региона²⁴, но 3/4 их концентрировалось в 12 крупнейших городах края. «Стотысячники» (Омск, Томск, Иркутск), перевалившие за 50 тыс. чел. Красноярск, Новониколаевск, Барнаул, Чита и приближавшиеся к ним по численности Бийск, Тюмень аккумулировали основную часть чиновников, военнослужащих, торгово-промышленных элементов и интеллигенции. Численность последней, по подсчетам А. Е. Плотникова, с 1897 по 1917 г. в границах территории возросла с 30 до 100 тыс. чел. и составляла примерно 1% от ее населения²⁵.

Для большей части местной интеллигенции были характерны аморфность, неопределенность политических взглядов. Немногочисленные интеллигентские группы в крупных городах организовывались вокруг редакций газет, научных и культурных организаций. Причем объединяли они представителей различной политической ориентации. Например, в томской газете (самой массо-

вой в регионе) «Сибирская жизнь» в 1915 г. были заявлены в качестве сотрудников либералы М. И. Боголепов, Е. Л. Зубашев, И. А. Малиновский, Н. В. Некрасов, В. А. Обручев, В. Н. Пепеляев; эсеры В. И. Анучин, И. Г. Гольдберг, К. В. Дубровский, Е. Е. Коло-сов, М. Б. Шатилов; областники А. В. Адрианов, П. В. Вологодский, Вл. М. Крутовский, Г. Н. Потанин²⁶. Определенное воздействие на этот процесс оказывало областничество с претензией на над-партийное, надклассовое выражение интересов всего населения Сибири.

Четкого размежевания по политическим партиям не произошло вплоть до 1917 г. Ситуация повторялась и в последующее время. Наблюдавший этот процесс Л. А. Кроль констатировал: «Производило впечатление, что совершенно случайно вытянули билетки из лотерейного колеса: один с надписью к.-д., другой с надписью с.-р. и т. п. Продуманной политической мысли, определенной политической программы не было»²⁷. Объяснить феномен можно общей разобщенностью интеллигенции, которую революции как в 1905, так и в 1917 г. застали врасплох.

Неразмежеванность политических зон объясняется и стремлением сибирской интеллектуальной элиты к образованию коалиции всех политических группировок, разделяющих идею ликвидации самодержавия. Наглядным примером, иллюстрирующим сказанное, является позиция Н. В. Некрасова — профессора Томского технологического института, депутата III и IV Государственных дум от Томской губ., одного из лидеров кадетской партии. «Я вступил в к.-д. партию в 1905 году, — писал он позднее, — при основании ее, вместе с целой группой товарищей — беспартийных социалистов из состава бывш. Союза освобождения. Группа эта была не только социалистическая, но и в ряде других вопросов занимала левую позицию. Мы были республиканцы-федералисты, всегда стояли за резко оппозиционную тактику в отношении царского правительства»²⁸. Во время думских каникул Некрасов выступал в различных местах Сибири с лекцией «Перспективы русского либерализма». Ее основные положения: необходимость реорганизации существующих политических объединений, которая должна идти по линии консолидации либерализма. По его мнению, в стране существует пять политических течений: реакционеры, консерваторы, либералы, радикалы и революционеры, которые перепутались

и сосуществуют в различных партиях. Объясняется это слабой классовой дифференциацией и неясной социальной основой партий. Поэтому разногласия имелись у лидеров, а массы готовы к объединению, которое видится в форме парламентского союза²⁹. Подобная политическая эклектичность позволила Г. В. Вернадскому заявить, что, хотя русские социалисты обвиняли кадетов в том, что они борются за интересы среднего класса, в действительности они не были партией среднего класса, а представляли «прослойку между самодержавием и большевизмом»³⁰.

Во время войны все общественно-политические формирования региона находились в состоянии перманентного идейно-теоретического и организационного кризиса. Практически полностью развалились их организационные структуры. Организации эсеров и социал-демократов были буквально наводнены провокаторами. Кризис усилился в связи с размежеванием радикалов на интернационалистов, оборонцев и центристов. Однако, поддерживая правительство, практически все политические объединения рассматривали войну как своеобразный рубеж в истории России. Отчетливо эту позицию сформулировал в письме к сыну от 9 февраля 1915 г. один из лидеров сибирских областников А. В. Адрианов: «А возьмут на войну, что же, благословляю, послужи, потрудишься, эта война не Японская авантюра, затеянная нашей правящей „камарильей“. Беда перед нашей страной выросла действительно огромная, и надо ее избавить, поднакопить в себе достаточно духовной бодрости и сознания, что для выхода на хорошую дорогу требуется борьба насмерть. А черносотенной кампании бояться нечего, хуже не будет, чем было, самодержавие и верховенство всей этой сволочи, переполняющей наши верха, неминуемо должно пасть с окончанием войны»³¹.

Характерной чертой рассматриваемого периода становится бурный рост кооперации, причем в ее местных структурах концентрируются ссыльные революционеры. Помимо «крыши» и возможности выхода на массы кооперация рассматривалась радикалами и либералами как инструмент коррекции развития страны. Обобщая агентурную информацию, иркутские жандармы в октябре 1916 г. замечали по этому поводу: «До настоящего времени многочисленные революционные деятели (соц.-рев. и соц.-дем.) полагали, что до окончания войны не следует приступать к какой

бы то ни было революционной работе, чтобы не мешать ходу военных действий, но тотчас же по окончании войны должны возникнуть повсюду организации для немедленного захвата власти в свои руки. Однако в последнее время есть основания предполагать, что захват власти будет сделан не революционными подпольными организациями, а легальными кооперативными обществами, непрерывно возникающими и объединяющимися в союзы, причем руководящую роль во всех местных обществах и союзах играют социал-демократы и социалисты-революционеры»³². Не скрывали своих надежд и сами кооператоры. Так, в письме с фронта руководителю «Союза сибирских кооперативных союзов» (Закупсбыта) В. Н. Остальцеву от 21 января 1917 г. его постоянный корреспондент И. Большаков резюмировал: «Я глубоко верю, что с их (кооперативов. — М. Ш.) помощью, по окончании этой бойни, жизнь трудящегося населения скоро войдет в нормальную колею и наступит новая эра более отрадной и сознательной жизни под флагом кооперативных объединений»³³.

Еще одной точкой консолидации политических группировок Сибири продолжала оставаться борьба за земство. Активно использовались для этого отделы Всероссийского союза городов и их съезды, а также культурно-просветительные организации. Собранный в апреле 1915 г. съезд городов Западной Сибири в Омске принял специальную резолюцию с требованием введения земства. Более радикальный характер имел состоявшийся 14–19 апреля 1916 г. съезд городов Восточной Сибири в Иркутске, посвященный, по определению жандармов, «окраску левее кадетской, или минимум кадетской группы левого крыла». Среди примерно 40 участников преобладали кадеты (Е. Л. Зубашев, С. В. Востротин, П. И. Федоров, Л. А. Белоголовый, И. И. Циммерман), хотя были представлены эсеры, социал-демократы, прогрессисты, областники. Основной задачей форума явилось оформление областного (регионального) съезда городов Восточной Сибири и объединение вокруг него всех политических группировок региона³⁴. Требование организации земства «на широкой демократической платформе» как главное условие социально-экономического развития Забайкалья сформулировал ссыльный социал-демократ В. Н. Соколов в марте 1916 г. в докладе, сделанном на заседании Читинского отдела Общества изучения Сибири и улучшения ее быта³⁵.

Существенным фактором общественно-политической жизни региона являлась политическая ссылка. В 1907–1917 гг. Сибирь оставалась основным местом отбывания наказания государственными преступниками. По разным подсчетам, здесь ко времени Февральской революции их находилось от 6,4 до 8,4 тыс. чел.³⁶ Большая их часть размещалась в Восточной Сибири, в районах, удаленных от железной дороги, административных и промышленных центров. Но массовый «наплыв» невольных обитателей заставил сосланных ранее (1906–1910 гг.) переводить южнее, поэтому примерно 1 849 чел. оказались дисперсно рассеянными почти по всем сибирским городам.

Среди политических ссыльных в 1914–1917 гг. социал-демократы составляли 38,5%, эсеры — 34,4%. По выборочным данным, среди ссыльнопоселенцев преобладали рабочие — 55,7%, на втором месте были служащие — 35,7% и самую малую долю составляли учащиеся — 3,8%. Пролетаризация ссылки не отразилась на уровне образования ее представителей. Число лиц, имевших начальное образование, в 1914–1917 гг. составило 56,1, среднее — 14,9, высшее — 5,7%³⁷. Из приведенных данных нетрудно понять, что этот контингент являлся мощным резервом пополнения местных революционных организаций. К тому же ссылка представляла собой еще один качественный момент, радикально повлиявший на ситуацию в 1917 г. В обстановке острого дефицита людских резервов для фронта, особенно грамотных, самодержавие совершило фатальную ошибку, приняв 7 февраля 1916 г. решение призвать в армию всех состоящих под судом и следствием, а также отбывающих наказание. В запасные полки сибирских городов хлынул поток политических ссыльных, которые отнюдь не стремились укрепить обороноспособность империи. Только в Нарымском крае к ноябрю 1916 г. мобилизовали 230 ссыльных, из которых более 200 оказались в Томском гарнизоне³⁸. По сути, был брошен зажженный факел в виде сотен профессиональных революционеров, томящихся без дела, в озлобленную и недовольную солдатскую массу.

Поэтому, хотя по самым оптимистическим подсчетам к февралю 1917 г. в Сибири работу в массах вели не более тысячи социал-демократов и эсеров, их богатый революционный опыт, наличие опытных кадров в лице политических ссыльных, проникших в солдатскую среду, позволили радикалам в считанные дни после

свержения самодержавия покрыть регион сетью своих организаций, взять под контроль гарнизоны, профсоюзы, Советы, создать периодические издания и начать борьбу за власть и влияние на различные социальные группы населения.

Фактором, предопределившим социальный катаклизм 1917 г. и сыгравшим важную роль в политической борьбе, стало обострение национального вопроса в начале XX в. Среди причин этого следует назвать ухудшение положения аборигенных этносов, прежде всего кочевых (казахи, алтайцы, буряты), в связи с переселениями и поземельным устройством, ограничивающим их наделы 15 дес. на душу. Так, в 1900 г. был издан закон «Главные основания поземельного устройства крестьян и инородцев Забайкальской области», который лишил коренное население (бурят и эвенков) 5 млн дес. земли из 6,78 млн дес., находившихся в их собственности³⁹. Аналогичная акция в Северном Казахстане сопровождалась изъятием земли в пользу новоселов и казаков, обострив проблемы кочевников. В ответ казахи пытались бороться за сохранение кочевых угодий в ходе восстания 1916 г., которое до недавнего времени объяснялось исключительно реакцией на призывы аборигенов на «окопные» работы.

Еще одним фактором, обострившим национальный вопрос в регионе, стало формирование у отдельных этносов национальной интеллигенции, а также национального самосознания. Немаловажно, что в интеллектуальной и родовой элите аборигенов к началу XX в. сосуществовали альтернативные концепции этого самосознания, ориентированные не только на западную (русскую) цивилизацию (наиболее яркие ее представители, например, у казахов — Ч. Ч. Валиханов и А. Н. Букейханов), но и на интеграцию с народами Центральной Азии, исповедующими ислам (казахи) и буддизм (буряты)⁴⁰.

Наконец, нельзя сбрасывать со счетов и обыкновенный, «бытовой» национализм. «Русский крестьянин в массе даже не хочет считать за человека дикого номада („у него не душа, а пар“), — констатирует профессор Г. К. Гинс, — и пока номад не станет таким же, как он, „человеком“ по своим привычкам и потребностям (что во многих частях степи уже произошло), до тех пор идет процесс внутренней глухой борьбы населения»⁴¹.

Тем не менее лидеры из коренных этносов Сибири до 1917 г. не шли дальше поддержки программы культурно-национальной автономии и требований областников учитывать интересы аборигенов в процессе преодоления колониального статуса региона. В концентрированном виде их позицию в 1914 г. сформулировал Э.-Д. Ринчино: «И пусть общественные элементы России не бросают косые взгляды по адресу областников. Мы — законные дети своей родины и внуки России. В нашем рождении нет ничего страшного, повторяем. И пусть эти элементы сосредоточат лучше все свое внимание и силы на преодолении тех исторических пороков и грехов, которые гнездятся в организме Европейской России и обессиливают ее силы и лучшие соки и, благодаря общности культурно-государственного сердца и кровеносной системы, отравляют и действительно-прекрасный организм Сибири»⁴². Более того, многие аборигены цивилизацию воспринимали сугубо как насаждение крепостнических порядков, ставших анахронизмом к началу XX в. Так, в письме к депутату IV Государственной думы от Забайкальской области Н. К. Волкову Цыбик Доржи Бадмаев 23 октября 1913 г. сообщал: «Я беспокою Вас о нижеследующем: большинство здешних бурят, сознавая свой особый быт, некультурную жизнь и, наконец, хулиганство, обнаружившееся в последнее время в среде этой темной массы, считает более удобным применить у себя розгу. Это может ли быть осуществлено законодательным порядком?»⁴³

Первая мировая война существенно ухудшила условия жизни сибиряков, прежде всего горожан. С августа 1914 г. начали расти цены на продовольствие и потребительские товары. Например, с июля 1914 по февраль 1917 г. в Томске они выросли на ржаную муку на 320%, молоко — на 300, свинину — на 497, ситец — на 280, дрова — на 405, шерстяные ткани — на 775%⁴⁴. С осени 1915 г. начинаются первые перебои с продажей муки, а в 1916 г. исчезает из продажи сахар. Ситуация усугублялась реквизициями отдельных продуктов (мясо, сливочное масло) для действующей армии по установленным властями ценам. С этой целью в Новониколаевске в 1915 г. под руководством местного полицмейстера создается комиссия по реквизиции масла⁴⁵, в январе 1917 г. запрещается вывоз из Сибири мяса, а все сделки по нему объявляются недействительными⁴⁶. Сложившееся положение пытаются разрешить путем ограничения потребления, введения «мясопуст-

ных» дней: во вторник, среду, четверг и пятницу запрещалась продажа мяса и мясopодуктов. Рост цен местная администрация пыталась ограничить установлением предельных цен (таксы) на отдельные продукты питания в Иркутске, Томске, Новониколаевске, Омске. «Лица, виновные в нарушении сего обязательного постановления, — говорилось в соответствующем распоряжении томского губернатора В. Н. Дудинского от 16 июня 1916 г., — будут подвергаться в административном порядке заключению в тюрьму или крепость на три месяца, или аресту на тот же срок, или денежному штрафу до трех тысяч рублей»⁴⁷. Поскольку и данная акция ситуацию переломить не смогла, во второй половине 1916 г. в Томске вводятся карточки на сахар, а с января 1917 г. в Томске и Новониколаевске начинают нормировать продажу муки. Причем к лету 1916 г. карточная система действовала уже в 34 губерниях Европейской России⁴⁸.

Январь 1917 г. Россия встретила в состоянии своеобразного оцепенения. Внешне все выглядело спокойно. И тем не менее страна находилась в состоянии всеобъемлющего кризиса, который отчетливо проявлялся и в далекой Сибири. Почти десятиmillionная армия воевать не хотела и была деморализована. Буквально на глазах разваливался экономический потенциал, остро не хватало самого необходимого. К тому же продукты сосредоточивались у «естественных» монополистов (мукомолов, крупных оптовых торговцев). В продуктовых лавках запасы исчислялись фунтами или вообще отсутствовали. Все это порождало уныние и апатию, а вместе с тем недовольство существующим режимом и желание коренных перемен. Государство стояло на пороге мощного социального катаклизма, и буквально за несколько дней до него, 10 февраля 1917 г., провинциальная новониколаевская газета «Голос Сибири» в передовой статье предупреждала: «Мы подошли к грани, где очень трудно наладить сговоры и уступки; интересы до того оголились, они дышат небывалой непримиримостью, что нет уже сил, которые направили бы их по одной дороге»⁴⁹. А в январе 1917 г. от депутата Государственной думы от Енисейской губернии С. В. Востротина и думского корреспондента Г. Лебедева в Красноярск пришла телеграмма о тревожном положении в столицах. В связи с этим рекомендовалось «в провинции ждать и быть готовыми ко всяким событиям, которые почти неизбежны»⁵⁰.

§ 2. ФОРМИРОВАНИЕ ОСНОВНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ГРУППИРОВОК В СИБИРИ ПОСЛЕ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ (МАРТ — ИЮЛЬ 1917 г.)

Свержение самодержавия и возникновение в Петрограде новых органов власти обусловили резкую политизацию внутренней жизни России. Одновременно и синхронно происходят формирование новых управленческих структур, политизация и включение в этот процесс органов самоуправления (городских дум, земских учреждений) и кооперации, активное партийное строительство, создание массовых общественных и профессиональных формирований, оживление национального движения и т. д. Тем не менее в Сибири политический процесс имел определенную специфику. Прежде всего, он происходил здесь более замедленно. Хотя Петроград определял ситуацию в стране, давил и силой примера, и как реальная власть, тем не менее положение в регионах определялось не только слепым копированием центра, но и реальным соотношением политических сил. Совсем не случайно 18 марта 1917 г. И. В. Сталин в «Правде» подчеркивал: «Одна из особенностей нашей революции состоит в том, что базой ее до сих пор является Петроград... Провинция ограничивалась восприятием плодов победы и выражением доверия Временному правительству»¹.

Характерной особенностью общественно-политической ситуации становится оформление двоевластия, осуществляемого на высшем уровне Временным правительством и Петроградским Советом рабочих и солдатских депутатов. В Сибири после получения известий о свержении самодержавия одновременно началось создание различного рода общественных комитетов, а также Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

Со 2 по 5 марта организовались: Омский коалиционный комитет, Забайкальский комитет общественной безопасности (Чита), Томский временный комитет общественного порядка и безопасности, Барнаульский временный комитет общественного порядка, Новониколаевский комитет общественного порядка и безопасности, Тайгинский временный исполнительный комитет порядка и

безопасности, Красноярский комитет общественной безопасности, Комитет общественных организаций в Иркутске, Комитет общественного спокойствия в Тобольске, аналогичного рода объединения (далее сокращенно именуемые КОБами) в Черемхово, Якутске, Тюмени и других городах региона. По подсчетам Е. Н. Бабиковой, весной 1917 г. их было создано в Сибири 35². Не дожидаясь указаний сверху, отдельные комитеты начинают выступать как власть на уровне административно-территориальных образований. Так, Томский КОБ через несколько дней после своего создания объявил себя губернским, а его иркутский собрат 12 марта разослал на места «Правила об организации местных комитетов», создающихся «в целях организации на демократических началах нового порядка управления на местах и упорядочения хозяйственной жизни в губернии» прямым голосованием на собраниях и сходках; «комитет осуществляет на местах гражданскую власть»³.

О том, как шло создание этих органов, можно судить на примере Иркутска и Красноярска. В столице Восточной Сибири инициативу проявил генерал-губернатор А. И. Пильц. После неудачной попытки организации информационной блокады о событиях в Петрограде он вечером 2 марта собрал представителей городской думы, биржевого комитета, кооперативов, общественных и профессиональных организаций, сообщил о свершившемся перевороте и предложил обсудить ситуацию. По инициативе меньшевиков в ночь со 2-го на 3-е марта формируется Комитет общественных организаций (КОО) из представителей от городской думы, рабочих, профессиональных и кооперативных организаций, биржевого комитета, съезда углепромышленников Черемховского района, от священников, железнодорожников и т. д. В состав исполкома объединения вошли 10 эсеров, 9 представителей торгово-промышленников (предпринимателей), 4 меньшевика, по одному межрайонцу и большевику. Первым председателем КОО стал меньшевик И. Г. Церетели⁴. В Красноярске инициативу проявили ссыльные социалисты, осевшие в кооперативных организациях. По их предложению на торжественном заседании городской думы 4 марта в местном театре принимается решение о формировании КОБа, в состав которого вошли семь гласных от городского самоуправления, каждая общественная организация должна была делегировать в него по два человека, а учебные заведения, вместе взятые, — трех. Вечером того же дня со-

стоялось первое заседание исполкома, на котором его председателем единогласно избирается областник Вл. М. Крутовский, а заместителями эсер В. Я. Гуревич и большевик А. Г. Шлихтер⁵.

В целом в процессе создания и деятельности КОБов в Сибири проявился ряд закономерностей. Как правило, формировались они при активном участии городских дум и на их же заседаниях формально утверждались, поскольку из-за отсутствия в регионе земства городское самоуправление являлось единственным легитимным представительным (хотя и цензовым) органом государственного управления. Движущей силой в организации названных объединений выступали военно-промышленные комитеты, отделения Всероссийского союза земств и городов, политические ссыльные. Комитеты быстро увеличивали свой численный состав (в Томске с 10 чел. в момент создания до 165 чел. к 20 марта), крайне ястрый в социальном отношении: от крупных капиталистов до мещан, студентов, лиц духовного звания⁶. Большая часть актива (52% на уровне губернских и областных центров и 75,6% в уездных городах) являлась беспартийной. Из представителей политических партий доминировали «соглашатели» (меньшевики, эсеры, народные социалисты) — 32% в губернских центрах и 10,8% в уездных, затем шли кадеты — 9 и 2,4% соответственно и замыкали большевики — 7 и 1,2%⁷. Кадеты возглавили КОБы в Омске, Бийске, Минусинске, Чите. Но большинством их руководили эсеры или «беспартийные» социалисты-интеллигенты.

Что касается компетенции временных комитетов, то они выступали как органы власти на местах, организовав прежде всего арест должностных лиц царской администрации (губернаторов, жандармских офицеров, полицейских чиновников). По мере развития ситуации отдельные КОБы начали претендовать на роль местной администрации Временного правительства. Так, Забайкальский комитет в специально разработанном и принятом 15 марта положении предлагал взять на себя те полномочия, которыми ранее обладал губернатор⁸.

Низовую структуру управления в деревне взамен прежних сельских и волостных правлений стали составлять многочисленные комитеты «безопасности», «общественного порядка и спокойствия», «народной власти» и т. п., получившие наименование временных комитетов. В. Г. Зыковой в 1917 г. в Сибири установлено

424 таких органа (176 — в Томской губ., 127 — в Тобольской, 66 — в Енисейской, 18 — в Иркутской, 37 — в Омском уезде Акмолинской обл.). Из общего количества сельских комитетов, по ее мнению, лишь 95 действовали по-революционному (боролись с лесной администрацией, торговцами, кулаками и ростовщиками, захватывали казенные и церковные земли); 54 объединения отнесены к буржуазным (содействовали самогоноварению, урегулировали конфликты с торговцами и кулаками, пытались собрать подати, боролись с дезертирами и большевистскими агитаторами), еще 96 комитетов занимались лишь текущей хозяйственной деятельностью (раздавали пособия семьям призванных в армию, распределяли на работу военнопленных, пытались бороться с самогоноварением)⁹.

Одновременно и параллельно с КОБаи создавались Советы рабочих и солдатских депутатов. Всего за март 1917 г. в Сибири их было образовано около 70, а на конец июня — 116¹⁰. Возникали они или в инициативном порядке, или под воздействием политических ссыльных (особенно призванных в армию) и вышедших из подполья социал-демократов. Так, Новониколаевский Совет рабочих и солдатских депутатов состоял из выборных представителей от рабочих и торгово-промышленных служащих (1 от 50), четырех депутатов от каждого из запасных полков плюс по одному выборному от отдельных частей и по два — от организаций политических партий¹¹. Социальный состав Советов, как и временных комитетов, был крайне пестрым, хотя в них отсутствовали цензовые элементы. По данным Е. Н. Бабиковой, рабочие доминировали (76,4%) только в Советах поселков промышленных центров, в губернских центрах их представительство сократилось до 37,6%, а в уездных — до 13,6. Соответственно менялось представительство так называемых демократических слоев (крестьяне, солдаты, приказчики и др.): 19,1% — в поселках, 52,7 — в губернских городах и 71,6 — в уездных. Доля буржуазной интеллигенции возрастала от 4,5% в поселках до 14,8 в уездных центрах. Что касается партийности депутатского корпуса, то при преобладании беспартийных в поселках и губернских столицах (74,1 и 61,9% соответственно) и примерном их равенстве с партийным электоратом в уездных городах (45,1%) большевиками являлись 14% избранных в Советы в губернских центрах, 21,3 — в

уездных городах и 12,4% — в поселках; у «согласителей» этот показатель составлял соответственно 24, 33,6 и 13,5%¹². При некоторых расхождениях в социальном и партийном составе Советов и временных комитетов обращает на себя внимание их социальная однородность, которую отметила Е. Н. Бабикова¹³. Если учесть, что только 12 Советов из 160 возглавляли большевики, а в остальных руководящие позиции «захватили» меньшевики и эсеры, то близость этих структур станет более определенной.

Специфическое положение среди Советов занимал созданный в Иркутске 5 марта Совет военных депутатов, в который вошли 25 офицеров и 57 солдат. В его исполком, возглавляемый эсерами в лице поручика А. А. Краковецкого, вошли 7 нижних чинов, 8 офицеров и 2 врача¹⁴. В Томском гарнизоне, где солдаты находились под сильным влиянием ссыльных большевиков, наряду с солдатским в марте возникает Совет офицерских депутатов. Посланцы двух Советов 9 марта образовали гарнизонный Совет, с равным представительством от каждой структуры. «Имея в своем составе членов гарнизонного Совета и полковых комитетов, — отмечает В. Л. Кожевин, — офицеров, избранных в местные органы власти, а также опираясь на поддержку солдатского Совета, Томский Совет офицерских депутатов приобрел серьезный вес и значение как организация не только общегородского масштаба. Активными деятелями Совета были молодые офицеры военного времени, как правило, в чине прапорщика или поручика. Заявляя о приверженности целям революционной демократии, многие из них постарались использовать открытые революцией возможности для быстрого продвижения на военном либо гражданском поприще, что не исключало, конечно, убежденности и последовательности в отстаивании избранных идеалов»¹⁵.

Представляют интерес взаимоотношения Советов и КОБов. Даже самый большевизированный Красноярский Совет рабочих и солдатских депутатов, созданный 5 марта, сразу же попытался установить прочные связи с местным Комитетом общественной безопасности. Предполагалось наладить прочное сотрудничество и с этой целью в состав Комитета делегировать троих членов исполкома Совета. В Иркутске Совет рабочих депутатов возник по инициативе местного Комитета общественных организаций, а в Омске исполком Совета рабочих депутатов сразу же после своего формирования «в

полном своем составе перешел в помещение городской управы, где и заседал совместно с коалиционным комитетом». Последний же рассматривал Советы как свои приводные ремни. В частности, Совету рабочих и военных депутатов он поручает формирование милиции¹⁶. Более того, Комитет выдвинул идею собственной реорганизации в Областную думу, которая бы формировалась в результате всеобщих, прямых и тайных выборов от населения Омска, представителей от съезда Советов крестьянских депутатов, депутатов от действующих в городах и уездах коалиционных комитетов¹⁷. Еще дальше пошли в Чите. 15 апреля 1917 г. здесь начал работу первый областной съезд представителей сельского населения, пришедший по докладу известной эсерки М. А. Смирдоновой следующей схеме организации местной власти: 1) в селах, поселках, волостях и станицах вместо сельских, волостных и станичных управ создаются соответствующие комитеты общественной безопасности; 2) от волостных и станичных комитетов избираются представители в уездные КОБы; 3) в Чите образуется областной Совет сельских депутатов, члены которого избираются волостями и станицами; 4) исполнительным органом Совета является избираемое съездом Бюро; оно выделяет своих представителей в областной КОБ, исполком Совета рабочих депутатов, в облпродком и т. д.; 5) КОБы должны подготовить население к организации земских учреждений¹⁸. Таким образом, сибирские Советы в массе своей не противопоставляли себя КОБам и не стремились выступать в качестве самостоятельных органов власти.

Местные Советы рабочих и солдатских депутатов в марте — апреле 1917 г. свою практическую деятельность ограничивали борьбой за установление 8-часового рабочего дня. Причем явочным порядком (своим постановлением от 22 марта) это сделал только Красноярский Совет рабочих и солдатских депутатов. Остальные в лучшем случае, подобно Омскому Совету рабочих и военных депутатов, «признавали ныне же необходимым введение 8-часового рабочего»¹⁹ и апеллировали к тем же временным комитетам в решении данного вопроса, как, впрочем, и других. Так, 7 апреля исполком Читинского Совета рабочих и солдатских депутатов предложил Забайкальскому КОБу дать предпринимателям указание о том, что «профсоюзы являются законными представителями интересов труда и в случае конфликтов с рабочими необ-

ходимо прибегать к их посредничеству». По распоряжению упомянутого комитета в области официально вводится 8-часовой рабочий день²⁰.

Обобщая реальную практику деятельности и взаимоотношений КОБов и Советов, советские историки, ритуально повторяя положение о двоевластии в регионе, которое соответствовало развитию политических процессов в России в целом, тем не менее вынуждены были делать существенные оговорки. «Однако в силу ряда причин Советы рабочих и солдатских депутатов России (Сибири в том числе) находились на положении полувласти не из-за сопротивления Временного правительства, — говорится в обобщающем труде по истории Октябрьской революции, вышедшем в Томске в 1987 г., — которое не располагало реальной силой, чтобы помешать установлению власти Советов, а потому, что народные массы еще бессознательно-доверчиво относились к буржуазии и ее власти»²¹. В свою очередь Е. Н. Бабилова, добросовестно и скрупулезно изучавшая историю КОБов, пришла к закономерному выводу: «К концу марта — началу апреля 1917 г. большая часть временных комитетов самостоятельно или через правительственных комиссаров, ставленников этих же комитетов, сумела установить контроль над деятельностью местных правительственных учреждений, захватить в свои руки денежные средства ликвидированных старых органов и кредиты Временного правительства, создать новые продовольственные органы и собственную „гражданскую“ милицию. Все это, в конечном итоге, приводит к тому, что фактическая власть оказывается в руках временных комитетов, а Советы занимают подчиненное в отношении их положение»²².

Объяснение этому следует искать в отношении к Февральской революции представителей радикальных (социалистических) партий, стоявших у истоков названных объединений. Свершившееся они рассматривали как начало классической буржуазной революции. Поэтому один из руководителей читинских большевиков В. Н. Соколов признавал, что в марте 1917 г. «преобладала тенденция не захвата власти, а оппозиция к ней, ошибочная тенденция подталкивания буржуазии на революционные действия»²³. Один из лидеров иркутских эсеров В. Г. Архангельский следующим образом раскрыл позиции местных социалистов по поводу

власти: «Меньшевики, исходя из своих взглядов на грядущую революцию в России как революцию буржуазную, естественно, не могли сочувствовать идее захвата власти в Иркутске рабочим классом... Поэтому [они] предлагали организовать „Комитет общественных организаций“... Иркутские с.-р. были против захвата власти какой-либо партийной группировкой и за создание полномочного „Комитета общественных организаций“»²⁴. Примерно так же думали красноярские социалисты. «Этот Комитет, — вспоминает В. Я. Гуревич, — мы представляли себе как орган временный, а отнюдь не как учреждение постоянного характера, и тем не менее как орган местного управления. Прототипом его являлся в нашем (во всяком случае, моем) представлении Союз союзов первой революции 1905 года, и так же как Союз союзов, мы решили составить наш Комитет из представителей разных общественных организаций, профессий и корпораций, хотя, впрочем, уже с отступлением от последовательного проведения профессионального начала. Позднее мы узнали, что мысль о каком-то общественном Комитете одновременно возникла и в других левых кругах, в частности у социал-демократов»²⁵. В свою очередь КОБы, как убедительно показали на примере Восточной Сибири В. В. и В. Г. Третьяковы, вполне устраивали местных кадетов как носители новой власти и организаторы общественной жизни²⁶. Советы же вызывали у них негативную реакцию по целому ряду причин, и прежде всего из-за того, что источником власти последних был «не закон, предварительно проведенный парламентом, а прямой почин народных масс... прямой „захват“»²⁷.

В свете изложенного целесообразно поставить вопрос о радикальной корректировке ленинской концепции двоевластия применительно к Сибири весны — лета 1917 г. Ее обосновал в начале 1960-х гг. М. М. Шорников как этап одновременного существования двух диктатур и добровольной передачи власти буржуазии эсеро-меньшевистским Советам. К субъектам двоевластия он относил местные органы Временного правительства «в лице различных „коалиционных“ комитетов, комитетов по охране порядка и безопасности, комитетов общественных организаций и Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов»²⁸. Уже тогда подобная схема вызвала немногочисленные возражения. Например, В. П. Сафронов считал, что «наличие Советов не всегда означало

наличие двоевластия в том или ином месте», а авторы «Очерков по истории Иркутской организации КПСС» отрицали это самое двоевластие в столице Восточной Сибири в февральско-мартовские дни 1917 г.²⁹ Крамольники подверглись «справедливой критике», и в историографии проблемы утвердилась официальная точка зрения. Вернее, как было показано на ряде примеров, историки раскрывали реальную ситуацию на местах, но в заключении ритуально повторяли тезис о двоевластии, который противоречил фактическому материалу.

А между тем концепцию двоевластия не разделяли эсеро-меньшевистские политики и сами большевики и в рассматриваемое время, и позднее, о чем мы уже писали выше. Например, А. Ф. Керенский считал, что двоевластие — это легенда, которую придумали оппоненты Временного правительства, чтобы доказать, что оно делило власть с Советами³⁰. В последнее время в отношении ее произошли определенные подвижки. В Научном совете РАН «История революций в России» получила поддержку позиция о том, что двоевластие в 1917 г. имело место только в первые дни переворота в Петрограде, а на местах практически его не было и сам термин вошел в научный оборот «с подачи политиков»³¹. Применительно к Сибири этот вопрос поставлен А. А. Ромасом и Т. Ф. Ящук³², правда, последняя традиционно отдает дань концепции двоевластия, но вместе с тем утверждает «об особенных чертах государственного строительства в нашем крае» в 1917 г.

/ Приведенные нами аргументы позволяют определенно заявить об отсутствии в Сибири в 1917 г. периода двоевластия как такового. Уместнее говорить о многовластии многочисленных формально государственных и самостоятельных структур и организаций (комиссары Временного правительства, КОБы, Советы, профсоюзы, фабзавкомы, городские думы, партийные и национальные комитеты, кооперативы и т. д.), которые действовали в конкрет-но-исторических условиях того или иного уголка региона и обладали здесь властными полномочиями.) Формирование же органов новой власти завершилось назначением уездных и губернских (областных) комиссаров Временного правительства. Данный институт учреждается 4 марта с целью временного исполнения функций прежних губернаторов. В земских губерниях комиссарами автоматически назначались председатели соответствующих уп-

рав. В неземской Сибири ими пытались сделать городских голов. Встретив решительное противодействие на местах (по городскому положению 1892 г. право на участие в выборах городского самоуправления получил примерно 1% горожан, в основном из числа буржуазии) и отказ самих «мэров», явно не готовых к исполнению новых обязанностей, Временное правительство разрешило местным КОБам рекомендовать для утверждения на должности правительственных комиссаров «местных общественных деятелей». Зачастую ими становились председатели временных комитетов (Б. М. Ган — в Томске, Вл. М. Крутовский — в Красноярске). Всего же в регионе, по подсчетам Е. Н. Бабиковой, по состоянию на конец мая 1917 г. из 77 краевых, губернских, областных и уездных комиссаров и их помощников 46 (59,7%) являлись меньшевиками, эсерами и народными социалистами, 3 — кадетами и 4 — большевиками (остальные беспартийные). Основную часть нового управленческого корпуса составляли интеллигенты — 32 чел., чиновники (в основном бывшие крестьянские начальники) — 10 чел., офицеры — 8 чел., предприниматели и служащие — по 7 чел., бывшие политические ссыльные — 7 чел. и демобилизованные по ранению солдаты — 6 чел.³³

Первоначально в своей повседневной практике комиссары активно взаимодействовали с «породившими» их комитетами, тем более что премьер Временного правительства Г. Е. Львов следующим образом разъяснял их функции: «Комиссары Временного правительства, посылаемые на места, имеют своей задачей не становиться поверх созданных органов в качестве высшей инстанции, но лишь служить посредствующим звеном между ними и центральной властью и облегчить вопрос их организационного оформления»³⁴. По мере укрепления позиций комиссаров ситуация коренным образом меняется. Как установила Е. Н. Бабилова, начиная с апреля последние «все больше и больше отходят от деятельности временных комитетов, все вопросы управления решают единолично или с помощью своих аппаратов (комиссариатов, старых органов управления), не считаясь порой с мнениями комитетов»³⁵. В этой ситуации большинство сибирских КОБов утратило свои управленческие функции и превратилось в совещательные органы при комиссарах. В единичных случаях (Томск) они пытались действовать в духе революционной импровизации,

вступая в открытый конфликт с Временным правительством (о чем речь пойдет ниже).

В целом к лету 1917 г. под руководством правительственных комиссаров возобновляется деятельность губернских правлений, казенных и контрольных палат, акцизных и переселенческих управлений, судебных структур и органов прокурорского надзора. За исключением Красноярска, комиссары подчинили себе «народную милицию»³⁶.

Февральская революция дала мощный импульс партийному строительству. В течение всего 1917 г. происходили активное создание первичных организаций, их объединение на губернском и региональном уровне, внутреннее размежевание и интеграция. Видную роль в этом процессе сыграли политические ссыльные. Согласно банку данных, собранному Э. Ш. Хазиахметовым, в политическом активе Сибири из 4 564 чел. насчитывалось 1 066 ссыльных (23,4%). Их деятельность отмечена в 99 городах, поселках и селах. Среди оставшихся в регионе преобладали лица умственного труда (60%). Ссыльные были членами более 25 политических партий, фракций и групп. Из 1 024 ссыльных, о которых имеются данные, больше всего было социал-демократов — 625 чел. (61%), из них: большевиков — 420 чел., меньшевиков — 112, за ними идут эсеры — 250 чел. (24,4%), анархисты — 26 чел. (2,5%), сторонники других партий и течений — 59 чел. (5,8%)³⁷.

Ссыльные стали инициаторами возрождения наиболее крупных тогда еще объединенных организаций РСДРП: Красноярской (большевики Н. Л. Мещеряков, И. А. Теодорович, М. И. Фрумкин, А. Г. Шлихтер, меньшевик А. В. Байкалов), Иркутской (большевик В. И. Вельман, меньшевик И. Г. Церетели), Томской (большевики А. И. Беленец, В. М. Бархагов, А. В. Шишков, меньшевик Н. С. Васильев), Читинской (большевики Е. А. Преображенский, И. В. Резников, В. Н. Соколов, меньшевик Ф. В. Горский), Барнаульской (большевик М. К. Цаплин, меньшевики В. И. Николаев, А. В. Спекторский), Омской (большевик Э. И. Лобков, меньшевик К. А. Попов). Они составили руководящий костяк эсеровских объединений в Тюмени (А. Е. Коряков), Омске (П. Я. Дербер), Новониколаевске (Б. Д. Марков, В. Г. Шишканов), Томске (М. Ф. Омельков, Ф. С. Семенов), Мариинске (В. Н. Махов, М. Я. Линдберг), Красноярске (Е. Е. Колосов, И. В. Казанцев, И. М. Прохоров, Б. Ф. Та-

расов, В. Я. Гуревич, Н. В. Фомин), Иркутске (В. Г. Архангельский, А. А. Брудерер, И. А. Якушев, А. Н. Кругликов, В. С. Войтинский), Чите (М. А. Магазинер, М. А. Спирядонова, А. М. Флегонтов). Среди руководителей левых эсеров ссыльными являлись Н. Е. Ишмаев (Омск), С. С. Мичурин (Новониколаевск), П. В. Резанов (Томск), А. П. Лебедева и Н. В. Мазурин (Красноярск), И. М. Бланков (Якутск). Наиболее крупную в регионе (Чита) организацию эсеров-максималистов возглавлял ссыльный И. И. Жуковский-Жук. Они приняли активное участие в выборах в Учредительное собрание в конце 1917 г. По неполным данным, из 148 кандидатов по различным спискам в регионе ссыльных насчитывалось 73 (49,3%), а среди 49 избранных их доля составила 26 чел., или 53,1%³⁸.

Победа Февральской буржуазно-демократической революции ускорила темпы создания организационных структур в партиях радикально-социалистической ориентации (РСДРП, ПСР). В марте — апреле 1917 г. в Сибири образовалось не менее 30 объединенных социал-демократических организаций с приблизительной численностью более 1 тыс. чел.³⁹ Их социальную основу составляли рабочие, железнодорожники, шахтеры, солдаты, служащие. Д. М. Зольников и Е. В. Фещенко отмечали: «Состав городских и уездных социал-демократических организаций зависел от того, являлся ли этот город или район промышленным центром, располагался ли там крупный военный гарнизон, т. е. от конкретных условий. Отсутствие в Томске крупных фабрик, заводов и мастерских, непромышленный характер города определил и состав местной организации: в ней мало было рабочих — преобладали служащие различных учреждений: конторщики, приказчики, лица других „служилых“ профессий. Определенная часть организации состояла из солдат, мобилизованных бывших нарымских политических ссыльных»⁴⁰. В течение всего этого периода наблюдались резкие колебания численности первичных организаций, обусловленные политической конъюнктурой, изменением условий приема и членства, размежеванием с меньшевиками.

Более импульсивно процесс организационного становления проходил у эсеров. По подсчетам Э. И. Черняка, в марте оформилось 60 организаций ПСР разного уровня, в апреле — 46, мае — 58, июне — 21, июле — 37, августе — 23. Затем темпы резко падают (2 организации — в сентябре, 3 — в октябре, 1 — в ноябре). Всего

в 1917 г. действовало около 250 эсеровских организаций, численность которых также постоянно колебалась. Например, в Мариинском уезде Томской губернии насчитывалось 119 крестьянских формирований партии, в которые записалось 6 014 чел. Социальной опорой ПСР в регионе становятся крестьяне, солдаты местных гарнизонов, а также рабочие. Так, преимущественно пролетарскими были эсеровские объединения на Судженских (517 чел.) и Анжерских (1 500 чел.) коях, в Тайге (700 чел.), в Новониколаевске (5 600 чел.)⁴¹. Актив организаций составляли интеллигенты, младшие офицеры, служащие, кооператоры, стремящиеся стать выразителями интересов сибирского крестьянства. Привлекла ПСР в свои ряды и определенную часть областного актива. Свой выбор областник А. Е. Новоселов объяснил следующим образом: «Долго думал — куда идти?.. И решил: эсеры сейчас единственная партия, умеющая понять интересы революционной России и отвечающая требованиям переживаемого момента... Кроме того, это партия, которая не замыкает человека в узкие догматические рамки и дает каждому члену возможность выявления своих интеллектуальных способностей... Дает человеку возможность всесторонне проявить свое многогранное „я“»⁴². Впрочем, так же легко некоторые из них (Г. Н. Потанин, И. И. Серебренников и др.) летом вышли из этой партии.

Довольно медленно шло формирование структур у умеренных и либеральных партий. Народные социалисты, объединившиеся в июне 1917 г. в одну партию с трудниками (Трудовую народно-социалистическую — ТСНП), начали создавать свои организации в Сибири в начале мая (Омск и Томск). В течение лета они оформились в Иркутске, Красноярске, Тобольске, Тюмени и Барнауле. Наиболее крупными из них стали омская (100 чел.), иркутская и томская (по 70 чел.) организации⁴³. Попытка томских энесов распространить свое влияние на губернию успеха не имела. На губернский съезд партии 15 августа 1917 г. из шогородных прибыли только делегаты от Барнаула⁴⁴. В работе I Всероссийского съезда НСП (май) приняла участие одна омская организация, а на II съезде ТСНП (конец сентября) присутствовал единственный делегат от региона М. Курский (Барнаул).

Имеющиеся отрывочные данные позволяют уточнить состав организаций ТСНП в Сибири. Так, в июле 1917 г. в состав Иркут-

ской городской думы по ее списку выдвигается 21 кандидат (преимущественно интеллигенты и служащие, в том числе 7 педагогов, 5 врачей, 2 юриста, 2 владельца типографий, военный чиновник, офицер, банковский служащий)⁴⁵. На декабрьском чрезвычайном областном съезде в Томске данную партию представляли 9 чел., в том числе четверо с высшим образованием, четверо со средним, один с домашним; а по роду занятий — два юриста, фельдшер, провизор, ученый, профессор, редактор газеты, кооператор, писарь⁴⁶. Таким образом, в регионе организации ТСНП объединяли мелкобуржуазную и буржуазную интеллигенцию, ее служилые слои (врачей, учителей, служащих), «которым эсеры казались слишком прямолинейными и решительными»⁴⁷. [Кроме того, характерной чертой сибирских народных социалистов являлось их тесное сотрудничество с областниками. Так, А. В. Адрианов вошел в состав Томского комитета ТСНП, по спискам последнего баллотировались и Учредительное собрание Г. Н. Потанин, А. В. Адрианов и Вл. М. Крутовский. Заключили блок с народными социалистами и иркутские областники.]

Что касается политических позиций ТСНП и ее сибирских организаций, то в 1917 г. они представляли крайне правый фланг мелкобуржуазной демократии и защищали интересы зажиточного крестьянства. В отличие от эсеронской «социализации» земли, народные социалисты добивались ее национализации. В общенародную собственность, по их замыслам, переходили воды и недра, «все земли казенные, удельные, кабинетские, монастырские, церковные и другие...». Что касается земель частновладельческих, то в государственный фонд включались участки «сверх трудовой нормы»⁴⁸. При этом средняя трудовая норма должна была составлять 100–120 дес.

Попытка на практике реализовать концепцию эволюционного развития России в рамках буржуазно-либеральной модели связана в 1917 г. с деятельностью либералов. Непосредственно в Сибири ее пытались реализовать организации конституционно-демократической партии или партии «Народной свободы» (ПНС). Первыми провели свое организационное собрание кадеты Читы — 5 марта, Красноярска — 7-го, Томска — 12-го, Иркутска — 14 марта. Общее число объединений ПНС составило в июле 16, а к ноябрю достигло 23 при количестве 2 100–2 400 членов, т. е. на

уровне 1905–1907 гг.⁴⁹ Численность наиболее крупных организаций (иркутская, красноярская, омская и томская) колебалась в пределах 100–200 чел., средних (читинская, барнаульская, тобольская, тюменская) от 50 до 100 чел. По своему социальному составу они были преимущественно интеллигентскими. Так, в первый по времени образования Томский комитет ПНС (12 марта) избираются 5 профессоров, 3 адвоката, 2 предпринимателя, нотариус, врач, управляющий и член правления Сибирского товарищества печатного дела, член правления Общества взаимного кредита, служащий. В иркутской организации в марте — апреле 64% приходилось на долю интеллигентов, 27% — представителей крупной и средней буржуазии и 9% — мелкобуржуазных слоев. В Красноярске эти показатели составляли соответственно 69, 27 и 4%, а у читинских кадетов — 59, 38 и 3%⁵⁰.

В программном и тактическом отношении сибирские кадеты в марте — апреле 1917 г. эволюционировали из конституционалистов в республиканцев, поскольку конституционализм тогда связывался с монархической формой правления⁵¹. Они претендовали на ведущую роль в политическом процессе, выдвигая лозунг: «Рабочие — к станкам, солдаты — в окопы, учителя — в народ!» Активно пропагандировалась идея о надклассовом положении ПНС. «Мы зовем к себе не отдельные классы — буржуазию или пролетариат, а все классы прогрессивного настроения, весь народ. Мы — внеклассовая партия», — говорилось в передовой статье периодического органа красноярских кадетов в середине апреля⁵².

В марте — мае 1917 г. в Омске, Томске, Новоиколаевске, Ачинске, Красноярске, Иркутске, Верхнеудинске, Кабанске, Чите возникают организации Бунда с численностью от 17 (Кабанск) до 100 (Омск) членов. В своей повседневной деятельности они ориентировались на меньшевиков и устанавливали с ними прямые связи⁵³. Весной — летом в Сибири стали создаваться объединения анархистов (Иркутск, Томск, Чита, Черемхово), в наиболее крупном из них — иркутском — в середине марта насчитывалось 72 члена. Основными идейными направлениями анархизма в регионе, как и во всей России, в рассматриваемое время были анархисты-коммунисты и анархо-синдикалисты. По отношению к Временному правительству большинство местных анархистов заняло отрицательную позицию. Важное значение отводили они работе в

рабочей среде, и прежде всего среди шахтеров. Так, в Черемхово по инициативе анархо-синдикалиста А. Буйского в мае 1917 г. рабочие захватили один рудник и завод, назначив их владельцу ренту в размере 4% от дохода, и сами стали руководить всеми работами. В Забайкалье анархо-синдикалисты начали создание профсоюзов «Терпение» и «Угнетение», которые занимались добычей золота. «Возникшие таким образом артели, — замечает А. А. Штырбул, — по своей сути являлись трудовыми кооперативами, созданием которых рабочие хотели обойти систему посредников между ними и государством»⁵⁴.

Жгучее недовольство у советских историков Октября в Сибири вызывал факт создания объединенных (большевиков с меньшевиками) организаций РСДРП. Действительно, абсолютно все социал-демократические формирования в регионе возникали весной 1917 г. как единые, несмотря на решения VI (Пражской) конференции РСДРП (1912 г.) о размежевании с меньшевиками. По сему поводу было написано немало. Причем все публикации и фрагменты, посвященные данному сюжету, строились по своеобразному стандарту: сначала порицание сибирских большевиков 1917 г. за допущенный оппортунизм, затем перечисление причин оного. Тем не менее еще в 1982 г. И. М. Разгон сокрушался, что «до сих пор по-настоящему глубоко и всесторонне» эти причины не вскрыты⁵⁵. Среди наиболее значимых назывались совместная деятельность в подполье, пребывание в ссылке, малочисленность пролетариата в регионе, но прежде всего так называемый «старый большевизм». Сущность его Е. Н. Бабинова видела в том, что сибирские большевики в 1917 г. «стояли в оценке Февральской революции на позициях политических и тактических установок III и IV (Объединительного) съездов РСДРП и требовали доведения революции до революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства»⁵⁶.

Действительно, все эти причины сыграли определенную роль в воссоздании объединенных организаций РСДРП в Сибири весной 1917 г. По данным В. П. Зиновьева, слой рабочих-партийцев накануне 1917 г. исчислялся 1–2 тыс. чел., экономически активных — примерно 50–60 тыс. чел., 90% остальных представляли пассивную эксплуатируемую массу⁵⁷. А. Петренко в своих воспоминаниях следующим образом характеризовал взаимоотношения в

Томской организации РСДРП весной 1917 г.: «Прежде всего в ней, в первые четыре месяца, считая от начала революции, почти не употреблялись выражения большевик и меньшевик, так как в процессе работы первых месяцев в этом не встречалось надобности. Больше в ходу было слово интернационалист. И поэтому даже те, кто был и формально и по сути меньшевик, но если он вел работу в требуемом данным моментом направлении, считался товарищем, заслуживающим такого же доверия, как если бы он был большевик»⁵⁸.

Однако главная причина объединенчества коренится в представлениях социал-демократов, да и вообще социалистов региона, в буржуазном характере Февральской революции, отводящих им роль толкача буржуазных преобразований. На этой почве налаживались основы для политического сотрудничества «умеренных» социалистов (по терминологии канадского историка Н. Перейры)⁵⁹. Более того, отсутствие разногласий по данному вопросу укрепляло тенденцию к их единению в пределах региона. Наиболее последовательно ее сформулировал в марте 1917 г. видный красноярский эсер Е. Е. Колосов. «Теперь не время для партийных споров и пререканий, — писал он, — которым мы отдали в прежнее время такую богатую дань и которые принесли много вреда нашему революционному движению. Теперь перед нами стоят огромные общереволюционные, даже национальные задачи, на достижение которых и должны быть направлены все наши силы. Всякое разобщение здесь будет преступлением перед русским народом, так как там, где восторжествует между нами партийная рознь, там всегда выигрывает одна сила — реакция и контрреволюция»⁶⁰.

Тем не менее добиться хотя бы тактического единства не удалось в основном из-за амбициозных стремлений политических объединений повести за собой народные массы. Воздействие центра и прежде всего позиция В. И. Ленина, его «Апрельские тезисы» предопределили раскол среди социал-демократов Сибири. Но размежевание шло с большим трудом и в замедленном темпе. Лишь на конференции организаций РСДРП Западной Сибири 23–26 апреля в Красноярске по отдельным вопросам (о буржуазном характере Временного правительства, отношении к войне) принимаются ленинские формулировки. Несмотря на массивированное воздействие большевистского центра, впервые в Сибири лишь 30 мая

на своем общем собрании красноярские большевики приняли решение о создании самостоятельной организации и избрали городской комитет. 25 июня на общем собрании объединенной организации Красноярска происходит окончательный раскол и меньшевики, зачитав декларацию, осуждающую раскольников, покидают заседание. 2 июля состоялось первое собрание большевиков Барнаула. Однако на этом процесс застопорился и активизировался лишь осенью 1917 г. К октябрю 1917 г. в регионе насчитывалось уже 26 большевистских организаций, включая 4 губерньские (томская, алтайская, енисейская, иркутская)⁶¹. Тем не менее на конференции в Иркутске 20–21 июля большевики присоединились к меньшевикам в стремлении воссоздать единую РСДРП, а в Чите в конце этого месяца шли собрания по подготовке единой платформы социал-демократов⁶².

По мере оформления первичных партийных организаций начинают проводиться их совещания, конференции и съезды в масштабах уездов, губерний (областей) и региона, а затем создание соответствующих парткомов. Первым таким мероприятием стало совещание представителей социал-демократических организаций ряда городов Западной Сибири (Новониколаевска, Омска, Томска, Барнаула, Тюмени, Мариинска, Камня-на-Оби) 25 марта в Новониколаевске, на котором принимается решение вступить в блок с эсерами на выборах в Учредительное собрание, если в ходе избирательной кампании возникнет опасность преобладания буржуазных партий⁶³. 30 апреля – 2 мая в Томске происходил общесибирский съезд ПНС, делегаты которого обсудили текущий момент и проблему самоопределения Сибири. Лишь 18 мая на конференции членов ПСР Томской губернии в Новониколаевске впервые в истории партийного строительства ставится вопрос о создании губернского комитета партии, который откладывается до следующей конференции. Наконец, на Иркутской губернской конференции ПСР создается губком партии. 11–13 июля на 1-й Забайкальской конференции РСДРП также избирается областной партийный комитет в составе большевиков В. Н. Соколова, И. В. Резникова, меньшевиков Э. Р. Рубинштейна, Ф. В. Горского, Н. П. Дроздова.

На образование губкомов различных политических партий повлияла кампания по выдвижению кандидатур в Учредительное собрание, поскольку она проводилась в масштабах губерний и

областей. В июле 1917 г. первые конференции такого уровня состоялись у меньшевиков и оборонцев Алтайской, Тобольской и Иркутской губерний, большевиков Енисейской губернии; в августе у меньшевиков и оборонцев Енисейской губернии, эсеров Акмолинской и Забайкальской областей, Алтайской губернии; в сентябре у меньшевиков и оборонцев Тобольской и Томской губерний, кадетов Енисейской и Тобольской губерний; в октябре у большевиков Алтайской губернии, кадетов Забайкальской области⁶⁴. Таким образом, процесс партийного строительства в Сибири продолжался в течение всего 1917 г.

Для развертывания практической деятельности организаций политических партий в массах большое значение имела их издательская база — количество и тиражи периодических изданий, являвшихся в рассматриваемое время наряду с устной агитацией (митинги, собрания, конференции) наиболее эффективным и доходчивым средством политического воспитания, несмотря на низкий уровень грамотности жителей Сибири (15–20%). Согласно подсчетам Е. Н. Косых, число газет, издаваемых в регионе, в 1917 г. увеличилось с 72 в марте до 95 в июле и 100 в ноябре. Всего в течение года выходило 206 наименований, в том числе 36 из них имели буржуазно-кадетскую направленность, 75 — эсеро-меньшевистскую, 38 — эсеровскую, 17 — большевистскую, 17 — общедемократическую, 4 — меньшевистскую, 9 газет выпускали объединенные социал-демократические организации, по 5 — меньшевики-интернационалисты и народные социалисты, 3 — областники⁶⁵. Различными были их тиражи: от 15–20 тыс. экз. у буржуазной «Сибирской жизни» до 1,5–6 тыс. у социалистических и большевистских изданий. Соответственно выстраивался и рейтинг их популярности. Так, в столичном Томске в октябре «Сибирская жизнь» стояла на первом месте по распространенности и читаемости, на втором — эсеровско-интернационалистский «Путь народа», на третьем — большевистское «Знамя революции», а на четвертом — эсеровско-меньшевистский «Голос свободы». Пролетарская Тайга в сентябре того же года выписывала и покупала газеты 70 наименований в среднем по 851 экз. ежедневно (на 10 тыс. жителей). По количеству востребованных номеров периодика располагалась в таком порядке: «Сибирская жизнь» — 276, «Путь народа» — 100, «Биржевые ведомости» — 83, «Новая жизнь» — 30,

«Земля и воля» (Новониколаевск) — 10, «Единство», «Рабочая газета», «Сибирь» (Иркутск) — по 5 экз. Чисто большевистских газет в этом списке нет⁶⁶.

Помимо партийных организаций в политический процесс весной 1917 г. активно включились различные общественные формирования, социальные и национальные группировки. Самыми массовыми из них стали профсоюзы: с марта по ноябрь их возникло 506, в том числе 60% до июля⁶⁷. По социальной принадлежности 228 из них (45,1%) были союзами рабочих, 232 (45,9%) — служащих и 46 (9%) — смешанные. Интенсивно шло создание городских, губернских (областных), региональных профсоюзных структур, но этот процесс не завершился к концу 1917 г. В политическом плане профессиональные организации, согласно данным В. А. Дробченко, в марте — октябре «продемонстрировали довольно высокую степень доверия к правительству, лишь 3,5% профессиональных съездов высказало ему недоверие... Лояльность к власти и готовность сотрудничать с ней большинство сибирских профсоюзов сохраняло вплоть до октября 1917 г.»⁶⁸ В свою очередь профсоюзные организации стали объектом пристального внимания и борьбы за влияние политических партий.

Тем не менее главную свою задачу они видели прежде всего в защите экономических интересов работающих по найму. Рабочим и служащим региона удалось, хотя и не повсеместно, добиться в марте — апреле введения 8-часового рабочего дня. Но сохранялись сверхурочные работы за повышенную плату. Поэтому рабочий день на железной дороге, большинстве средних и крупных предприятий имел продолжительность 9–9,5 часов, а на мелких — 10 часов. На отдельных предприятиях заработная плата выросла на 25–150%, в городах на 50–100%⁶⁹. Но рост цен только за 2–3 месяца осенью 1917 г. привел к падению реальной оплаты труда на 50%. Так, если в Томске в январе плотник получал 2,8 руб. в день, то в декабре уже 7 руб., чернорабочий — соответственно 1,8 и 6 руб. Но цены на продукты за указанное время выросли: картофель с 2–3 до 11–18 руб. за мешок, соль с 95 коп. до 3 руб. за пуд, керосин с 3,6 до 7,2 руб. за пуд. Несколько ниже они были на продукты, распределяемые по карточкам (пуд пшеничной муки — с 3,35 до 7,6 руб., сахара — с 7,5 до 15,6 руб.). Но карточки отоваривались несвоевременно, что порождало очереди и массо-

вое недовольство населения, переросшее к концу 1917 г. в «эксцессы». В частности, 23 октября при обмене старых карточек на новые произошло «оскорбление действием» по отношению к членам городского продовольственного комитета в Томске. Пострадали и «служащие барышни», выдававшие новые карточки: «одну ударили по голове табуреткой, другую несколько раз стукнули головой об стол»⁷⁰.

Февральская революция буквально всколыхнула армию. Как на фронте, так и в тылу происходил процесс «демократизации» внутренней жизни воинских коллективов. 8 марта приказом военного министра Временного правительства А. И. Гучкова отменяются предусмотренные уставом внутренней службы запреты на посещение военнослужащими клубов и собраний, членство в политических союзах и организациях. На основании «Приказа № 1» начинается создание Советов солдатских депутатов, офицерских Советов или, подобно Иркутску, Советов военных депутатов. В Томске, как уже отмечалось выше, офицерский и солдатский Совет создали посредническую структуру — гарнизонный Совет, который стал коллегиальным органом управления при начальнике гарнизона. Приказы последнего визировались представителями от солдат и офицеров. На уровне частей создавались ротные и полковые комитеты, ведавшие вопросами внутренней жизни. При этом сохранялся институт командиров частей, назначаемых начальником гарнизона. Состоявшийся в мае в Омске 1-й Западно-Сибирский съезд Советов одобрил такой порядок управления войсками и создал подобный орган (Воком) при командующем войсками Омского военного округа⁷¹. Однако по мере развития ситуации в стране, усиления влияния большевиков на солдатские Советы последние начинают свою монополию на руководство воинскими частями и гарнизонами. Одновременно происходит усиление криминальной ситуации в воинских городках. «Азартные игры в казармах, воровство и продажа казенного имущества, хулиганство и самосуды с участием солдат стали обыденными явлениями гарнизонной жизни», — замечает по этому поводу В. Л. Кожевни⁷².

Революционные события вовлекли в свой водоворот и офицеров. Вообще их можно назвать революцией прапорщиков благодаря активному участию офицеров военного времени. Так, из 54 офицеров, активных борцов за установление в регионе советской

власти в 1917 — начале 1918 г., персоналии которых приводятся в монографии А. Н. Баталова, 37 (68,5%) являлись прапорщиками⁷³. Помимо большевиков основная часть военной интеллигенции симпатизировала меньшевикам, кадетам и особенно эсерам. Влияние последних преобладало в упомянутом выше Совете офицерских депутатов Томского гарнизона⁷⁴. По данным Э. И. Черняка, среди членов эсеровских организаций Томской губернии офицеры, как, впрочем, и солдаты, составляли по 9,7% и уступали по численности лишь интеллигентам и служащим⁷⁵. О распределении офицерских предпочтений в политической сфере свидетельствуют результаты выборов в Учредительное собрание. Например, в Иркутске в управлении запасной артиллерийской бригады 190 чел. (50,8%) отдали голоса за объединенный список областников и народных социалистов, 70 (20,9%) — за эсеров и 43 (11,5%) — за кадетов. В местном военном училище и школе прапорщиков доминировали эсеры — 1 044 из 1 489 чел. (70,2%) и 201 чел. (13,5%) проголосовали за кадетов⁷⁶.

В целом прослеживается следующая закономерность: чем выше воинское звание, тем более правую ориентацию имел его носитель. Подтверждают высказанное предположение данные о политической принадлежности офицеров — участников октябрьского и декабрьского областных съездов 1917 г. в Томске. На первом присутствовало семь военных интеллигентов, один из них назвался кадетом (полковник Е. П. Березовский), один меньшевиком, двое беспартийными (есаул и подполковник) и трое эсерами. На декабрьском съезде было представлено девять офицеров, в том числе из восьми указавших звание — шесть прапорщиков и два подпоручика. Сторонниками ПСР в данном случае себя назвали шесть человек, беспартийным — один, сочувствующими социал-демократам — двое⁷⁷.

Радость и ожидание перемен в первые дни революции сменились разочарованием. «Но и пришедшее к власти правительство князя Львова и Керенского не сумело остановить развал державы и армии... Войска уходили с позиций. В этом я видел гибель России и искал какую-то силу, способную изменить катастрофическое положение, но не находил ее. С такими чувствами тоски и безнадежности я возвратился в Томск», — свидетельствовал подполковник А. Н. Пепеляев⁷⁸.

Усиливается неприязненное отношение солдат к офицерам. Даже во фронтовых казачьих частях оно четко проявилось в начале марта. «...Политические страсти разгораются все больше и больше, — фиксируется в журнале боевых действий 1-го Нерчинского казачьего полка 18 марта 1917 г. — ...искреннего взаимного доверия между офицерами и казаками нет... Со стороны последних отмечается какое-то враждебное отношение и недоверие на всех казачьих собраниях, собираемых теперь ежедневно». А казак 1-го Аргунского полка П. Березовский за призыв убраться из части всех офицеров получил 50 розг⁷⁹. Сорвались попытки создания в регионе ударных «батальонов смерти». Единственная такая часть формируется в конце июня в Омске под командованием прапорщика Я. Кочемайкина⁸⁰. Из других значимых попыток способствовать продолжению войны следует упомянуть проект будущего атамана Г. М. Семенова. Еще весной на Кавказском фронте, будучи подъесаулом 2-го Верхнеудинского казачьего полка, он совместно с войсковым старшиной Р. Ф. Унгерном-Штернбергом «решил испробовать добровольческие формирования из инородцев, чтобы попытаться оказать давление на русских солдат». В июле Семенов выехал в Петроград и, заручившись удостоверением от Всероссийского революционного комитета по формированию добровольческой армии, отправился в Иркутск. Здесь в штабе округа он получил все необходимые документы и был командирован в китайский город Хайлар для вербовки «из бурят и монголов в Забайкальской области до 600 человек для образования добровольческого конного отряда». Набор добровольцев начался в конце августа 1917 г.⁸¹

Наконец, революция расколола казачество. На примере Сибирского казачьего войска В. А. Шудьяков установил наличие в его среде трех политических течений: консервативного (сохранение казачества и его сословной обособленности), демократического (ликвидация сословия) и либерального центра (гармоническое сочетание казачьих и государственных интересов)⁸². И если 1-й съезд депутатов Сибирского казачьего войска в апреле принял компромиссную резолюцию, допускающую сохранение казачества, «при условии отбывания военной службы наравне с остальным населением государства Российского и со снаряжением за счет государства», то проходивший почти одновременно в Чите 1-й съезд За-

байкальского казачьего войска потребовал: «Казачье сословие, как пережиток старины и следствие существования постоянных армий, должно быть уничтожено и сравнено со всеми свободными гражданами России»⁸¹. На этом, правда, борьба не закончилась.

Крайней противоречивостью весной — летом 1917 г. отличалось поведение сибирского крестьянства, ожидавшего от Временного правительства заключения мира и разрешения аграрного вопроса. Деревня явочным порядком ликвидирует институт крестьянских начальников, изгоняет лесную охрану и самовольно рубит лес, отказывается платить подати, вносить долги по ссудам, захватывает землю⁸⁴. Практически одновременно вместо сельских и волостных правлений возникают временные и земельные комитеты, а также крестьянские союзы, хотя в сознании крестьян наиболее привычной и законной (с точки зрения обычного права) формой выражения их интересов являлись сходы. «Решения, принимаемые „миром“, — отмечает Т. В. Якимова, — олицетворяли идею самоуправления и народовластия, становились серьезным основанием и обоснованием решительных действий крестьян, определяли направленность деятельности исполнительных комитетов. Продолжением, развитием традиции крестьянских сходов стали уездные и губернские крестьянские съезды. Принимаемые на них резолюции воспринимались крестьянами как документы не менее авторитетные, чем правительственные распоряжения, и более отвечающие коренным интересам крестьянства»⁸⁵.

Всего в марте — октябре 1917 г. в Сибири состоялось 76 крестьянских съездов, в том числе 63 уездных и районных⁸⁶. Анализ обсуждаемых на них вопросов показывает, что устойчивый интерес проявлялся к земельному и тесно связанному с ним лесному вопросам, отношению к Временному правительству и Учредительному собранию, войне и миру, борьбе с самоголоварением, будущему государственному устройству, партийным программам, введению земства и т. д.⁸⁷ Делегаты форумов весной — летом 1917 г. однозначно высказывались за продолжение войны и в поддержку Временного правительства. Они требовали отмены частной собственности на землю, уравнивания крестьян в экономическом и политическом отношении с другими социальными группами. Проводниками политического влияния на крестьян становятся солдаты местных гарнизонов, отправляемые на полевые работы. К

лету 1917 г. в деревню только из Омского военного округа направляется около 80 тыс. военнослужащих⁸⁸. Они везли с собой агитационно-пропагандистскую литературу (газеты, листовки) и поддерживали тесную связь с партийными организациями гарнизонов.

Характерной особенностью политических процессов 1917 г. в Сибири являлась эскалация национального движения. Уже в марте на многочисленных митингах и собраниях представителей национальностей принимаются резолюции в поддержку Временного правительства и формулируются в общем плане пожелания по справедливому решению национального вопроса, не идущие дальше «полной автономии для всех народов бывшей империи и введения родного языка в школах, собраниях и учреждениях каждого народа»⁸⁹. Одновременно начинается создание организаций национальных партий и национальных организаций. Активность проявили прежде всего экстерриториальные (дисперсно рассеянные в иноязычной среде) меньшинства западного происхождения (евреи, немцы, прибалты, поляки, украинцы). За ними вслед в марте — мае возникают мусульманские (татарские) бюро в Томске, Новониколаевске, Тюмени, Омске. 6 марта в Чите состоялось первое частное совещание группы бурятской интеллигенции, учредившее Временный организационный комитет в составе Ш. Б. Бадмаева, Ш. Б. Базарова, М. Н. Богданова, Н. Н. Намдакова, Э.-Д. Ринчино и С. С. Сампилова.

Позже экстерриториалы последовательно высказывались за преобразование России в федеративную демократическую республику с предоставлением культурно-национальной автономии этносам, не имеющим общей территории⁹⁰. Что касается аборигенных народов, то их национальные организации идут дальше. Так, бурятский Временный организационный комитет от требований немедленно приступить к преподаванию в школах на родном языке, организовать учительскую семинарию, открыть для бурят ремесленное училище и защиты «широкой культурно-национальной автономии» уже в апреле выходит на выдвижение и обоснование проекта национальной автономии по схеме сомон — хошун — аймак — Бурнашдума. На 1-м съезде бурят Забайкальской области и Иркутской губернии утверждается «Статус о временных органах по управлению культурно-национальными делами бурят-

монголов и тунгусов Забайкальской области и Иркутской губернии», по которому высшим органом становились общенациональные съезды, а между ними — Центральный национальный комитет (Бурнацком). На следующем съезде 7–15 октября в Верхнеудинске Э.-Д. Ринчино выступает с докладом о выделении национально-обособленного аймачного земства как основной территориально-административной единицы будущей национальной автономии. Тем самым программа культурно-национальной автономии окончательно отбрасывается.

Однако если буряты только планировали, то алтайцы летом 1917 г. добились автономного статуса. На основе решения сессии Томского губернского народного собрания 1–6 июля в Бийске состоялся съезд представителей инородческих волостей Алтая «с функциями подрайонного Учредительного собрания», избравший Алтайскую Горную думу под руководством Г. И. Гуркина. В Кузнецком уезде на съезде шорцев 28–30 июля создается особый отдел думы. Таким образом, съезд выделил Горный Алтай в самостоятельный уезд. Тем не менее Гуркин в газетной статье (конец июня) утверждал: «Мы, алтайцы, никаких автономий не хотели, мы хотим так же, как хочет весь русский народ, самоопределения, права самим устраивать свою жизнь»⁹¹.

В процессе развертывания национального движения весной — летом 1917 г. четко проявились две тенденции. Прежде всего, ориентация националов на эсеровскую партию. Например, из 19 членов Бурнацкома, избранных 13 августа, 11 заявили о своей принадлежности к ПСР. Главным лоббистом в прохождении вопроса о создании Алтайской Горной думы в Томске был видный эсер М. Б. Шатилов, а Гуркин публично назвал социалистов друзьями алтайцев⁹². Кадеты не привлекали их отрицанием национально-территориальной автономии. Эсеры же на своем 3-м съезде (25 мая — 4 июня 1917 г.) высказались за создание в России федеративно-демократической республики с территориально-национальными автономиями в пределах этнографического расселения народов. Кроме того, националы в практической деятельности тесно сотрудничали с областниками и в основном поддерживали их концепцию регионального устройства Сибири.

Победа Февральской революции существенно повлияла на позицию сибирских кооператоров. Отбрасывается официально дек-

ларируемая аполитичность, и они включаются в политическую борьбу, в основном отстаивая и защищая интересы ПСР. Весной 1917 г. в кооперативных объединениях региона происходят важные структурные изменения. В марте состоялось слияние Центросоюза и Закупсбыта, объединившего 2 млн пайщиков в Сибири. После этого Закупсбыт реорганизуется в Сибирское отделение Центросоюза. Кооператоры сразу же поддержали Временное правительство и приняли активное участие в создании КОБов, земельных и продовольственных комитетов, включились в исполнение закона о хлебной монополии. В частности, структурным подразделениям Закупсбыта предписывалось финансировать деятельность продовольственных комитетов.

Политическая «физиономия» кооперации была вполне определенной. Разделяя социалистические идеалы, ее функционеры к большевикам относились отрицательно. Власть, по их мнению, должна была принадлежать «государственно мыслящей демократии», «национальному и коалиционному правительству», «которое должно быть независимым от каких-либо определенных групп и организаций». Наглядно подходы сибирских кооператоров к решению актуальных социально-экономических проблем региона демонстрирует резолюция по промышленному вопросу общего собрания уполномоченных товариществ западносибирских кооперативов (Центросибирь), состоявшегося в Омске 13–15 августа 1917 г. Наличие в Сибири неисчерпаемых природно-сырьевых ресурсов не привело к повышению благосостояния населения, которое «даже в мирное время нуждалось в каждом гвозде, куске сахара, аршине сукна или ситца». Богатства региона «делаются добычей русских и иностранных миллионеров, а трудовой народ превращается в их работников». Поэтому «объединенное в кооперации трудовое крестьянство и рабочие и трудовая интеллигенция Сибири должны приложить все свои усилия к тому, чтобы своим сознательным участием в политической и экономической жизни завоевать для кооперации то положение промышленной жизни Сибири, какое она должна занимать не как слепое орудие в руках частного капитала, а как хозяйин Сибири, пользующийся этими капиталами в интересах трудового народа»⁹³.

Активизировалась в рассматриваемое время деятельность самодеятельных организаций местной интеллигенции: отделов Гео-

графического общества, Общества изучения Сибири и улучшения ее быта, Общества сибирских инженеров, профессиональных союзов учителей, врачей, агрономов, лесоводов, дорожных техников и др. Только в Томске, по подсчетам С. А. Красильникова, их действовало более 30⁹⁴. Помимо профессиональных занятий они активно поддерживали меньшевиков и эсеров по основным вопросам политической жизни России (отношение к войне, Временному правительству, Учредительному собранию и т. д.).

Февральская буржуазно-демократическая революция резко усилила значение мелкобуржуазной демократии в общественно-политической жизни страны. Ею реанимируются лозунги областников об «автономии Сибири в рамках единого демократического Российского государства», о «созыве Сибирской областной думы, наделенной законодательными правами» и др. Часто их выдвигали лица и организации, никогда и ничего общего с областничеством не имевшие. П. И. Казанский вспоминает, что в Барнауле, готовясь к демонстрации 10 марта, посвященной победе революции, сотрудники кредитного товарищества «договорились, что не худо бы продемонстрировать среди других выдвинутых революцией лозунгов и лозунг автономии Сибири. А так как еще в 80-х гг. ядринцевским кружком в Петербурге при устройстве первого вечера в пользу учащих-сибиряков приняты были как отличительные знаки... белый и зеленый цвета, ставшие с тех пор „сибирскими“ цветами, то и лозунг автономии Сибири решили изобразить не на красном, а на бело-зеленом флаге»⁹⁵.

5 марта в Верхнеудинске образуется областной комитет Сибирской демократической партии, выступавшей за «организацию соединенных штатов Сибири». 11 марта в Новониколаевске при редакции газеты «Свободная Сибирь» организуется комитет Сибирского союза независимых социалистов-федералистов, который высказался за созыв Сибирской народной думы и «коренное переустройство страны на основах демократической федеративной республики по типу Сев. Американских Соединенных Штатов». Крупная организация (Союз) республиканцев-федералистов, объединявшая к октябрю 1917 г. около 200 чел., действовала в Иркутске. Идею автономии региона поддержала Забайкальская трудовая группа (Чита) во главе с журналистом М. А. Колобовым⁹⁶. Орга-

низаторами их выступали мелкобуржуазные, народнические деятели, группировавшиеся вокруг кооперативных объединений и местных отделений Общества изучения Сибири.

Вслед за социалистами-федералистами начинают набирать голос и собственно областники, или областники-автономисты, как они себя называли. К ним принадлежали прежде всего члены «потанинского кружка» в Томске — Г. Н. Потанин, А. В. Адрианов, М. Б. Шатилов, Н. Я. Новомбергский, Ф. И. Зобнин, Н. В. Соколов, А. Н. Шипицын и др.

31 марта после обмена мнениями К. В. Дубровский, И. И. Серебренников и И. А. Якушев принимают решение организовать инициативную группу иркутских областников. Начинается пропаганда областнических идей в местной периодической печати. Окончательно организация оформляется в мае. На первом ее собрании 21 мая был заслушан и одобрен доклад И. И. Серебренникова «Об автономии Сибири», в котором он заявил, «что возникающая лига или союз областников должны быть организациями внепартийными, объединяющими собою различные демократические элементы общества»⁹⁷.

Значительно позднее организационно оформилась красноярская группа областников-автономистов. Ее сторонники первоначально группировались вокруг редакции журнала «Сибирские записки» и его редактора Вл. М. Крутовского. И только после августовской конференции областников в Томске на собрании 19 сентября 1917 г. произошло формальное создание организации. Членами ее стали 53 чел., председателем избран Вл. М. Крутовский, заместителем — Г. Б. Патушинский, членами бюро — Н. Н. Козьмин, Вс. М. Крутовский⁹⁸. Эта областническая группа, несмотря на поздний срок возникновения, оказалась наиболее деятельной и просуществовала до середины 1919 г.

Из других активно действовавших областнических группировок заметно выделялся Петроградский союз сибиряков-областников, образованный 5 марта 1917 г. Председателем его избирается И. А. Молодых, товарищем председателя в декабре того же года — И. А. Михайлов. Объединение пропагандировало областнические идеи в Петрограде, издавало газету «Вольная Сибирь», в которой сотрудничали М. И. Боголепов, В. И. Дзюбинский, В. И. Моравский, Г. Б. Пагушинский⁹⁹. → №

Однако весной 1917 г. основная часть областников-автономистов занимала выжидательную позицию, не высказываясь по теоретическим аспектам движения. Объяснение создавшейся ситуации мы находим в дневнике И. И. Серебренникова. 7 апреля он записывает: «Работа по разработке вопроса о будущем устройстве Сибири на новых началах подвигается крайне туго. Приходится все начинать заново: старое областничество, кроме любви к своей родине, ничего не оставило, так как оно никогда не предвидело краха самодержавного режима. Все сходится как будто бы на необходимости для Сибири известной автономии, но далее одни вкладывают в это понятие одно содержание, другие — другое. Одни полагают, что автономная Сибирь должна быть устроена по централистскому принципу, другие — по федералистскому»¹⁰⁰.

Таким образом, Февральская революция застала областников врасплох. На позиции активной пропаганды своих лозунгов Г. Н. Потанин и его сторонники встают после того, как 10 мая Томское губернское народное собрание приняло резолюцию «Об Областной думе», а 18 мая «По областному самоуправлению», в которых высказалось за организацию Сибирской областной думы и решило в ближайшее время созвать в Томске общесибирский областной съезд. Областники-потанинцы приняли активное участие во всех последовавших региональных мероприятиях (августовская конференция, октябрьский и декабрьский областные съезды). Причем в самом начале этого процесса они в меру сил стремились поставить областничество над мелкобуржуазными политическими группировками Сибири в качестве объединяющего начала. «В целях разработки вопроса о будущем автономном устройстве Сибири, — писал И. И. Серебренников, — необходимо положить начало внепартийному объединению демократических сил Сибири, что может быть осуществлено через учреждение Сибирского союза или Сибирской лиги областников-автономистов»¹⁰¹.

Но осуществить замысел областникам не удалось. Их собственных сил для создания самостоятельного политического формирования явно не хватало. К тому же областнические идеи не нашли широкого распространения в регионе, что признавали Вс. М. Крутовский, К. В. Дубровский, делегаты декабрьского чрезвычайного областного съезда¹⁰². Поэтому в качестве союзника в борьбе за Об-

ластную думу избираются наиболее влиятельные в Сибири эсеры, которые, в свою очередь, поддержали областнические лозунги. Так, на состоявшемся в начале июня иркутском губернском совещании членов указанной партии по докладу И. Г. Гольдберга принимается резолюция, предлагающая внесение «в качестве частного пункта партийной программы и пункта о сибирской автономии». В подобном же духе высказались на первом губернском съезде ПСР 20–26 июля и эсеры Томской губернии¹⁰³. Руководители региональных организаций приняли участие в теоретическом обосновании лозунга автономии Сибири и его содержания. В частности, один из руководителей томских эсеров Д. Ф. Портнягин относил к Сибири как будущей автономной единице весь Туркестан, включая Закаспийскую и часть Уральской области, и весь Степной край¹⁰⁴.

Следует заметить, что собственно областники, и прежде всего Г. Н. Потанин и его окружение, рассматривали эсеров не более как союзников и организационно с ними не смешивались. Во-первых, потому, что, находясь в целом на народнических позициях, они относились к элементам более правым, нежели эсеры. Во-вторых, вплоть до осени 1917 г. собственно областники вынашивали мечту объединить под своими лозунгами все непролетарские группировки региона. «Для того, чтобы „областничество“ имело успех, — утверждал в августе член иркутской группы областников-автономистов А. М. Мейерович, — оно должно вылиться в партийную группировку, „в областную народную партию“. Только тогда, когда областники дадут определенный ответ на все „проклятые вопросы“ наших дней и в той или иной форме отмежуются от друзей слева и врагов справа, не исключая кадетов, т. е. когда областники образуют краевую радикальную партийную формацию, основой которой будет народность, кооператизм, автономизм и развитие производительных сил сибирского крестьянства и туземцев, — только тогда областничество будет непобедимо»¹⁰⁵. Но реализовать этот замысел не удалось.

Кроме того, областники нашли поддержку у народных социалистов и меньшевиков региона. Последние были не столь едины в вопросе об автономии региона и Областной думе, как эсеры. Большая часть их представителей выступала против этих лозунгов в мае на сессии Томского губернского народного собрания, августовской областной конференции. Отрицал необходимость ав-

тономии для Сибири и один из лидеров меньшевиков — А. Н. Рожков¹⁰⁶. Однако на августовской же конференции в Томске меньшевик В. Иванов заявил, что «хотя социал-демократы не были областниками, тем не менее они теперь выступают с защитой областной автономной Сибири», так как их партии «нужен экономический подъем региона, а добиться его можно только при реализации областнических планов»¹⁰⁷.

Наконец, стратегическими союзниками областников в 1917 г., как уже отмечалось выше, выступали национальные группировки. Подобное единение обуславливалось социальной и программной общностью — в русле концепции культурно-национальной автономии. Четко позиции областников в данном вопросе сформулировал в мае Г. Н. Потанин: «Инородцы имеют право организовывать свои инородческие комитеты, на которые будут возложены функции земских учреждений, т. е. заведование сельскими школами, больницами, сельскими дорогами и пр. Этим комитетам должна быть уступлена часть земельных и других угодий края, чтобы они были в состоянии создать свои финансы, чтобы было на что содержать общественные учреждения и общественные предприятия. Кроме того, на эти комитеты должна быть возложена особая миссия — защита духовных нужд племени, защита ее национальных и религиозных особенностей. Во всех инородческих углах Сибири должны быть открыты инородческие комитеты. Эти комитеты — есть завершение инородческого вопроса»¹⁰⁸. Осенью того же года программа подверглась корректировке И. И. Серебренниковым в сторону территориальной автономии. «И если у данной народности окрепло ее национальное самосознание, — отмечал он, — если у нее проявилось сознание общности своих интересов и есть культурные силы, способные организовать заведование местными нуждами и пользами инородцев, то нет необходимости препятствовать самоопределению этой народности. В силу этого возможно предоставить таким народам право провинциальной автономии. В ведение автономных инородческих областей могут быть переданы: народное образование с правом преподавания на родном языке, административное устройство и все вопросы, предоставляемые обычно компетенции земского самоуправления»¹⁰⁹.

Таким образом, в 1917 г. областники по своим политическим симпатиям находились на правом фланге мелкобуржуазной де-

мократии. В связи с этим необходимо указать на неправомерность попыток слязывать их исключительно с кадетами¹¹⁰. С марта в организациях ПНС началась дискуссия по вопросу об отношении к областническим лозунгам. Так, 6 марта на заседании ее Омского комитета обсуждалась проблема автономии региона. Все выступающие высказывались за культурно-хозяйственную автономию, но по вопросу о создании Областной думы мнения разделились. А. А. Скороходов считал возможным организовать ее как союз городских и земских самоуправлений. Против политической автономии решительно выступали В. А. Жардеецкий, Г. Е. Катанаев, П. Н. Емельянов и В. В. Барышевцев¹¹¹. В отличие от омских, красноярские кадеты весной 1917 г. поддержали лозунг автономии Сибири во главе с Сибирской областной думой¹¹².

В какой-то степени точка зрения местных кадетов на автономию региона оформляется на 1-м Общесибирском съезде ПНС в Томске 30 апреля — 2 мая. Из шести докладов, заслушанных и обсужденных на нем, два непосредственно касались рассматриваемого вопроса (А. И. Есилевича «Основные предпосылки права Сибири на самоопределение» и И. А. Некрасова «О форме и порядке областного управления Сибирью»). По ним принимается общая резолюция: «Принимая во внимание общность территории Сибири, богатство края естественными богатствами... наличие особых интересов, связанных с географическим положением Сибири, и разноплеменной состав населения, 1-й Общесибирский съезд партии народной свободы находит необходимым требовать как минимума самоуправления Сибири — автономию, т. е. передачу разрешения всех местных вопросов городским и земским самоуправлениям, а местное законодательство — Сибирской областной думе»¹¹³. В целом же летом — осенью 1917 г. буржуазные политические объединения признавали необходимость создания Сибирской областной думы, «поскольку это не стоит в противоречии с интересами общегосударственными». Данная позиция получила одобрение на заседании Омского биржевого комитета, а также в газете красноярской кадетской организации¹¹⁴. Положение коренным образом меняется после октябрьского областного съезда, показавшего полное преобладание на нем эсеров. А на декабрьском чрезвычайном областном съезде последние, как известно, вообще добились отстранения цензовых элементов от участия в нем и

Областной думе. С этого времени местные кадеты выступают последовательными противниками автономии.

Таковы в общих чертах основные направления и результаты становления партийно-политических структур в Сибири в первой половине 1917 г. Организации большинства политических партий и общественные формирования не отличались стабильным кадровым составом и дисциплиной. Даже у социал-демократов существовали проблемы с посещаемостью партийных собраний и уплатой членских взносов. Так, из 1 650 членов омской организации РСДРП в июне собрания посещали от 200 до 350 чел., в Томске 26 мая был понижен обязательный для работы собрания кворум в количестве 20% от численности организации, в сентябре в новониколаевской организации РСДРП взносы платили не более половины членов¹¹⁵.

Зачастую партийный выбор для многих, особенно интеллигентов, был случайным, что порождало смену политической ориентации. О том, как шел этот процесс, можно судить на примере уже упоминавшегося И. И. Серебренникова. В своем дневнике 16 июня 1917 г. он записал: «От с.-д. я ушел, разочаровавшись в этой партии еще в 1907 г.; затем в течение 10 лет оставался беспартийным. В настоящее время я сочувствую с.-р. и примыкаю к правому крылу этой партии». А менее чем через месяц, 10 июля, он отметил: «Решил выйти из партии с.-р.! Подаю мотивированное заявление. Мотивы: 1) невнимание к областным нуждам Сибири, 2) угождение лозунгам большевизма и максимализма. Буду жить и работать как сибирский областник»¹¹⁶. Организации разьедали дразни, внутренние и межпартийные склоки. Буквально весь 1917-й год редактор «Сибирской жизни» А. В. Адрианов, используя свой печатный орган, разоблачал нечистоплотность и непорядочность одного из эсеровских лидеров В. И. Анучина. Вслед за ним меньшевик А. В. Байкалов «добил» последнего следующей характеристикой: «Принадлежность Анучина к партии эсеров была для меня сомнительна. Я слышал его речи на предвыборных собраниях. Содержанием их была какая-то невообразимая каша самых разнообразных воззрений. Он говорил, между прочим, о немедленной социализации не только земли, но и всех орудий производства, отрицал государство, издевался над социал-демократами, за то, что они не признают значение деятельности в Гос. думе, — одним сло-

вом, г. Анучин являл из себя какого-то дикого анархиста, а не эсера»¹¹⁷.

В ходе формирования общественно-политических объединений выработывался их политический курс с учетом отношения к общероссийским (Временное правительство, война, Учредительное собрание, государственное устройство России, аграрный вопрос и т. д.) и местным проблемам, в том числе с учетом взаимоотношений между собой. С другой стороны, эти формирования активно включались в политическую борьбу за влияние в КОБах, Советах, органах местного самоуправления, профсоюзах, кооперации и т. д.

В первые дни революции практически все политические объединения выступали в поддержку Временного правительства, за продолжение войны в духе революционного оборончества, за скорейший созыв Учредительного собрания. Постепенно происходит размежевание подходов, хотя ситуация была достаточно эклектичной. Так, совещание членов ПСР Иркутска 18 марта решило поддержать Временное правительство «в ведении войны до тех пор, пока это правительство не проявит империалистическо-завоевательных тенденций». Социал-демократы Читы 3–4 апреля также высказались за продолжение войны, но «лишь до того момента, когда обнаружится возможность заключения мира не с их правительствами, а непосредственно с их народами, на основе полной свободы самоопределения национальностей и недопущения аннексий и контрибуций». Совещание правдистских групп РСДРП Енисейской губернии 10–13 апреля предложило потребовать от правительства «немедленно и открыто предложить мир всем воюющим государствам при условии полного отказа от всяких завоевательных планов и контрибуций». В целом к лету у социал-демократов по этому вопросу отмечены существенные подвижки. Недалеко от них ушли местные эсеры, которые в апреле на Западно-Сибирской конференции призвали «воевать во имя защиты свободы», а на съезде в конце июля высказались за то, чтобы, «опираясь на могущество и авторитет всего революционного народа, призвать как противников, так и союзников принять нашу социалистическую программу мира без аннексий и контрибуций на основе самоопределения народов, призвать демократию всех стран объявить войну империалистам и буржуазии всех стран». Наконец, редактируемая лидером омских эсеров П. Я. Дербером газета

13 июня ставила себе в заслугу, что «„Слово трудового крестьянина“ решительно выступала против призыва к братанию на фронте, настойчиво боролась с дезертирством, отстаивала свободную дисциплинированную армию, призывала к усилению боевой мощи страны»¹¹⁸.

Достаточно активно в мартовские дни проповедовалось единение социалистов и на совещании организаций РСДРП городов Западной Сибири в Новониколаевске, где предлагалось при выборах в местные органы власти и Учредительное собрание «вступить в блок с партией социалистов-революционеров, если в ходе избирательной кампании возникнет опасность преобладания буржуазных партий». Данная тенденция получила поддержку в объединенных социал-демократических организациях и в последующем. В частности, Иркутская губернская конференция РСДРП 21 июля высказалась за «объединение всех социалистических групп и течений, и в первую очередь объединение всех социал-демократических организаций»¹¹⁹.

Однако по мере развития политического процесса начинается размежевание среди организаций политических партий. Четко на позицию поддержки Временного правительства встали местные кадеты, претендующие на единоличное представительство во властных структурах. Выражая их позицию, публицист «Сибирской жизни» А. Н. Шипицын внушал: «Власть Временного правительства должна быть едина. В единстве ее и организованной поддержке революционным народом, в полноте и мощи такой власти и в дисциплине граждан — спасение свободы и отечества»¹²⁰. В то же время Западно-Сибирская конференция ПСР 6–9 апреля в Омске отвергла возможность заключения блока с буржуазными партиями, а совещание правдистских групп РСДРП Енисейской губернии 10–13 апреля в качестве первоочередной задачи поставило «разоблачение классовой сущности Временного правительства и беспощадную борьбу с его контрреволюционной деятельностью». Западно-Сибирская конференция объединенных организаций РСДРП в Красноярске 22–26 апреля призывает к устранению правительства, «открыто организующего в стране контрреволюцию». Эсеры же по данному вопросу своей позиции в масштабах региона не сформулировали и, проявляя присущую всей партии непоследовательность, считали (конференция членов ПСР Томс-

кой губернии 18 мая), что «пока в составе министров находятся социалисты, Временному правительству нового состава должна быть оказана полная поддержка и выражено полное доверие»¹²¹.

С апреля 1917 г., по мере оформления большевистского направления в организациях РСДРП Сибири, происходит четкое обособление большевиков в их позиции за признание и поддержку ленинского курса на социалистическую революцию. Уже в первой половине апреля районное совещание правдистских групп РСДРП высказалось против поддержки Временного правительства, за вооружение народа, создание и укрепление Советов. 22 апреля Западно-Сибирская конференция РСДРП в Красноярске призывает к свержению этого правительства, а 5 мая Красноярский комитет РСДРП отзывает своих представителей из местного КОБа, поскольку «все демократические силы должны группироваться вокруг Советов рабочих депутатов»¹²². Тем не менее все политические объединения весной — летом 1917 г. поддержали лозунг созыва Учредительного собрания.

Радикальные настроения постепенно проникают в Советы, профсоюзы и другие неформальные объединения. В июне Томский Совет солдатских депутатов вступил в открытый конфликт с Временным правительством, отказавшись отправлять на фронт запасников в полном составе и нестроевиков, оглушенных на полевые работы. 1-й областной съезд рабочих Забайкалья в начале июня констатировал, что правительство оказалось бессильным справиться с «расстройством» хозяйственной жизни. Состоявшийся 16–29 июля в Томске 1-й съезд горняков Западной Сибири принимает резолюцию с требованием перехода всей власти в руки Советов¹²³.

Параллельно со всем этим организации политических партий региона открыто вступили в борьбу за руководство и контроль прежде всего за властными структурами. Уже в 20-х числах марта исполком Иркутского КОБа отдал распоряжение о пополнении состава городской думы 38 представителями различных общественных формирований. В мае Тюменская городская дума пополнила свой состав членами продовольственного комитета¹²⁴. 16 апреля Временное правительство утвердило новые правила выборов гласных городских дум на основании прямого, всеобщего, равного и тайного избирательного права, без различия пола, вероисповедания и национальности, с распространением его на военнослужа-

ших. 9 июня им же принимается постановление «Об изменении действующих положений об общественном управлении городов», значительно расширяющее их компетенцию. Развернувшаяся летом — в начале осени кампания по выборам в муниципальные органы стала первой серьезной пробой сил для политических организаций.

Как установил В. В. Третьяков, большевики рассматривали городские думы в качестве трибуны и органов борьбы с буржуазией, меньшевики шли в них для совместной работы с другими объединениями по изжитию «тяжелого наследия», эсеры указывали, что они всегда стояли за децентрализацию власти и идут на выборы для «непосредственного проведения в жизнь основных задач партии в пределах данной городской общины», а кадеты стремились проводить принцип правового государства и законности¹²³. О конкретных же намерениях в процессе выборов основных их участников можно судить на примере Красноярска. Большевики предлагали заменить милицию полицейского типа обязательной общественно-милицейской службой граждан обоого пола, включая военных, решить жилищный вопрос уплотнением «неплотно» заселенных квартир, а главной задачей муниципальных органов считали не извлечение доходов, а предоставление гражданам необходимых благ. Недалеко от них ушли эсеры, декларирующие необходимость улучшить «до крайних возможных пределов положение трудящихся классов», со всеобщим бесплатным образованием и медицинским обслуживанием, общественной собственностью на городские земли. Кадеты выдвигали свои предложения (бесплатное начальное образование, 8-часовой рабочий день, борьба с безработицей, уничтожение нищенства путем устройства богаделен, общежитий, ночлежных домов и т. д.) с учетом прогрессивного подоходного налога¹²⁶.

Состоявшиеся выборы отобразили рейтинг авторитета основных политических партий в Сибири. Так, в Тюмени за блок социал-демократов и эсеров отдали голоса 81,5% принявших участие в голосовании, в Тобольске — 47,6, в Кургане — 72,5%. В Барнаульскую городскую думу в августе избирается 18 большевиков, 17 эсеров, 16 меньшевиков, 5 кадетов, 4 домовладельца; в Красноярскую городскую думу 2 июля избирается 41 большевик, 7 меньшевиков, 27 эсеров, 9 кадетов; в Иркутске большевики получили 11 мандатов, меньшевики — 12, эсеры — 47, кадеты — 11; в Томске

победили большевики, а эсеры получили 24 мандата¹²⁷. Таким образом, подавляющее число гласных к осени 1917 г. в органах городского самоуправления стали составлять социалисты, которые использовали их в борьбе за власть. Так, непосредственно после выборов большевистская фракция в Красноярской городской думе в своей декларации заявила, что она будет бороться за переход власти в руки пролетариата и революционного крестьянства «при полном согласовании деятельности городск[их] дум с деятельностью Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов»¹²⁸.

Единственная в регионе попытка продолжить самостоятельно строительство местных органов власти без оглядки на Временное правительство связана с созданием системы народных собраний в городах и уездах Томской губернии. Избрание их началось по инициативе Томского КОБа весной 1917 г. с целью замены временных комитетов на постоянные. При этом, по Положению о выборах, избирательные права предоставлялись гражданам обоого пола, достигшим 18-летнего возраста, с цензом оседлости в 3 месяца и не отбывающим наказание по суду. Военнослужащие имели равные с гражданскими лицами избирательные права. При поддержке организаций основных партий, кроме кадетов, занявших негативную позицию, новые органы были сформированы в масштабах всей территории. В ходе выборов создаются «социалистические блоки» (социал-демократы, эсеры, народные социалисты, бундовцы, польские социалисты, украинские федералисты и т. д.), выступавшие с едиными программами.

В губернское народное собрание было избрано 522 представителя, из которых 70% составляли крестьяне. Примерно 20% мест получила интеллигенция (профессора, офицеры, врачи, юристы, кооператоры, учителя, служащие) и 10% досталось рабочим и солдатам. В губернский исполнительный комитет вошли 6 эсеров, 4 меньшевика, один большевик и два «беспартийных социалиста». Низовые уездные, волостные и сельские структуры органа оказались крестьянскими и эсеровскими, в городских преобладали интеллигенция и солдаты местных гарнизонов. При этом наблюдалась закономерность: чем населеннее город и сложнее его социальная структура, тем эклектичнее представительство в соответствующем собрании. Так, в Томске эсеры получили 25% мест, большевики — 16,5%.

С 20 апреля по 18 мая проходила первая (и единственная) сессия Томского губернского народного собрания, на котором доминировали эсеры, получившие 61,3% депутатских мест¹²⁹. Однако Временное правительство самостоятельную структуру признавать отказалось и после принятия 17 июня 1917 г. постановления о введении земства в Сибири предписало местному губернскому комиссару преобразовать исполкомы губернского и уездных народных собраний во временные земские управы с возложением на них полномочий по сбору налогов и организации выборов земских собраний. Новые выборные всесословные учреждения образовывали трехуровневую структуру власти (волость — уезд — губерния) с подчинением губернскому комиссару Временного правительства. Выборы в них прошли уже осенью.

Активно в политический процесс включились православные верующие и духовенство сибирских епархий. С марта до начала августа 1917 г. они провели 16 съездов, в том числе восемь — клира и мирян епархиального (губерния, область) уровня (три — в Забайкальской, два — в Иркутской, по одному в Енисейской, Томской и Омской); четыре уездных съезда духовенства (два — в Бийске, по одному в Кургане и Барнауле) и четыре уездных съезда духовенства и мирян (два — в Тюмени, по одному в Кургане и Тобольске). Первыми 17 марта собрались священнослужители Бийского уезда, в апреле — мае прошло (работало или открылось) по пять форумов, в июле — начале августа — четыре. Как правило, на совместных с верующими съездах в равной пропорции были представлены оба субъекта религиозной жизни (на съезде духовенства и мирян Енисейской губернии 16–24 апреля из 142 участников лиц духовного звания (священников, дьяконов и псаломщиков) насчитывалось 66, мирян — 76; на Омском чрезвычайном съезде духовенства и мирян 2 мая — 5 июня присутствовало 77 представителей клира и 57 мирян).

Из обсуждаемых на этих съездах вопросов к анализируемой ситуации имели отношение: оценка текущих событий, взаимоотношения церкви и светской власти, судьба церковноприходских училищ и преподавания Закона Божьего. Зачастую форумы не высказывали суждений по актуальным проблемам внутренней жизни государства, ограничиваясь вопросами церковной реформы (общеепархиальный съезд духовенства и мирян Томской гу-

бернии 25 мая — 18 июня; съезд духовенства и мирян Енисейской губернии 16–26 апреля).

Четко позицию поддержки Временного правительства в надежде, что «оно доведет войну до победы над врагом, а страну до Учредительного собрания», выразил Омский чрезвычайный епархиальный съезд. Съезды духовенства Бийского и Барнаульского уездов, клира и мирян Иркутской епархии (29 мая — 11 июня) высказались за народную демократическую (федеративную) республику в качестве оптимального (желательного) варианта государственного устройства России.

Широкий спектр мнений демонстрируется по вопросу об участии духовенства в политической жизни. Если представители клира Бийского уезда 17 марта предлагают «держаться в стороне от резкой критики партийных программ», то их коллеги из Курганского уезда 20–22 апреля четко разделяют внутреннюю жизнь прихода («касаться политических вопросов в проповеди с церковного амвона клирикам не следует») и гражданскую позицию духовенства («вне же храма каждый клирик... исполняет свой долг, имеет одинаковое со всеми право проповедовать свое политическое credo»). Прошедшие почти одновременно (28 мая — 10 июня, 29 мая — 11 июня) съезды в Чите и Иркутске заняли, казалось бы, противоположные позиции по этому вопросу. В Чите: «Духовенство должно проявить активное участие в политической жизни страны в целях укрепления и расширения завоеванных революцией свобод. Участие духовенства в политических партиях признано возможным». В Иркутске: «Русскому духовенству... не считается возможным активное участие в той или иной политической партии». Однако ему же предлагалось «внепартийно оказывать поддержку представителю той политической мысли, которая находится в большем контакте с пасторской совестью, которая, воплощаясь, принимает характер внеклассового движения в защиту всех и которая обнимает и обеспечивает радость свободной творческой религиозности, а не тоскливую печаль подавленного равнодушия к церкви и безрелигиозности».

Кардинальная эволюция произошла у клириков Сибири по вопросу о взаимоотношениях церкви и государства. Так, духовенство Барнаульского уезда первоначально (апрель), поддавшись революционному энтузиазму, постановило «высказаться за пол-

ное отделение православной церкви от государства». Просчитав реальное положение вещей, Иркутский епархиальный съезд счел данную акцию неприемлемой и пояснил: «Пользуясь юридической и материальной поддержкой государства, сохраняя характер публично-правового установления, церковь должна быть в своей внутренней жизни свободна и независима от государства». Примерно в том же духе высказался Курганский уездный съезд духовенства и мирян 17–19 июля, налегая на то, что «церковь должна быть признана учреждением публично-правового характера и поэтому пользоваться материальной поддержкой государства и покровительством закона» и настаивая на православном вероисповедании главы государства. Развернутые предложения по данному вопросу сформулировал Омский чрезвычайный съезд духовенства и мирян. Поскольку большинство населения России православное, то необходимо «признать желательным, чтобы наше русское государство соответствовало бы основам православного учения», сама церковь не может быть от него отделена, а «глава Российского государства должен быть православного вероисповедания и русского происхождения». Поэтому власть, придерживаясь конфессионального плюрализма, «обязана удовлетворять нужды православной христианской церкви в обеспечении жалованием духовенства, помощью в религиозно-нравственном просвещении народа и законной защитой православной церкви от гонений неверующих»¹³⁰.

Летом 1917 г. происходит поляризация партийно-политических группировок и контролируемых ими самостоятельных структур по вопросу о власти. По-прежнему все они выступают за созыв Учредительного собрания и активно включаются в предвыборную кампанию. Вяло отреагировали они на июльские события в Петрограде. Иркутская губернская конференция РСДРП (20–21 июля), Краевой съезд исполнительных комитетов общественных организаций Восточной Сибири в Иркутске (25–29 июля) высказались за переход власти «в руки организованной революционной демократии — Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов» и их ВЦИКу. Не указывая на эти органы, за переход власти «в руки организованной революционной демократии» проголосовали делегаты Енисейского губернского съезда крестьянских депутатов (20–29 июня), хотя и признали мини-

стров-социалистов своими представителями в правительстве. Совещание же посланцев политических партий и общественных организаций Читы 9 июля приветствовало «Центральные Комитеты Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и Временное правительство в мужественной и стойкой борьбе за защиту русской революции». Наконец, 1-й съезд Советов рабочих и солдатских депутатов Алтайской губернии 16 июля потребовал от ВЦИК принятия «полной ответственности за действия Временного правительства, личный состав которого должен быть в полном соответствии с обязательным проведением программы, намеченной Советами, хотя бы она и противоречила интересам тех или иных владельческих групп»¹³¹.

Большинство формирований, стоявших правее большевиков, выступало с позиций революционного оборончества, поддержания армии в полной боевой готовности, отвергая «всякую мысль о сепаратном мире и сепаратном перемирии». Принципиально новым моментом для лета 1917 г. с точки зрения отношения к войне со стороны социалистов становится появление иллюзий интернационалистского толка. Так, упомянутый выше съезд Советов Алтайской губернии призвал «народы всего мира поддержать усилия русской революционной демократии в ее борьбе за мир всего мира», а также «объявить немедленно перемирие на всех фронтах и созвать общеевропейскую конференцию воюющих стран для заключения мира» без аннексий и контрибуций¹³².

Проведенный нами анализ развития политических процессов в Сибири в марте — июле 1917 г. дает основание утверждать, что в это время происходило создание структур основных российских партий, объединений и формирований. Процесс этот в основном охватил уровень первичных организаций. Одновременно с этим создавалась система органов государственного управления, активное влияние на которую наложили специфика региона (отсутствие земства) и вовлеченность различных политических сил. Партийное строительство сопровождалось внутренними коллизиями (размежеванием или объединением), выработкой программы действий с учетом ситуации в Сибири, активным включением участников политической жизни в борьбу за влияние на различного рода неформальные, профессиональные, национальные объединения и движения. Наибольшее влияние к августу имели эсеры и мень-

шевики (по количеству контролируемых организаций). К указанному сроку практически сошли с политической арены кадеты. Очень медленно с точки зрения организационной, но весьма агрессивно с позиций усиления влияния происходило становление большевистских объединений. Подавляющее большинство возникших с марта 1917 г. формирований в течение всего рассматриваемого периода поддерживало Временное правительство и его политику. В Сибири не было двоевластия и не снимался лозунг «Вся власть Советам!». Отсутствие жесткой социальной дифференциации, немногочисленность городского населения и интеллигенции преопределили тенденцию к объединению формально разнородных политических сил под областническими лозунгами. По сути, в марте — июле в регионе создается определенная инфраструктура, которая активно включается в борьбу за власть с осени 1917 г.

§ 3. СОВЕТЫ ИЛИ УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ: БОРЬБА ЗА РЕАЛИЗАЦИЮ АЛЬТЕРНАТИВНЫХ ВАРИАНТОВ ВЛАСТИ В СИБИРИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1917 г.

Вторая половина 1917 г. в Сибири характеризовалась противоречивыми тенденциями в политической сфере. С одной стороны, политические объединения и группировки вступили в непосредственную борьбу за власть, стараясь подчинить своему влиянию Советы, профсоюзы, городские думы и создаваемые земские органы. Интенсивно начинают проводиться региональные (областные) и общесибирские съезды Советов, продолжается процесс партийного строительства практически у всех политических партий. Вместе с тем интенсивность политических процессов в конце года явно ослабла по сравнению с весной — летом. Так, согласно данным сборников «Съезды, конференции и совещания...», по всем местным территориально-административным образованиям (Тобольская, Томская, Алтайская, Енисейская, Иркутская губернии, Акмолинская и Забайкальская области) в мае фиксируется 75

мероприятий, в июне — 73, в июле — 63, в августе — 91, в сентябре — 67, в октябре — 73, в ноябре — 62, в декабре — 54. У организаций политических партий эта динамика выглядит более отчетливо (7 форумов в мае, 2 — в июне, 10 — в июле, 9 — в августе, 13 — в сентябре, 8 — в октябре, 3 — в ноябре, 1 — в декабре)¹. Как видим, пик политической активности приходится на июль — сентябрь, что связано с реакцией на места на июльские события в Петрограде и Корниловщину, подготовкой к выборам в Учредительное собрание (выдвижение кандидатов и заключение предвыборных блоков), борьбой за влияние в местных органах власти.

С позиций партийного строительства наиболее существенные подвижки произошли у большевиков. Если в июле в регионе действовало лишь две чисто большевистские организации (Красноярск и Барнаул), то в октябре их было примерно 26². Их численность можно определить в 3,5–4 тыс. чел. Даже во второй половине 1917 г. они не доминировали в политической жизни. По подсчетам Э. И. Черняка, из 89 съездов, конференций и совещаний, проведенных различными политическими объединениями Сибири с марта 1917 по ноябрь 1918 г., 38 приходится на долю эсеров, 37 — социал-демократов (в том числе 9 на большевиков), 8 — кадетов, 4 — националов³. Среди периодических изданий в марте — ноябре 1917 г. 66 являлись эсеро-меньшевистскими, 36 — эсеровскими, 8 — большевистскими, 9 — издавались объединенными организациями РСДРП⁴. И даже на Первом общесибирском съезде Советов в Иркутске (октябрь) из 184 делегатов большевиков насчитывалось 64⁵. Власть Советов устанавливалась ими в коалиции с представителями других социалистических партий и беспартийными.

После июльских событий началось размежевание в ПСР. На общем собрании красноярской организации 13 июля левые эсеры (эсеры-интернационалисты), после оглашения С. Г. Лазо декларации, покинули аудиторию, а с конца августа стали официально себя именовать группой «левых социалистов-революционеров интернационалистов». К осени разногласия между правыми и левыми группировками в сибирских организациях ПСР проявились практически повсеместно, однако организационное оформление левых произошло в самом конце 1917 — начале 1918 г.⁶ Среди их лидеров следует назвать В. П. Буренина, Н. Е. Ишмаева, П. П. Петрова.

Д. Г. Сульму, Б. П. Кларка, С. Г. Лазо, А. П. Лебеву, Р. П. Эйдемана и др. По большинству тактических вопросов левые эсеры Сибири поддерживали большевиков, противопоставляя диктатуре пролетариата свою «диктатуру демократии». Они приняли активное участие в установлении и укреплении власти Советов.

Практически прекращается деятельность организаций правых партий — ТСНП и ПНС. В рассматриваемый период состоялась одна губернская конференция (Томск, август) народных социалистов и два губернских форума (съезд и конференция) Тобольского и Забайкальского отделов ПНС (август и сентябрь соответственно), на которых происходило выдвижение кандидатов в Учредительное собрание. По-прежнему партийное строительство отличалось хаотичностью, отсутствием последовательной политики в организации приема новых членов. Как вспоминал Ф. Г. Чучин, на Анжерских копиях «в эсеровскую же организацию прием был совершенно свободен. Там устраивается, например, митинг, пускается подписной лист „записывайтесь, кто желает в эсеровскую партию“ и записывается огромная масса крестьянства, которое пришло в горняцкий район на заработки. Характерно, что, записавшись там, они приходили к нам (большевикам. — М. Ш.) и просили записать их у нас, говоря: «Я там записался как крестьянин, теперь здесь хочу записаться как рабочий». Мы начинаем объяснять, что это невозможная вещь. Тогда они начинают доказывать: ведь у эсеров земля и воля, а у нас имеются крестьянские хозяйства, — значит, мы должны там записываться; но ведь теперь мы рабочие на предприятии, а рабочие интересы никто лучше не защищает, как ваша партия, значит, надо записываться и здесь»⁷.

По сути дела, осенью 1917 г. в Сибири среди политических объединений наибольшим влиянием пользовались большевики и эсеры, хотя последние явно доминировали с точки зрения их численности, количества организаций и контролируемых ими структур (Советы, профсоюзы, органы самоуправления, кооперация, национальные общественные формирования и т. д.). Однако, уступая по этим параметрам, большевики явно превосходили конкурентов по уровню организованности, сплоченности, подчиненности решениям ЦК. Так, если Средне-Сибирская конференция РСДРП(б) 6–12 августа в Красноярске заявила, что «удовлетворение интересов пролетариата и широких слоев революционной

демократии возможно только при переходе всей государственной власти в руки революционного народа через Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов» и больше к проблеме власти большевики не возвращались, то эсеры на своих форумах осенью 1917 г. подходы к ней неоднократно меняли.

Например, Алтайская губернская конференция членов ПСР (14–16 сентября) высказалась за переход власти в стране к «однородно-революционному правительству, составленному и уполномоченному органами революционной демократии», главной задачей которого должен стать созыв Учредительного собрания. Состоявшаяся позже (21–22 сентября) Енисейская конференция ПСР уже четко выдвигает требование перехода власти в руки Советов, а 2-й съезд эсеров Томской губернии (22–28 сентября) предлагает с оговорками ее передать ВЦИК. 2-я Забайкальская конференция ПСР (5–8 октября) будущее видит только как власть «самой революционной демократии, ответственной перед съездом Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, и демократизированных органов местного самоуправления». Уже после Октябрьского переворота Иркутская губернская конференция эсеров (17–21 ноября), осудив большевиков, сочла единственным выходом из положения образование однородной социалистической власти, опирающейся на Советы, ЦК социалистических партий, городские и земские самоуправления, при обязательном условии — своевременном созыве Учредительного собрания. Таким образом, сибирские эсеры осенью 1917 г. выступали за передачу власти до открытия Учредительного собрания органам «революционной демократии» (Советы, самоуправления, парткомы социалистических партий) и формирование на этой основе «однородно-социалистического» правительства.

Местные большевики имели тесные связи с ЦК РСДРП(б), последовательно пытались проводить в жизнь его решения, и вплоть до начала 1918 г. (вопрос о подписании Брестского мира) не позволяли себе внутривнутрипартийных дрязг и разборок. В течение 1917 г. агентами ЦК в регионе были такие видные большевики, как Б. З. Шумяцкий, В. Н. и Н. Н. Яковлевы, В. М. Косарев. Более того, в конце сентября — октябре большевики первыми предприняли попытку организации западносибирского и восточносибирского партийных центров, с последующим созданием еще и общесибир-

ского. Попытка эта не удалась⁸, но 28 сентября член ЦК РСДРП(б) Я. М. Свердлов, ведающий организационными вопросами, направил письмо Н. Н. Яковлеву в Томск с предложением «взять на себя поручение быть агентом ЦК в Западной Сибири до образования областного комитета». Ему же поручалось «повидаться с товарищами из Красноярска и договориться с ними о созыве областного съезда»⁹.

Иная ситуация сложилась в эсеровских организациях региона, раздираемых внутривнутрипартийными противоречиями. В качестве иллюстрации можно привести постановления двух губернских конференций ПСР (Томской от 18 ноября и Иркутской от 17–21 ноября). В первом случае ЦК партии обвинялся в нарушении решений 3-го съезда, «а поэтому конференция считает необходимым организацию партийного суда над Центральным Комитетом». Во втором — в адрес того же ЦК формулируется требование «строго, точно определить линию поведения по всевозможным вопросам современности в духе решений, принятых партийным съездом, и неуклонно проводить принятую тактику, не допуская никакого отклонения от нее как отдельных членов, так и целых партийных групп».

В соответствии с партийными пристрастиями в Сибири продолжали действовать альтернативные органы власти — Советы и органы местного самоуправления в лице городских дум и земских учреждений. Причем если первые являлись по преимуществу объединениями классовыми и формировались выборными представителями от трудовых коллективов (рабочих и низшей категории служащих), воинских частей (солдаты) и крестьянского населения, то муниципальные образования свои руководящие структуры образовывали путем выборов на основе всеобщего избирательного права от всего населения города, волости, уезда, губернии (области), т. е. функционировали на более демократической основе.

Имеющиеся данные об итогах выборов в городские думы губернских (Томск и Барнаул) и уездных (по 2 — от Алтайской и Томской губерний) центров Западной Сибири, прошедших осенью 1917 г., показывают, что представители мелкобуржуазных партий (эсеры, меньшевики, народные социалисты) получили на губернском уровне 38,8% мест (на 18,8% меньше, чем летом), на уездном

— 41% (на 5,1% меньше летнего). За счет них увеличилось представительство большевиков (с 15 до 29,8% на губернском и с 3,8 до 7,9% на уездном уровнях) и кадетов (с 11,4 до 13,4% и с 3,5 до 4,2% соответственно)¹⁰. Реально кадетов во всех городских думах было значительно больше, поскольку часть их избиралась по спискам домовладельцев и различных обществ (попечения о начальном образовании, изучения Сибири и улучшения ее быта, Союза сибирских инженеров и т. д.). Таким образом, к концу 1917 г. в органах городского самоуправления Сибири преобладали «соглашатели», кадеты и беспартийные. Большевики имели достаточно серьезное, но не преобладающее влияние в губернских центрах и являлись аутсайдерами в уездных городах. Данное обстоятельство объясняется не тем, что они, «занятые организационным строительством, не сумели возглавить борьбу пролетариата и городской бедноты за демократизацию местных самоуправлений»¹¹. Просто итоги голосования отображали, с одной стороны, социальную структуру городских поселений, а с другой — степень популярности в них той или иной политической партии, степень авторитетности среди населения их организаций. Вместе с тем осенние выборы в городское самоуправление выявили еще одну характерную черту всеобщего избирательного права — низкую явку избирателей, не превышавшую тогда 50%. И объясняется это не бойкотом городской бедноты, а низким уровнем политической культуры горожан, их отчужденностью от органов местного самоуправления. Партийный состав органов городского самоуправления Сибири в конце 1917 г. предопределил их политические позиции. Как правило, думы и управы принимали резолюции, осуждающие Октябрьский переворот, требующие скорейшего созыва Учредительного собрания и его защиты.

С августа 1917 г. в регионе начинается кампания по созданию органов земского самоуправления на основе постановления Временного правительства от 17 июня. Она проходила в условиях острой политической борьбы на фоне низкой активности населения (общее количество принявших участие в выборах по Сибири не превышало 35%)¹² и сопровождалась многочисленными нарушениями закона о выборах. Участие в выборах приняли организации всех политических партий региона, тем самым поддерживая идею создания органов местного самоуправления. До конца года

земские структуры оформились в Томской, частично в Алтайской, Тобольской, Енисейской и Иркутской губерниях. Так, к ноябрю в 18 из 30 волостей Тобольского уезда прошли выборы волостных гласных, и подобное положение сохранялось до конца марта 1918 г.¹³ В конце ноября — начале декабря на уездных земских собраниях и в городских думах Томской губернии были избраны гласные в губернское земское собрание, первая сессия которого открылась 6 декабря. В Тобольской губернии к 14 февраля 1918 г. было избрано 45 из 70 гласных губернского земства, в Алтайской — к 28 февраля 1918 г. 31 из 80, а Акмолинское областное земство сформировалось только в июне этого года¹⁴.

По социальному составу среди волостных земских гласных абсолютно преобладали крестьяне (в Енисейской губернии из общего количества 1 240, их насчитывалось 1 085, в Забайкальской области из 495 — 415)¹⁵, на уровне уездов их представительство существенно сокращалось. Так, из 75 гласных Новониколаевского уездного земского собрания крестьян было 48 (64%), торговцев — 5, кооператоров — 7, руководителей волостных управ — 9, членов новониколаевской организации ПСР — 6; из 68 гласных Барнаульского уездного земства крестьян насчитывалось 51 чел. (75%)¹⁶. В партийно-политическом отношении в земских органах преобладали эсеры и меньшевики. Например, в Томское губернское земское собрание избирается 65 гласных, из них 30 эсеров, 5 меньшевиков, 2 кадета и 2 большевика (С. И. Канатчиков и К. К. Ансон от Томской городской думы); в Алтайское губернское земство выбрали 30 эсеров, 7 меньшевиков, 3 кадетов, 1 энеса; около 30% барнаульских уездных земских гласных составляли эсеры, среди 28 депутатов Томского уездного земства оказалось 14 эсеров, меньшевик и большевик¹⁷. Эсеры возглавили и исполнительные органы земского самоуправления, прежде всего уездные и губернские земские управы.

В процессе формирования земских органов первой проблемой, с которой они столкнулись, стала финансовая. Новые структуры требовали дополнительных расходов, прежде всего на содержание управленческого аппарата. В частности, на 1-й сессии Абалакского волостного земского собрания (Тобольская губерния) 17 октября 1917 г. избранным функционерам (председателю и двум членам) жалование определяли в размере 3 000 руб. в год, «на

какую сумму» предлагается «сделать дополнительную раскладку»¹⁸. Столкнувшись с той же проблемой («необходимость изыскать средства на местные нужды»), совещание представителей волостных земств Мариинского уезда Томской губернии в конце ноября приняло резолюцию, в которой все расходы «по устройству земской жизни» предложило отнести «за счет земского прогрессивного подоходного налога, который должен быть введен правительством»¹⁹.

В компетенцию земских органов входило заведование земскими повинностями, продовольственным делом, медицинскими, учебными и благотворительными учреждениями, оказание помощи в развитии торговли, промышленности и земледелия, раскладка и организация государственных и земских сборов, учет и призыв военнообязанных, борьба с дезертирством, выборы мировых судей, выдача видов на жительство, регистрация сделок и договоров, страхование строений и т. д.²⁰ По мере укрепления своих позиций земские структуры пытаются сосредоточить в своих руках все функции управления в рамках территориально-административного образования (уезд и губерния). Уже на 1-й сессии Томского губернского земского собрания в декабре был создан отдел общественной безопасности, милиции и мест заключения, его управляющим становится прапорщик местного гарнизона эсер В. С. Сизиков. В январе 1918 г. при отделе впервые в Сибири образуется специализированный орган — сыскное отделение (уголовный розыск)²¹. Уже после Октябрьского переворота, как отмечает В. Г. Зыкова, «отношение большевистской власти к земству было неоднозначным. Сознавая, что Советы не способны взять на себя хозяйственные функции земства, СНК мирился с его существованием и даже увеличил финансирование и рядом циркуляров в ноябре — декабре 1917 г. расширил его полномочия»²². Более того, уже после установления советской власти в Томске, а именно 30 декабря, губернский комиссар Временного правительства с согласия местного Совета рабочих и солдатских депутатов передал губернской земской управе все подчинявшиеся ему учреждения и денежные средства²³.

В политическом плане земства негативно отнеслись к захвату власти в Петрограде большевиками. 1-е Омское уездное земское собрание (конец ноября — начало декабря) резко осудило данную

акцию, выступило в защиту Учредительного собрания, которому вместе с органами местного самоуправления, «избранными на основе всеобщего избирательного права», должна принадлежать вся власть в стране. Приблизительно такую же позицию заняло и томское земство, решившее «сосредоточить в земских органах всю полноту самоуправления», а декреты СНК исполнять только в «зависимости от местных условий»²⁴.

Пожалуй, главным политическим событием второй половины 1917 г. стали выборы в Учредительное собрание. Большая часть съездов, конференций, совещаний различного уровня (от волости до региона в целом) различных объединений — Советов и профсоюзов, кооперативных органов и партийных организаций, продовольственных и земельных комитетов, ветеринарных врачей и землемеров, клириков и мирян, мусульман и лютеран — до конца октября единодушно высказывались за скорейший его созыв и разрешение на нем насущных вопросов внутренней жизни государства. Даже 2-й Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов 26 октября постановил: «Образовать для управления страной, впредь до созыва Учредительного собрания, временное рабочее и крестьянское правительство, которое будет именоваться Советом Народных Комиссаров»²⁵. Таким образом, и большевики первоначально судьбу созданных ими органов власти четко связывали с волей конституционной ассамблеи.

Естественно, различные политические группировки, добиваясь созыва Учредительного собрания, преследовали свои цели. Большевики 27 февраля 1917 г. первыми вновь выдвинули требование его созыва для закрепления принципов не парламентской, а советской республики. Эсеры, энесы, часть меньшевиков настаивали на его немедленном созыве для законодательного разрешения основных вопросов революции: о земле, мире, государственном устройстве. С идеей Учредительного собрания вынуждены были согласиться и кадеты, хотя их лидеры предлагали созвать его уже после победоносного окончания войны. Разъясняя позицию партии, В. Д. Набоков замечал: «Наивные люди могли теоретически представить себе это собрание и роль его в таком виде: собралось бы оно, выработало бы основной закон, облекло его всею полнотою власти для окончания войны, а затем разошлось бы... Это можно себе представить, но кто поверит, что так на самом деле могло случиться? Если бы до

Учредительного собрания удержалась какая-нибудь власть, то созыв его был бы, несомненно, началом анархии»²⁶.

Временное правительство, реализуя на практике установку кадетов, откладывало созыв Учредительного собрания, но, не располагая реальным авторитетом, вынуждено было отступить. Окончательно оно принимает постановление 9 августа: «Днем выборов в Учредительное собрание назначить 12 ноября, а сроком созыва Учредительного собрания — 28 ноября 1917 года». Свообразной была система избрания делегатов, предусматривающая голосование по «связанным» спискам, составленным политическими партиями, движениями, общественными формированиями. Избиратель отдавал голос не за конкретного человека, а за список кандидатур от определенного объединения, который составлялся жестко ранжированно. При подведении итогов голосования по избирательному округу, а таковыми выступали губернии и области, учитывался процент голосов избирателей, отданных за каждый внесенный в бюллетень список. Например, Томская губерния при численности населения 1,7 млн чел. должна была избрать в Учредительное собрание 9 депутатов. Следовательно, для избрания по любому списку одного депутата необходимо было, чтобы приблизительно 11% избирателей, принявших участие в голосовании, отдали голоса за этот список, и тогда стоящий в этом списке под номером один считался избранным. Если за список подавалось 33% голосов, избранными считались первые трое в списке претендентов и т. д.

Давное обстоятельство привело к долгой закулисной борьбе и открытым конфликтам при составлении списков как внутри отдельных политических группировок, так и при заключении избирательных блоков. Борьба шла за первые места, особенно в тех случаях, когда не приходилось рассчитывать на массовую поддержку набирателей. Так, отказался быть включенным в список красноярских областников лидер хакасских националистов С. Д. Майнагашев. Не дали результата попытки найти в губернии кандидата-крестьянина. Об этом прямо заявил Вл. М. Крутовскому Н. В. Тропин из Минусинска, сообщивший телеграммой, что «найти третьим местного крестьянина мы затрудняемся... Минусинске такого нет»²⁷. Подобная же ситуация имела место в Иркутске, где местные областники долго торговались с народными социалистами и бурятскими националистами для заключения блока

на выборах. Но «переговоры с бурятами не дали никаких результатов, — констатировал И. И. Серебрянников, — так как они упорно настаивали на том, чтобы им было обеспечено в списке два места, из которых одно должно быть первым». Поэтому иркутские областники заключили блок с народными социалистами, и в избирательный список вошло шесть представителей от них и один от народных социалистов²⁸.

С конца августа начинает набирать обороты маховик предвыборной кампании. На губернских и областных конференциях различных общественно-политических объединений формируются списки кандидатов. Как правило, в них старались включить наиболее авторитетных и известных общественных деятелей, руководителей местных организаций политических партий, представителей центральных партийных органов. Так, от эсеров Акмолинской области от ЦК ПСР выдвигается Л. Арманд, от эсеров Томской губернии — член ЦК В. В. Сухомлин, от кадетов Тобольской губернии — члены ЦК ПНС профессор А. А. Кауфман и Н. Н. Кутлер, от народных социалистов Томской губернии — член ЦК ТСНП профессор В. А. Мяготин и т. д. При составлении списков старались охватить все уезды. Для завоевания симпатий среди основных групп населения (рабочие, крестьяне и солдаты) выдвинутые ими представители обязательно включались в число претендентов. В ходе избирательной кампании особо подчеркивалось присутствие в том или ином списке профессиональных революционеров-подпольщиков, репрессированных царским самодержавием (отбывших ранее каторгу и ссылку). «Организовав западносибирскую группу с.-р., — сообщалось в агитационной брошюре томских эсеров о Ф. С. Семенове (А. П. Лисиенко), — [он] ввиду опасности быть арестованным бежал в Бийск, где прожил год. Из Бийска выехал с организационными целями и побывал во многих центрах Западной и Восточной Сибири. Затем жил в Мариинске, в этом городе, совместно с М. Я. Линдбергом, в самый разгар оборонческих течений и засилья социал-патриотов созвал конференцию с.-р., положившую прочные основания интернационализма в партийных организациях Сибири»²⁹. На составление списков пытались активно влиять сателлитные организации, контролируемые тем или иным политическим объединением. Так, Омский уездный съезд крестьянских депутатов 3 сентября постано-

вил, что «в Учредительное собрание должны пройти социалисты-революционеры, знающие и умеющие говорить (ораторы)»³⁰.

Во всех сибирских губерниях и областях выдвинули отдельные списки кадеты, меньшевики и эсеры. В шести округах из восьми (за исключением Якутской и Акмолинской областей) баллотировались народные социалисты и большевики (за исключением Тобольской губернии и Якутской области). В целом по избирательным округам были выдвинуты от четырех списков кандидатов (Якутская область) до четырнадцати (Акмолинская область). Девять списков фигурировало на выборах в Забайкалье, по семь — в Алтайской, Енисейской и Иркутской губерниях, по шесть — в Тобольской и Томской. Номера списков в избирательных бюллетенях зависели от последовательности их регистрации в окружной избирательной комиссии. Например, в Томской губернии в комиссию в 12 часов 12 октября поступил список партии народной свободы, он был зарегистрирован под № 1, через 15 минут принесли свой список эсеры, зарегистрированный под № 2, в три часа дня появились большевики (№ 3), в 17.00 представили свои бумаги народные социалисты (№ 4), вечером следующего дня (в 20.45 и 22.00) регистрацию прошли меньшевики (№ 5) и кооператоры (№ 6). Для регистрация списка требовалось собрать подписи не менее 100 избирателей данного округа³¹.

Захват власти большевиками в Петрограде и начавшееся «триумфальное» шествие большевизированной советской власти наложили отпечаток на ход предвыборной кампании. Сторонники В. И. Ленина объявляли эти акции главным гарантом успешной деятельности конституционной ассамблеи. Кандидат (впоследствии депутат) от РСДРП(б) по Енисейской губернии А. И. Окулов пояснял на заседании Красноярской городской думы, что большевики взяли власть для созыва Учредительного собрания, поскольку для его конструктивной работы «необходимо, чтобы за ним стояла грозная сила в виде Советов. Тогда Учредительное собрание будет обеспечено и никакой Корнилов или Каледин не посягнет на него. Учредительное собрание хозяин земли русской, но нужно, чтобы в нем хозяином был русский народ, и этому поможет переход власти к Советам»³².

Менялось, особенно в ноябре — декабре, отношение к Учредительному собранию со стороны различных объединений (Советов,

кооперативных организаций, земских и городских самоуправлений). Так, проходивший под влиянием большевиков 16–23 октября в Иркутске 1-й Общесибирский съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов четко связал (в духе цитированного выше высказывания) успешную деятельность Учредительного собрания с революционной силой Советов³³. Эволюционировало отношение Советов крестьянских депутатов, постепенно освобождавшихся под влиянием фронтовиков от эсеровской опеки. Так, совещание представителей крестьянских советов Алтайской губернии 22–23 декабря признало, «что вся полнота государственной власти принадлежит Учредительному собранию и ответственно-му перед ним социалистическому правительству». Уездные съезды же крестьянских депутатов в Минусинске (26–29 ноября), Красноярске (1–6 декабря), Кургане (28–29 декабря), Камне-на-Оби (29 декабря — 6 января) настаивали на скорейшем созыве Учредительного собрания, но реальной властью на местах считали Советы. Более того, курганский съезд принял резолюцию условной поддержки его в следующей формулировке: «...поддерживать Учредительное собрание только в том случае, если последнее санкционирует действительную волю трудового народа, выраженную через СНК, утвержденную Центральным исполнительным комитетом Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов»³⁴. Как установила Т. В. Якимова, из 15 уездных крестьянских съездов, состоявшихся в ноябре 1917 — январе 1918 г. в Западной Сибири, лишь 4 безоговорочно высказались за передачу власти Учредительному собранию, в том числе два выразили протест по поводу его роспуска³⁵.

По-другому на ситуацию смотрели несюветские формирования. Кооперативные объединения в лице 1-го Всесибирского кооперативного съезда в Новониколаевске (25–29 ноября), Павлодарского съезда уполномоченных кооперативов (6–8 ноября), совещания Союза сибирских маслодельных артелей и Закупсбыта в Омске 25 ноября, совещание обществ потребителей Канского района 29–31 октября единодушно осудили захват власти в Петрограде большевиками до Учредительного собрания и потребовали, чтобы оно осуществляло свою волю «через органы местного городского и земского самоуправления». Примерно в таком же духе высказывались и земские органы³⁶.

На результаты выборов в Сибири существенно повлияли возможности политических группировок вести агитационно-пропагандистскую работу среди населения, особенно сельского. И здесь преимущества были на стороне эсеров, имевших более 40 периодических изданий и разветвленную сеть своих организаций. Кроме того, на избирателей буквально был обрушен град листовок. Агитационные материалы отличали две характерные особенности: формирование положительного образа соответствующей партии и стремление дискредитировать конкурентов. Поэтому член Томского губкома ПСР и один из кандидатов в депутаты А. П. Лисенко призывал: «Не декретными бессистемными наскоками на буржуазию, к тому же плохо задуманными и организованными, будет спасена революция, а тщательно, до мелочей продуманной общественно-экономической ориентировкой и исходящей из этой ориентировки системой боевых социальных законов. В данное время и при данной политической ситуации такую систему если и способно провести, то только Учредительное собрание»³⁷.

Типичным приемом построения предвыборных листовок и газетных материалов являлся принцип «от противного» в духе современных избирательных технологий. Так, красноярские меньшевики, призывая голосовать за свой список № 4, всем остальным дали уничтожающие характеристики: № 1 — кадеты — хотят войны «до конца», требуют свободы и власти только для богатых; № 2 — большевики — проводят гражданскую войну, ведут Россию к разорению; № 3 — эсеры — требуют отобрать без выкупа землю не только у помещиков, но и у собственников-крестьян, хотят разделить государство на мелкие и слабые республики; № 5 — левые эсеры — это помесь большевиков и эсеров; № 6 — народные социалисты — замаскированные кадеты; № 7 — областники — движение без программы и народа.

В свою очередь местные народные социалисты призывали не голосовать: за список № 1, поскольку кадеты против наделения крестьян землей и против Сибирской областной думы; за список № 3, потому что эсеровская социализация земли «приведет к крестьянскому бунту и гибели свободы»; за список № 4, так как меньшевики не хотят федеративной республики и Сибирской областной думы; а областники (список № 7) не имеют программы социальных реформ. В конечном счете: «Если вы хотите Земли и Воли

всему народу, Федеративной республики, Сибирской областной думы, голосуйте за список № 6 Трудовой народно-социалистической партии»³⁸. В день выборов наиболее массовая газета в регионе «Сибирская жизнь» в передовой, отвечая на вопрос: «За кого голосовать?», четко отвечала: «За всех, но не за большевиков»³⁹.

Выборы в Учредительное собрание прошли в Сибири 12–14 ноября 1917 г. Исключение составили Алтайская губерния, где из-за технической неготовности они были перенесены на 26–28 ноября, и Акмолинская область, где по той же причине они состоялись лишь в конце декабря. Избирательная активность была разной, хотя исчерпывающих данных получить не удалось. Так, в Алтайской губернии из 872,5 тыс. избирателей проголосовало 694 тыс. (79,5%), в Тобольской в голосовании приняли участие свыше 50%, в Томской — 83,7%. Пассивнее вели себя избиратели в городах. Наблюдалась следующая закономерность: чем меньше город, тем хуже явка. Например, в Омске проголосовало 51,5%, в Бийске — 44, в Минусинске — 29,5%. После голосования еще приблизительно полтора месяца длился подсчет голосов. В частности, Томская окружная комиссия окончательные итоги подвела только 30 декабря⁴⁰.

Итоги выборов в Учредительное собрание по региону выглядят следующим образом⁴¹:

	Кол-во проголосовавших, чел.	%
Эсеры	2 017 991	75,00
Большевики	231 295	8,60
Националисты	159 925	5,94
Народные социалисты	99 897	3,70
Кадеты	77 973	2,93
Меньшевики	36 341	1,44
Эсеры левые	7 407	0,27
Областники	2 452	0,09
Прочие	54 809	2,03
Всего	2 688 090	100

Членами Учредительного собрания от Сибири стали (без данных по Акмолинской области) около 50 чел., в том числе избранные в действующей армии и на КВЖД. Кроме двух большевиков от Енисейской губернии (А. И. Окулов и А. Г. Рогов), трех представителей национальных организаций (Бурнацкома — М. Н.

Богданов и Б. Вампилун, Якутского трудового союза федералистов — Г. В. Ксенофонтов), меньшевика Н. А. Стрелкова (КВЖД), кадета С. А. Таскина (от казаков Забайкальской области), все остальные представляли ПСР⁴². Избранными оказались видные сибирские эсеры Б. Д. Марков, М. Ф. Омельков, П. Я. Михайлов, М. Я. Линдберг, П. С. Суханов, В. Г. Архангельский, М. А. Кроль, Н. В. Фомин, Е. Е. Колосов, М. Б. Шатилон, А. А. Девизоров, Е. М. Тимофеев и др.

Убедительная победа эсеров объясняется результатами голосования в деревне, где проживало 89% населения региона. Так, в Кузнецком уезде Томской губернии за них проголосовало 90,7%, в Новониколаевском — 95,2, в Канском — 89,2, в Мариинском — 88,6% избирателей⁴³. Крестьянству импонировала прежде всего эсеровская аграрная программа. Ее составным элементом являлось требование ликвидации частной собственности на землю и запрещение ее купли-продажи. Предусматривалось также, что «земля должна быть без выкупа передана в ведение народа и в пользование тех, кто на ней трудится своим трудом — обществам, кооперацией или единолично на уравнильно-трудовых началах»⁴⁴.

Несколько иные результаты дало голосование в городах, где, за исключением Новоиколаевска (здесь за эсеровский список проголосовало 66,4%, за большевиков — 11,7, кадетов — 10,5% избирателей), явного преобладания не получил ни один избирательный список. Например, в Томске за большевиков отдали голоса 12 967 избирателей, кадетов — 6 312, эсеров — 7 418; в Иркутске соответственно: 11 143, 9 908, 5 669; в Красноярске — 12 170, 2 649, 4 935; в Омске — 5 687, 4 490, 2 233; в Чите — 2 728, 1 697, 5 774; в Тобольске кадеты собрали 48,5%, эсеры — 25,5, меньшевики — 10% голосов (большевистский список в Тобольской губернии не выставлялся); в Ачинске — большевики — 1 164, кадеты — 1 059, эсеры — 103; в Кузнецке — 18, 91, 839⁴⁵. Существенно повлияли на итоги выборов в городах, особенно крупных, результаты голосования в местных гарнизонах. Так, в Томске 69% военнослужащих голосовали за большевиков, в Канске — 61,5, в Минусинске — 90, в Ачинске — 86,7, в Красноярске — 77,1% и т. д.⁴⁶

Эти данные показывают, что к концу 1917 г. во многих сибирских городах произошло довольно четкое расслоение политических сил. При этом в целом ряде случаев лозунги большевиков

были настолько популярны, а их позиции настолько прочны, что ни кадеты, ни эсеры, ни меньшевики в отдельности не могли противостоять им. Для этого требовалось единство сил мелкобуржуазных и буржуазных элементов, а его не было.

В условиях ухудшения ситуации в стране, окончательного краха политики Временного правительства и его дискредитации в глазах народных масс «соглашатели» (меньшевики, эсеры, народные социалисты) выдвинули идею коалиции социалистических партий, включая большевиков, и формирования однородного социалистического правительства. В Сибири ее поддержали, за исключением Красноярска, и большевики. Главной задачей коалиции являлось предотвращение развала государственности и осуществление властных полномочий до открытия Учредительного собрания. Попытки заключения соглашения между социалистами, с включением большевиков и без них, имели место в ноябре 1917 — январе 1918 г. в Чите, Красноярске, Новониколаевске, Томске, Барнауле и Омске. Так, в Чите 27 октября принимается решение об образовании ревкома из представителей КОБа, Советов солдатских, рабочих и сельских депутатов, а также городской думы «для согласования деятельности существующих революционных организаций и охраны революции». Эту идею 28 октября на совещании поддержали представители всех основных организаций политических партий и профсоюзов. В конце декабря 1917 — начале января 1918 г. на 2-м областном съезде сельского населения, 1-м областном съезде Советов рабочих и солдатских депутатов и съезде представителей городских дум и КОБов образуется коалиционный Забайкальский народный совет из 50 чел., в который вошли меньшевики, эсеры и большевики (В. Н. Соколов, И. В. Резников, И. А. Дубов и др., всего — 12 чел.). Его председателем был избран меньшевик М. А. Ваксберг, а коллегия комиссаров (исполнительный орган) возглавил левый эсер И. А. Бутня⁴⁷. Совет действовал и управлял территорией до 16 февраля 1918 г.

В Томске 30 декабря губернский исполком Совета рабочих и солдатских депутатов во главе с большевиком А. И. Беленцом заключает соглашение с эсеровским губисполкомом Совета крестьянских депутатов и губернской земской управой, в результате чего возникает единая местная власть — губернский комиссариат из двух большевиков и двух эсеров. «Таким образом, — заключают

авторы исторического очерка Томской области, — в губернии формируется местный вариант „однородно-социалистической“ власти, на образование которой в Петрограде не хватило политической воли у правых и левых социалистов»⁴⁸. Коалиция просуществовала до 13 января 1918 г., когда под давлением приехавшего в Томск Н. Н. Яковлева губисполком Совета рабочих и солдатских депутатов аннулировал соглашение. В Барнауле 29 октября на экстренном совещании представителей исполкома Совета рабочих и солдатских депутатов города, губисполкома Совета крестьянских депутатов, городской думы, губернской и уездной земских управ, организаций социалистических партий принимается решение о создании губернского Комитета общественного спасения, которому и передавалась вся полнота власти в губернии. Председателем распорядительного бюро комитета становится эсер Т. Е. Минчев-Васильев, его заместителем — большевик П. Я. Мешков⁴⁹.

Коалиционное объединение социалистов без большевиков образовалось в Красноярске. По инициативе губернского комиссара Временного правительства Вл. М. Крутовского, лишённого власти большевизированным Советом рабочих и солдатских депутатов, 28 октября состоялось совещание представителей земской управы, Совета крестьянских депутатов, казаков, кооператоров, эсеров, меньшевиков, кадетов и областников, на котором избирается губернский Комитет общественных организаций. Он объявил себя властью в губернии и призвал население не подчиняться решениям Совета рабочих и солдатских депутатов. 30 октября служащие 28 губернских и уездных учреждений прекратили работу. С большим трудом, опираясь на вооруженную помощь извне (два взвода с пушками из Томска), местным большевикам удалось сломить сопротивление саботажников, а сам Крутовский был арестован. Примерно аналогичная ситуация возникла в Нижнеудинске, где 27 декабря возник Комитет спасения революции для «организации демократии против большевизма и против контрреволюции»⁵⁰.

Альтернативой Временному правительству и его местным органам, а затем и Учредительному собранию выступали Советы рабочих и солдатских депутатов, которые на протяжении второй половины 1917 г. существенно упрочили свои позиции. Постоянно усиливалось влияние в них большевиков. «Полевению» Советов во многом способствовала корниловщина, хотя ее перипетии

Сибирь пережила спокойно. В Омске отстраняется от должности и высылается под вооруженным конвоем за пределы региона командующий военным округом полковник М. Прединский, отстраняется от должности областной комиссар Н. И. Лепко. В Барнауле Совет рабочих и солдатских депутатов снял начальника гарнизона, в Кургане радикально настроенные рабочие разгромили типографию прокадетской газеты, в Иркутске аресту подверглись несколько считавшихся реакционными офицеров⁵¹. Не поддержали Л. Г. Корнилова даже офицеры. 30 августа их общее собрание в Красноярском гарнизоне квалифицировало «деяние генерала Корнилова изменою Родине и Революции». Осудил мятеж и Томский офицерский Совет, который вошел в специально созданный для организации отпора контрреволюционерам Комитет охраны революции⁵². В конечном счете, после разгрома корниловщины, по признанию А. Ф. Керенского, «большинство лидеров-социалистов, входящих до того в коалицию, в страхе перед победой контрреволюции и последующими репрессиями, повернулись к большевикам»⁵³, что привело к созданию в регионе отмеченных выше однородно-социалистических органов. Тогда же, по признанию Н. Н. Суханова, большевикам следовало «только поспевать строить ряды своей армии, растущей не по дням, а по часам»⁵⁴.

Радикализации настроений масс способствовало ухудшение экономической ситуации в регионе и, соответственно, материального положения подавляющего большинства населения. Несмотря на богатый урожай 1917 г., повышение закупочных цен в августе на хлеб в 2 раза и хлебную монополию, ситуация на потребительском рынке катастрофически ухудшалась. Сокращалось промышленное производство, падала добыча угля, уменьшалась пропускная способность железных дорог. Многие станции Омской железной дороги были «буквально забиты зерном, вследствие чего даже прекратилась перевозка и сдача крестьянами зерна», а семейным рабочим в Анжерке и Судженке выдавали по 5 фунтов муки на неделю⁵⁵.

Ответной реакцией на сложившуюся ситуацию стали массовые требования введения карточной системы распределения товаров первой необходимости и продовольствия, установления контроля над торговыми фирмами и твердых цен «на все предметы фабрично-заводского производства с понижением их против ныне существующих». В Сибири, как и в стране в целом, стали прояв-

ляться анархо-бунтарские настроения, грозившие разрушить социально-экономические инфраструктуры. Они вылились в продовольственные и спиртовые беспорядки, прокатившиеся по региону от Омска до Иркутска в октябре — ноябре 1917 г. Яркой иллюстрацией настроений масс стал «иркутский солдатский бунт» 20–21 сентября, возникший вследствие тяжелого материального положения военнослужащих гарнизона и радикализации их поведения. При активном участии местных анархистов на митинге 17 сентября помимо чисто политических требований (усиления борьбы с темными силами контрреволюции) его участники потребовали изъятия у буржуазии денег и товаров с последующим их разделом, конфискации городского имущества, уравнивания жалования солдат и офицеров в трехдневный срок, «увичтожения частной собственности» как «единственный исход для спасения революции и страны». Для руководства выступлением образуется «Беспартийный союз взаимопомощи солдат», который 19 сентября постановил не исполнять приказов начальства, не выходить на занятия и не отправлять маршевых рот до выполнения всех требований. Попытка командующего Иркутским военным округом эсера подполковника А. А. Краковецкого, произведенного из подпоручиков А. Ф. Керенским в мае 1917 г., уговорить военнослужащих прекратить беспорядки закончилась его арестом. Только с использованием оружия и привлечением юнкеров местного военного училища и школ прапорщиков солдат разоружили, 400 из них арестовали, один был убит и двое ранены⁵⁶.

В этой ситуации в пользу большевиков и их союзников — левых эсеров изменяется соотношение сил в Советах рабочих и солдатских депутатов, при сохранении преобладания эсеров в Советах крестьянских депутатов. Наглядно данный процесс иллюстрирует состав участников и постановления региональных (Западная и Восточная Сибирь) и общесибирских съездов Советов. На 2-м Западно-Сибирском съезде Советов рабочих и солдатских депутатов в Омске 11–20 августа из 106 делегатов от 35 объединений Тобольской, Томской, Алтайской губерний, Акмолинской и Семипалатинской областей 50 являлись членами РСДРП (большевики и меньшевики) в 56 эсерами. При обсуждении текущего момента съезд раскололся, и поименным голосованием 52 голосами против 38 была принята резолюция, предложенная большеви-

ками, меньшевиками и эсерами-интернационалистами, с требованием «перехода всей власти в руки большинства демократии, организованной в Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов». Данная формулировка не удовлетворила правых эсеров, и 18 августа они в количестве примерно 30 чел. покинули форум⁵⁷.

Заседавший 6–10 сентября в Красноярске 1-й съезд Советов Средней Сибири (33 делегата, в том числе 21 большевик от 12 Советов Томской и Енисейской губерний) принял специальную резолюцию «О необходимости передачи всей государственной власти Советам и заключении мира». В отличие от него 2-й съезд рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Восточной Сибири в Иркутске (11–15 октября) имел более пестрый партийный состав: 45 правых эсеров, 32 большевика, 23 социал-демократа (меньшевики и бундовцы), 15 левых эсеров и 1 анархист. Соответственно, проект резолюции о текущем моменте, предложенный большевиками, был отклонен, а после их ухода с частью левых эсеров съезд высказался за организацию выборов в Учредительное собрание и «давление на правительство со стороны организованной вокруг Советов демократии», но против передачи им власти, поскольку в сложившейся ситуации этого можно достичь «лишь посредством гражданской войны»⁵⁸.

На следующий день после закрытия регионального съезда Советов Восточной Сибири в Иркутске начал работу 1-й Общесибирский съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, на котором присутствовало 184 делегата, в том числе всего 17 — от крестьянских Советов. Среди них большевиков уже насчитывалось 64, правых эсеров — 50, левых эсеров — 35, меньшевиков — 11, меньшевиков-интернационалистов — 10, анархистов — 2, один бундовец и 11 беспартийных. Предложение эсеров квалифицировать съезд только как рабоче-солдатский, учитывая малочисленность представителей от крестьянских Советов, отклоняется, и тогда правые эсеры покидают форум. 88 голосами принимается большевистская резолюция, требующая от 2-го Всероссийского съезда Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов «немедленно взять власть в свои руки», в том числе и для созыва Учредительного собрания в назначенный срок. 23 октября съезд создал Центральный исполнительный комитет Советов Сибири (Центросибирь). По принципу пропорционального представ-

ительства 5 мест в нем предоставляется большевикам, по 3 — правым и левым эсерам, по одному — меньшевикам-интернационалистам и меньшевикам-оборонцам. Первым председателем органа избирается большевик Б. З. Шумяцкий, его заместителем левый эсер прапорщик Р. П. Эйдеман⁵⁹. Обычно в литературе итоги данного форума квалифицируются как победа большевиков, способствовавшая «складыванию политической армии социалистической революции в Сибири»⁶⁰. На самом деле, если внимательно присмотреться к его решениям и партийному составу Центросибири, можно увидеть попытку на практике реализовать идею социалистической коалиции на региональном уровне, о которой мы говорили выше на примере отдельных сибирских городов.

Деятельность ЦИК Советов Сибири началась с резолюции от 25 октября о немедленном переходе власти Советам. Особое внимание обращалось им на создание и укрепление подконтрольных большевикам Советов крестьянских депутатов⁶¹. Однако вплоть до установления советской власти в Иркутске (к 22 декабря) его деятельность носила несколько декларативный и консультативный характер.

Первым крупным региональным форумом, состоявшимся после Октябрьского переворота, стал 3-й Западно-Сибирский областной съезд рабочих и солдатских депутатов в Омске (2–10 декабря). В общей сложности 146 делегатов представляли 31 Совет (113 чел.), партийные комитеты и другие общественные формирования (33 чел.). Партийный состав присутствующих выглядел следующим образом: большевиков — 74, эсеров-интернационалистов — 23 (в том числе 17 левых эсеров), эсеров-максималистов — 4, меньшевиков-интернационалистов — 11, меньшевиков-оборонцев — 9, беспартийных — 3. Как видим, по-прежнему налицо коалиция социалистических партий под руководством большевиков.

4 декабря съезд провозгласил установление советской власти в Западной Сибири и выразил поддержку Совету Народных Комиссаров. Признавалось необходимым созвать в ближайшее время Учредительное собрание, но оговаривалось с учетом уже имеющихся результатов выборов в него, что они «происходили при совершенно ненормальных условиях, в момент, когда значительные слои населения не были совершенно осведомлены о сущности происходящего переворота». Поэтому «такое Учредитель-

ное собрание не может целиком выражать истинные чаяния масс». В связи с этим необходимо провести пере выборы, широко используя право отзыва. «Шагом назад являлась бы власть такого Учредительного собрания, — говорилось в резолюции, — которое стояло бы на позиции коалиционной власти и тянуло бы к соглашательству с буржуазией, и поэтому такая власть не может быть терпима». В заключение форум избрал Областной комитет Советов рабочих и солдатских депутатов Западной Сибири из 12 чел. (8 большевиков, 2 левых эсера и 2 меньшевика-интернационалиста). Его председателем стал уполномоченный ЦК РСДРП(б) по Западной Сибири Н. Н. Яковлев⁶².

Под воздействием этих съездов менялась в сторону радикализации позиция низовых Советов, в том числе крестьянских. Например, если совещание представителей Советов крестьянских депутатов, земств, демократических организаций и партий Алтайской губернии 22–23 декабря признало необходимость передачи всей полноты государственной власти Учредительному собранию и ответственному перед ним социалистическому правительству, то открывшийся 29 декабря 4-й съезд Советов крестьянских депутатов Каменского уезда этой губернии выразил условную поддержку Учредительному собранию, «если оно будет выполнять волю трудового народа». В таком же духе принимает резолюцию 1-й Курганский уездный съезд, собравшийся с целью создания Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов 17–18 декабря и объединивший Советы. Он избрал временный исполнительный комитет Совета крестьянских депутатов из 10 чел. и постановил «прежний состав Совета крестьянских депутатов считать распущенным и недействительным»⁶³. В последнем случае мы имеем дело с достаточно распространенной применительно к Сибири тактикой большевиков, о которой один из руководителей томских эсеров С. А. Кудрявцев писал: они стоят «только за те Советы, которые берут власть в свои руки. Если же Советы этого не делают, то они спокойно их распускают, назначая военно-революционные комитеты, а там, где этого сделать нельзя, большевики с такими Советами просто не считаются, как это имеет место в Томске с губернским исполнительным комитетом Совета крестьянских депутатов». Ярким примером подобного поведения является ликвидация «соглашательского» Совета военных депутатов в Иркутске

путем «самороспуска» его исполкома, а затем выборы нового Совета, в котором преобладали уже большевики, и создание 19 ноября единого Совета рабочих и солдатских депутатов⁶⁴. Вместе с тем зачастую в самих Советах рабочих и солдатских депутатов большевики не имели большинства. Так, по состоянию на 30 ноября среди депутатов Омского Совета рабочих и солдатских депутатов было: большевиков — 100, социал-демократов интернационалистов — 32, социал-демократов (меньшевиков) — 17, социалистов-революционеров — 51, народных социалистов — 3, беспартийных — 109 чел.⁶⁵

К слову, главная опора Советов — рабочие не были однородной массой в плане восприимчивости большевистских лозунгов. Их радикализм определялся в значительной степени резким ухудшением материального положения. По оценке Д. М. Зольникова, слой пролетариев, принявший социалистическую революцию по идейным соображениям, насчитывал в Сибири примерно 5–6 тыс. чел.⁶⁶ Проходившие одновременно в конце октября конференции и съезд рабочих и служащих Забайкальской (Иркутск) и Томской (Томск) железных дорог при обсуждении текущего момента приняли противоположные резолюции. В первом случае переход власти к Советам расценивался как «опасный политический эксперимент» и содержался призыв к сплочению всей демократии в борьбе «за неотложный созыв Учредительного собрания». Во втором — прошла большевистская резолюция о передаче всей власти Советам⁶⁷.

Существенное воздействие на процесс советизации Сибири оказывали солдаты местных гарнизонов. Можно согласиться с двумя основополагающими выводами, сформулированными в данной связи Н. С. Ларьковым. Во-первых, прослеживается прямая зависимость между итогами выборов в Учредительное собрание в сибирских гарнизонах и временем установления советской власти в местах их дислокации (чем больше голосов отдано большевикам, тем раньше местные Советы брали власть в свои руки). Во-вторых, чем меньше по численности был гарнизон, тем консервативнее он оказывался⁶⁸. Значительно поправало Сибирское казачье войско. 2-й войсковой круг его (11–22 сентября) отменил решение 1-го круга о расказачивании и сформулировал по «казачьему вопросу» те положения, которые в ходе гражданской войны

отставали белоказаки. Большинство резолюций круга современниками квалифицировались как кадетские или околкадетские. Тем не менее в войске были сильные позиции и левых («трудо-вые казаки»), которые 4–6 октября арестовали членов войскового самоуправления и не допустили создания полнокровного войскового правительства, которые уже существовали на Дону, Кубани, Южном Урале⁶⁹.

Военнослужащие стали ударной силой большевиков. Не случайно упомянутый выше 1-й Общесибирский съезд Советов в Иркутске принял специальное «Положение о военном отделе Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов», которые должны были состоять из выборных делегатов от рот и им подобных частей. Все их постановления являлись обязательными для личного состава гарнизона. Члены исполнительных комиссий военных отделов Советов освобождались от нарядов и занятий на время работы в отделе, а также не подлежали отправке на фронт со своими маршевыми подразделениями⁷⁰. Солдаты и младшие офицеры активно участвовали в деятельности различного рода съездов, конференций, совещаний местного и регионального масштаба, выборах в органы местного самоуправления, зачастую преобладали в объединенных Советах рабочих и солдатских депутатов, партийных организациях социалистического толка.

Тем не менее их значение в советизации Сибири не следует преувеличивать, прежде всего из-за резкого сокращения личного состава гарнизонов. По данным на 1 октября 1917 г., при списочной численности Иркутского военного округа в 47 377 чел., а Омского 132 602 чел. налицо имелось соответственно 18 390 и 27 952 чел. Большинство отсутствующих находилось «в командировках и отпусках» или «в бегах»⁷¹. Роль военных в революционных преобразованиях в Сибири демонстрируют в какой-то мере приводимые Н. С. Ларьковым в приложении сведения о 59 руководителях Советов различных уровней (от городских до общесибирских) в период конца 1917 — начала 1918 г. Действительно, 28 из них (или 47,45%) являлись военными и были призваны в армию во время первой мировой войны. Достаточно приличное представительство, но 7 из них были профессиональными революционерами, отбывавшими ссылку и носившими военную форму с ноября 1916 по март 1917 г. (В. М. Косарев, А. И. Окулов,

Б. З. Шумяцкий, Н. Н. Яковлев и др.). Служба в армии для них стала коротким эпизодом в биографии, причем туда они пришли, уже обладая сложившимися взглядами. Следовательно, доля собственно военных сокращается до 21 (или 35,5%). Приличная величина, но существенно меньше, чем у профессиональных революционеров (подвергавшихся репрессиям при самодержавии по политическим мотивам). Среди 59 их насчитывалось 31 (52,3%), из них 30 вступили в партию (в основном в РСДРП) до 1917 г., а трое (В. М. Косарев, Н. М. Немцов, В. Н. Соколов) — в 1898 г.⁷²

Еще одной характерной особенностью внутреннего быта сибирских гарнизонов поздней осенью 1917 г. стали обострившиеся отношения между солдатами и офицерами. Постановлением 3-го Западно-Сибирского съезда Советов отменялись персональные воинские звания и чины, знаки отличия и ордена, за исключением боевых наград, вводилась выборность начальствующего состава, а офицеры по своему статусу уравнивались с солдатами и подлежали разоружению. На его основе Омский воком 14 декабря издает приказ № 840, предписывающий «в целях полной демократизации войск» немедленно провести в жизнь означенные меры⁷³. Офицерский корпус как отдельная социальная группа подлежал упразднению. Данная акция в обращении Томского Совета офицерских депутатов квалифицировалась как предпосылка к развязыванию братоубийственной гражданской войны⁷⁴. В частях начинается массовое разоружение командного состава, прекращается выплата денежного довольствия, причем не избранные на должности переводятся на солдатский паек, с «реакционных» офицеров «снимают» (срывают) погоны. Зачастую эти мероприятия носили издевательский характер. Решением исполнительного бюро Красноярского Совдепа на солдатский паек переводятся бывший начальник гарнизона полковник Ауэ и ряд старших офицеров, подлежащих отставке по возрасту; они лишаются права на пенсию⁷⁵.

Следствием подобной политики стали юнкерские выступления 1–4 ноября в Омске и 8–16 декабря в Иркутске, которые в советской историографии однозначно подавались как антисоветские. Действительно, как установил В. Л. Кожевин, юнкера двух омских школ прапорщиков находились под влиянием правых эсеров, поддерживали Совет крестьянских депутатов и идею единой социалистической власти⁷⁶, но для $\frac{3}{4}$ состава школ пра-

порщиков 1917 года первым мотивом восстаний против советской власти было стремление сохранить свои офицерские погоны, — замечает участник событий М. М. Басов, — а потом уже искусственно прививались политические мотивы»⁷⁷.

Драматичнее ситуация развивалась в Иркутске. Руководитель Центросибири, а с 7 декабря — командующий округом Б. З. Шумяцкий вспоминает: «Несмотря на роспуск офицерских школ во всей России и начавшуюся демобилизацию армии на всех фронтах, иркутяне вынуждены были терпеливо выносить разгул распоясавшейся военщины... Юнкера и прапорщики, кончившие школы в чиновничьем Иркутске, требовали немедленного производства в офицеры и назначения в армию, а в связи с этим и соответствующих сумм для обмундирования, суточных и прогонных»⁷⁸. 5 декабря он издал приказ, предписывающий неуклонно проводить в жизнь решения СНК по демобилизации армии. В ответ 7 декабря делегация юнкеров в ультимативной форме потребовала немедленного производства в офицеры всех выпускников военных училищ (три школы прапорщиков и военное училище), выдачи необходимых сумм и отправки их в части. ВРК требования отклонил, заявив, что прежних полков нет, как и офицеров, и что «он не признает погонов»⁷⁹. 8 декабря в городе начались бои, продолжавшиеся восемь дней, после окончания которых на улицах подобрали 277 трупов, среди 568 раненых четверть составили мирные жители⁸⁰. На помощь ВРК были направлены красногвардейские и воинские формирования из Кургана, Красноярска, Ачинска, Канска, Черемхово и других городов. Тем не менее ни одной из сторон не удалось переломить ситуацию. Тогда подписывается мирное соглашение, предусматривающее расформирование школ прапорщиков, с выдачей юнкерам свидетельств об их окончании, но без производства в офицеры. Военное училище продолжало функционировать «впредь до решения вопроса о военных учебных заведениях». Но советская сторона, получив подкрепление, в конечном счете отказалась выполнять его⁸¹.

Начавшаяся демобилизация и ликвидация офицерского корпуса предопределили переход на антисоветские позиции определенной части офицеров, оставшихся без работы. В частности, Томский Совет офицерских депутатов и созданное им бюро по трудоустройству используют местными эсерами для формирования вооруженного подполья⁸². 18 ноября есаул Г. М. Семенов со своим

добровольческим отрядом предпринял попытку захватить власть в Верхнеудинске. Потерпев неудачу, он перебрался в Маньчжурю, где при поддержке управляющего КВЖД генерала Д. Л. Хорвата начал формирование «Особого Маньчжурского отряда». Доставивший в декабре в Омск свой партизанский отряд есаул Б. В. Анненков также оказался перед выбором. «С упразднением чинов, званий, с расформированием армии офицеры лишались всяких средств к существованию, — отмечал он. — Им просто некуда было идти, а потому каждый готов был предложить себя любому, кто давал хоть какую-то возможность служить. Другого ремесла они просто не знали. На этой почве у офицерства усиливалось недовольство советской властью, и они стали организовываться для борьбы за восстановление своего положения». В конечном счете «в начале января 1918 г. на небольшой железнодорожной станции вблизи Омска состоялось нелегальное собрание представителей от войска, не подчинившегося Советам. Было решено не признавать их как законную власть. Казакам предписывалось разойтись по близлежащим станицам и ожидать дальнейших распоряжений. Из всего казачьего войска осталось 6–7 малочисленных групп. Мой отряд, насчитывавший 24 человека, расположился в шести верстах от Омска в станице Захламинской. Чтобы привлечь на нашу сторону колебавшихся казаков, отряд произвел налет на Омский казачий собор, откуда нам удалось похитить Знамя Ермака и Войсковое знамя трехсотлетия Дома Романовых»⁸³. Следует заметить, что до апреля 1918 г. отряд Анненкова боевых действий против советской власти не предпринимал.

Еще одним мощным фактором консолидации мелкобуржуазных (социалистических) группировок на антибольшевистской основе становится областничество. Выше мы уже писали об отношении к нему основных политических и общественных группировок региона. Осенью 1917 г. под областническими лозунгами произошла консолидация эсеров, народных социалистов, части меньшевиков, кооператоров, земцев, собственно областников и националистов при руководящей роли эсеров. Формирование и консолидация блока осуществлялись на следующей основе:

1) поддержка Учредительного собрания, которое «в тот день, когда оно даст демократическую конституцию России, даст Сибири Сибирскую областную думу»⁸⁴;

2) революционное оборончество («решительные меры для подавления предательских действий в тылу и на фронте во имя спасения завоеванных революцией свободы и народовластия»)⁸⁵;

3) «хозяином Сибири должна быть Сибирская областная дума, избранная всем населением»⁸⁶;

4) «вся земля всему трудовому народу, трудящемуся на земле». Подушное наделение земель без различия пола и возраста по трудовой норме без права купли-продажи;

5) предоставление народам региона культурно-национальной автономии и представительства в Областной думе.

Естественно, каждая из вышеперечисленных группировок вносила в программу свое толкование: так, имелись определенные разногласия по аграрному вопросу. Но в целом участники блока приняли эту программу. Областничество предоставило лозунги, и прежде всего идею автономии Сибири и законодательной Областной думы.

Сами областники отрицали наличие капиталистических отношений в регионе. «Фабрично-заводская промышленность здесь находится в зачаточном состоянии, и поэтому класс буржуазии недостаточно силен, а кадры городского пролетариата не так значительны», — утверждал К. В. Дубровский. Ему вторил А. М. Мейерович: «В Сибири нет еще почвы для крайней формации классовой мысли пролетарского социализма... Пока же этого класса почти в Сибири нет, та группа, которая в Сибири живет продажей своей рабочей силы, настолько деклассированна и случайна, настолько проникнута психологией крестьянства и мещанства мелких городов, что о ней серьезно могут говорить в Сибири только пришлые эсдеки, плохо знающие ее истинную природу или сознательно не понимающие духа диалектического материализма»⁸⁷.

Исходя из этих положений Н. Н. Козьмин теоретически обосновал отрицательное отношение местной буржуазии и ее политических организаций к областничеству. По его мнению, «в Сибири до сих пор действует капитал торговый и ростовщический, а не промышленный. Торговый капитал находится в такой тесной зависимости от капитала промышленного центра и заинтересован в сохранении тесных связей с метрополией. Этим объясняется тот факт, что в областническом движении не принимала учас-

тия сибирская буржуазия»⁸⁸. Основной фигурой местной жизни они по-прежнему считали крестьянство. Традиционно отрицалась социальная дифференциация деревни, как следствие благотворного воздействия кооперации. «Были кулаки-купцы, — замечал председатель Новониколаевского бюро Сибирского союза независимых социалистов-федералистов Н. П. Литвинов, — но кооперация вытеснила или вытесняет их из деревни». Развивая этот тезис, А. М. Мейерович категорично заявлял: «Кооператизм Сибири глубоко народен, в этом его успех... это кооператизм канадских фермеров, по пути которых несомненно пойдет сибирское крестьянство»⁸⁹.

Запланированный Томским губернским народным собранием Общесибирский областной съезд должен был открыться в Томске 2 августа, но к назначенному сроку прибыло всего 77 делегатов, в том числе от Томска и губернии 57 чел. В создавшейся ситуации принимается решение конституировать собрание как конференцию общественных сил Сибири. На ней присутствовали представители основных политических партий: кадет И. А. Некрасов, народные социалисты А. В. Адрианов и Н. К. Бауман, бундовец И. А. Мачун, социал-демократы К. Г. Бронгман, П. А. Казацкий, В. М. Круликовский, И. Л. Наханович; они еще не успели размежеваться на большевиков и меньшевиков. Внушительно выглядели эсеры: И. Я. Вдовин, Е. А. Захаров, Ф. С. Лисенко, А. Е. Новоселов, Д. Ф. Портнягин, М. П. Рудаков, Б. Д. Марков, председательствовавший на заседаниях. Активное участие в форуме приняли представители национальных объединений Б. Вампилун, З. С. Гайсин, А. Кульджин, С. Д. Майнагашев, А. К. Побызиков, А. И. Юняев и др.

Делегаты утвердили «Постановление Сибирской конференции общественных организаций по вопросу об автономном устройстве Сибири», в котором проводилась мысль о том, что «Сибирь, в качестве автономной единицы, должна обладать той полнотой законодательной, исполнительной и судебной власти, какой обладают штаты в соединенных федеративных государственных соединениях». С целью осуществления перечисленных функций предполагалось созвать Сибирскую областную думу с широким комплексом полномочий, санкционированных всероссийским Учредительным собранием. Кроме того, было принято решение провести в октябре в Томске общесибирский областной съезд для

обсуждения вопроса об организации Думы. Для его подготовки конференция образовала Центральный сибирский организационный комитет из 24 делегатов и дополнительно кооптировала в него 57 представителей от большинства сибирских и дальневосточных городов. В комитете преобладали эсеры, националисты, областники и кооператоры⁹⁰.

Реально Центральный сибирский организационный комитет, если судить по его протоколам, работал в следующем составе: Г. Н. Потанин, Н. Я. Новомбергский, П. П. Гудков, М. П. Рудаков, Д. Ф. Портнягин, Е. В. Захаров, М. Б. Шатилов⁹¹. Из них только трое первых не были эсерами. Комитет собирался на квартире Е. В. Захарова и решал чисто технические вопросы.

В августе — сентябре 1917 г. мелкобуржуазные группировки развернули активную подготовку к съезду, но возбудить интерес общественных сил региона к предстоящему мероприятию не удалось. «Несмотря на энергию, проявленную сибирским организационным комитетом по созыву областного съезда, — иронизировал кадетский „Омский вестник“, — его стремление вызвать в городах Сибири мощное областное движение, которое должно было явиться яркой демонстрацией жизненности идей областничества в Сибири, не дало шумных результатов: никакого возбуждения в общественных кругах в связи с предстоящим съездом в Томске не наблюдалось»⁹².

Тем не менее на съезд возлагались большие надежды. Ф. И. Зобнин восторженно провозгласил его «предучредительным сибирским собранием»⁹³. На форуме предполагалось выработать и обосновать такую программу автономии Сибири, которую бы утвердило Учредительное собрание⁹⁴. Наконец, он использовался как своеобразный рычаг для давления на Временное правительство, ничего, по мнению его организаторов, не сделавшее для Сибири за семь месяцев революции⁹⁵.

Первый сибирский областной съезд открылся 8 октября в библиотеке Томского университета. О том, кто играл ведущую роль в его работе, можно судить по зарисовке, сделанной его председателем Вл. М. Крутовским: «На эстраде позади стола президиума красовалось бело-зеленое знамя областников с надписью: „Да здравствует автономная Сибирь!“, а по бокам два красных с надписями „Земля и воля“ на одном и „В борьбе обрешь ты право свое!“ — на другом»⁹⁶.

Приглашения были разосланы 22 типам организаций (Советам, профсоюзам, городским думам, земствам, национальным объединениям, парткомам и т. д.), всего 557 мандатов. Зарегистрировалось же 182 делегата, или менее трети планируемого числа. Из прибывших в партийном отношении 94 чел. (72 члена и 22 сочувствующих), или 52%, являлись эсерами, 21 (12%) — меньшевиками, 8 (4,5%) — областниками-автономистами и социалистами-федералистами, 5 (2%) — кадетами, 4 — большевиками и 20 (11%) — беспартийными. Делегаты представляли 210 различных объединений, в том числе 55 местных самоуправлений (городских дум, земских управ), 54 Совета, в том числе 33 крестьянских, 30 национальных объединений, 12 губернских и городских парткомов различных партий, 10 земельных комитетов, по 9 — от профсоюзов, научных и учебных заведений, по 6 — от кооперации и продовольственных комитетов.

Четыре дня ушло на заслушивание «обширных» докладов М. Б. Шатилова «Сибирь как составная часть Российской федеративной республики» и Е. В. Захарова «Областное устройство Сибири». Во время прений выяснилось, что по вопросу автономии Сибири среди делегатов не было единства взглядов даже внутри отдельных фракций. Против автономии высказались кадеты и часть меньшевиков. Ее сторонники, в свою очередь, разделились на признающих Сибирь в качестве единого региона и выступающих за ее дробление на ряд областей. Тем не менее эсеры продолжали гнуть свою линию, не скрывая стремления подчинить областничество партийным интересам. Дискуссия развернулась и по аграрному вопросу. Докладчик эсер Н. Н. Козьмин кратко определил актуальность его включения в повестку: «Власть немыслима без земли». В конечном счете 15 октября принимается резолюция «Земельный вопрос в Сибири», в которой признается необходимость ликвидации частной собственности на землю, весь земельный фонд предлагается считать общенародным достоянием, но предназначенным преимущественно для пользования местного населения. В виде исключения разрешалось применение наемного труда «с гарантией его охраны».

16 октября делегаты утвердили постановление «Областное устройство Сибири», представляющее собой комплекс нормативных положений, определяющих статус Сибири в составе Россий-

кого государства, основные принципы функционирования автономии, структуру ее органов управления, их компетенцию и порядок формирования. Признавая единство Российской республики, документ требовал для ее частей «автономии национальной или территориальной». При этом законодательно «должны быть обеспечены права национальных меньшинств в местностях со смешанным населением и права наций без территории, путем образования экстерриториальных персонально-автономных союзов». Как утверждалось Сибирь имеет все права на автономию, и в пределах полномочий, определенных «центральным парламентом», вся полнота власти в регионе должна принадлежать Сибирской областной думе, «избранной на основе всеобщего, прямого, равного и тайного избирательного права с соблюдением начал пропорционального представительства».

Как автономия Сибирь «имеет право передать часть принадлежащих ей законодательных полномочий отдельным областям и национальностям, занимающим отдельную территорию, если последние этого потребуют, превращаясь таким образом в федерацию, т. е. в союз областей и национальностей». Разумеется, не забыли делегаты и о щекотливой проблеме границ Сибири, определив их «по водоразделу на восток от Урала, со включением всего Киргизского края, при свободном на то волеизъявлении занимающего эти пределы населения».

Ведению Сибирской областной думы подлежали: «1) местное бюджетное право; 2) народное образование; 3) общественная безопасность; 4) народное здравие; 5) местные пути сообщения, почта и телеграф; 6) право в установлении тарифов и пошлин; 7) распоряжение народным достоянием — землей, недрами, лесами и водами, на основаниях, которые будут установлены Учредительным собранием; 8) дело переселения и расселения; 9) изменение конституции Сибири, за исключением того, что касается расширения компетенции Сибирской областной думы за счет центрального парламента; 10) местные работы и предприятия; 11) социальное законодательство и развитие общереспубликанских законов; 12) вообще все дела местного характера». Кроме того, Дума формировала и контролировала деятельность исполнительного органа — Кабинета министров, а также определяла основные принципы местного управления на началах де-

централизации и коллегиальности городских и земских самоуправлений.

Предполагалось «для обеспечения законности в области внутреннего управления» создать независимый административный (верховный) суд, «обособленный от суда уголовного и гражданского, организованный на последовательном проведении во всех инстанциях выборного начала и имеющий кассационную инстанцию — смешанную коллегию, состоящую из юристов и лиц, обладающих опытом в делах управления».

Оценивая этот документ, следует заметить, что с точки зрения государственно-правовой он давал, как нам представляется, оптимальный вариант федеративного устройства России с четко проработанной системой организации управления на уровне региона (области), разделения функций центральной и местной властей, в которых проводился принцип размежевания на законодательную (Дума), исполнительную (Кабинет министров) и судебную (административный суд). Нормативный акт сочетал оба подхода к федерализму — национальный и территориальный. Кроме того, он гарантировал сохранение этнической самобытности национальным меньшинствам в районах смешанного проживания и для экстерриториалов. Наконец, в документе закладывалась возможность дальнейшего совершенствования национально-государственных структур внутри региона за счет постепенной трансформации их «в союз областей и национальностей». С этой точки зрения данный документ не потерял актуальности и в настоящее время.

На заключительном заседании 17 октября делегаты приняли резолюцию о необходимости скорейшего проведения учредительного съезда «на основе всеобщих, прямых, равных и тайных выборов от губерний и областей Сибири», который должен будет рассмотреть общие положения автономного устройства региона. Для подготовки форума был избран исполнительный комитет в составе Г. Н. Потанина, Н. А. Алексеева, Б. М. Гана, А. А. Еремкова, Е. В. Захарова, Вл. М. Крутовского, С. А. Новгородова, М. Б. Шатилова и шести кандидатов (Б. Вампилун, П. П. Гудков, П. Я. Дербер, Г. И. Жерновков, Н. Н. Козьмин, Ю. Р. Саиев). В основном члены комитета придерживались социалистической ориентации, группировались вокруг эсеров. Помимо исполкома для подготовки экономической программы и проработки вопроса о фор-

мировании сибирской армии создаются экономический и военный советы.

Октябрьский переворот вызвал отрицательную реакцию у сторонников областной думы. Происходит консолидация собственно областников на антибольшевистской платформе. «Союз областников обращается ко всем сибирякам, — говорилось в резолюции, принятой на собрании Красноярского союза областников-автономистов, — ко всем общественным организациям Сибири и всем национальностям высказать свой протест этим преступным узурпаторам и насильникам народных прав и свобод и всеми способами оказывать им сопротивление; а также разъяснять преступную и гибельную для Родины авантюру „большевиков“ — предателей Родины и приспешников Вильгельма»⁹⁷. Характерными чертами областнической публицистики становятся прорицание скорого краха большевизма и призыв к «единению всех демократических сил», дабы ускорить его наступление⁹⁸.

Выборы в Учредительное собрание продемонстрировали отрицательное отношение населения к областничеству и его лозунгам. Например, в Енисейской губернии сторонники движения, выступавшие отдельным списком, получили в Красноярске 214 голосов, в Ачинске — 15, в Минусинске — 21. Не имели успеха и томские областники, проходившие по списку ТСНП. В губернском центре за них проголосовало 4 419 избирателей (меньше, чем за большевиков, эсеров и кадетов), в Кузнецком уезде из 98 869 принявших участие в выборах свой голоса им отдали только 627 чел.⁹⁹

Со второй половины ноября антибольшевистские группировки в Сибири переходят в наступление, используя областнические лозунги. Исполнительный комитет, избранный октябрьским областным съездом, извещает о том, что «ввиду исключительных обстоятельств момента» 6 декабря созывается в Томске «Чрезвычайный сибирский съезд». Начинается пропагандистская подготовка акции. Прежде всего, отвергается власть «насильников» — большевиков. «Теперь, под влиянием политического авантюризма, обуревающего столицы, политическое сознание проясняется, — нецела новониколаевская „Свободная Сибирь“. — Роль центра изжита. Столицы и их деятели в состоянии политического маразма». Развивая этот тезис, Н. Н. Козьмин писал: «Захват гвардейскими полками и частью фабричных рабочих власти в Петрограде и

местные солдатские пронунциamento (военные перевороты. — М. Ш.), устроенные штыками пришлых солдат в сибирских городах, вскрыли картину полного государственного развала. Государство распалось на ничем не связанные части. Центральная власть оказалась миражом и лишенной реальной связи с местами»¹⁰⁰.

Отсюда логически рождался вывод, что Сибирь в обстановке начавшейся «смуты» должна самостоятельно искать пути спасения. А для этого требовалось создать свой представительный орган — Сибирскую областную думу. Мелкобуржуазная демократия во главе с эсерами начинает сомневаться в решении всех проблем Учредительным собранием. «Сибирь вправе была рассчитывать на областное самоуправление, — отмечалось в одной из местных газет. — И этого она ждала от Учредительного собрания. Но что будет с Учредительным собранием и соберется ли оно — об этом приходится только гадать»¹⁰¹.

Со всех сторон раздавались советы в адрес предстоящего форума. Кадетский «Омский вестник» предостерегал относительно попыток создания Сибирского временного правительства: «Между тем Сибири в этом случае следовало бы обнаружить свою самостоятельность вовсе не в спешном создании опереточного при нынешних условиях „правительства“, а просто-напросто спокойно выждать, когда большевистский социализм созреет, прорвется, как всякая опухоль, исцелительным гноем и навсегда исчезнет». А. В. Адрианов, наоборот, предлагал действовать быстро и решительно, не дожидаясь созыва Учредительного собрания, ибо надежды на него «как полномочного хозяина земли русской не оправдались». Кадетская «Свободная Сибирь», приетествуя открытие съезда, подчеркивала: «Если нет уже целостной России, то настал час спасти хотя бы часть государства, распавшегося и гибнущего». М. Д. Курский призывал его спасти Россию «от автоматического произвола петроградского центра, культивирующего приказы германского империализма»¹⁰².

Чрезвычайный сибирский областной съезд открылся 6 декабря. На него прибыло 182 делегата, в том числе 160 с решающим голосом¹⁰³. По сравнению с октябрём усилилось представительство мелкобуржуазных группировок (примерно 90% участников), 76% делегатов относились к мелкобуржуазной и буржуазной интеллигенции. Причем 26 чел. послали Советы крестьянских депутатов,

24 — кооперативные организации, 22 — национальные объединения, 18 — городские думы, 16 — железнодорожные и профессиональные комитеты. Советы рабочих и солдатских депутатов представляли 8 чел. (Бийск, Тюмень, Кустанай). 22 депутата вообще никем не избирались. Это члены исполкома, избранные на октябрьском съезде, и представители Центрального сибирского организационного комитета.

На первых заседаниях Чрезвычайный съезд лишил права решающего голоса представителей цензовых элементов (13 чел.), что вызвало резко отрицательную реакцию со стороны буржуазных организаций и прессы. Непонятный на первый взгляд маневр с цензовиками легко объясняется последующими действиями руководителей форума — эсеров. 9 декабря съезд обратился к крестьянам, солдатам, рабочим и казакам региона. Заявив о твердом желании «присупить к организации временной всесибирской социалистической власти» и мимоходом выразив «горячее желание спасти Сибирь и вместе с нею Россию», делегаты призвали: «Все, в ком бьется чувство любви к трудящимся; все, кто одушевлен мыслью свободной жизни всех сибирских народностей, все под знамя сибирского съезда трудящихся. Все на защиту сибирской социалистической власти. Да здравствует общесоциалистическая власть в Сибири!»

Одновременно принимается постановление о том, что будущее сибирское правительство должно быть однородно-социалистическим. Оно вызвало возражение со стороны объединенной фракции городских и земских самоуправлений, областников, кооператоров и академических групп. От ее имени против вхождения большевиков в правительство, «находя, что нельзя совместно работать с людьми, руки которых обгажены братской кровью», выступил Г. Б. Пагушинский. Тогда от фракций эсеров, меньшевиков, национальных групп 77 голосами против 34 воздержавшихся принимается следующая формула: «Переходя к вопросу о конструкции временной власти в Сибири, Чрезвычайный сибирский съезд постановляет, что до Учредительного собрания Сибири орган контролирующей и законодательной должен состоять исключительно из представителей демократии без участия цензовых элементов, что же касается до власти исполнительной, то она должна быть социалистической, причем в состав органа исполнительной власти могут

войти все социалистические партии от народных социалистов до большевиков включительно, с представительством национальностей, если партии принимают платформу настоящего съезда, т. е. безусловную борьбу за избранное всеобщим, равным и тайным голосованием Всероссийское Учредительное собрание и за областное народоправство Сибири, так как только эта платформа может предотвратить полный государственный развал». Отсюда следовало, что большевики теоретически могли быть в составе исполнительного органа власти, но при условии признания «платформы съезда».

На последнем заседании 15 декабря Чрезвычайный областной съезд принял решение создать «во имя спасения Сибири общесибирскую социалистическую, от народных социалистов до большевиков включительно, с представительством национальностей, власть в лице Сибирской областной думы и Областного совета, ответственного перед Областной думой». На 8 января 1918 г. назначается открытие 1-й сессии Думы в Томске. Одновременно в декларации по текущему моменту форум постановил «в кратчайший срок, не позднее марта созвать Сибирское учредительное собрание на основе всеобщего, прямого, равного и тайного избирательного права». Единственным источником власти в России объявляется Всероссийское Учредительное собрание. Тем самым вопрос о создании сибирского правительства прямо ставился в зависимость от решений данного собрания. Вместе с тем, связав себя с ним, областной съезд пытался добиться определенных гарантий против разгона Думы и Областного совета, поскольку СНК высказывался в конце 1917 г. за созыв Учредительного собрания.

Антибольшевистская направленность съезда отчетливо проявилась в принятых на нем «Положениях о временных органах управления Сибири». Согласно статье 5-й документа, эти органы свою деятельность должны были осуществлять на «узаконениях Российской республики, изданных до 24 октября 1917 г. включительно, а также на узаконениях и распоряжениях Всероссийского Учредительного собрания». Таким образом, областной съезд отказался признавать советскую власть и ее декреты.

Значительные затруднения у организаторов форума вызвал вопрос о создании сибирского правительства. Формально, согласно «Положениям о временных органах управления Сибири», за-

конодательная власть принадлежала Сибирской областной думе, а исполнительная — Областному совету, ответственному перед Думой. Но эти органы получали легитимность только после одобрения Учредительным собранием законопроекта о сибирской автономии. Поэтому вынашиваемые накануне съезда планы завершить его работу созданием регионального правительства пришлось на время отложить. А то, что они были и имелся подготовленный проект состава правительства, явствует уже из фрагмента телеграфных переговоров П. Я. Дербера, А. Е. Новоселова, А. А. Сотникова с подполковником А. А. Краковецким в конце декабря. Сообщая последнему в Киев о результатах съезда, Дербер и Новоселов поясняли: «Первоначально съезд составлял полное министерство, и в него Вы действительно входили военным министром, а затем ввиду скорого созыва Думы был образован Временный областной совет без разделения портфелей».

В это «полное министерство», или Временный сибирский областной совет, на заседании форума 13 декабря предлагается избрать 16 чел.: Г. Н. Потанина, П. Я. Дербера, А. А. Краковецкого, А. Е. Новоселова, Е. В. Захарова, Г. Б. Патушинского, Г. Н. Неометулова, Тележинского, Г. М. Маркова, А. Н. Букейханова, Е. Е. Колосова, М. Ж. Тапыбатева, М. Б. Шатилова, М. С. Полюгова, И. С. Михайлова, С. П. Никонова. Из них 10 являлись эсерами, 5 — представителями национальных объединений. Из присутствующих на заседании 85 делегатов (из 160) за данный состав Совета проголосовало 52, воздержалось — 24, против — 9. Не получив большинства, предложенные кандидатуры были забаллотированы. Лишь на заключительном заседании, «ввиду скорого созыва Думы», был избран Временный сибирский областной совет «без разделения портфелей». Его председателем стал Г. Н. Потанин, членами — П. Я. Дербер, А. Е. Новоселов, М. Б. Шатилов, Г. Б. Патушинский. Управляющим делами Совета был назначен Е. В. Захаров. За исключением Г. Н. Потанина и народного социалиста Г. Б. Патушинского, все остальные являлись правыми эсерами.

Таким образом, декабрьский Чрезвычайный областной съезд был организован и проведен блоком организаций мелкобуржуазных партий и группировок под руководством эсеров с целью сорвать установление большевистской диктатуры в регионе. С другой стороны, на нем в очередной раз пытались реанимиро-

вать идею коалиции и однородного-социалистического правительства.

О непосредственной реакции общественности на областной съезд и его решения можно судить по колоритной зарисовке о митинге в его поддержку, состоявшемся в общественном собрании Томска 13 декабря. С основным докладом, обосновывающим необходимость автономии региона, выступил Г. Б. Патушинский. Но дальше события развивались не по сценарию организаторов. Следующим выступил большевик солдат Новиков. «Я как солдат, крестьянин и рабочий скажу с другой точки зрения, — начал он. — На этом съезде один только буржуй и капиталист. Я спрошу, товарищи, были ли выборы от крестьян? Нет, ни от крестьян, ни от солдат, ни от рабочих не выбирали. Были выборы от капитала! Там сидят кооперативы, да земства... Они говорят, что войну нужно продолжать до победного конца». Попытки председательствующего остановить выступление «вызывали только возмущение среди присутствующих солдат, — замечает репортер, — просим, испугались буржуа! Пусть говорит!». Оратор подчеркнул, что «Учредительное собрание — это буржуазный подвох», и закончил: «У них много юристов и офицеров, но мы должны, товарищи, верить лишь Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов».

Попытка делегата съезда эсера С. А. Кудрявцева доказать «демократичность» форума вызвала отрицательную реакцию зала. Новиков прервал оппонента и «начал снова громить соглашателей. Коснувшись Сибири, Новиков находит, что Советы крестьянских депутатов, посланные своих делегатов на сибирский съезд, не могут считаться выразителями народной воли, поскольку, например, Томский губернский Совет крестьянских депутатов не захотел, чтобы у князя Львова отобрали землю до Учредительного собрания, и что этот Совет не хочет работать с Советом рабочих и солдатских депутатов». После его выступления большая группа солдат покинула митинг. «Мы вам хлеба не дадим», — крикнул кто-то из них, выходя.

С большой речью на митинге выступил меньшевик-интернационалист, впоследствии большевик Ф. М. Лыткин. Он прямо заявил, что съезд, прикрывшись демократической вывеской, по сути является буржуазным. «Этот съезд, — по его мнению, — представляет подобие московского Государственного совещания... и если

он вздумает организовать какую-либо власть, помимо Советов, то пусть ему будет известно, что он затевает гражданскую войну, которая уже вспыхнула на Юге, перебросилась через Урал и отразилась в Иркутске, но пусть он (съезд. — *М. III.*) знает, что солдаты, рабочие и крестьяне за ним не пойдут»¹⁰⁴.

В этой обстановке власть в отдельных городах Сибири начали брать в свои руки Советы рабочих и солдатских депутатов (27 октября — Канск, 28 октября — Ачинск, 29 октября — Красноярск, 5 ноября — Черемхово, 10 ноября — Минусинск, 17 ноября — Енисейск, 19 ноября — Иркутск, 20 ноября — Нижнеудинск, 30 ноября — Омск, 3 декабря — Барнаул, 6 декабря — Томск, 14 декабря — Новониколаевск, 2 января 1918 г. — Курган). Всего к началу января 1918 г., по данным Э. И. Черныка, советская власть «победила в 25 уездах из 50, в 5 из 8 губернских и областных центров»¹⁰⁵. Причем выражалась победа в принятии Советами соответствующих деклараций, а иногда в создании военно-революционных и просто революционных комитетов. Представляется необходимым существенным образом откорректировать концепцию «триумфального» шествия советской власти. Во-первых, никакого триумфа не было с учетом сроков советизации региона (да и страны в целом) по сравнению с Февральской революцией. Во-вторых, приведенные выше даты требуют пересмотра. Так, в сибирском «Кронштадте» — Красноярске — советская власть устанавливается не 29 октября и даже не 4 ноября, когда местный Совет преодолел сопротивление чиновников-саботажников, а 21 ноября — после роспуска Комитета общественного спасения¹⁰⁶. В Томске, как указывалось выше, взявший 6 декабря власть в свои руки губисполком Совета рабочих и солдатских депутатов 30 декабря заключает соглашение с эсеровскими губисполкомом Совета крестьянских депутатов и губернской земской управой о создании коалиционного органа власти в губернии — губернского комисариата и лишь 13 января 1918 г. разрушает его.

И даже там, где подобные эксцессы не происходили, единовластия Советов не было, поскольку продолжали действовать органы местного самоуправления — городские думы и земства, осуществлявшие хозяйственно-распорядительные функции в масштабах городов, уездов и губерний (областей). Более того, взаимоотношения этих структур строились на базе признания Советами за думами

и земствами прав юридических лиц. Например, в декларации об установлении советской власти в Новониколаевске подчеркивалось: «Городская дума и уездное земство остаются самостоятельными в своих хозяйственных делах, но подконтрольными Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов»¹⁰⁷. Более того, когда в городской думе возник конфликт по поводу определения приоритетных направлений ее деятельности, то большевистская фракция отказалась от участия в деятельности городской управы «впредь до признания городской думой советской власти. Вместе с тем фракция заявляет, что она будет принимать самое деятельное участие в работах думских комиссий»¹⁰⁸. В ответ на установление (декларацию) советской власти в Барнауле местная городская дума 7 декабря приняла специальную резолюцию о том, что она «как орган самоуправления, избранный населением на основах демократического избирательного права, не признает власти Военно-революционного комитета; но ввиду спокойствия и безопасности города и сохранения в нем, по возможности, нормальной жизни будет продолжать свою работу до тех пор, пока то будет возможно, к чему призывает все учреждения и служащих города»¹⁰⁹. Таким образом, в процессе «триумфального» шествия советской власти в Сибири — с ноября 1917 г. по март — апрель 1918 г. — в реальности имело место многовластие, когда якобы взявшие эту власть Советы сосуществовали с городскими думами и земскими органами. Единовластие Советов после ликвидации этих органов начинает устанавливаться с февраля — марта 1918 г.

Первые шаги советской власти (ноябрь 1917 — первая половина января 1918 г.) были очень скромными: введение рабочего контроля за производством и особенно распределением товаров, и прежде всего продовольствия, создание революционных трибуналов, демобилизация военнослужащих местных гарнизонов¹¹⁰. Для центрального большевистского руководства Сибирь в рассматриваемое время представляла интерес благодаря своим значительным продовольственным ресурсам. Еще в конце октября Я. М. Свердлов и И. В. Сталин передают местным партийным функционерам Б. З. Шумяцкому и Н. Н. Яковлеву следующую установку: «Главная доля участия большевиков Западной Сибири в восстановлении за власть Советов заключается в борьбе за хлеб, за продовольствие, чтобы регулярно, „бешеным“ темпом, снабжать ими вос-

ставшие центры». Уже 13 января 1918 г. В. И. Ленин дает указание «принять самые революционные меры для продвижки заготовок хлеба в Питер из Сибири»¹¹¹.

Параллельно с Советами активизируются антибольшевистские силы под руководством эсеров. Их средоточием становится Временный сибирский областной совет, хотя частично его усилия вплоть до 30 декабря направлялись на преодоление кризиса, возникшего в связи с отказом Г. Н. Потанина от председательствования в нем. Об этом Потанин неоднократно говорил в беседах с членами совета 20, 21, 23 декабря и, наконец, 30 декабря направил формальное заявление об отставке¹¹². Правы те исследователи, которые считают, что главными причинами этого являлись антибольшевистские позиции патриарха областничества и его отрицательное отношение к устранению от работы в Областной думе ценовых элементов¹¹³.

Г. Н. Потанин понимал, что его имя используется как знамя для консолидации антибольшевистских сил, и на первых порах против этого не возражал. Устраивало его и то, что деятельность совета проходила без его участия. «Мне только приносили, — замечал он, — время от времени некоторые документы для подписи, в которых не заключалось никакого расхождения с моими взглядами»¹¹⁴. Между Потаниным и эсерами из Временного сибирского областного совета не было принципиальных разногласий, все они стояли на антисоветских позициях. «Областной сибирский совет состоит из молодых людей, — признавал Григорий Николаевич, — из разговоров с ними я убедился, что, несмотря на их молодые годы, они далеко опытнее в ведении партийной борьбы. Все они эсеры и противники большевиков». Разногласия носили тактический характер. Прямолинейный и принципиальный Потанин требовал разрыва с большевиками и немедленной борьбы с ними. «Политика совета показалась мне недостаточно прямой и откровенной. Я относился к большевикам как к узурпаторам, совет же в таком мнении о них не признавался. Он как будто избегал откровенно высказаться по этому вопросу»¹¹⁵. Эсеры действовали более осторожно, тем более на кагуне созыва Учредительного собрания.

Уход Г. Н. Потанина с поста председателя Временного сибирского областного совета свидетельствовал о переходе определенной части областников на позиции кадетов, но это не означало

изменения позиции всех областников-автономистов. В Областном совете продолжали работать Г. Б. Патушинский, М. Б. Шатилов, их поддерживали В. И. Анучин, Н. Н. Козьмин, К. В. Дубровский. Определенная же часть последователей Г. Н. Потанина заняла нейтральную позицию. Она сформулирована в передовой статье «Сибирская республика» в газете «Иркутская жизнь» от 24 декабря: «Мы должны сказать, что голоса сибирского народа, если бы такой был как отличный от великоросского, до сих пор не было слышно при решении вопроса о судьбе Сибири. Высказались только партии и представители некоторых невлиятельных организаций... Сибиряки-солдаты не доросли до идеи сибирской независимости. Отдаться же внешним друзьям значит не видеть независимости, призван против Родины-России — ее врагов»¹¹⁶.

Уход Г. Н. Потанина больно ударил по Областному совету, и на заседании 1 января 1918 г. совет принял мотивированное заявление для печати, в котором пригрозил идеологу областничества сообщить об обстоятельствах, предшествующих и сопровождавших его отказ служить будущей Сибирской областной думе. На том же заседании председателем совета избирается П. Я. Дербер.

Временный сибирский областной совет продолжил тактику Чрезвычайного декабрьского съезда по отношению к Советам. В принятом 22 декабря обращении к ним он рассыпался в любезностях. «Советы — не только мозг трудовой демократии, — говорилось в нем, — они являются также стражами и часовыми по охране всех завоеваний народно-трудовой революции. Советы — это мощь идейная, политическая и материальная, на которую Учредительное собрание и Областная дума должны опираться». Далее Советам предлагалось послать своих делегатов в Думу, так как они «должны быть кровно заинтересованы в своем представительстве в Областной думе»¹¹⁷. В другом обращении «К народам Сибири» Временный сибирский областной совет призвал все население встать на защиту сибирской «социалистической» власти, обещая ему «осуществить переход земель в общенародное достояние без выкупа, организацию народного хозяйства в интересах трудящихся» и, в согласии со Всероссийским Учредительным собранием, заключить «всеобщий демократический мир»¹¹⁸. Материальную поддержку совету должна была оказать кооперация, контролируемая эсерами. С этой целью 2-й Всесибирский съезд коопе-

ративов 6–9 января 1918 г. в Новониколаевске заявил, что «сибирская кооперация всех видов всемерно будет поддерживать Областную думу не только морально и материально, но и своим представительством». Тут же на основании просьбы выступившего на съезде члена Временного сибирского областного совета Г. Б. Патушинского определяются суммы ассигнований, необходимых в «первый организационный период ее работы», в виде беспроцентной ссуды. Была выработана шкала величины взносов районных и областных кооперативных объединений в зависимости от их финансовых возможностей — от 500 до 100 тыс. руб.¹¹⁹

Полную поддержку совету выразили меньшевики и эсеры¹²⁰. В частности, Томский губком ПСР одобрил его политику в отношении Советов. «Сибирский областной совет безусловно верно понял природу Советов и органов управления, — заявлялось в передовой статье его органа. — Он стоит на правильной точке зрения в вопросе о задачах Советов и Областной думы и Учредительного собрания. И он, бесспорно, прав, когда приглашает Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов исполнить свой долг перед избирателями и делегировать своих представителей в Думу»¹²¹.

В такой ситуации встречала Сибирь разгон Учредительного собрания и полную победу В. И. Ленина и большевиков на 3-м Всероссийском съезде Советов. Как заметил Э. Карр, их противники больше порицали в данном событии недостойное поведение и трусость В. М. Чернова, чем большевиков-ленинцев¹²². Случившееся следует объяснить отсутствием в России сколь-нибудь прочных демократических традиций и соответствующего уровня политической культуры, взаимной отчужденностью населения и власти, низкой легитимностью новых политических институтов, Учредительного собрания в том числе. В этих условиях, в обстановке катастрофического ухудшения жизни, отсутствия даже минимального согласия между политическими и социальными группами общества, Учредительное собрание, по-видимому, объективно не могло играть роль надежного механизма, способного преодолеть национальный кризис. Приход большевиков к власти в столицах и крупных городах, опубликование Декрета о земле — все это побуждало население, прежде всего крестьян, спокойно отнестись к разгону конституционной ассамблеи.

Ликвидация Учредительного собрания окончательно исчерпала возможность мирного разрешения вопроса о власти путем создания коалиции социалистов, в том числе и на региональном уровне. Так предопределялась ситуация вползания страны в состояние гражданской войны. Так, Временный сибирский областной совет 7 января 1918 г. направил телеграмму в адрес Совнаркома, заявив, что «узурпация власти Учредительного собрания народными комиссарами приведет к крайнему обострению отношений между Сибирью и Петроградом. Власть узурпаторов Сибирь не признает»¹²³. В эсеровской среде, по данным А. А. Бондаренко, «повсеместно резко стали нарастать антибольшевистские, антисоветские настроения». Под их руководством начинается формирование вооруженного антисоветского подполья. Одновременно с этим на путь вооруженного противостояния с большевиками встали оставшиеся без работы и средств существования офицеры. Первыми вооруженную борьбу с ними начали казачьи отряды есаулов Б. В. Анненкова, Г. М. Семенова, А. А. Сопникова, И. Н. Красильникова. Одновременно создавались офицерские подпольные организации¹²⁵.

Проведенный нами анализ показывает, что во второй половине 1917 г. в Сибири все участвующие в политическом процессе объединения и группировки начинают непосредственную борьбу за власть на местах, стараясь подчинить своему влиянию Советы, профсоюзы, городские думы и вновь создаваемые земские органы. Осенью среди политических формирований региона доминируют большевики и эсеры. Уступая последним по численности, количеству организаций и контролируемых ими структур, большевики явно превосходили конкурентов по уровню организованности, сплоченности, подчиненности решениям ЦК.

На протяжении всего рассматриваемого периода, и особенно в конце 1917 г., четко проявляется стремление к созданию коалиции социалистических партий (их организаций на местах). На практике это осуществлялось путем образования комитетов защиты революции во время корниловщины, в период эпопеи выборов в Учредительное собрание, в ходе начавшегося захвата власти

большевиками. При этом в однородно-социалистические коалиции дверь не была закрыта и для большевиков, и первоначально (август — декабрь) кое-где (Чита, Омск, Томск и другие города) они принимали в них участие. Более того, власть Советов устанавливалась большевиками в коалиции с представителями других социалистических партий (левые эсеры, меньшевики-интернационалисты) и при поддержке беспартийных.

Пожалуй, главным политическим событием второй половины 1917 г. стали выборы в Учредительное собрание, ситуация вокруг них. Результаты голосования в Сибири принесли убедительную победу эсерам, поддержанным подавляющей частью местного крестьянства. Что касается городов, то здесь в целом ряде случаев позиции большевиков были настолько сильны, что по отдельности ни кадеты, ни эсеры, ни меньшевики не могли противостоять им. Для этого требовалось единство сил мелкобуржуазных и буржуазных элементов, а его не было.

Ни о каком «триумфальном» шествии советской власти, с точки зрения сроков ее установления, и речи быть не могло: Советы сосуществовали с городскими думами и земскими учреждениями, продолжавшими выполнять хозяйственно-распорядительные функции в городах, уездах, областях и губерниях. В регионе начиная с ноября 1917 г. по март — апрель 1918 г. фактически было многовластие, определяемое конкретным соотношением политических сил в пределах административно-территориальных образований.

Наряду с Советами в конце рассматриваемого периода активизируются мелкобуржуазные (социалистические) группировки, выступавшие с областническими лозунгами автономии Сибири и создания регионального представительного органа — Сибирской областной думы. Происходит консолидация антибольшевистской коалиции, включавшей эсеров, народных социалистов, часть меньшевиков, собственно областников, кооператоров, земцев и националов при руководящей роли эсеров. Разгон Учредительного собрания окончательно развел противоборствующие группировки и предопределил сползание страны в ситуацию гражданской войны.

ПРИМЕЧАНИЯ

§ 1. СИТУАЦИЯ В РЕГИОНЕ НАКАНУНЕ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

- ¹ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 1916. Д. 9. Ч. 81. Л. В, 1, 3, 5, 11, 13; оп. 1917. Д. 9. Ч. 87. Л. В, 1, 2.
- ² Шиловский Д. М. Крестьянские выступления 1861–1916 гг. в Томской губернии как форма правонарушений // Вопросы истории Сибири XX века: Межвуз. сб. науч. тр. Новосибирск, 1999. С. 44.
- ³ Рабочее движение в Сибири: историография, источники, хроника, статистика в трех томах. Томск, 1991. Т. 3. С. 8; Томск, 1990. Т. 2. С. 17.
- ⁴ Булдаков В. Красная смута: Природа и последствия революционного насилия. М., 1997. С. 17.
- ⁵ Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи и правового государства. СПб., 1999.
- ⁶ Головин Н. Н. Военные усилия России в мировой войне // Военно-истор. журн. 1993. № 6. С. 67–68.
- ⁷ Ильиных В. А., Ноздрин Г. А. Очерки по истории сибирской деревни. Новосибирск, 1995. С. 149.
- ⁸ Каатарадзе А. Г. Военные специалисты на службе Республики Советов 1917–1920 гг. М., 1988. С. 26–27.
- ⁹ Волков С. В. На углях великого пожара. М., 1990. С. 53.
- ¹⁰ Иванов Вс. И. Душа армии // Иванов Вс. И. Огни в тумане: Рерих — художник — мыслитель. М., 1991. С. 154.
- ¹¹ Цит. по: Петрушин А. Омск, Аян, Лубянка... Три жизни генерала Пепеляева // Родина. 1996. № 9. С. 59.
- ¹² Баталов А. Н. Борьба большевиков за армию в Сибири. 1916 — февраль 1918 г. Новосибирск, 1977.
- ¹³ См. подробнее: Шиловский М. В. Факторы, влияющие на социальную активность крестьянства Кузбасса в первые два десятилетия XX века // Балибаловские чтения: Мат. науч. практ. конф., посв. 80-летию городского статуса Кемерово. Кемерово, 1998. С. 50–55; Он же. Специфика политического участия сибирского крес-

- тянства в социальных катаклизмах начала XX в. // Социокультурное развитие Сибири XVII–XX века: Бахрушинские чтения 1996. Новосибирск, 1998. С. 64–74.
- ¹⁴ Шиловский Д. М. Указ. соч. С. 49.
- ¹⁵ Томские епархиальные ведомости. 1915. 1 июня; Митрополит Вениамин (Федченков). На рубеже двух эпох. М., 1994. С. 122.
- ¹⁶ ГАТО. Ф. 411. Оп. 1. Д. 350. Л. 118.
- ¹⁷ Там же. Д. 269. Л. 25.
- ¹⁸ Зинооьев В. П. Этапы индустриального освоения Сибири // Хозяйственное освоение Сибири: вопросы истории. Томск, 1994. С. 20; Винокуров М. А., Суходолов А. П. Экономика Сибири 1900–1928. Новосибирск, 1996. С. 152.
- ¹⁹ Скубневский В. А. Промышленность городов Сибири XIX — начала XX века // Вопросы экономической истории России XVIII–XX вв. Томск, 1996. С. 76.
- ²⁰ Рабочий класс Сибири в дооктябрьский период. Новосибирск, 1982. С. 369.
- ²¹ Зольников Д. М. Рабочие Сибири в годы первой мировой войны и Февральской революции. Новосибирск, 1982. С. 38.
- ²² Мосина И. Г. Формирование буржуазии в политическую силу в Сибири. Томск, 1978. С. 38; Рабинович Г. Х. Крупная буржуазия и монополистический капитал в экономике Сибири конца XIX — начала XX вв. Томск, 1975. С. 301.
- ²³ Мосина И. Г. Указ. соч. С. 166.
- ²⁴ Сидоренко С. А. Февральская буржуазно-демократическая революция и начало перехода к революции социалистической в Сибири. Челябинск, 1970. С. 22–23.
- ²⁵ Плотников А. Е. Интеллигенция и общественное движение в Сибири (конец XIX — начало XX вв.) // История российской интеллигенции (мат. и тезисы науч. конф.). М., 1995. Ч. 1. С. 43.
- ²⁶ Сиб. жизнь. 1915. 8 янв.
- ²⁷ Кроль Л. А. За три года (воспоминания, впечатления, встречи). Владивосток, 1921. С. 67, 68.
- ²⁸ Из следственного дела Н. В. Некрасова 1921, 1931, 1939 гг. // Вопр. истории. 1998. № 11/12. С. 21.
- ²⁹ Сиб. жизнь. 1913. 10 сент.
- ³⁰ Вернадский Г. В. Ленин — красный диктатор (1931). М., 1998. С. 16.

- ³¹ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 1915. Д. 9. Ч. 81. Л. Б, 20.
- ³² ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 992. Л. 59.
- ³³ ГАНО. Ф. Д-51. Оп. 1. Д. 1590. Л. 14.
- ³⁴ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 1916. Д. 20. Ч. 27. Л. Б, 24, 26.
- ³⁵ ГАЧО. Ф. 239. Оп. 1. Д. 18а. Л. 9.
- ³⁶ Щербаков Н. Н. Численность и состав политических ссыльных Сибири (1907–1917 гг.) // Ссыльные революционеры в Сибири (XIX — февраль 1917 г.). Иркутск, 1973. Вып. 1. С. 209–211; Хазиахметов Э. Ш. Сибирская политическая ссылка 1905–1917 гг. Томск, 1978. С. 19.
- ³⁷ Хазиахметов Э. Ш. Сибирская политическая ссылка... С. 24, 21; Щербаков Н. Н. Влияние ссыльных пролетарских революционеров на культурную жизнь Сибири (1907–1917). Иркутск, 1984. С. 224.
- ³⁸ Хазиахметов Э. Ш. Большевики в Нарымской ссылке. Новосибирск, 1967. С. 155.
- ³⁹ Елаев А. А. Бурятия: путь к автономии и государственности. М., 1994. С. 21.
- ⁴⁰ См.: Шиловский М. В. «Национальная идея» Эльбека-Доржи Ринчино // Междунар. науч.-теор. конф. «Эльбек-Доржи Ринчино и народно-демократическое движение в России, Центральной Азии в XX веке»: Докл., тезисы, сообщ. Улан-Удэ, 1998. С. 9–12; Он же. Некоторые вопросы взаимоотношений русских и казахов в Степном крае (XVIII — начало XX вв.) // Степной край: зона взаимодействия русского и казахского народов (XVIII–XX вв.): Междунар. науч. конф., посв. 175-летию Омской области. Тезисы докл. и сообщ. Омск, 1998. С. 14–17.
- ⁴¹ Гинс Г. К. Переселение и колонизация. СПб., 1913. С. 28.
- ⁴² Ринчино Э.-Д. Областническое движение в Сибири и социал-демократия (1914) // Эльбек-Доржи Ринчино: Документы, статьи, письма. Улан-Удэ, 1994. С. 33.
- ⁴³ ГАЧО. Ф. 398. Оп. 1. Д. 32. Л. 1.
- ⁴⁴ Косых Е. Н. Цены в Томске в 1917 году // Вопросы экономической истории России XVIII–XX вв. Томск, 1996. С. 58–59.
- ⁴⁵ ГАНО. Ф. Д-127. Оп. 1. Д. 3. Л. 8, 355.
- ⁴⁶ Там же. Д. 5. Л. 8.
- ⁴⁷ ГАНО. Ф. Д-97. Оп. 1. Д. 6. Л. 39.

- ⁴⁸ Косых Е. И. Указ. соч. С. 59; Новосибирск: 100 лет. События. Люди. Новосибирск, 1993. С. 107.
- ⁴⁹ Голос Сибири. (Новониколаевск.) 1917. 10 февр.
- ⁵⁰ Третьяков В. В., Третьяков В. Г. Кадеты Восточной Сибири в 1905–1917 гг. Иркутск, 1997. С. 206.

**§ 2. ФОРМИРОВАНИЕ ОСНОВНЫХ
ПОЛИТИЧЕСКИХ ГРУППИРОВОК
В СИБИРИ ПОСЛЕ ФЕВРАЛЬСКОЙ
РЕВОЛЮЦИИ (МАРТ – ИЮЛЬ 1917 г.)**

- ¹ Сталин И. В. Об условиях победы русской революции // Сталин И. В. Соч. М., 1951. Т. 3. С. 11–12.
- ² Бабилова Е. Н. Двоевластие в Сибири. Томск, 1980. С. 74.
- ³ Третьяков В. В., Третьяков В. Г. Кадеты Восточной Сибири в 1905–1917 гг. Иркутск, 1997. С. 208–209.
- ⁴ Архангельский В. Г. Первый месяц Февральской революции 1917 г. в Иркутске // Вольная Сибирь. (Ирага.) 1927. № 2. С. 50.
- ⁵ Гуревич В. Я. Февральская революция в Красноярске // Там же. С. 115–121.
- ⁶ По данным Е. Н. Бабиловой, из 1 396 членов 35 КОБов (из примерно 1 850) 155 относились к ценовикам, в т. ч. 106 являлись предпринимателями и торговцами, 32 были священнослужителями, 237 интеллигентами и чиновниками, 207 мелкими служащими, 252 рабочими и ремесленниками, 121 солдатами, около 260 крестьянами и 42 бывшими политехсылными. См.: Бабилова Е. Н. Двоевластие в Сибири. С. 74.
- ⁷ Бабилова Е. Н. Взаимоотношения Советов Сибири с органами диктатуры буржуазии в период двоевластия // Вопросы социалистического строительства в Сибири (1917–1929 гг.). Томск, 1983. С. 56.
- ⁸ Третьяков В. В., Третьяков В. Г. Указ. соч. С. 209.
- ⁹ Зыкова В. Г. Крестьянские исполнительные комитеты в Сибири в период Октябрьской революции // Вопросы социального и экономического развития советской Сибири. Томск, 1986. С. 4, 8.
- ¹⁰ Сафронов В. П. Октябрь в Сибири. Красноярск, 1962. С. 136.

- ¹¹ Большевики Западной Сибири в борьбе за социалистическую революцию (март 1917 – май 1918 г.): Сб. док. и мат-лов. Новосибирск, 1957. С. 18–19.
- ¹² Бабилова Е. Н. Взаимоотношения Советов Сибири... С. 56.
- ¹³ Там же. С. 61.
- ¹⁴ Архангельский В. Г. Указ. соч. С. 52–53.
- ¹⁵ Кожевин В. Л. Совет офицерских депутатов Томского гарнизона (март – декабрь 1917 г.) // Исторический ежегодник Омск. гос. ун-та. Омск, 1997. С. 95.
- ¹⁶ Красноярский край в истории отечества. Красноярск, 1996. Кн. 1. С. 318; Архангельский В. Г. Указ. соч. С. 56; Яцук Т. Ф. Организация и начало деятельности Омского коалиционного комитета // 280 лет Омску: история и современность (тезисы докл. и сообщ. науч. конф.). Омск, 1996. С. 88; Омский вестник. 1917. 7 марта.
- ¹⁷ Яцук Т. Ф. Указ. соч. С. 89.
- ¹⁸ Агалаков В. Т. Советы Забайкалья в 1917–1918 гг. // 50 лет освобождения Забайкалья от белогвардейцев и иностранных интервентов: Мат-лы науч. конф. Чита, 1972. С. 175.
- ¹⁹ Большевики Западной Сибири... С. 23.
- ²⁰ История рабочего класса Восточного Забайкалья (1707–1922 гг.): Сб. док. и мат-лов. Иркутск, 1981. Т. 1. С. 191.
- ²¹ Победа Великого Октября в Сибири. Томск, 1987. Ч. 1. С. 146.
- ²² Бабилова Е. Н. Двоевластие в Сибири. С. 140.
- ²³ Цит. по: Василевский В. И. Забайкальская партийная организация в 1917–1918 гг. // 50 лет освобождения Забайкалья... С. 165.
- ²⁴ Архангельский В. Г. Указ. соч. С. 49–50.
- ²⁵ Гуревич В. Я. Указ. соч. С. 117.
- ²⁶ Третьяков В. В., Третьяков В. Г. Указ. соч. С. 211–212.
- ²⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 146.
- ²⁸ Шорников М. М. Большевики Сибири в борьбе за победу Октябрьской революции. Новосибирск, 1963. С. 153–154.
- ²⁹ Сафронов В. П. Указ. соч. С. 137–138; Очерки по истории Иркутской организации КПСС. Иркутск, 1966. Т. 1. С. 229.
- ³⁰ Керенский А. Ф. Россия на историческом повороте (1966). М., 1993. С. 167.
- ³¹ Волобуев П. В., Булдаков В. П. Октябрьская революция: новые подходы к изучению // Вопр. истории. 1996. № 5/6. С. 34.

- ³² *Ромас А. А.* Февральская революция 1917 г. в России и Приамурском крае: Новый взгляд на некоторые события и факты // Дальний Восток России в период революции 1917 года и гражданской войны. Владивосток, 1998. С. 26–30; *Ящук Т. Ф.* Указ. соч. С. 89.
- ³³ *Бабикова Е. Н.* Взаимоотношения Советов Сибири... С. 60.
- ³⁴ Цит. по: *Гайда А. Ф.* Февраль 1917 года: революция, власть, буржуазия // *Вопр. истории.* 1996. № 3. С. 38.
- ³⁵ *Бабикова Е. Н.* Двоевластие в Сибири. С. 92.
- ³⁶ *Бабикова Е. Н.* Временное правительство и создание органов диктатуры буржуазии в Сибири // *Из истории социально-экономической и политической жизни Сибири.* Томск, 1976. С. 114–115, 117.
- ³⁷ *Хазиахметов Э. Ш.* О социально-партийном составе актива сибирской демократии в 1917–1918 годах // *Революция 1917 года в России: История, современность, поиски путей примирения и согласия: Мат-лы регион. науч. конф.* Омск, 1997. С. 57–58.
- ³⁸ *Хазиахметов Э. Ш.* Роль бывших ссыльных в политической борьбе 1917–1918 гг. в Сибири // *Исторический ежегодник Омск. гос. ун-та.* Омск, 1997. С. 110–111.
- ³⁹ *Сафронов В. П.* Указ. соч. С. 147, 638–654; *Аликеев В. В.* Сведения о большевистских организациях с марта по декабрь 1917 г. // *Вопр. истории КПСС.* 1958. № 3. С. 121–127.
- ⁴⁰ *Зольников Д. М., Феценко Е. В.* Партийное строительство социал-демократических организаций Сибири в период двоевластия (март – начало июля 1917 г.) // *Классы и политические партии в Октябрьской революции и гражданской войне в Сибири.* Новосибирск, 1991. С. 68.
- ⁴¹ *Черняк Э. И.* Эсеровские организации в Сибири в 1917 – начале 1918 гг. Томск, 1987. С. 48, 55, 56, 58, 59.
- ⁴² Цит. по: *Березовский Ф. А.* Александр Ефремович Новоселов (1922) // *Развитие литературно-критической мысли в Сибири.* Новосибирск, 1986. С. 220.
- ⁴³ *Шинкарюк И. А.* О деятельности народных социалистов Сибири в 1917 г. // *Вопросы социалистического строительства в Сибири.* Томск, 1983. С. 98–101.
- ⁴⁴ *Сиб. жизнь.* (Томск.) 1917. 17 авг.

- ⁴⁵ *Сибирь.* (Иркутск.) 1917. 23 июля.
- ⁴⁶ Подсчитано по анкетным карточкам делегатов (ГАТО. Ф. Р-578. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–182).
- ⁴⁷ *Гинев А. Н.* Аграрный вопрос и мелкобуржуазные партии в России в 1917 г. Л., 1977. С. 139.
- ⁴⁸ *Трудовая народно-социалистическая партия: Программа.* Пг., 1917. С. 10.
- ⁴⁹ *Коломьцева Л. М.* Конституционные демократы в Сибири (февраль 1917 – начало 1918 г.). Дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1993. С. 43, 58.
- ⁵⁰ *Харусь О. А.* К вопросу о политической организованности сибирской буржуазии накануне социалистической революции // *Октябрь и гражданская война в Сибири: История. Историография. Источниковедение.* Томск, 1993. С. 26; *Третьяков В. В., Третьяков В. Г.* Указ. соч. С. 217.
- ⁵¹ *Третьяков В. В., Третьяков В. Г.* Указ. соч. С. 216, 220.
- ⁵² *Свободная Сибирь.* (Красноярск.) 1917. 12 апр.
- ⁵³ *Нам И. В.* Сибирские организации Бунда в 1917 г. // *Вопросы истории общественно-политической жизни Сибири периода Октября и гражданской войны.* Томск, 1982. С. 44–45.
- ⁵⁴ *Штырбул А. А.* Анархистское движение в Сибири в первой четверти XX века. Омск, 1996. Ч. 1. С. 146.
- ⁵⁵ *Разгон И. М.* Об объединенных организациях РСДРП в Сибири в 1917 году // *Вопросы истории общественно-политической жизни Сибири периода Октября и гражданской войны.* С. 33.
- ⁵⁶ *Бабикова Е. Н.* Двоевластие в Сибири. С. 39.
- ⁵⁷ *Зиновьев В. П.* Социально-политический облик сибирского отряда рабочего класса России накануне революции 1917 г. // *Из истории социально-экономической и общественно-политической жизни советской Сибири.* Томск, 1992. С. 12.
- ⁵⁸ *Петренко А.* Февральская революция в Томске // *Пролетарская революция.* 1926. № 2. С. 99.
- ⁵⁹ *Перейра Н.* Сибирь: политика и общество в гражданской войне. М., 1996. С. 31.
- ⁶⁰ *Колосов Е. Е.* Новые течения среди социалистов // *Наш голос.* (Красноярск.) 1917. 16 марта.
- ⁶¹ *Зольников Д. М.* Рабочее движение в Сибири в 1917 г. Новосибирск, 1969. С. 130.

- ⁶² Черняк Э. И. Политические партии в Сибири (март 1917 — ноябрь 1918 гг.): Съезды, конференции, совещания. Томск, 1993. С. 55–56, 64.
- ⁶³ Большевики Западной Сибири... С. 25.
- ⁶⁴ Черняк Э. И. Политические партии в Сибири. С. 10.
- ⁶⁵ Косых Е. Н. Периодическая печать Сибири (март 1917 — май 1918 гг.). Томск, 1994. С. 212–213.
- ⁶⁶ Там же. С. 32–33.
- ⁶⁷ Дробченко В. А. Профессиональное движение в общественно-политической жизни Сибири (март 1917 — май 1918 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1999. С. 10.
- ⁶⁸ Там же. С. 12, 19.
- ⁶⁹ Зольников Д. М. Классы и партии в Сибири в марте — апреле 1917 года // Классы и политические партии в Октябрьской революции и гражданской войне в Сибири. С. 11–12.
- ⁷⁰ Косых Е. Н. Цены в Томске в 1917 году // Вопросы экономической истории России XVIII–XX вв. Томск, 1996. С. 62, 64.
- ⁷¹ Чернова И. В. Самоуправление в армии в период революций 1917 года (на материалах Томского гарнизона) // Гражданское общество и региональное развитие: Мат-лы науч.-практ. конф. Томск, 1994. С. 33–34.
- ⁷² Кожевин В. Л. Указ. соч. С. 100.
- ⁷³ Баталов А. Н. Борьба большевиков за армию в Сибири (1916 — февраль 1918). Новосибирск, 1978. С. 230–275.
- ⁷⁴ Томская область: Исторический очерк. Томск, 1994. С. 248; Кожевин В. Л. Указ. соч. С. 96–97.
- ⁷⁵ Черняк Э. И. Эсеровские организации в Сибири. С. 65.
- ⁷⁶ Ларьков Н. С. Начало гражданской войны в Сибири. Армия и борьба за власть. Томск, 1995. С. 31–32.
- ⁷⁷ Подсчитано на основании анализа анкет делегатов съездов (ГАТО. Ф. Р-552. Оп. 1. Д. 11. Л. 1–349; Ф. Р-578. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–182).
- ⁷⁸ Цит. по: Петрушин А. Омск, Аян, Лубянка... Три жизни генерала Пепеляева // Родина. 1996. № 9. С. 59.
- ⁷⁹ Дружинина О. М. Динамика политических настроений забайкальского казачества на фронте (март — август 1917 г.) // Забайкалье: некоторые аспекты истории края. Чита, 1993. С. 72, 74.

- ⁸⁰ Михеев А. П. Омский ударный «батальон смерти» // Омский вестник. 1992. 12 июля.
- ⁸¹ Дружинина О. М. Указ. соч. С. 80–81.
- ⁸² Шульдяков В. А. Сибирское казачье войско: начало политического раскола (август — октябрь 1917 г.) // Изв. Омск. гос. ист.-краевед. музея. 1997. № 5. С. 172–173.
- ⁸³ Шульдяков В. А. Политические течения в Сибирском казачьем войске весной 1917 г. (1-й войсковой съезд) // Октябрь и гражданская война в Сибири. Томск, 1993. С. 13; Смирнов Н. Н. Слово о забайкальских казаках: Исторический очерк-хроника. Волгоград, 1994. С. 535.
- ⁸⁴ Якимова Т. В. О формировании политических настроений крестьянства Западной Сибири после победы Февральской буржуазно-демократической революции // Вопросы социалистического строительства в Сибири (1917–1929 гг.). Томск, 1983. С. 90; Зыкова В. Г., Якимова Т. В. Общественно-политическая жизнь сибирского крестьянства в 1917 г. // Из истории социальной и общественно-политической жизни советской Сибири. Томск, 1992. С. 36.
- ⁸⁵ Якимова Т. В. Крестьянство Томской губернии о самоуправлении в 1917 г. // Гражданское общество и региональное развитие. С. 36.
- ⁸⁶ Зыкова В. Г., Якимова Т. В. Указ. соч. С. 26.
- ⁸⁷ Якимова Т. В. Материалы уездных крестьянских съездов как источник по истории общественно-политической жизни крестьянства Западной Сибири в 1917 г. // Октябрь и гражданская война в Сибири: История. Историография. Источниковедение. Томск, 1985. С. 44.
- ⁸⁸ Горюшкин Л. М. Крестьянское движение в Сибири в 1917 г. Новосибирск, 1975. С. 109.
- ⁸⁹ Победа Великого Октября в Сибири. Ч. 1. С. 248.
- ⁹⁰ Нам И. В. Съезды национальных меньшинств Сибири (1917 — начало 1918 г.) // Октябрь и гражданская война в Сибири. Томск, 1993. С. 86–89; Она же. Сибирские немцы в условиях первой мировой войны и революции // Немцы. Россия. Сибирь. Омск, 1996. С. 135–137.
- ⁹¹ Цит. по: Эдиков В. И. Возвращение мастера. Горно-Алтайск, 1994. С. 116.

- ⁹² Съезды, конф. и совещания социально-классовых, религиозных, национальных организаций в Забайкальской области (март 1917 — ноябрь 1918 г.). Томск, 1991. С. 69.
- ⁹³ ГАОО. Ф. 151. Оп. 1. Д. 14. Л. 8–9.
- ⁹⁴ Красильников С. А. Организации томской интеллигенции в 1917 году // Некоторые вопросы истории древней и современной Сибири. Новосибирск, 1976. С. 72.
- ⁹⁵ Казанский П. Мартовские дни в Барнауле: (Воспоминания участника) // Сиб. рассвет. 1919. № 5. С. 125, 127.
- ⁹⁶ Сиб. записки. (Красноярск.) 1917. № 3. С. 144; Свободная Сибирь. (Новониколаевск.) 1917. 15 марта, 2 апр.; ГАНО. Ф. 144. Оп. 1. Д. 58. Л. 11, 12; ГАТО. Ф. Р-552. Оп. 1. Д. 11. Л. 264–265; Безрукова А. В. Политическое банкротство мелкобуржуазных партий на Дальнем Востоке и в Забайкалье (март 1917 — июль 1918 гг.). Дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 1974. С. 55.
- ⁹⁷ ГАИО. Ф. 609. Оп. 1. Д. 7. Л. 60; д. 8. Л. 8–9; Дубровский К. Сибирь и областничество // Сибирь. 1917. 21 апр.; Он же. Хорошие признаки // Там же. 15 июня; Сиб. речь. (Омск.) 1917. 2 июня.
- ⁹⁸ ГАКК. Ф. 865. Оп. 1. Д. 1. Л. 13, 14.
- ⁹⁹ Приишимье. (Петропавловск.) 1918. 30 авг.; Сиб. вестник. 1918. 1 сент.; Вольная Сибирь. (Пг.) 1918. 30 марта.
- ¹⁰⁰ ГАИО. Ф. 609. Оп. 1. Д. 7. Л. 63–64.
- ¹⁰¹ Там же. Л. 82.
- ¹⁰² ГАКК. Ф. 865. Оп. 1. Д. 1. Л. 13; Путь народа. (Томск.) 1917. 13 дек.
- ¹⁰³ Сибирь. 1917. 15 июня.
- ¹⁰⁴ Портнягин Д. Будущее Сибири как области // Путь народа. 1917. 7 окт.
- ¹⁰⁵ Мейерович А. Общесибирский съезд и областничество // Иркутская жизнь. 1917. 24 авг.
- ¹⁰⁶ Потанин Г. Н. Н. А. Рожков о сибирской автономии // Сиб. жизнь. 1917. 18 июля.
- ¹⁰⁷ Сиб. жизнь. 1917. 4 авг.
- ¹⁰⁸ Потанин Г. Н. К ипородческому вопросу // Сиб. жизнь. 1917. 14 мая.
- ¹⁰⁹ Серебрянников И. И. Инородческий вопрос в Сибири. Иркутск, 1917. С. 12.

- ¹¹⁰ См.: Шиловский М. В. Сибирские областники в 1917 г.: к историографии проблемы // Историческая наука на рубеже веков. Томск, 1999. Т. 2. С. 88–95.
- ¹¹¹ Сиб. речь. 1917. 24 мая.
- ¹¹² Свободная Сибирь. (Красноярск.) 1917. 16 мая.
- ¹¹³ Там же.
- ¹¹⁴ Сибирь. 1917. 8 авг.; Свободная Сибирь. 1917. 10 сент., 29 окт.
- ¹¹⁵ Зольников Д. М., Фещенко Е. В. Указ. соч. С. 69.
- ¹¹⁶ Шиловский М. В. Общественно-политическое движение в Сибири второй половины XIX — начала XX века: Учеб. пособие. Новосибирск, 1995. Вып. 1: Областники. С. 101.
- ¹¹⁷ Адрианов А. В. Кто такой Анучин? // Сиб. жизнь. 1917. 7 мая; Байкалов А. Кто такой Анучин? // Сиб. жизнь. 1917. 8 июня.
- ¹¹⁸ Черняк Э. И. Политические партии в Сибири... С. 13, 16, 25, 61; Слово трудового крестьянина. (Омск.) 1917. 13 июня; Черно К. А., Чернова И. В. Общественно-политические организации Западной Сибири и вопрос о войне в марте — июне 1917 г. // Из истории революций в России (первая четверть XX в.). Томск, 1996. Вып. 1. С. 216, 219; Черняк Э. И. Отношение эсеров в Сибири к войне после Февральской революции 1917 г. // Из истории социально-экономической и политической жизни Сибири. Томск, 1976. С. 142.
- ¹¹⁹ Черняк Э. И. Политические партии в Сибири... С. 13, 55.
- ¹²⁰ Шипицын А. И. Единение или распад и гибель? // Сиб. жизнь. 1917. 4 мая.
- ¹²¹ Черняк Э. И. Политические партии в Сибири... С. 17, 25, 31, 38.
- ¹²² Большевики Западной Сибири... С. 30, 42–43, 47–48.
- ¹²³ Соловьева В. А. Томский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 г. // Томску 375 лет. Томск, 1979. С. 144; Съезды, конф. и совещания... Забайкальской обл. С. 44–45.
- ¹²⁴ Архангельский В. Г. Указ. соч. С. 57; Организация самоуправления в Тобольской губернии (вторая половина XIX — начало XX в.): Сб. док. и мат.-лов. Тюмень, 1995. С. 22.
- ¹²⁵ Третьяков В. В. Февральская революция и вопрос об отношении к муниципальным органам основных политических сил Восточной Сибири // Из истории революций в России (первая четверть XX в.). Томск, 1996. Вып. 1. С. 251–252.

- ¹²⁶ *Рогачев А. Г.* Альтернатива российской модернизации: сибирский аспект. Красноярск, 1997. С. 108–111.
- ¹²⁷ Очерки истории Тюменской области. Тюмень, 1994. С. 157–158; Барнаульская городская дума 1877–1996: Сб. док. Барнаул, 1999. С. 211–212; Наш голос. 1917. 6 июля; *Третьяков В. В.* Указ. соч. С. 252; Путь народа. 1917. 4 окт.
- ¹²⁸ Красноярский рабочий. 1917. 3 авг.
- ¹²⁹ *Бабикова Е. Н.* К истории создания народных собраний Томской губернии в 1917 году // Рев. движение в Сибири и на Дальнем Востоке. Томск, 1970. Вып. 6. С. 141; *Черняк Э. И.* Эсеровские организации в Сибири. С. 83; Победа Великого Октября в Сибири. Ч. 1. С. 232–235.
- ¹³⁰ Съезды, конф. и совещания... Акмолинской обл. Ч. 1. С. 46, 48; Съезды, конф. и совещания... Алтайской губ. С. 9, 13; Съезды, конф. и совещания... Забайкальской обл. С. 41; Съезды, конф. и совещания... Иркутской губ. С. 47; Съезды, конф. и совещания... Тобольской губ. С. 85.
- ¹³¹ Съезды, конф. и совещания... Иркутской губ. С. 64, 70; Съезды, конф. и совещания... Енисейской губ. С. 73; Съезды, конф. и совещания... Забайкальской обл. С. 51; Съезды, конф. и совещания... Алтайской губ. С. 33.
- ¹³² Съезды, конф. и совещания... Алтайской губ. С. 33; Съезды, конф. и совещания... Енисейской губ. С. 75.

**§ 3. СОВЕТЫ ИЛИ УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ
СОБРАНИЕ: БОРЬБА ЗА РЕАЛИЗАЦИЮ
АЛЬТЕРНАТИВНЫХ ВАРИАНТОВ ВЛАСТИ
В СИБИРИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1917 г.**

- ¹ Подсчитано по сборникам: Съезды, конференции и совещания социально-классовых, политических, религиозных и национальных организаций Тобольской, Томской (ч. 1), Алтайской, Енисейской, Иркутской губерний, Акмолинской (ч. 1) и Забайкальской областей. Томск, 1991–1992; *Черняк Э. И.* Политические партии в Сибири. Март 1917 — ноябрь 1918. Томск, 1999.
- ² *Зольников Д. М.* Рабочее движение в Сибири в 1917 г. Новосибирск, 1969. С. 130.

- ³ *Черняк Э. И.* Политические партии в Сибири. С. 5.
- ⁴ *Косых Е. Н.* Периодическая печать в Сибири (март 1917 — май 1918 гг.). Томск, 1994. С. 210.
- ⁵ Победа Великого Октября в Сибири. Томск, 1987. Ч. 2. С. 64.
- ⁶ *Бандаренко А. А.* Образование левозероветских организаций в Сибири // Вопросы истории общественно-политической жизни Сибири периода Октября и гражданской войны. Томск, 1982. С. 93–101.
- ⁷ ЦДНИИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 409. Л. 29.
- ⁸ Героические годы борьбы и побед. М., 1968. С. 26.
- ⁹ Большевики Западной Сибири в борьбе за социалистическую революцию (март 1917 — май 1918 г.): Сб. док. и мат-лов. Новосибирск, 1957. С. 172.
- ¹⁰ Победа Великого Октября в Сибири. Ч. 2. С. 76–78.
- ¹¹ Там же. С. 78.
- ¹² Сиб. записки. (Красноярск.) 1918. № 1. С. 61.
- ¹³ Организация самоуправления в Тобольской губернии (вторая половина XIX — начало XX вв.): Сб. док. и мат-лов. Тюмень, 1996. С. 26.
- ¹⁴ *Бабикова Е. Н.* Борьба с контрреволюционным земством в Томской губернии (1917 — апрель 1918 гг.) // Вопросы истории Сибири. Томск, 1969. Вып. 4. С. 192; Победа Великого Октября в Сибири. Ч. 2. С. 88–89.
- ¹⁵ Победа Великого Октября в Сибири. Ч. 2. С. 86–87.
- ¹⁶ Там же. С. 88; *Бабикова Е. Н.* Борьба с контрреволюционным земством... С. 192.
- ¹⁷ *Бабикова Е. Н.* Сибирское крестьянство и выборы в земство в 1917 году // Из истории социально-экономической и политической жизни Сибири. Томск, 1980. С. 107; Победа Великого Октября в Сибири. Ч. 2. С. 88.
- ¹⁸ Организация самоуправления в Тобольской губернии... С. 329.
- ¹⁹ Сиб. жизнь. 1917. 3 дек.
- ²⁰ Организация самоуправления в Тобольской губернии... С. 334.
- ²¹ *Бабикова Е. Н.* Борьба с контрреволюционным земством... С. 193–194; *Ларьков Н. С., Чернова И. В.* Полицейские, комиссары, начальники: Руководители правоохранительных органов Томской губернии, округа и области в XIX–XX вв. Томск, 1999. С. 115–116.

- ²² *Зыкова В. Г.* К вопросу о земском самоуправлении в Томске // Гражданское общество и региональное развитие: Мат-лы науч.-практ. конф. Томск, 1994. С. 37.
- ²³ *Бабикова Е. Н.* Борьба с контрреволюционным земством... С. 194.
- ²⁴ *Заря.* (Омск.) 1917. 29, 30 нояб.; *Бабикова Е. Н.* Борьба с контрреволюционным земством... С. 193.
- ²⁵ Великая Октябрьская социалистическая революция: Энциклопедия. М., 1987. С. 479.
- ²⁶ *Набоков В. Д.* Временное правительство // Страна гибнет сегодня: Воспоминания о Февральской революции 1917 г. М., 1991. С. 433.
- ²⁷ ГАКК. Ф. 865. Оп. 1. Д. 1. Л. 41, 25.
- ²⁸ ГАИО. Ф. 609. Оп. 1. Д. 8. Л. 82, 83–84; Народник. (Иркутск.) 1917. 4 нояб.; Иркутская жизнь. 1917. 26 окт.
- ²⁹ ГАНО. Ф. Д-144. Оп. 1. Д. 55. Л. 6.
- ³⁰ Съезды, конф. и совещания... Акмолинской обл. Ч. 1. С. 102.
- ³¹ ГАНО. Ф. Д-143. Оп. 1. Д. 27. Л. 20; Голос свободы. (Томск.) 1917. 13 окт.
- ³² Красноярский рабочий. 1917. 2 нояб.
- ³³ Съезды, конф. и совещания... Иркутской губ. С. 101.
- ³⁴ Съезды, конф. и совещания... Алтайской губ. С. 76, 79; Съезды, конф. и совещания... Тобольской губ. С. 132; Съезды, конф. и совещания... Енисейской губ. С. 154, 157.
- ³⁵ *Якимова Т. В.* Крестьянские съезды Западной Сибири в период установления Советской власти (ноябрь 1917 — май 1918 г.) // Октябрь и гражданская война в Сибири: История. Историография. Источниковедение. Томск, 1993. С. 63.
- ³⁶ Съезды, конф. и совещания... Томской губ. Ч. 1. С. 137; Съезды, конф. и совещания... Енисейской губ. С. 151, 153; Съезды, конф. и совещания... Акмолинской обл. Ч. 1. С. 133, 143.
- ³⁷ Путь народа. (Томск.) 1917. 17 нояб.
- ³⁸ *Рогачев А. Г.* Альтернативы российской модернизации: сибирский аспект. Красноярск, 1997. С. 29; Голос народа. (Красноярск.) 1917. 12 нояб.
- ³⁹ Сиб. жизнь. 1917. 12 нояб.
- ⁴⁰ ГАНО. Ф. Д-143. Оп. 1. Д. 27. Л. 36.
- ⁴¹ *Шиловский М. В.* Сибирь и Учредительное собрание // Сибирь: Политика. Экономика. Управление: Информационно-аналитический бюллетень. Новосибирск, 1993. № 1. С. 86.

- ⁴² Политические деятели России 1917 г. М., 1993. С. 392–398.
- ⁴³ ГАНО. Ф. Д-143. Оп. 1. Д. 27. Л. 36.
- ⁴⁴ Там же. Д. 86. Л. 31 (из предвыборной платформы Енисейского губкома ПСР).
- ⁴⁵ Сиб. жизнь. 1917. 21, 28, 29 нояб.; Путь народа. 1917. 18 нояб., 1918. 1 янв.; Сибирь. 1917. 24 нояб.; Красноярский рабочий. 1917. 16 нояб.; *Спирин Л. М.* Россия. 1917 год: Из истории борьбы политических партий. М., 1987. С. 273–328.
- ⁴⁶ *Ларьков Н. С.* Начало гражданской войны в Сибири. Армия и борьба за власть. Томск, 1995. С. 30.
- ⁴⁷ Съезды, конф. и совещания... Забайкальской обл. С. 101, 102, 138–139, 131–133; *Агалаков В. Т.* Советы Забайкалья в 1917–1918 гг. // 50 лет освобождения Забайкалья от белогвардейцев и иностранных интервентов. Чита, 1972. С. 177.
- ⁴⁸ Томская область: Исторический очерк. Томск, 1994. С. 249.
- ⁴⁹ Съезды, конф. и совещания... Алтайской губ. С. 65–66.
- ⁵⁰ *Сафронов В. П.* Октябрь в Сибири. Красноярск, 1962. С. 467; Победа Великого Октября в Сибири. Ч. 2. С. 142–143; Съезды, конф. и совещания... Енисейской губ. С. 149; Свободная Сибирь. (Иркутск.) 1918. 13 янв.
- ⁵¹ История Сибири. Л., 1968. Т. 4. С. 42.
- ⁵² *Рогачев А. Г.* Указ. соч. С. 125; *Соловьева В. А.* Томский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году // Томску 375 лет. Томск, 1979. С. 147.
- ⁵³ *Керенский А. Ф.* Россия на историческом повороте. М., 1993. С. 282.
- ⁵⁴ *Суханов Н. Н.* Записки о революции. М., 1992. Т. 3. С. 157.
- ⁵⁵ Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции: Док. и мат-лы. М.; Л., 1957. Ч. 2. С. 295–296; *Дробченко В. А.* Радикализация масс в Сибири в период марта 1917 — начала 1918 гг. // Историческая наука на рубеже веков. Томск, 1999. Т. 2. С. 152.
- ⁵⁶ *Баталов А. Н.* Борьба большевиков за армию в Сибири. Новосибирск, 1978. С. 186–187; *Штырбул А. А.* Анархистское движение в Сибири в первой четверти XX века. Омск, 1996. Ч. 1. С. 149–151.
- ⁵⁷ Большевики Западной Сибири... С. 141.
- ⁵⁸ Съезды, конф. и совещания... Иркутской губ. С. 97–98.

- ⁵⁹ *Виленский-Сибиряков В. Д.* Борьба за советскую Сибирь. М., 1926. С. 3–4; Съезды, конф. и совещания... Иркутской губ. С. 100–102.
- ⁶⁰ *Перейра Н.* Сибирь: политика и общество в гражданской войне. М., 1996. С. 33; Победа Великого Октября в Сибири. Ч. 2. С. 65.
- ⁶¹ Большевики Западной Сибири... С. 195.
- ⁶² Съезды, конф. и совещания... Акмолинской обл. Ч. 1. С. 147–167.
- ⁶³ Съезды, конф. и совещания... Алтайской губ. С. 76, 78–79; Съезды, конф. и совещания... Тобольской губ. С. 129.
- ⁶⁴ Путь народа. 1918. 28 янв.; *Ким В. В.* Большевизация Иркутского гарнизона в период подготовки социалистической революции // Вопросы истории Сибири. Томск, 1967. Вып. 3. С. 150.
- ⁶⁵ Дело Сибири. 1917. 2 дек.
- ⁶⁶ *Зольников Д. М.* Рабочее движение в Сибири в 1917 г. С. 127.
- ⁶⁷ *Агалаков А. Т.* Администрация и общественность на железных дорогах после Февральской революции // Революция 1917 года в России: история и современность, поиски путей примирения и согласия. Мат-лы регион. конф. Омск, 1997. С. 81.
- ⁶⁸ *Ларьков Н. С.* Указ. соч. С. 30–31.
- ⁶⁹ *Шулдяков В. А.* Сибирское казачье войско: начало политического раскола (август – октябрь 1917 г.) // Изв. Омск. гос. ист.-краевед. музея. Омск, 1997. № 5. С. 187, 190–193.
- ⁷⁰ Борьба за власть Советов в Иркутской губернии: Сб. док. и мат-лов. Иркутск, 1957. С. 65.
- ⁷¹ *Ларьков Н. С.* Указ. соч. С. 26.
- ⁷² Там же. С. 218–223.
- ⁷³ Там же. С. 51.
- ⁷⁴ Путь народа. 1917. 21 дек.
- ⁷⁵ *Баталов А. Н.* Указ. соч. С. 203; *Ларьков Н. С.* Указ. соч. С. 52.
- ⁷⁶ *Кожевин В. Л.* К истории гражданской войны в Сибири: политические позиции юнкеров омских школ прапорщиков в 1917 году // Гражданские войны. Политические кризисы. Внутренние конфликты: Мат-лы всероссийск. науч.-метод. конф. Омск, 1998. С. 80–81.
- ⁷⁷ *Басов М. К.* К истории юнкерских восстаний в Сибири // Сиб. огни. 1922. № 4. С. 84.

- ⁷⁸ Как мы боролись за власть Советов в Иркутской губернии. Иркутск, 1957. С. 46–47.
- ⁷⁹ *Баталов А. Н.* Указ. соч. С. 219.
- ⁸⁰ *Ларьков Н. С.* Указ. соч. С. 179.
- ⁸¹ *Баталов А. Н.* Указ. соч. С. 220–221; *Ларьков Н. С.* Указ. соч. С. 71.
- ⁸² *Плотникова М. Е.* К истории эсеровской контрреволюции в Сибири в 1918 г. // Вопросы истории Сибири. Томск, 1969. Вып. 4. С. 176; *Черняк Э. И.* Эсеровские организации в Сибири. С. 152–153.
- ⁸³ Военно-истор. журн. 1991. № 3. С. 70.
- ⁸⁴ *Крутовский Вс. М.* Сибирь и Февральская революция // Сиб. записки. 1917. № 2. С. 145.
- ⁸⁵ Сибирь. 1917. 6 июля.
- ⁸⁶ Свободная Сибирь. 1917. 11 нояб.
- ⁸⁷ *Дубровский К. В.* От идеалов к действительности: (Областная идея в прошлом и настоящем). Иркутск, 1917. С. 6; *Мейерович А.* Общесибирский съезд и областничество // Иркутская жизнь. 1917. 24 авг.
- ⁸⁸ ГАКК. Ф. 865. Оп. 1. Д. 1. Л. 14 (выступление 19 сентября 1917 г. на собрании Красноярского отдела Центрального Сибирского организационного комитета).
- ⁸⁹ *Литвинов Н. П.* Лукавым и их братии // Свободная Сибирь. (Новониколаевск.) 1917. 16 апр.; *Мейерович А.* Указ. соч.
- ⁹⁰ *Шиловский М. В.* Первый сибирский областной съезд (октябрь 1917 г.) // Вопросы истории Сибири XX века. Новосибирск, 1998. С. 46–47; Голос свободы. (Томск.) 1917. 2, 4, 6 авг.
- ⁹¹ ГАНУ. Ф. Д-143. Оп. 1. Д. 27. Л. 51–60.
- ⁹² Омский вестник. 1917. 8 окт.
- ⁹³ *Зобнин Ф.* Самодовлеющая Сибирь // Сиб. жизнь. 1917. 8 окт.
- ⁹⁴ Слово трудового крестьянина. (Омск.) 1917. 10 окт.
- ⁹⁵ *Зобнин Ф.* Указ. соч.
- ⁹⁶ Вся информация о съезде взята: *Шиловский М. В.* Первый сибирский областной съезд... С. 48–55.
- ⁹⁷ ГАКК. Ф. 865. Оп. 1. Д. 1. Л. 49.
- ⁹⁸ Свободная Сибирь. 1917. 12 нояб.; *Лисиенко А.* У последней черты // Путь народа. 1917. 17 нояб.

- ⁹⁹ Сиб. жизнь. 1917. 21, 28, 29 дек.; Красноярский рабочий. 1917. 16 нояб.; Путь народа. 1918. 1 янв.
- ¹⁰⁰ Свободная Сибирь. 1917. 28 нояб.; *Козьмин Н. Н.* Областничество // Сиб. записки. 1918. № 1. С. 53.
- ¹⁰¹ Путь народа. 1917. 6 дек.
- ¹⁰² Омский вестник. 1917. 8 дек.; *Адрианов А.* Накануне решения // Сиб. жизнь. 1917. 5 дек.; Свободная Сибирь. (Красноярск.) 1917. 6 дек.; *Курский М.* Призыв к государственному строительству // Жизнь Алтая. (Барнаул.) 1917. 16 дек.
- ¹⁰³ Вся информация о съезде взята: *Шиловский М. В.* Декабрьский (1917) сибирский чрезвычайный областной съезд // Сибирь. XX век. Кемерово, 1999. Вып. 2. С. 60–65.
- ¹⁰⁴ Сиб. жизнь. 1917. 15 дек.
- ¹⁰⁵ Победа Великого Октября... С. 139–163; *Черняк Э. И.* Эсеровские организации в Сибири... С. 130.
- ¹⁰⁶ Большевики Западной Сибири... С. 206.
- ¹⁰⁷ Знамя революции. (Томск.) 1917. 22 дек.
- ¹⁰⁸ Большевики Западной Сибири... С. 211.
- ¹⁰⁹ Барнаульская городская дума 1877–1996: Сб. док. Барнаул, 1999. С. 215.
- ¹¹⁰ *Щапова Я. В.* Рабочий контроль в Восточной Сибири накануне Октябрьской революции // Вопросы истории общественно-политической жизни Сибири периода Октября и гражданской войны. Томск, 1982. С. 82–83; *Сербин А. И.* Установление советского рабочего контроля в экономике Сибири (ноябрь 1917 – август 1918 гг.) // Общественно-политическая жизнь Сибири. XX век. Новосибирск, 1997. Вып. 2. С. 31; *Пьянова О. А.* К истории Омского революционного трибунала // Проблемы истории местного управления Сибири конца XVI – XX веков: Мат-лы четвертой регион. науч. конф. Новосибирск, 1999. С. 186–187.
- ¹¹¹ *Шумяцкий Б. З.* Сибирь на путях к Октябрю. М., 1927. С. 89–90; *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 50. С. 28.
- ¹¹² Сиб. жизнь. 1917. 30 дек.
- ¹¹³ *Вегман В. Д.* Областнические иллюзии, рассеянные революцией // Сиб. огни. 1923. № 3. С. 106; *Разгон И. М.* Расстановка классовых сил в Сибири накануне и в период Великой Октябрьской

кой социалистической революции // Тр. Томск. гос. ун-та. Томск, 1969. Т. 214. С. 25.

- ¹¹⁴ *Потанин Г. Н.* По поводу моего отказа от председательствования в Сибирском областном совете // Сиб. жизнь. 1918. 12 янв.
- ¹¹⁵ Там же.
- ¹¹⁶ Иркутская жизнь. 1917. 29 дек.
- ¹¹⁷ ГАНО. Ф. п. 5. Оп. 4. Д. 675. Л. 1.
- ¹¹⁸ Там же. Ф. Д-143. Оп. 1. Д. 32. Л. 29.
- ¹¹⁹ *Иванов Б. В.* Сибирская кооперация в период Октябрьской революции и гражданской войны. Томск, 1976. С. 108; *Касьян А. К.* Антинародная роль руководителей кооперации Западной Сибири в первый период советской власти и гражданской войны // Уч. зап. Омск. пед. ин-та. Омск, 1962. Вып. 15. С. 57.
- ¹²⁰ *Разгон И. М., Бабилова Е. Н.* Об эволюции сибирского областничества в 1917 г. // Некоторые вопросы расстановки классовых сил накануне и в период Великой Октябрьской социалистической революции. Томск, 1971. С. 75; *Кудрявцев С. А.* Автономия Сибири // Путь народа. 1918. 21 янв.; *Якушев И.* Автономия Сибири // Сибирь. 1917. 31 дек.
- ¹²¹ Путь народа. 1918. 3 янв.
- ¹²² *Карр Э.* История Советской России. М., 1990. Кн. 1. Т. 1–2. С. 112.
- ¹²³ Сиб. жизнь. 1918. 14 янв.
- ¹²⁴ *Бондаренко А. А.* Первая сибирская конференция социалистов-революционеров // Актуальные вопросы истории Сибири: Науч. чтения памяти проф. А. П. Бородавкина. Барнаул, 1998. С. 209.
- ¹²⁵ *Ларьков Н. С.* Указ. соч. С. 146–147; *Кириллов В. А.* Сибирская армия в борьбе за освобождение // Вольная Сибирь. (Прага.) 1928. № 4. С. 37; *Шиканов Я. А.* Контрреволюционные силы Сибири в период утверждения советской власти // Из истории революций в России (первая четверть XX в.). Томск, 1999. Вып. 2. С. 26.

Глава 2

«Первая» советская власть и «демократическая» контрреволюция в Сибири (январь — ноябрь 1918 г.)

§ 1. «ТРИУМФАЛЬНОЕ» ШЕСТВИЕ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ И ОФОРМЛЕНИЕ АНТИБОЛЬШЕВИСТСКОГО ПОДПОЛЬЯ В РЕГИОНЕ (ЯНВАРЬ — МАЙ 1918 г.)

Первые пять месяцев 1918 г. в Сибири характеризуются развитием двух процессов. С одной стороны, наблюдается советизация региона, сопровождающаяся установлением прочного контроля большевиков за Советами и ликвидацией их конкурентов в лице городских дум и земств. С другой — происходит консолидация антисоветских сил и создание вооруженного подполья. Одновременно существенно изменяется положение дел в области партийного строительства, практической деятельности местных организаций различных политических партий.

В рассматриваемый период наконец-то завершается процесс размежевания большевиков с меньшевиками. В начале апреля организации РКП(б) (такое название партия получила на VII съезде 6–8 марта 1918 г.) оформляются в Тобольске и Славгороде, 11 апреля — в Чите, 11 мая — в Бийске. Всего к концу 1917 г. на территории региона насчитывалось, по подсчетам В. П. Сафроно-

ва и М. М. Шорникова, 9 тыс. большевиков¹. Партийное строительство активно продолжалось, прежде всего за счет создания ячеек и групп в деревне. Так, к лету Енисейский губком РКП(б) объединял 50 организаций, в том числе 23 сельских, общей численностью около 4 тыс. чел. К июню на Алтае удалось сформировать 40 сельских ячеек (350 чел.). Примерно столько же коммунистов было в городах: Барнауле, Бийске, Камне и Славгороде. В Томской губернии они организуются в 15 волостях (200 чел.)². Тем не менее к концу мая 1918 г. численность коммунистов в регионе не превышала 15 тыс., что было каплей в море для территории с населением в 11 млн чел. К тому же подавляющая их часть концентрировалась в крупных городах (на Омск, Красноярск и Иркутск вместе взятые приходилась треть всех членов РКП(б)).

Но «даже при абсолютной малочисленности большевики действовали энергично, их вера в то дело, которое они делали, целеустремленность не могли не оказывать значительного морального воздействия на крестьянские массы»³. Основные усилия коммунисты направляли на советскую, продовольственную и военную работу, сведя до минимума внутрипартийные дела. Показательно, что за первую половину 1918 г. в пределах рассматриваемой территории состоялась только Западно-Сибирская конференция РКП(б) в Омске (21–25 мая) и не было проведено ни одного аналогичного мероприятия губернского (областного) масштаба. Относительно регулярно проходили собрания первичных организаций, обсуждавшие в основном вопросы укрепления советской власти (формирование Красной гвардии, отношение к земствам и органам городского самоуправления, разгон Сибирской областной думы и т. д.).

Перед коммунистами как представителями правящей партии остро стояла проблема ответственности их выдвиженцев в советских органах за добросовестное исполнение своих обязанностей и последовательную реализацию партийных установок. О том, что здесь имелись существенные недоработки, можно судить, в частности, по информации о собрании Ачинской организации РКП(б) 19 марта (присутствовало 40 чел.), обсудившем «несознательное отношение к своим обязанностям многих граждан и товарищей и, принимая во внимание, что за все дефекты во всем бросаются нам упреки, собрание предлагает товарищам, занимающим общественные

выборные места, относиться к своим обязанностям с большим вниманием и рвением и ни в коем случае не покидать мест до переизбрания или с согласия организации, всегда проводить идеи партии и держать себя на высоте»⁴.

И хотя местные коммунисты достаточно последовательно пытались реализовать директивы ЦК, сводящиеся в основном к требованию обеспечить продовольствием пролетарские центры, тем не менее по одному принципиальному вопросу они отошли от генеральной линии партии, поддержав «левых коммунистов» в отрицании Брестского мира. Используя численное преобладание на 2-м Всесибирском съезде Советов в Иркутске (16–26 февраля) (123 из 202 делегатов), большевики добились принятия резолюции, в которой форум заявил, что «не считает себя связанным с мирными договорами, если таковые заключает Совет народных комиссаров с Германским правительством, и, посылая свой братский привет борющемуся пролетариату Австрии и Германии, съезд выражает твердое намерение бороться до конца за интернациональный социалистический мир»⁵. То, что данная акция не была случайностью, подтвердил председатель Центросибири Б. З. Шумяцкий. Выступая на заседании ее президиума 5 марта, он заявил: «Все сибирские большевики и часть российских составляют определенную группу противников» Брестского мира⁶. Коммунистов Иркутска по данному вопросу поддержали наиболее крупные организации региона — красноярская, барнаульская, новониколаевская и другие, и лишь под сильным нажимом ЦК и его местного представителя Н. Н. Яковлева «левачество» постепенно изживается. Окончательно его проявления преодолеваются на упомянутой выше Западно-Сибирской конференции РКП(б), где часть делегатов во главе с руководителем Омского горкома З. И. Лобковым выступила против ратификации мира. Тем не менее «голосованием абсолютное большинство одобрило проводимую Лениным линию и заключение договора»⁷.

Еще одной характерной особенностью мироощущения местных коммунистов того времени являлась неколебимая вера в неизбежность мировой социалистической революции. Выступая на 2-м Всесибирском съезде Советов, тот же Б. З. Шумяцкий декларировал: «Октябрьский переворот уже перешагнул через грани нашей страны». Почти одновременно с ним другой видный сибир-

ский коммунист Я. Е. Боград заявил рабочим: «Русская революция победит, если победит международный пролетариат. Авангард мировой социальной революции — русский пролетариат выступил. Час настал»⁸. И в этом отношении сибиряки выражали мнение большей части РКП(б). Не случайно, выступая на заседании Петербургского комитета РСДРП(б) еще 1 ноября 1917 г., В. И. Ленин произнес: «Говорят, что мы не удержим вл[асти] и пр. Но мы не одни. Перед нами целая Европа. Мы должны начать»⁹.

В целом к лету 1918 г. консолидации коммунистов в пределах Сибири не произошло. Западно-Сибирская конференция постановила организовать областной комитет РКП(б), начать издание журнала и открыть в Омске партийную школу, но начавшийся мятеж Чехословацкого корпуса не дал конференции завершить работу и тем более реализовать принятые решения. В Восточной Сибири ничего подобного вообще не предпринималось.

Единственными союзниками коммунистов в рассматриваемый период выступали левые эсеры, опиравшиеся на часть крестьянства и военнослужащих местных гарнизонов. «...Я доказывал вам, — пояснял В. И. Ленин, — что был период, когда революция шагала вперед, и мы шагали впереди, и за нами петушком попевали левые эсеры»¹⁰. О степени их авторитета в регионе можно судить по тому факту, что на 2-м Всесибирском съезде Советов они были второй по численности фракцией после большевиков (53 чел.)¹¹. В первой половине 1918 г. продолжалось оформление левозэсеровских организаций (Новониколаевск, Томск, Омск и т. д.), ускорившееся после разгона Учредительного собрания. К лету они действовали почти во всех уездных центрах. Однако сибирские левые эсеры работали изолированно, не сумев наладить связи между собой и ЦК, консолидироваться (провести конференции) на уездном и губернском уровнях. Всего, по подсчетам А. А. Бондаренко, их в регионе насчитывалось 1,5–2 тыс. чел.¹² Левые эсеры последовательно выступали против Брестского мира, но это не привело к разрыву с коммунистами.

Серьезные изменения происходят в первой половине 1918 г. у правых эсеров. «После роспуска Всероссийского Учредительного собрания в считанные дни политическая обстановка в целом по стране кардинально изменилась в худшую для эсеров сторону. В их среде повсеместно резко стали нарастать антибольшевистские, ан-

тисоветские настроения», — делает вывод А. А. Бондаренко¹³. Равнодушное отношение сибирского крестьянства к разгону Учредительного собрания и поддержка им Брестского мира серьезно подорвали авторитет партии в деревне. Поэтому эсеры серьезное внимание начинают уделять работе в национальных объединениях и созыву Сибирской областной думы. В частности, в инструкции разъездным агентам (февраль — март 1918 г.) ЦК ПСР отмечал: «Придавая в современной обстановке особое значение национальным и областническим движениям, ЦК предлагает тт. агентам входить в непосредственную связь с местными организациями данного характера с целью ориентации себя в их конкретных стремлениях, силах, на которые они опираются, их отношении к ПСР»¹⁴.

Мы не располагаем обобщенными сведениями о численности эсеровских организаций рассматриваемого времени. Но делегаты Первой Всесибирской конференции ПСР 5–16 апреля в Томске говорили о серьезном ослаблении влияния по сравнению с 1917 г., сокращении численности, «плачевном положении (особенно уездных) организаций», массовом их распаде¹⁵. По данным Иркутского губкома ПСР, в феврале в объединение входило 1 тыс. чел. (в 1917 г. — 4 тыс.), в апреле в Енисейской городской организации числилось 18 чел., а на 1 июня 1918 г. в Красноярске их имелось 190 чел.¹⁶

Четко выраженное негативное отношение эсеров к действиям большевиков, прежде всего по поводу роспуска Учредительного собрания и подписания Брестского мира, обусловило адекватную реакцию последних и привело к переходу большей части эсеровских объединений на нелегальное положение. Карательные санкции обрушились на партийную печать. По подсчетам Е. Н. Косых, за январь — май 1918 г. в регионе было закрыто 17 эсеровских газет и примерно столько же эсеро-меньшевистских изданий¹⁷. Под лозунгом исключения «не стоящих на платформе советской власти» эсеров изгоняют из Советов. 17 апреля они вместе с меньшевиками лишаются представительства в Центросибири. Ликвидация органов самоуправления, в которых представители данной партии преобладали, лишала их возможности влиять на ситуацию в городах и уездах. Кое-где (Томск, Иркутск, Омск, Тюмень, Курган и др.) данный процесс сопровождался арестами и обысками местных партийных функционеров¹⁸.

Несмотря на резкое ухудшение условий работы, именно правые эсеры осуществили объединение своих организаций в масштабах губерний и областей (Алтайская, Акимовская, Тобольская, Томская, Енисейская, Иркутская, Забайкальская, Приморская, Якутская, Амурская, Маньчжурская). На 1-й Всесибирской конференции партии (5–16 апреля) принимается Временный организационный устав Всесибирского объединения ПСР, согласно которому высшими органами его становились Всесибирский съезд и Всесибирский краевой комитет из семи членов и семи кандидатов. Последний должен был руководить повседневной деятельностью областных (губернских) комитетов партии и ее фракцией в сибирском парламенте (Областной думе). Первое заседание Всесибирского краевого комитета эсеров состоялось в Томске 5 мая¹⁹.

Сибирские эсеры последовательно выступали против захвата власти большевиками, разгона Учредительного собрания, подписания Брестского мира. События конца 1917 г. они трактовали как революцию, промежуточную между буржуазной и социалистической, а именно как народно-трудовую²⁰. При этом, как отмечалось в резолюции 3-й Томской губернской конференции ПСР 14 марта, «Октябрьский переворот, произошедший как результат полного крушения политики соглашательства с буржуазией, мог бы вывести русскую революцию на открытый путь решительной, организованной социальной борьбы с буржуазным строем, борьбы, возглавляемой сперва временной властью, составленной из социалистов, а затем властью наиболее демократичной и организованной и авторитетной в лице Учредительного собрания». Однако большевики вместе с ренегатами левыми эсерами, «окопавшиеся у власти», пошли более легким, «но преступным путем». Поэтому только замена их власти «властью Учредительного собрания может спасти русскую революцию от дальнейшего предательства»²¹.

Отсюда главной своей задачей местные эсеры считали «проповедь протеста против политического произвола и насилия» большевиков. При этом в резолюциях их собраний, совещаний и конференций рассматриваемого времени не было открытого призыва к свержению власти большевиков. Официально отрицали они и заговорщицкую тактику. В «Тезисах докладов для партийных агитаторов и пропагандистов» ЦК ПСР 17 января заявил: «Ввиду того, что большевизм... опирается на все ослепленные солдатские

и рабочие массы, которые в нем не изверились и не видят всей его гибельности для дела рабочего класса, борьба против большевизма должна вестись в форме организации масс на новых лозунгах, в форме открытой массовой борьбы против большевистской анархии и никоим образом не может представлять характера заговорщицкой борьбы»²².

Вопреки официальным заявлениям, резолюциям и декларациям сибирские эсеры на практике с января 1918 г. взяли курс на поддержку областнической затеи с Сибирской областной думой, противопоставляя ее Советам. В передовой статье органа Томского губкома ПСР от 3 января по этому поводу утверждалось: «Каждая истинно социалистическая партия, претендующая на руководство рабочим классом, должна уяснить себе и трудящимся это существенное различие между Советами и государством. Сибирский областной совет безусловно верно понял природу Советов и органов управления. Он стоит на правильной точке зрения в вопросе о задачах Советов и Областной думы и Учредительного собрания. И он бесспорно прав, когда приглашает Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов исполнить свой долг перед избирателями и делегировать своих представителей в Думу»²³. После разгона Сибирской областной думы в конце января 1918 г. эсеры свои усилия сосредоточили на создании вооруженного антибольшевистского подполья.

Более решительную позицию в отношении большевиков заняли в начале 1918 г. меньшевики. Будучи последовательными противниками социалистической революции, они определяли Октябрьский переворот как «громкую трагедию». Один из лидеров иркутских меньшевиков В. Е. Мандельберг, выступая на 2-м Всесибирском съезде Советов, заявил, что «мы не должны брать курс социалистический — это утопия. Демократизация всех низов населения — вот та тактика, которую диктует нам наше положение»²⁴. В сложившейся ситуации Западно-Сибирская областная конференция РСДРП (объединенной) 7–9 апреля потребовала «возобновить насильственно прерванную работу Учредительного собрания, а также местных демократически избранных земских и городских самоуправлений и образовать временно, до открытия работ Учредительного собрания, однородную общесоциалистическую власть», в том числе на территории региона в лице Сибирской

областной думы, «составленной из представителей общественно-демократических организаций»²⁵. Первоначально с целью разоблачения «авантюристических мероприятий» большевиков меньшевики пытались использовать Советы, но по мере разворачивания репрессий (закрытие газет, органов самоуправления, арестов и обысков) начали выходить из них. К апрелю меньшевистские представители оставались только в советских органах Тобольской губернии²⁶.

В наиболее сложном положении оказались кадеты, объявленные декретом Совнаркома 27 ноября 1917 г. партией врагов народа и ушедшие в подполье. В Сибири их положение осложнилось еще и отстранением их на декабрьском (1917) чрезвычайном областном съезде от участия в создании региональных органов управления. На единственном партийном мероприятии этого времени — 2-й подпольной конференции местных отделов ПНС в Томске 18–20 февраля 1918 г. делегаты сочли «единственным способом оздоровления государства создание авторитетной власти в отдельных областях», в том числе в Сибири, поддержав идею созыва Сибирского Учредительного собрания²⁷. Мощным каналом воздействия на массы могла быть партийная печать, но к апрелю практически все кадетские издания (12 наименований) были запрещены местными Советами, в том числе омская «Сибирская речь», красноярская «Свободная Сибирь», «Иркутская жизнь» и др.

При анализе партийно-политической ситуации в регионе уместен вопрос об уровне политической культуры партийных функционеров, особенностях их психологии, своеобразии политической элиты как особого социокультурного типа. Определенные наработки в отношении советского актива рассматриваемого периода были сделаны Н. С. Ларьковым. Собрав сведения о 59 председателях исполкомов сибирских Советов — от общерегионального (Центросибирь) до городского и уездного уровня, он установил, что большинство из них относилось к профессиональным революционерам-подпольщикам, 50,8% подвергались репрессиям при царизме (каторга, тюрьма, ссылка), 45,8% «побывали на фронте либо проходили службу в тыловых гарнизонах», 69,4% являлись большевиками, 13,6% левыми эсерами и меньшевиками-интернационалистами, две трети имели в 1917 г. возраст до 35 лет, подавляющее их большинство не были сибиряками. «Революционная

волна вытолкнула недавних подпольщиков и солдат на свой крутой политический гребень, — замечает он, — сделав многих достаточно заурядных людей вершителями судеб миллионов жителей края». Сами же «политические лидеры того времени рекрутировались, как правило, из маргинальных слоев населения. К маргиналам относились прежде всего сами профессиональные революционеры — люди, выбитые в силу различных причин из нормальной жизненной колеи». Систематически подвергаясь репрессиям, эти люди, встав у власти, обрушили накопленный потенциал ненависти, жестокости, отрицания на головы своих политических противников. «Не случайно более половины (55,9%) первых сибирских советских руководителей погибли в период гражданской войны и еще почти 17% — в годы сталинских репрессий. Революционеры-подпольщики, как правило, мало ценили человеческую жизнь. Во имя мифического „светлого будущего“ они готовы были посылать людей на смерть, равно как и сами не боялись гибели»²⁸.

Сразу же заметим, что ссылка на число погибших в годы гражданской войны некорректна. Подавляющая часть ушедших из жизни в это время (33 чел.) не погибла в бою, а была расстреляна, замучена, повешена политическими противниками, в основном будучи захвачена ими в ходе свержения советской власти, т. е. участь этих людей не зависела от их выбора. Основополагающий же вывод Н. С. Ларькова сводится к положению о том, что большевики пришли к власти благодаря революции маргиналов, будучи сами маргиналами.

То, что социальный катаклизм 1917 г. вобрал в себя мощный антимодернизационный заряд, направленный на восстановление традиционных устоев народной жизни, не вызывает сомнения. Можно согласиться с утверждением Б. Н. Миронова о том, что «большевизм оказался наименее утопическим и наиболее реалистическим, наиболее соответствующим всей ситуации, как она сложилась в России в 1917 году, и наиболее верным некоторым исконным русским традициям и русским исканиям универсальной социальной правды»²⁹. Но предложенная выше характеристика большевиков (вернее, их части, оказавшейся в 1917–1919 гг. в Сибири) как социального слоя требует, на наш взгляд, дополнительного анализа. Кроме того, уместно поставить вопрос вообще о про-

тивоборствующим группировкам политической элиты региона, по крайней мере большевистской и антибольшевистской.

Продолжим пачатую Н. С. Ларьковым характеристику большевистского актива региона рассматриваемого периода, прежде всего с учетом таких параметров, как социальное происхождение, национальность, образование. Для этого расширим выборку за счет активных деятелей РКП(б), работавших в 1917–1919 гг. в Омске, в том числе в подполье: Ф. А. Березовского, П. А. Вавилова, А. Я. Валека, П. А. Воеводина, Ф. В. Гусарова, А. Н. Диапова, Г. Ф. Захаренко, А. А. Звездова, Н. Е. Ишмаева, В. М. Косарева, З. И. Лобкова, А. А. Масленникова, А. Е. Нейбута, А. И. Окулова, П. Ф. Парнякова, Е. В. Полудова, К. А. Попова, М. М. Рабиновича, И. Н. Смирнова, Г. А. Усиевича, В. И. Шобалдина, А. Г. Шлихтера, Н. Н. Яковлева. Всего 23 чел.³⁰

По социальному происхождению они (данные на 21 чел.) распределены следующим образом: из крестьян — 5, мещан и рабочих — по 4, предпринимателей (Лобков был сыном крупного тобольского купца, а А. И. Окулов — енисейского золотопромышленника) и чиновников — по 2; священников, казаков, служащих и ремесленников — по 1. Уроженцами Сибири были семеро, в том числе двое (Березовский и Попов) родились в Омске, все остальные являлись выходцами из губерний Европейской России, в том числе пятеро из Украины. По национальной принадлежности: русских — 16 чел., украинцев — 3, евреев — 3, латыш — 1. Представляет интерес образовательный уровень анализируемой социальной группы: 7 чел. получили начальное образование, 8 — среднее, 3 — высшее, один самоучка. Шестеро были отчислены или сами ушли из вузов, примкнув к революционному движению, двое по этой же причине не закончили средние учебные заведения. Причем четверо из не получивших высшее образование обучались на физико-математических факультетах университетов. По стажу пребывания в РСДРП имеем следующую картину: 4 чел. вступили в нее до 1900 г., 9 — до 1907, 7 — до 1917, 2 чел. состояли в других партиях (Попов и Ишмаев). Подавляющее большинство их можно отнести к профессиональным революционерам — 30 чел. подвергались до революции репрессиям, многие неоднократно (Масленников в 1910–1914 гг. четырежды арестовывался и ссылался), двое (Нейбут и Усиевич) встретили Февральскую революцию в эмиграции, четверо — в сибирской ссылке, пятеро,

будучи ссыльными, в конце 1916 г. были призваны в армию, и революция застала их в сибирских запасных полках, еще трое оказались в армии с начала мировой войны. Во время гражданской войны 13 чел. находились в коммунистическом подполье Сибири, в том числе 9 — в Омске. Интерес представляет их последующая судьба. Треть (8 чел.) умерли естественной смертью в советское время, 10 чел. стали жертвами гражданской войны (7 расстреляно белыми, один умер в белогвардейской тюрьме, один погиб в бою и один умер от тифа в освобожденном Омске), еще 5 чел. попали под жернова сталинских репрессий: Дианов просидел в лагерях с 1937 по 1955 г. и выжил, двое были расстреляны и двое умерли в лагерях. Характерно, что среди умерших естественной смертью высока доля долгожителей (шестеро из восьми перешагнули 70-летний порог, Дианов дожил до 87, а Воеводиц до 80 лет). По состоянию на 1917 г., в данной группе 10 чел. находились в возрасте до 30 лет, 10 — от 30 до 40 лет и трое — старше 40 лет. Самым «старым» среди них являлся Шлихтер (49 лет).

Итак, большевистский актив Омска по сегодняшним меркам был удивительно молодым, по социальному составу самым пестрым, что опровергало стереотип об исключительно пролетарском составе РСДРП. В сущности, основой для воспроизводства коммунистической элиты являлись все сословия и профессиональные группировки дореволюционной России. Достаточно высоким был интеллектуальный потенциал анализируемой группы — половина имели высшее и среднее образование. Еще треть имели реальные возможности повысить свой образовательный уровень. Подавляющее их большинство приобщилось к революционному движению задолго до 1917 г., неоднократно подвергались репрессиям и стали профессиональными революционерами. Относительно немногие из них (трое) достаточно долго служили в армии, но в боевых действиях участия не принимали, еще у пятерых бывших ссыльных армейский стаж в запасных полках региона к февралю 1917 г. исчислялся тремя-четырьмя месяцами.

Теперь попытаемся определить социально-политический срез антибольшевистской элиты Сибири 1918–1919 гг. С этой целью мы собрали данные на 48 чел., в том числе 30 гражданских и 18 военных, принимавших деятельное участие в антисоветском движении с конца 1917 г.: А. В. Адрианова (1854–1920), Н. Д. Буяновского

(1880–?), В. А. Виноградова (1874–?), П. В. Вологодского (1863–1928), С. В. Востротина (1863–1945), А. Н. Гаттенбергера (1860–1939), Г. К. Гинса (1887–1972), М. П. Головачева (1893–1956), П. Я. Дербера (1884–1929), В. А. Жардецкого (1884–1920), Вл. М. Крутовского (1856–1938), И. А. Михайлова (1891–1946), Н. Я. Новомбергского (1871–1949), А. Е. Новоселова (1884–1918), Г. Б. Патушинского (1872–1928), В. Н. Пеняева (1885–1920), В. В. Сапожникова (1861–1924), И. И. Серебренникова (1882–1953), С. С. Старынкевича (1875–?), С. А. Таскина (1876–?), Г. Г. Тельберга (1881–1954), М. М. Шатилова (1882–1933), Л. И. Шумиловского (1876–1920), Е. Е. Колосова (1879–1937), М. Я. Линдберга (1889–?), Б. Д. Маркова (1884–1920), Г. М. Маркова (1881–?), П. Я. Михайлова (1889–1920), А. В. Сазонова (1861–1927), И. А. Якушева (1884–1935).

В данный список включены члены Западно-Сибирского комиссариата (ЗСК), министры Временного правительства автономной Сибири (ВПАС), Временного Сибирского правительства (ВСП), Всероссийского Совета министров (ВСМ), сформированного Директорией 4 ноября 1918 г., а затем «по наследству» перешедшего А. В. Колчаку, Директории (за исключением Н. Д. Авксентьева и В. М. Зензинова из-за непродолжительного пребывания их в регионе), член «делового кабинета» Д. Л. Хорвата, руководители местных кадетских и эсеровских организаций. Формальных постов не занимал А. В. Адрианов, однако в качестве редактора наиболее массовой и авторитетной «Сибирской жизни» он оказывал существенное влияние на общественно-политическую ситуацию в «белой» Сибири и пользовался авторитетом в омских коридорах власти, будучи лично знаком со многими министрами.

Среди военных в нашем списке находятся адмирал А. В. Колчак (1874–1920) и генералы: Б. В. Аниенков (1889–1927), В. Г. Болдырев (1875–1933), А. П. Будберг (1869–1945), С. Н. Войцеховский (1883–1946), Р. Гайда (1892–1948), А. Н. Гришин-Алмазов (1880–1919), М. К. Дитерихс (1874–1937), И. П. Калмыков (1891–1920), В. О. Капель (1883–1920), Д. А. Лебедев (1883–?), А. В. Пеняев (1891–1938), К. В. Сахаров (1881–?), Г. М. Семенов (1890–1946), Н. А. Степанов (1869–1949), Р. Ф. Унгерн (1887–1921), М. В. Ханжин (1871–1961), Д. Л. Хорват (1858–1937).

При сопоставлении большевистской и антибольшевистской элиты, прежде всего гражданских лиц, в глаза бросаются их связи

с регионом. В первом случае из 23 чел. в Сибири родилось 7, во втором из 30 — 17 (56%). Кроме того, среди уроженцев Европейской России большинство сравнительно долго проживало здесь до 1917 г. Пожалуй, самый непродолжительный срок пребывания имел Жардецкий, приехавший в Омск на работу в 1913 г. Как и у большевиков, определенная часть «актива», правда значительно меньшая (Линдберг, Сазонов и Старынкевич), оказалась в Сибири не по своей воле, т. е. в ссылке. Военные в силу специфики профессии были более космополитичными. Сибириков среди них было трое (Лебедев, Пенелаяев и Семенов), или 16,6%, кроме того, шестеро служили здесь до 1917 г. и еще четверо участвовали в русско-японской войне. Наконец, общеизвестны связи с регионом в дореволюционный период А. В. Колчака, принимавшего участие в ряде арктических экспедиций. Возвращаясь из них, он во многих городах выступал с докладами. Наиболее тесными были его контакты с Иркутском. Именно здесь, перед отъездом на театр военных действий, в марте 1904 г. лейтенант флота венчался с С. Ф. Омировой. Не прерывались его контакты с сибиряками в Петербурге, где Колчак входил в состав членов «Общества изучения Сибири и улучшения ее быта» и на его заседании 26 апреля 1909 г. сделал сообщение «Северо-Восточный проход от устья Енисея до Берингова пролива». Он являлся одним из наиболее последовательных сторонников организации судоходства по Северному морскому пути³¹. Таким образом, и среди военной элиты 77,7% имели связи с Сибирью до 1917 г. и знали специфику региона.

По возрасту представители антисоветских сил не были так молоды, как их исторические оппоненты. По состоянию на базовый 1917 г. возраст до 30 лет имели 9 чел. из 57 (15,75%) (самому молодому — Головачеву исполнилось 24 года); от 30 до 40 лет — 29 чел. (51,5%), от 40 до 50 — 12 чел. (21%), свыше 50 лет — 8 чел. (14%) (самому старому — Адрианову в 1917 г. исполнилось 63 года). Тем не менее примерно две трети (67,25%), или 38 чел., находились в самом активном возрасте до 40 лет.

Так же как и у большевиков, крайне пестрым был социальный состав лидеров противостоящих им сил. Относительно стабилен он у генералитета: из 13 его представителей, на которых имеются сведения, шестеро являлись сыновьями офицеров, еще четверо — выходцами из дворян. Данное обстоятельство подтверждает вы-

вод о самовоспроизводстве российского офицерского корпуса в начале XX в. Всего же из 37 чел., данными на которых мы располагаем, детей офицеров было 10, чиновников, дворян и крестьян — по 4, купцов — 3, из казаков, священников, преподавателей и мещан происходило по 2 чел., по 1 — из торговцев, служащих, рабочих, ссыльных. Но здесь, безусловно, выше доля выходцев из привилегированных сословий (дворян, офицеров, купцов, священников, чиновников, преподавателей): 25 чел. из 37, или 63,5%.

Более существенны различия по уровню образования. Из 30 штатских 18 имели высшее образование (в том числе 12 юридическое), 6 — среднее, 4 — начальное. У военных 10 окончили академии (в том числе 8 — Генерального штаба), 7 — военные училища, и лишь прапорщик австро-венгерской армии Р. Гайда, сдавшийся в плен в 1915 г., военного образования не имел и был по профессии фельдшером.

По роду занятий среди штатских можно выделить следующие основные группы: занятые в сфере юриспруденции (суд, прокуратура, адвокатура, нотариат, юрисконсульты) — 7 чел., в их числе Патушинский, добровольно ушедший на фронт и ставший офицером; преподаватели вузов — 7 чел., в том числе 3 профессора; служащие банков, городского самоуправления, кооператоры — 7 чел.; общественные деятели (редакторы газет и журналов, депутаты IV Государственной думы) — 6 чел., 2 учителя и 1 ссыльный. Кроме того, многие из перечисленных проявили себя в других сферах, прежде всего интеллектуальной деятельности: выдающихся научных результатов добились Адрианов и Серебренников, талантливым писателем зарекомендовал себя Новоселов, депутатами Государственных дум избирались Востротин, Вологодский, Пенелаяев, Виноградов (трое первых от Сибири), членами Учредительного собрания стали Колосов, Линдберг, Б. и Г. Марковы, П. Михайлов, Шатилов, а С. А. Таскин установил своеобразный рекорд в свое время, будучи депутатом IV Государственной думы и Учредительного собрания от Забайкальской области по кадетскому списку. Профессиональными революционерами являлись 5 чел., или каждый шестой. Относясь в большинстве своем к элитарной интеллигенции региона, анализируемая социальная группа представляла собой один из самых динамичных элементов социальной структуры российского общества начала XX в., буду-

чи в значительной степени продуктом перемещений снизу вверх. Основой для ее воспроизводства становятся практически все существующие сословия и социальные группы населения, имеющие хотя бы элементарное образование, а сама интеллигенция была разночинной, что, в свою очередь, свидетельствовало об интенсивном процессе размывания сословных перегородок в российском обществе начала XX в. и складывании принципиально иной социальной структуры.

Существенные подвижки, с точки зрения социальной мобильности, произошли за годы империалистической и гражданской войн в рядах военной элиты. Из 18 чел. стали генералами до 1914 г. трое (Будберг, Ханжин и Хорват), еще четверо в 1914–1917 гг. (Болдырев, Дитерихс, Колчак и Степанов). К моменту демобилизации русской армии звание полковника имели трое, подполковника и войскового старшины — четверо, есаула — двое и сотника — один. Служба у «белых» открывала возможность совершить карьерный рывок практически всем (за исключением Хорвата и Будберга, оставшихся генерал-лейтенантами): Колчак стал полным адмиралом, Ханжин — генералом от артиллерии, в 1918–1920 гг. генерал-лейтенантами стали Дитерихс, Гришин-Алмазов, Лебедев, Анненков, Болдырев, Кашпель, Пепеляев, Семенов, Унгерн, Степанов, Гайда, Войцеховский, Сахаров и генерал-майором — Калмыков. Гражданская война позволила выдвинуться людям с авантюристическими наклонностями, прежде всего из числа молодых офицеров. В 1918 г. Гайде исполнялось 26 лет, Калмыкову и Пепеляеву — по 27, Семенову — 28, Анненкову — 29, Унгерну — 31 год, а они уже были командармами, атаманами, военными министрами.

Представляют интерес и последующие судьбы указанных представителей антибольшевистской элиты. Они, как ни странно, во многом совпадают с теми, что имели их оппоненты, а самое главное, последние оказали самое непосредственное влияние на их жизненный путь. Итак, из 45 лидеров сибирской контрреволюции, о которых имеются сведения, шестеро стали жертвами гражданской войны, причем ни один из них не погиб на поле боя: Новоселова в сентябре 1918 г. в родном Омске убили офицеры из окружения начальника гарнизона полковника В. И. Волкова, застрелился в мае 1919 г., не желая сдаваться красным, Гришин-Ал-

мазов, 5 января 1920 г. на Байкале в числе 31 заложника зверски были убиты колчаковцами Б. Марков и П. Михайлов, умер в январе 1920 г. от пневмонии Кашпель, в том же году в Гирии при попытке к бегству китайские солдаты застрелили Калмыкова. Самую значительную группу — 19 чел., или 43%, умерших естественной смертью, составили эмигранты, еще пятеро доживали до нее в СССР, причем захваченный советскими войсками в Маньчжурии в 1945 г. генерал Ханжин девять лет отсидел в ГУЛАГе, но стал долгожителем, дотянув до 90 лет. К нему приблизились эмигранты Гинс (85 лет) и Востротин (82 года). Еще 15 чел. были уничтожены победителями, как только попали в их руки. В 1920–1921 гг. были расстреляны Колчак с В. Пепеляевым, Шумиловский с Жардецким, Адрианов и Унгерн; в 1927 г., захваченный советской разведкой в Китае и осужденный в Семипалатинске, их участь разделил Анненков; в 1933 г. были репрессированы Болдырев и Шатилов; в 1937 г. — Колосов; в 1938 г. — А. Пепеляев; в 1946 г., как военные преступники, были повешены Семенов и Михайлов, захваченные в Маньчжурии.

Вместе с тем объединяли большевиков и их противников из анализируемых группировок некоторые общие черты менталитета. В меньшей степени у антисоветских лидеров региона проявлялась партийность. Она четко выражалась у эсеровских руководителей «демократической» контрреволюции (Дербер, Новоселов, Шатилов, Якушев, Г. и Б. Марковы, П. Михайлов, Линдберг и Колосов) и у их кадетских оппонентов (В. Пепеляев, Тельберг, Таскин, Востротин, Жардецкий). Кроме них устойчивые политические пристрастия имелись лишь у Шумиловского (меньшевика с 1905 г.). Часть остальных когда-то примыкала к различным партиям: Г. К. Гинс — кадет в апреле 1917 г., С. С. Старышкевич — эсер в 1907 г. Из военных только Гришин-Алмазов в 1917 г. сочувствовал эсерам и Хорват по списку ПНС баллотировался в Учредительное собрание. Мы уже касались выше политической принадлежности Серебренникова и Крутовского. Недалеко от них ушел руководитель ВСП Вологодский, активный деятель ПСР и один из руководителей ее томской организации до 1906 г., редактор органа омского блока социалистических оборонческих партий газеты «Заря» в конце 1917 — начале 1918 гг. Сам он в январе 1919 г. в интервью определял свое «кредо» следующим образом: «Вы знаете, что я когда-то примыкал

к партии с.-ров. Теперь, конечно, нельзя говорить, что я всецело остался сторонником этой партии, но в душе я никогда не был «слишком партийным». А одна из местных газет писала о нем: «Строго беспартийный, однако, он по убеждениям близок народным социалистам, или народникам доброго старого времени»³². Подобная аморфность позволила Б. Н. Миронову утверждать, «что большая часть образованного общества вплоть до 1917 г. придерживалась одной народнической мировоззренческой ориентации»³³. Симптоматично, определенная часть лидеров являлась областниками или активно поддерживала лозунги движения в 1917–1918 гг. К таковым можно отнести Вологодского, Крутовского, Серебрянникова, Шатилова, Шумиловского, Новомбергского, Адрианова.

Принадлежность к элитарной интеллигенции определялась высоким служебным положением и чинами. До действительного статского советника дослужился ректор Томского университета, профессор Сапожников, статскими советниками стали Адрианов, Крутовский, Новомбергский, Тельберг, директором омского отдела Русско-Азиатского банка и председателем биржевого комитета работал Буяновский. Правда, не у всех так получалось, тот же Вологодский, начав государственную службу в 1892 г., к 1917 г. дослужился лишь до чина 10-го класса — коллежского секретаря³⁴. Однако принадлежность к привилегированным слоям не гарантировала от репрессий за оппозиционные настроения и «политику». В мае 1913 г. статский советник Адрианов за поддержку в «Сибирской жизни» стачечного движения арестовывается и высылается в Нарым, а после ходатайств ученых в апреле 1914 г. препровождается на жительство в с. Ермаковское Минусинского уезда, где находился на поселении до конца 1916 г.³⁵ Такой «мягкой» форме наказания (сылка, высылка, увольнение со службы) подверглось 6 из 30 деятелей: Патушинский, Шумиловский, Буяновский, Новомбергский, Адрианов и Крутовский. Еще восемь, как и большевики, карались в более жесткой форме — ссылка, тюрьма, а П. Михайлов до 1913 г. находился на каторге. Причем пятеро из них вели жизнь профессиональных революционеров (Якушев, Колосов, Б. Марков, П. Михайлов и Линдберг). Таким образом, примерно половина из 30 лидеров при самодержавии подвергалась репрессиям, а следовательно, вела себя оппозиционно, вернее, не шла на сделки со своей совестью.

Еще одну характерную особенность менталитета обоих противоборствующих групп составляла взаимная ненависть и одержимость в плане уничтожения инакомыслящих. Для большевиков ее основанием являлось систематическое преследование до революции и доктринальное восприятие марксизма. «Побои, карцер, голодовка, приклады солдат и ожидание каждую минуту убийства из-за угла за то, что боролся против зверского режима. Издевательствам не было конца, — сообщал в письме П. А. Коваленко и резюмировал: — Хочется борьбы, чтобы в работе отомстить палачам за смерть и истязания дорогих товарищей. Пусть новая тюрьма, снова каторга, снова упорная борьба»³⁶. Для их противников жестокость и одержимость подпитывались стремлением спасти Россию от развала. Наиболее последовательно их проповедовали Пепеляев, Жардецкий и Адрианов. Касаясь взглядов первого, Л. А. Кроль отмечал: «Ненависть, слепая ненависть к большевикам застила у него все. С этой ненавистью в нем могло только соперничать его презрение к массам, которыми он считал возможным распорядиться при помощи насилия, диктатурой»³⁷. Последовательным борцом с «соборным проходимцем» — революционером выступал Жардецкий, еще в 1917 г. следующим образом раскрывая его внутренний мир: «Ядро — это подполье, ссылка и эмиграция последних лет. России не знают. России любить не умеют... Тело в значительной степени инородное и чахлое. Спора, крика, азарта — хоть отбавляй. По части добрых нравов общественных — несомненный ущерб — негде и некогда было научиться»³⁸. Будучи государственниками, они вместе с И. Михайловым, Гаттенбергером последовательно боролись против «сибиряческо»-областнических устремлений части антибольшевистской оппозиции, а в конце 1918 г. стали организаторами колчаковского переворота.

Завершая рассмотрение данного сюжета, вернемся к вопросу, являлись ли социальные катаклизмы 1917–1920 гг. революцией маргиналов и относились ли к ним победившие в них коммунисты? Если исходить из распространенного сейчас обозначения маргинальности как «пограничности, периферийности или промежуточности по отношению к любым социальным общностям»³⁹, то да. Но тогда нужно признать, что весь современный российский социум являет общество мигрантов-маргиналов, поскольку в течение XX в., во-первых, в рамках создания индустриального общества

коренным образом изменилось соотношение городского и сельского населения; во-вторых, происходило это за счет массовой горизонтальной мобилизации, т. е. добровольно-насильственного перемещения значительных масс населения, лишивших российский этнос исторических корней («малой родины») и сформировавших психологию временщиков, покорителей природы.

Нам представляется такая трактовка утрированной, поскольку маргинальность в классическом виде означает не только утрату принадлежности к классу, сословию или социальной группе, но и консервацию этой пограничности, промежуточности (без последующего вхождения в другие социальные общности). С этих позиций в Сибири рассматриваемого времени с преобладающим крестьянским населением маргиналов не было. Те же фронтовики, которых Н. С. Ларьков относит к самой их значительной составляющей в регионе, представляли в массе своей крестьян, вернувшихся после демобилизации в родные деревни⁴⁰. В противном случае к маргиналам нужно отнести те 2,5 млн столичинских переселенцев, попавших в иные природно-климатические и социальные условия и ставших главной силой повстанческо-партизанского движения⁴¹.

Однако обе эти социальные группы отличались от основной массы старожильского населения кругозором, жизненным опытом, коммуникабельностью, и игнорировать данные обстоятельства при анализе процессов социально-экономического и политического развития Сибири, особенно в период социальных катаклизмов, нельзя. Что касается двух противоборствующих элитарных группировок, то их тоже, за исключением военных, можно квалифицировать как маргинальные, поскольку подавляющее большинство их представителей оказались в них в результате перемещения (мобильности) снизу вверх (из податных сословий) и сверху вниз (из привилегированных сословий). И это обычный способ ликвидации традиционного общества, типичный и для процесса воспроизводства российской интеллигенции начала XX в., в том числе и такой ее элитарной части, как вузовская профессура⁴². Но нужно иметь в виду, что рассматриваемые выше политические лидеры не только утратили принадлежность к «породившим» их социумам, но приобрели новые качества, позволяющие квалифицировать их не как маргиналов, а как новые социокультурные типы.

Следует вспомнить о классическом определении маргинальности, предложенном в 1920-е гг. американским социологом Р. Парком и предназначенном для обозначения вполне конкретной этнокультурной ситуации при характеристике «личности на рубеже культур»⁴³. В лице представленных групп политической элиты, вернее их провинциальной разновидности, мы имеем дело с ядром номенклатуры (коммунисты) и гражданского общества (элитарная сибирская интеллигенция), боровшихся за власть в России.

И еще один сюжет, связанный с типологическими чертами коммунистов и их оппонентов, в частности с такими их проявлениями, как ненависть, жестокость, фанатизм. Речь идет о насилии и терроре. Сейчас общепризнано, что в 1917–1920 гг. насилие в России становится универсальным средством решения проблем, прежде всего политических. Использовали его и белые, и красные. Правда, в советские времена разоблачались злодеяния белогвардейцев, сейчас запал критики обращен на коммунистический террор. Действительно, он стал элементом внутренней политики в РСФСР. В. И. Ленин определял новую власть как диктатуру, которая «предполагает применение беспощадно сурового, быстрого и решительного насилия для подавления сопротивления эксплуататоров, капиталистов, помещиков и их прихвостней. Кто не понял этого, тот не революционер, того надо убрать с поста вождей или советчиков пролетариата»⁴⁴. Поэтому уже в процессе утверждения новой власти широко использовалось насилие. Так, 17 мая 1918 г. «ввиду сложности дела и тревожного настроения» инструктор Томского губисполкома телеграммой спрашивает и получает разрешение на арест 10 жителей с. Поломошное⁴⁵. Вот что пишет М. Горький в «Несвоевременных мыслях» в 1918 г.: «Новое начальство столь же грубо, как и старое, только еще внешне менее благовоспитанное. Орут и топчут ногами в современных участках, как прежде орали, и взятки хапают, как прежние чинуши, и людей стадами загоняют в тюрьмы». А вот сибирская иллюстрация к данному сюжету. Некий житель Кузнецка в первой половине 1918 г. жалуется в частном письме: «И берут все, что могут взять. У меня был 2 раза обыск. В первый раз взяли 1 кусок мыла, а 2-й раз хотели унести 2 кирпича чаю, но я не дал, и мне было заявлено лицом обыскивающим, что идти с пустыми руками он не может»⁴⁶.

Тем не менее следует сделать два принципиальных замечания. Во-первых, «первая» советская власть в Сибири при всех ее изъянах и пороках не практиковала массового насилия, прежде всего в силу своей слабости. Террор начинается по мере освобождения региона от «белых» со второй половины 1919 г. О его специфике и размерах можно судить хотя бы по повести В. Я. Зазубрина «Щепка». Во-вторых, то, что происходило здесь после свержения советской власти летом 1918 г., является результатом противостояния «белой» власти и местного населения, в основном крестьянства. А это противостояние сопровождалось эскалацией взаимной ненависти и насилия. Однако изначально новая власть по отношению к своим политическим оппонентам стояла на позициях их физического истребления. И если генерал А. П. Будберг указывал, что не может быть «двух мнений о необходимости самого беспощадного истребления всех главарей большевизма, но это должно осуществляться властью государства с ледяным спокойствием, без малейшего признака лицепринятия или мщения», то атаман Г. М. Семенов смотрел на это проще. «Всех большевиков я разделил на три категории, — рисуясь, вспоминал он спустя двадцать лет после рассматриваемых событий: 1-я — сознательные изменники и предатели типа Ленина, которых я буду уничтожать беспощадно; 2-я — не меньшие мерзавцы, примкнувшие к большевикам в силу личного благополучия и выгоды. 3-я — дураки и ослы, примкнувшие к большевикам по глупости и неспособные разобраться в сущности большевизма. Эти могут быть прощены, если искренне сознают свое заблуждение»⁴⁷. В действительности расправа над коммунистами осуществлялась по семеновскому варианту — без суда и следствия.

По мере того как «белые» пытались призвать в армию молодежь, собрать не только восстановленные налоги, но и недоимки за советский период, прекратить самовольные порубки леса, крестьянство отвечало массовым всплеском повстанческо-партизанского движения, что в свою очередь вело к дальнейшей эскалации насилия. И такой наблюдательный человек, как А. П. Будберг, 17 октября 1918 г., находясь в Харбине, записывал в дневнике: «Крестьяне, быть может, и готовы к самообороне, но именно „само“, для защиты своих собственных интересов и для обеспечения себя от прочих „иций“ — реквизиций, экзекуций, национализаций и т. п.»⁴⁸

Поэтому поведение представителей власти и сельского мира изначально ориентировалось на применение насилия в самых садистских и изуверских формах. В качестве примера можно сослаться на историю Славгородского (Чернодольского) восстания начала сентября 1918 г. с точки зрения поведения противостоящих сторон. Так, в рапорте начальника местной милиции сообщалось: «Бунтовщики, обезоружив милицию и несколько человек офицеров местного гарнизона, начали неимоверно издеваться: рвали тело, били, садили на раскаленное железо и проч., после чего убивали... Остаток отряда гарнизона... направился за город... и, охваченный со всех сторон, пал жертвами; причем пощадить не было: раненых офицеров и добровольцев кр[естьян]е зверски добивали вилами и лопатами, выкалывали им глаза и проч. Раненые из отряда попадали в больницу, чт[обы] получить медицинскую помощь, но восставшие бунтовщики и там их находили; вытягивали и, зверски издеваясь, убивали. Лозунгом их было систематическое уничтожение всей интеллигенции»⁴⁹. Не менее жестокой была процедура подавления восстания полками дивизии Б. В. Анненкова: «Деревню Черный Дол, где находился большевистский руководящий штаб, сожгли дотла. Крестьян же, их жен и даже детей расстреливали, били и вешали на столбах. Молодых девушек из ближайших деревень приводили к стоящему на станции Славгород поезду Анненкова, насиловали, затем вытаскивали из вагонов и тут же расстреливали... В деревнях Павловка, Толкуново, Подсосновка и других с раннего утра производились массовые порки мужчин и женщин разного возраста, затем многих расстреливали или рубили шашками, подвергали изощренным издевательствам»⁵⁰. Причиной восстания стала мобилизация в «белую» армию.

В последующем противостояние усиливалось. В сводке Особого отдела департамента милиции колчаковского МВД за период с 1 января по 15 июля 1919 г. фиксируется убийств: должностных лиц — 71, чинов милиции — 101, военных — 244, частных лиц — 2 535, истязаний и пыток — 46; а также: ограблений казенных учреждений — 67, частных учреждений — 119, частных лиц — 341, поджогов — 38, крушений поездов — 24 и т. д.⁵¹ Ответной реакцией властей становится развертывание массового террора против местного населения, проведение планомерных «зачисток»

отдельных территорий, сопровождаемых массовыми экзекуциями и сожжением деревень.

Даже на этом фоне особо изуверски выглядит практика использования насилия партизанскими формированиями, возглавляемыми анархистами (Г. Ф. Рогов, И. П. Новоселов, П. К. Лубков, И. М. Дрожжин) и «атаманщиной» (Семенов, Калмыков, Анненков). В первом случае программа, например Новоселова, не шла дальше лозунга: «Уничтожайте гадов!», которыми он считал не только «белых», но всех богатых и интеллигентов⁵². Яркую зарисовку «действий» отряда Рогова в г. Кузнецке дал В. Я. Шишков в повести «Ватага». Из примерно четырех тысяч горожан, по данным В. Я. Зазубрина, «две тысячи легли на его улицах. Погибли они не в бою. Их, безоружных, просто выводили из домов, тут же у ворот раздевали и зарубали шашками. Особо „именитых“ и „лиц духовного звания“ убивали в соборе»⁵³. Не менее садистски действовали в застенках и «поездах смерти» на территории, контролируемой самозванными атаманами, являющимися, по мнению А. П. Будберга, «своего рода винегрет из Стенок Разиных двадцатого столетия под белым соусом»⁵⁴. О «работе» их палачей можно рассказывать долго. Приведем лишь один эпизод: «Привели на место казни приговоренных к смерти... Раздается команда: „Сбрить волосы!“ Палач впился в волосы жертвы и режет полукругом со лба к ушам. Невыразимый рев мученика потрясает морозный воздух. Упираясь ногами в несчастного, кровавыми руками палач сдирает кожу с черепа... дело кончено. Два полуживых человека бьются в предсмертных судорогах, а куски сдернутой кожи, оставаясь на затылке, волочатся за судорожными движениями головы»⁵⁵.

Естественно, подобные действия давали прямо противоположный эффект, и совершенно верно тот же А. П. Будберг считал, что атаманщина «работает на большевизм лучше всех проповедей и пропаганды товарищей Ленина и Троцкого. На это явление нужно смотреть в широком масштабе, беспристрастно, объективно и аналитически. Мальчишки думают, что из-за того, что они убили и замучили несколько сотен и тысяч большевиков и замордовали некоторое количество комиссаров, то сделали этим великое дело, нанесли большевизму решительный удар и приблизили восстановление старого порядка вещей. Обычная психология каждого

честолюбивого взводного, который считает, что он решил исход боя и всей войны. Но зато мальчишки не понимают, что если они без разбора и удержу насильничают, порют, грабят, мучают и убивают, то этим они насаждают такую ненависть к представляемой ими власти, что московские хамодержцы могут только радоваться наличию столь старательных, ценных и благодетельных для них сотрудников»⁵⁶.

Взаимная ожесточенность отразилась и в лексике, что рельефно отражено в стихотворении М. Волошина «Терминология»: «хлопнуть», «угробить», «шлепнуть», «пустить в расход». Вместо усопших и покойников появляются «мертвяки», «трупяки», «жмурики», «подснежники» и т. д. «Трагическим результатом политического противостояния явилось то, — замечает журналистка Н. Т. Антипина, — что люди расстреливали друг друга, забыв о вчерашних добрососедских отношениях, о том, что все вместе они граждане одной страны — России. Еще более трагично то, что одни из них обречены были кануть в небытие проклятыми, другие, погибнув, были увековечены...»⁵⁷

Разобравшись в вопросах партийного строительства, вернемся к началу 1918 г. и посмотрим, как происходило «триумфальное» шествие советской власти в регионе. А оно происходило явно не триумфально даже на уровне губернских и уездных центров и, как правило, с помощью вооруженных отрядов со стороны и при активном участии демобилизованных солдат. Только с помощью личного состава 2-го Читинского казачьего полка 16 февраля ликвидируется действовавший в Чите Народный Совет, и власть в городе переходит к Комитету советских организаций во главе с В. Н. Соколовым⁵⁸. В Тобольске в начале апреля с помощью прибывших из Тюмени, Омска и Екатеринбурга красногвардейских отрядов арестовывается местный комиссар Временного правительства В. Н. Пигнатти, проводятся перевыборы Совета, в который вошли 85 коммунистов (50% списочного состава), а 9 апреля они оказываются во главе переизбранных президиума и исполкома, причем председателем исполкома Совета становится командир екатеринбургского отряда матрос П. Д. Хохряков.

Примерно таким же образом советская власть в январе 1918 г. утверждается в Бийске, Тюкалинске и Ишиме. В Каинске перевыборы исполкома уездного Совета в середине января не привели к

преобладанию большевиков, его председателем избрали машиниста паровозного депо ст. Барабинск меньшевика Д. К. Каплуна. «Перелом в работе произошел под влиянием красногвардейского отряда, следующего из Омска на Восток против атамана Семенова, — замечает В. Т. Щуклецов. — ...Красногвардейцы предупредили Каплуна, что если он и впредь будет пренебрежительно относиться к исполнению декретов советской власти, то они расстреляют его при возвращении с фронта... Каплун, сославшись на болезнь, отстранился от должности». А 20 февраля на 4-м уездном съезде рабочих и крестьянских депутатов коммунисты возглавили местный исполком⁵⁹. 7 марта Совет берет власть в Тюмени, но в Таре на уездном крестьянском съезде 9–16 марта за переход власти к Советам проголосовали представители 21 волости из 48 представленных на форуме, 13 — отдали предпочтение земствам, а 14 — воздержались. «При этом представитель последних делегат Петропавловской волости заявил, что население поручило ему поддержать ту власть, которая даст деревне хлеб и образование, а будет ли она советской или земской — значения не имеет»⁶⁰. Последним из уездных Советов, взявшим власть в свои руки, стал Щегловский. Здесь на съезде 9–18 мая было принято соответствующее решение с одновременным выделением Щегловского уезда из Кузнецкого⁶¹.

Вообще же закономерность утверждения советской власти в сибирской деревне, по В. Г. Зыковой, сводилась к тому, что «если в январе — феврале 1918 г. резолюции с выражением откровенного одобрения их (коммунистов. — М. Ш.) действий принимались, как правило, немногочисленными и специально для этой цели спланированными и подготовленными органами советской власти съездами, то в последующем платформа поддержки большевиков увеличилась. Не случайно, что от имени крестьянства с признанием советской власти в центре, одобрением декретов СНК, заверениями содействовать формированию Советов на местах раньше выступили районные и уездные съезды. Труднее давался большевикам успех на губернских крестьянских (или с широким участием крестьян) съездах, готовившихся исполкомами губернских крестьянских Советов, где вплоть до марта — апреля прочные позиции сохраняли эсеры»⁶². Так, на 3-м Иркутском губернском крестьянском съезде (12–16 марта) образовалось две фракции: «со-

глашатели» (эсеры и меньшевики) — 53 чел. и левое меньшинство (коммунисты и левые эсеры) — около 40 чел.⁶³

Одновременно с установлением советской власти происходило объединение Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. На губернском уровне это состоялось в основном в феврале — апреле 1918 г., на уездном — с конца 1917 г. до апреля⁶⁴. Условия объединения зависели от соотношения партийно-политических сил в конкретном городе и уезде. Например, губисполком Советов Алтайской губернии (январь — февраль) формируется в составе 20 представителей от губернского Совета крестьянских депутатов и 10 — от Совета рабочих и солдатских депутатов; в Томский губисполком (март) вошло по 30 представителей от каждого Совета; в Забайкальский областной исполком (март — апрель) — по 10 от рабочих, казаков, крестьян и бурят; так же поступили в Омске, где в объединенный исполком было делегировано по 10 депутатов от Советов рабочих и солдатских, крестьянских и киргизских депутатов.

Промежуточным этапом установления большевизированными Советами власти в Сибири стал 2-й Всесибирский съезд Советов в Иркутске (февраль 1918 г.). По докладу Ф. М. Лыткина он принял «Проект организации советской власти в Сибири», согласно которому высшим органом власти в Сибирской Советской республике (наименование введено в оборот на форуме) являлся съезд Советов Сибири, в губерниях — губернские съезды и так вплоть до волости. Для исполнения их решений создавались выборные коллегиальные органы — Советы народных комиссаров соответствующего уровня. Волостные съезды избирали волисполкомы, которые занимались текущими делами и исполняли решения волостных съездов и вышестоящих советских органов. В городах Советы избирали президиум, комиссаров по отдельным отраслям муниципального хозяйства, образующих городской Совет народных комиссаров. Избирательное право предоставлялось только трудящимся. Его лишались предприниматели, лица, использующие наемный труд, духовенство, бывшие полицейские и жандармы. Наконец, съезд избрал новый состав Центросибири в количестве 33 членов (20 большевиков) и 13 кандидатов (5 большевиков), на деятельности которого мы остановимся ниже.

Сложнее дело обстояло на волостном уровне. По подсчетам В. Т. Агалакова, к лету 1918 г. в регионе насчитывалось не менее 1 500 волостных Советов⁶⁵. Однако очень скоро вывод о сплошной советизации сибирской деревни в рассматриваемое время был поставлен под сомнение. Еще в 1980 г. в сообщении на научной сессии в Томске В. Г. Зыкова привела примеры сохранения волостных земских управ до падения советской власти и показала, что при замене земств Советами 60% земских управ переизбирались полностью, 26% частично и 14% продолжали функционировать в прежнем составе, «будучи механически переименованными в Советы». Вслед за ней В. М. Суверов установил, что «соглашатели Томской губернии переименовали ряд земских управ в Советы крестьянских депутатов», а в Змеиногорском уезде Алтайской губернии волостные земские управы продолжали существовать при советской власти под новым названием в составе «избранных земских людей». Наконец, в 1987 г. В. И. Шишкин заявляет, что во многих отдаленных селах и деревнях Советы не успели сформироваться вплоть до лета 1918 г., и здесь действовали земские управы и сельские сходы⁶⁶.

Исследование Н. Ф. Иванцовой уточняет ситуацию. По ее подсчетам, в Tobольской губернии в первой половине 1918 г. из 92 волостных земств в Советы было реорганизовано 87 (94,5%), в том числе с переизбранием 22 и без переизбрания — 65 (74,7%). Подобного рода явления наблюдались и в других уездах Западной и Восточной Сибири⁶⁷. Советы действовали в мае в трети волостей Алтайской губернии, 70% волостей Томской губернии, 75% волостей Омского уезда. Но были и такие (Туринский, Мариинский), где охват ими составлял не более 17–20%⁶⁸. Кроме того, в отдельных волостях отсутствовали и Советы, и земства⁶⁹. «Советизация западносибирской деревни не достигла ни масштабов, ни уровня Европейской России и Сибири в целом, — констатирует Н. Ф. Иванцова. — К июню 1918 г. Советы были образованы в 60–70% волостей и 4–5% сел данного региона. Хотя темпы советизации в национальных и казачьих районах оказались выше, но и здесь она к лету 1918 г. затронула, соответственно, не более 9,5% и 40% селений»⁷⁰.

Советизация сопровождалась постепенной ликвидацией органов местного самоуправления — городского и земского. Как это

происходило на уровне волости, мы уже показали. В городах первоначально данные органы продолжали действовать, занимаясь оперативно-хозяйственной деятельностью. Так, 3-й съезд Советов Восточной Сибири (29 января — 3 февраля) предусмотрел сохранение земского и городского самоуправления только как подсобных (технических) хозяйственных организаций⁷¹. «Упразднение органов буржуазного строя» (по терминологии того времени) осуществлялось путем их роспуска решениями соответствующих Советов с передачей их функций Советам городского (уездного) хозяйства или путем слияния этих органов с Советами на правах хозяйственных организаций последних. На практике преобладал первый вариант. 6 февраля ликвидируется городское самоуправление и уездное земство в Новониколаевске, 22 февраля — городская дума в Барнауле, 27 марта распускаются земские учреждения в Томской губернии и городская дума губернского центра, 5 апреля — городская дума в Чите и т. д. Кампания проводилась иногда с использованием насилия. В Омске перед разгоном городской думы представители советской милиции изъяли ключи от кассы, в Тюмени В. М. Кармашеву местный Совет выдает специальный мандат «на право занятия помещения городской думы гор. Тюмени вооруженными силами, ее роспуска и принятия от гор. управы всех дел городского хозяйства и денежных сумм»⁷². Судьбу органов самоуправления разделили земельные и продовольственные комитеты.

Акция сопровождалась пассивным сопротивлением выборных представителей и функционеров муниципальных органов, а также организаций политических партий, представленных в них, — прежде всего эсеров и меньшевиков. Самоуправление рассматривалось ими как противовес большевизированным Советам. Поэтому 1-я чрезвычайная сессия Tobольского губернского земского собрания 7 февраля принимает резолюцию, что «в момент всеобщего развала, экономической разрухи, отсутствия всенародно признанной власти, братоубийственной войны созданные на основании демократического избирательного права земские самоуправления призваны к регулированию хозяйственного уклада народной жизни»⁷³. Барнаульская городская дума 17 февраля специальной резолюцией выразила протест по поводу своего насильственного разгона и постановила, «не слагая полномочий, снять с себя всякую ответ-

ственность за дальнейшее ведение городского хозяйства. Вместе с тем, принимая во внимание недопустимость перерыва в деятельности муниципального аппарата, городская дума признает необходимым, подчиняясь физическому насилию, захваченную кассу и делопроизводство сдать Совету с. и р. депутатов»⁷⁴. Находящийся в тюрьме глава Енисейского губернского земства И. В. Казанцев обратился к коллегам 6 февраля с письмом, в котором призвал: «Работайте, товарищи, боритесь не покладая рук. Учредительное собрание разогнали, да здравствует Учредительное собрание; земство разгонят, да здравствует земство. Свободы томятся в крови и насилиях — да здравствует народовластие»⁷⁵. Тем не менее все эти протесты не могли остановить процесс «слома» старой государственной машины, хотя самоуправление и тем более земство к ней не относилось.

В саботаже чиновников и выборных руководителей муниципальных органов присутствовал не только момент неприятия ими советской власти. Очень сильно их беспокоила проблема финансовой дисциплины, опасность, в силу некомпетентности новых управленцев, развала финансово-кредитной системы и личного обогащения их. Как вспоминает один из руководителей Томского налогового управления В. Маньковский, в феврале 1918 г. комитет Томской железной дороги потребовал от налоговиков выделения 5 млн руб. на «улучшение работы транспорта». «Конечно, я отказал, потому что отдавал отчет, что должен буду отвечать за незаконную их выдачу». Тогда чиновника арестовали и обещали предать суду революционного трибунала. «Денег я все-таки не дал, и дело для меня могло окончиться трагически, если бы не счастливая случайность. Во вторник пришла денеша от комиссара финансов из Петрограда, согласно которой комиссар Газукин стал начальником Налогового управления. Через полчаса после ветушления в свою должность Газукин выплатил деньги»⁷⁶. Поэтому и в упоминавшейся выше резолюции Барнаульской городской думы специально оговаривалось: «Ввиду бросаемых ответственными представителями Совета р. и с. депутатов городской управе обвинений в растрате и злоупотреблении, для выяснения законности действий городской управы избрать чрезвычайную ревизионную комиссию в составе трех лиц с участием представителей земских учреждений, Совета и социалистических партий». И еще один

момент, связанный со «сломом». Как правило, ликвидация самоуправления сопровождалась передачей дел и имущества, с оформлением соответствующих актов. Например, в Красноярске такой документ был экстренно составлен и принудительно заверен земцами Шнейдером, Крутовским и другими⁷⁷.

Мы не будем подробно останавливаться на процессе укрепления советской власти по всем тем позициям, по которым традиционно он анализируется: установлению рабочего контроля, а затем национализации средств производства и банков, земельной и продовольственной политике, демобилизации старой армии и строительству Красной Армии, преобразованиям в сфере культуры, просвещения, политике по отношению к церкви и т. д. Остановимся лишь на тех сюжетах, которые непосредственно касались политических процессов и влияли на внутривластную ситуацию в регионе с точки зрения положения и взаимоотношений коммунистов и их оппонентов.

Прежде всего, практически одновременно осуществлялись демобилизация и формирование советских воинских частей. По данным Н. С. Ларькова, «самороспуск» солдат сибирских гарнизонов завершился в апреле, а разоружение возвращающихся с фронта казаков продолжалось до мая 1918 г.⁷⁸ При этом в очередной раз принимаются решения о ликвидации казачьего сословия. В ряде случаев казаки пытались сопротивляться разоружению (дивизион А. А. Сотникова в Красноярске), но лишь сотня, расквартированная в Туве (Белоцарск), отказалась разоружаться и через Монголию ушла в Троицкосавск⁷⁹. С большими трудностями шло формирование Красной Армии. По состоянию на середину марта, в Западной Сибири численность гарнизонов Томска и Новоиколаевска составляла по 1 тыс. чел., еще 600 чел. имелось в Омском партизанском отряде⁸⁰. Развертыванию частей способствовало выступление Г. М. Семенова в Забайкалье. Тем не менее «к лету 1918 г. советская Сибирь не успела покрыться сетью органов местного военного управления», и общая численность советских вооруженных формирований здесь к лету составляла 31 тыс. чел., в том числе до 13 тыс. бойцов на семеновском фронте. К ним надо добавить примерно 6 тыс. интернационалистов из числа немцев и венгров⁸¹. Для морального стимулирования последних постановлением Пленума Центросибири от 28 марта 409 чел. из состава

1-го Омского международного отряда «принимаются в число граждан Сибирской Советской Республики»⁸². В целом же к моменту выступления Чехословацкого корпуса сибирские коммунисты не располагали боеспособными воинскими силами, и их слабость, по компетентному мнению Н. С. Ларькова, «явилась одной из основных причин падения советской власти в Сибири летом 1918 г.»⁸³.

В зачаточной стадии находилось создание органов борьбы с контрреволюцией. Лишь в конце марта 1918 г. принимается постановление ВЧК «О создании местных чрезвычайных комиссий по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией». В соответствии с ним 10 апреля отдел по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и мародерством реорганизуется в Омскую ГубЧК, подобные учреждения создаются и в других губернских центрах. 21 апреля председатель Центросибири Н. Н. Яковлев подписал декрет о создании СибЧК во главе с И. С. Постоловским. Местные чекисты боролись с чиновниками-саботажниками, принимали участие в разоружении казаков⁸⁴. Короткий срок существования органов, безалаберность и самонадеянность местных коммунистических лидеров не позволили создать эффективной агентурно-информационной сети. Текущая работа чекистов строилась на основании сообщений граждан и по факту преступлений. Они не сумели раскрыть разветвленную сеть антибольшевистского подполья и проявили удивительную беспечность в случаях обнаружения фактов его деятельности. Например, в Томске в конце мая в штаб Красной гвардии явился почтальон и сообщил о доставке им телеграммы в дом, где собрались подозрительные люди. Вместо организации наблюдения комиссар М. И. Ворожцов приказал разогнать сборище, в результате подпольный эсеровский штаб (в том числе уполномоченные Временного правительства автономной Сибири П. Я. Михайлов, Б. Д. Марков) частично был арестован, но не прекратил существования. Одновременно задержанными оказались несколько членов подпольной офицерской организации, «над которыми красногвардейцы учинили жестокую расправу, а изувеченные трупы сбросили в реку Томь». Еще раньше, 27 марта, там же из оружейных складов похищаются 700 винтовок и патроны, 9 апреля большая часть оружия обнаруживается во время обыска на квартире студента Н. Ф. Немиро. При этом устанавливается, «что в

Томске организовалась боевая дружина в количестве, по-видимому, около 600 человек из бывших офицеров и части студенчества. Захвачены части списков той дружины». И опять никаких действий. Наконец, буквально за день до переворота 24 мая «в Иоанно-Предтеченском монастыре Томска собрались, переодевшись монахами, офицерская дружина А. Н. Пенелеева, возглавившего в Томске подполье, и дружина эсеров. Неожиданно прибывшие в монастырь уполномоченные Совдепа (с целью реквизировать продовольствие для детских домов Томска) были расстреляны. В числе погибших оказался и заведующий отделом по борьбе с контрреволюцией комиссар Томской ГубЧК Д. И. Кривоносенко»⁸⁵. Тем не менее местное коммунистическое руководство превентивных действий по обезвреживанию заговорщиков не предприняло, ограничившись приведением в боевую готовность всех имевшихся в его распоряжении сил.

Решительно и последовательно боролись местные коммунисты за установление монополии в средствах массовой информации. По подсчетам Е. Н. Косых, в рассматриваемое время они закрыли 53 оппозиционные режиму газеты (эсеровские, кадетские, меньшевистские и т. п.). В результате если в ноябре 1917 г. на 10 большевистских газет приходилось 22 буржуазно-кадетские, то в мае 1918 г. это соотношение уже 28:5⁸⁶.

Пожалуй, наибольшие нарекания населения вызывала продовольственная политика Советов в Сибири, которая направлялась, с одной стороны, на организацию вывоза хлеба в пролетарские центры Европейской России, а с другой — на минимальное обеспечение местного населения. О том, что здесь ситуация катастрофически ухудшалась, можно судить по двум примерам. 8 января Петроградский Центральный комитет по снабжению и продовольствию армии разослал телеграмму, «требуя и умоляя принять все меры к отправке мяса, хлеба и фуража из Сибири; наступает голод, начинается бунт, приближается катастрофа, гибнет революция, Россия; Сибирь и только Сибирь, если немедленно двинет все имеющиеся запасы и использует транспорт, может спасти еще положение»⁸⁷. А на местном уровне 18 января на совещании представителей еще не ликвидированной Томской губернской земской управы и врачей обсуждался вопрос о возможности питания людей овсяной мукой. На основании рекомендаций профессоров университе-

та П. В. Бутягина, М. Г. Курлова, И. М. Левашова принимается заключение о возможности печь хлеб из овсяной муки, «предварительно ее специально обработав и смешав с ржаной мукой»⁸⁶.

Усилия коммунистов Западной Сибири направляются на обеспечение заготовок продовольствия по твердым ценам и отправку его за Урал. До мая продукты здесь заготавливались на основе государственной хлебной монополии, затем СНК принимает декрет о введении продовольственной диктатуры, который получил поддержку делегатов Западно-Сибирской конференции РКП(б) (21–25 мая). Однако, несмотря на давление из центра чрезвычайного комиссара по продовольствию и Сибири А. Г. Шлихтера, местные Советы отказывались принимать подобное решение. Зато 10 мая Западно-Сибирский областной Совдеп постановил начать формирование вооруженных продовольственных отрядов для принудительного обмолота зерновых урожая 1917 г., учета и реквизиции хлеба. Заготовки осуществлялись административными методами. Цены на сдаваемый хлеб устанавливались в пределах 5–6 руб. за пуд, в 2–3 раза ниже рыночных, «а по сравнению с Европейской Россией их можно было определять как символические»⁸⁷. Вводилось нормирование потребления хлеба, в том числе произвольные и явно заниженные нормы высева семян, на пропитание до нового урожая в Тобольской губернии оставляли по 1 пуду 20 фунтов зерна едоку на месяц⁸⁸. Хотя А. Г. Шлихтер привез с собой для обмена на хлеб 300 млн руб. и 200 вагонов с мануфактурой и ширпотребом, этого было явно недостаточно, и продорганы, а через них крестьяне, только одной Омской области недополучили 175 млн руб.⁸⁹

Всего же из заготовленных в Западной Сибири и Степном крае к апрелю 1918 г. 35–37 млн пудов хлеба за ноябрь — март было вывезено 9,8 млн пудов зерна и 1,6 млн пудов мяса. На станциях, пристанях, в волостных и уездных центрах находилось до 14 млн пудов продовольствия, доставшегося в конечном счете бедным⁹⁰. Недовольство крестьян вызывало не только принудительное изъятие зерна по символическим ценам, но и перераспределение его внутри деревни в пользу неимущих. Так, в Ляпинской волости Славгородского уезда вооруженный отряд фронтовиков заготовил 4 550 пудов пшеницы, из них 1 800 раздали местной бедноте, 2 050 отправили на станцию Славгород и 700 пудов засы-

пали в хлебозапасный магазин⁹¹. Данное обстоятельство вызвало негативную реакцию зажиточной части крестьянства и стало одной из главных причин его выступлений, которые до недавнего времени однозначно трактовались как кулацко-эсеровские. В качестве примера можно назвать «мятеж» в волостном селе Брюханово Кузнецкого уезда, где весной 1918 г. волостной Совет с помощью кольчугинских красновардейцев начал принудительное изъятие хлеба, сельхозмашии и имущества у населения волости. Зерно передали бедноте, местному детскому дому, а большую часть отправили в Кольчугино шахтерам. Недовольные зажиточные крестьяне в конце мая арестовали часть членов Совета и милиционеров. В столкновении с отрядом красновардейцев трое повстанцев погибли, часть их расстреляли или посадили в местную каталажку. И лишь известие о подходе к Кольчугино крупного отряда белочехов спасло их от репрессий⁹². По мнению Н. Ф. Иванцовой, «продовольственная политика советской власти в Западной Сибири явилась одной из причин изменений в настроении крестьянства и расстановки политических сил в деревне к лету 1918 г. Крестьянство, поддержавшее Октябрьскую революцию и первые советские законы в силу заинтересованности в демократических преобразованиях, в условиях появления элементов продовольственной диктатуры и социализма от нейтралистско-выжидательной позиции, сложившейся весной 1918 г., переходит к лету в оппозицию»⁹³.

В ходе национализации и экспроприации окончательно испортились отношения новой власти с предпринимателями. Только в Минусинском отделении Сибирского торгового банка изымается 10 пудов золота, а в Красноярском — 26. Активно практиковалось наложение контрибуции. Так, Барнаульский исполком 18 марта подверг штрафу «всех без исключения капиталистов» на сумму 2 млн руб. С томских коллег попытались «снять» 5 млн руб., а после отказа внести указанную сумму часть буржуазии отправили на шахты Кузбасса, откуда они освобождались только после передачи денег родственниками. Подобные акции повторялись в последующем⁹⁴.

Примерно в таком же духе развивались отношения с православным духовенством. Во исполнение декрета Совнаркома от 5 февраля 1918 г. «Об отделении церкви от государства и школы

от церкви» приказом по Народному комиссариату государственного призрения с 1 марта прекращалась выдача жалования духовенству и преподавателям Закона Божьего. «Церковные службы и требы могут продолжаться, — говорилось в нем, — при условии возбуждения ходатайства коллектива верующих с обязательством принятия на себя ремонта и содержания помещений, инвентаря и служащих»⁹⁷. В учебных заведениях прекращается изучение Закона Божьего, постепенно у местных епархий отбираются профессиональные учебные заведения, преобразуемые, как это было сделано в Забайкальской области в апреле, в светские школы⁹⁸. Духовенство и верующие негативно реагировали на ущемление своих прав. К примеру, совещание союза деятелей всех иркутских духовно-учебных заведений совместно с духовенством 15 января «не нашло возможным исполнить требование Советской власти о передаче духовно-учебных заведений г. Иркутска со всем их имуществом и капиталом ликвидационной комиссии и изменить в настоящее время дух и цель учебных заведений», а Тобольский епархиальный съезд клира и мирян (15 мая — 7 июня) единогласно потребовал «возвращения приходских школ и удаления из начальных школ учителей, препятствующих преподаванию Закона Божия»⁹⁹.

Своеобразно в рассматриваемый период развивалось национальное движение. К концу 1917 г. в основном завершилось оформление различного рода национальных объединений (комитетов, дум, громад, рад и т. п.). Руководящую роль в них играли эсеры, ориентировавшиеся в плане создания оптимальной системы решения национального вопроса на Сибирскую областную думу. Ее разгон и укрепление позиций коммунистов в Советах заставили отдельных руководителей национальных движений пойти на сотрудничество с ними. Например, в противовес Бурнацкому в Иркутске образуется группа бурят — большевиков и левых эсеров (М. М. Сахьянова, Г. Г. Данчинов, С. Х. Николаев, Ф. М. Осодоев, И. С. Рамнилов и др.), которые выступили за упразднение национальных органов управления и создание единых территориальных органов советской власти. С их подачи и при поддержке Центросиббири, ультимативно требовавшей от Бурнацкова упразднения национально-территориальных органов управления (хошун, аймак), Иркутский губисполком 12 мая постановил образовать губер-

ский бурятский комиссариат, а на губернском съезде Советов в начале июня избрал новый губисполком, в составе которого три места предоставлялось для представителей от бурятских аймаков¹⁰⁰. Параллельно в Забайкалье, как уже отмечалось выше, на 3-м областном съезде представителей рабочих, крестьян, казаков и бурят создается облисполком с включением по равному количеству представителей от основных участников съезда. Учреждается должность областного комиссара по национальным делам, которую занял председатель Бурнацкова Ц. Жамцарино, и, наконец, «под занавес» 3 июля облисполком признал бурятские национально-территориальные органы самоуправления «публично-правовыми учреждениями советской власти со всеми вытекающими отсюда последствиями и действующими на территории бурят-монголов автономно»¹⁰¹.

Не менее драматично развивались события в Горном Алтае. Созданная там еще в июле 1917 г. Алтайская горная дума в начале марта 1918 г. провела в Улале русско-инородческий съезд, объявивший о переходе власти на территории округа Советам и создавший Каракорум-Алтайский округ. В состав его управы вошли Г. И. Гуркин, М. Б. Шатилов, В. К. Манеев, В. К. Тюкин и Д. А. Филатов. В последующем предполагалось объединить в самостоятельную республику Ойрот Горный Алтай, Хакасию, Урянхай (Туву), Монгольский Алтай и Джунгарию. На 28 июня назначается «курултай» — съезд делегатов «от народов названных земель», для подготовки которого образуется особая комиссия в составе В. И. Анучина, А. Кульджина, В. К. Тюкина. Новое государственное образование, несмотря на его просоветскую основу, встретило мощное противодействие Бийского уездного Совдепа, исполком которого 12 апреля постановил: «Каракорум-Алтайский Горный округ, как округ автономно управляющийся, не признавать. Всех членов Каракорум-Алтайской управы, а также лиц, имеющих отношение до поддержания этой управы, признать врагами народа. В отношении всех этих врагов народа должны быть приняты самые решительные и беспощадные меры». Тем не менее исполком Алтайского губернского Совдепа 27 апреля признал целесообразным «выделение Горного Алтая в особую уездную административную единицу... с подчинением Алтайскому губернскому Совдепу»¹⁰². Как считает Н. Ф. Иванцова, данное постановление стало компромис-

сом. «Губернский Совдеп признал национальные органы самоуправления алтайцев. В свою очередь Каракорум-Алтайская управа активно работала по организации Советов на местах и пошла на ликвидацию популярных (действовали до января 1918 г. во всех 28 волостях) земских учреждений»¹⁰³.

Третий вариант решения национального вопроса в первой половине 1918 г. дала Якутия. Образовавшийся весной в Якутске под руководством эсеров и национальной интеллигенции областной Совет отказался признавать советскую власть, и уже тогда, когда она на большей территории Сибири была свергнута, 1 июля экспедиционный отряд А. С. Рыздвинского из Иркутска «освободил Якутск от засилья якутских националистов и эсеров-белогвардейцев»¹⁰⁴, правда, ненадолго.

Таким образом, в первые пять месяцев 1918 г. в процессе «триумфального» шествия советской власти в Сибири местные коммунисты вступили в конфликт с большинством населения региона и основными социальными группами, за исключением рабочих и беднейшего крестьянства, что и предопределило быстрое свержение их власти после мятежа Чехословацкого корпуса.

В завершение обзора истории первой советской власти в Сибири остановимся на специфике функционирования ее высшего органа — Центросибири и ее взаимоотношениях с центральными органами. На этом примере можно утверждать, что местные коммунисты предложили альтернативный областникам вариант регионального самоуправления. Причем у них степень отчужденности от центральной власти (ВЦИК и Совнарком) усиливалась по мере удаления на восток. Если 3-й Западно-Сибирский областной съезд Советов рабочих и солдатских депутатов (декабрь 1917 г.) четко заявил «о полном контакте и строгом подчинении Центральному Исполнительному комитету... и Совету Народных Комиссаров», то съезд представителей Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Енисейской губернии (март 1918 г.) считал возможным «на правах Революции рассматривать и устанавливать общие положения организации Советской власти в губернии и на местах». Наконец, 1-й Общесибирский съезд Советов (октябрь 1917 г.), образовавший Центросибирь, выступил за четкое разграничение функций, специально оговаривая: «...местные Советы работают в согласии с центральной вла-

стью, оставаясь в то же время автономными, сохраняя за собой право общественно-революционной инициативы»¹⁰⁵.

На практике Центросибирь действовала автономно. Более того, как уже отмечалось выше, в повседневной жизни использовалась дефиниция «Сибирская Советская республика». Сибирская власть приступила к созданию исполнительных органов — отделов (комиссариатов), в том числе военного и иностранных дел. В ответ на ее намерение формально провозгласить Сибирскую советскую республику В. И. Ленин телеграммой от 13 апреля 1918 г. предложил «ограничиться автономией Сибири, как неразрывной части России»¹⁰⁶. Неправ В. И. Шишкин, утверждая, что назначение Совнаркомом в марте А. Г. Шлихтера чрезвычайным комиссаром по продовольствию в Сибирь с подчинением ему всех сотрудников продовольственных и других органов «явилось намерением Москвы полностью подчинить себе сибирские продовольственные органы» и тем самым «лишить местные Советы значительной части властных полномочий»¹⁰⁷. В ответ на данную акцию 19 апреля «сибирский ЦИК принял декрет об обязательном скреплении своих полномочий в Центросибири или других крупных Советах Сибири всеми комиссарами и уполномоченными общероссийских органов. В противном случае их мандаты теряли силу»¹⁰⁸.

Неизвестно, как события развивались бы дальше, если бы не мятеж чехов. Но противостояния Центросибири и Москвы реально не было. Об этом свидетельствует протокольная запись обсуждения ее президиумом 1 апреля ситуации с Шлихтером. Его участники недоумевали, почему назначение не согласовано с Иркутском, ведь именно центральные органы настояли на предоставлении ЦИК Советов Сибири таких полномочий¹⁰⁹. А 20 апреля в официальном заявлении руководителя Центросибири Н. Н. Яковлева четко были расставлены все точки: «Позиция самостоятельности не разделяется Центросибирью... Мысль о независимости и самостоятельности в борьбе с международным империализмом не только нелепа, но более того — преступна»¹¹⁰.

Одновременно с установлением и укреплением советской власти шли оформление и консолидация антибольшевистской оппозиции. Ее истоки обнаруживаются с конца 1917 г., как было показано выше. Рубежом становится разгон Учредительного собрания. Реакция политических и общественных сил региона на данную

акцию во многом зависела от степени влияния в них коммунистов и их союзников левых эсеров, от времени обсуждения случившегося на том или ином форуме (чем дальше от события, тем меньше осуждающих резолюций). Равнодушно к судьбе Учредительного собрания, как мы уже отмечали выше, отнеслось местное крестьянство. Из семи уездных крестьянских съездов или съездов крестьянских депутатов его роспуск одобрили на шести. Отрицательное отношение к случившемуся выразила конференция представителей частей Сибирского казачьего войска в Омске (середина января), 4-й делегатский съезд Кулундинской ж. д. (вторая декада января), совещание представителей общественных организаций Верхнеудинска (9 января), съезд учителей Енисейской губернии (5–8 января), съезд объединенных Советов рабочих депутатов постройки Кольчугинской ж. д. (до 20 февраля), томский губернский депутатский учительский съезд (конец мая), совещание старообрядцев Тобольской губернии (21 января), отдельные земства и земельные комитеты. Однако немногие формулировали позицию достаточно жестко, осуждая «узурпаторов»-большевиков и обвиняя их в развязывании гражданской войны. В «мягком» варианте сформулировали свою позицию участники 4-го делегатского съезда Кулундинской ж. д.: «Признавая существующую советскую власть — властью революционной и считая необходимым существование Советов, как крепких объединений трудящихся масс, съезд находит необходимым создание твердой однородно-социалистической власти от большевиков до энесов включительно, ответственного перед Учредительным собранием вновь созданным путем всеобщего, равного, прямого и тайного голосования на программе мира, передачи земли, демократической республики, государственного регулирования промышленности, широкого социального законодательства»¹¹¹.

Не так гладко проходили голосования по поводу разгона Учредительного собрания сразу же после этого события даже в органах, контролируемых коммунистами, но с представительством от «соглашателей». Например, из 9 участников пленума Томского губисполкома 9 января роспуск Собрания одобрили пятеро, двое проголосовали «против» и двое воздержались. Негативно отнеслись к акции прежде всего организации интеллигенции. «Политика большевиков оттолкнула служащих и интеллигенцию, — де-

лает обоснованный вывод В. А. Дробченко. — Так, из 20 учительских съездов, состоявшихся с октября 1917 по май 1918 г., установлен лишь один, делегаты которого заявили о поддержке советской власти. Отдельные съезды служащих, не высказывая политических оценок происходящему, заявили о готовности считаться с советской властью при решении профессиональных вопросов. В ноябре 1917 — мае 1918 г. о поддержке советской власти заявили 25 съездов — 23% от общего числа съездов и 42% от съездов, обсуждавших вопросы политического характера. Об отказе сотрудничать с Советами заявили 8 съездов, 7 из них — съезды служащих и интеллигенции (медиков, учителей)»¹¹².

Сохраняя надежды на реанимацию в будущем Учредительного собрания, сибирская мелкобуржуазная контрреволюция во главе с эсерами делает ставку на провозглашение автономии региона на сессии Сибирской областной думы (СОД). Временный Сибирский областной совет в декабре 1917 г. во главе с П. Я. Дербером развил бурную деятельность. Он нашел поддержку у меньшевиков, эсеров, националистов, городских дум, земств и кооперативных объединений. Стремление сибиряков наладить жизнь на принципах свободных начал всецело разделял тогда еще есаул Г. М. Семенов, в телеграмме на имя «председателя правительства Сибири Потанина» заявивший, что он выступает со своим отрядом «на защиту завоеванных свобод всех народностей Сибири и их самоуправления от наглого посягательства предателей родины большевиков»¹¹³.

Резко отрицательно встретил Областной совет роспуск Учредительного собрания, лишивший его и СОД формальных оснований на свое существование. По прямому указанию одного из лидеров общероссийской контрреволюции Г. Е. Львова, 7 января он направил Совнаркому телеграмму, заявив, что «узурпация власти Учредительного собрания народными комиссарами приведет к крайнему обострению отношений между Сибирью и Петроградом. Власть узурпаторов Сибирь не признает»¹¹⁴.

Прежде всего, эсеровский Совет попытался опереться на вооруженную силу. При нем создается Военный совет в составе правых эсеров — подполковника А. А. Краковецкова, есаула А. А. Сотникова, прапорщиков Ю. Р. Саиева и С. А. Кудрявцева. Они готовили законопроект о Сибирской добровольческой армии, ко-

торый должен был быть утвержден Сибирской областной думой. Лидер петроградского «Союза сибиряков-областников» В. Н. Пепеляев через своего брата подполковника А. Н. Пепеляева поставил вопрос об организации взаимодействия офицерских и эсеровских вооруженных отрядов, сначала в Томске, а затем в других городах Сибири¹¹⁵. Однако основное внимание обращалось на сибирские фронтовые части и местные гарнизоны. Но создать Сибирскую армию не удалось, прежде всего из-за нежелания солдат воевать. А что касается их отношения к СОД, то оно выразилось, в частности, в наказе делегату от 14-й сибирской стрелковой дивизии на крестьянский армейский съезд в Томске: «Самым решительным образом протестуем против образования самочинного правительства Сибири и требуем от крестьянского съезда сибиряков роспуска самочинного правительства, — говорилось в нем, — а иначе наши штыки будут против этого правительства»¹¹⁶. «В лучшем счете эсерам и их сторонникам удалось лишь затормозить процесс установления советской власти в ряде сибирских городов, используя свое влияние на известную часть солдат и офицеров, — приходит к выводу Н. С. Ларьков. — В сложившейся ситуации лидеры антисоветского движения вынуждены были искать новые пути и формы борьбы»¹¹⁷, сделав ставку на подготовку вооруженного свержения советской власти.

Наконец, Временный сибирский областной совет обратился к союзным державам, добиваясь у них своего признания. Уже 22 декабря 1917 г. П. Я. Дербера и Е. В. Захарова посетил военный агент Франции подполковник Пишон. Совет поручил им информировать разведчика по интересующим его вопросам. В дальнейшем ведение переговоров с Пишоном и французским консулом в Иркутске Бурже поручается Н. Эльтекову. Основные результаты их он изложил в докладной записке от 25 января 1918 г., констатируя, что «общая конъюнктура для получения признания в настоящее время складывается весьма благоприятно». Но для этого сибирскому правительству следовало бы «начать осуществление своих суверенных прав при более благоприятной обстановке, в частности свободной от большевиков». Указанные условия имелись пока еще в Забайкальской и Амурской областях, где еще не была установлена советская власть, а в местных органах власти (Народный совет в Чите, Амурская областная земская управа в

Благовещенске) преобладали меньшевики, эсеры и беспартийные. Предполагалось, что «сибирское правительство» должно было взять на себя координацию и руководство всеми контрреволюционными организациями, «противодействующими разрушительной работе большевиков». Затем союзники дали понять, «что, если на признание нового правительства не будет иметь никакого влияния политический состав последнего, то во всяком случае отсутствие в его составе цензовых элементов может сказаться при определении степени финансовой помощи и условленной кредитоспособности Сибири». Наконец, необходимо предвидеть, что признание автономного правительства может затронуть вопрос о принципиальном согласии Сибири принять на себя соответствующую часть общегосударственных долговых обязательств¹¹⁸.

Примерно в то же время доносил Совету о результатах своих переговоров эмиссар областников на Дальнем Востоке Л. М. Загибалов. «Консулы ждут от нас решительных шагов, — отмечал он. — Они готовы признать какую угодно власть, если она отменит большевизм и заговорит языком государственности и нерасторжимости союзных обязательств»¹¹⁹. Но отменить советскую власть контрреволюционеры не могли, а их контакты с дипломатическими представителями Антанты помогли в последующем организовать комбинированное выступление против этой власти летом 1918 г.

Одновременно со всем этим шла подготовка к открытию Сибирской областной думы, назначенному на 8 января 1918 г. в Томске. Сюда съезжались делегаты, заканчивалась подготовка различного рода законопроектов, подлежащих утверждению на сессии, — Положения о выборах в Сибирское учредительное собрание, закон о передаче земли местному самоуправлению и о Сибирской Добровольческой армии, декларации по текущему моменту. Тем не менее 8 января Дума не начала работу, поскольку не собралось и половины назначенного кворума делегатов, определенного в одну треть, или 90 чел., от общего их числа. Созыв представительного органа терял смысл после разгона Учредительного собрания, а участие в его работе означало открытое противостояние советской власти, решиться на такое мог не всякий делегат.

Поэтому открытие СОД переносится на 2 февраля (старого стиля). Но 25 января фиксируется кворум — 93 члена Думы, и она

могла начать свою деятельность. О том, как выглядела и кого представляла эта «социалистическая» власть, видно из партийного состава собравшихся в Томске. Итак, из 93 членов СОД 56 являлись эсерами, 10 — народными социалистами, 5 — меньшевиками, 2 — социалистами-федералистами, по одному — кадетом, сионистом, автономистом-федералистом, 12 — беспартийными. Национальные объединения послали 23 делегата, Советы крестьянских депутатов — 17, земства — 10, городские думы — 7, кооперация — 6, железнодорожные союзы — 5, вузы — 4, студенчество — 4, казачьи войска — 3¹²⁰. Таким образом, подавляющая часть собравшихся (75 из 93) относилась к представителям мелкобуржуазных партий и была послана организациями, в которых руководящие позиции принадлежали эсерам и национальным объединениям.

Под сильным нажимом Центросибиря и Западно-Сибирского областного Совета рабочих и солдатских депутатов Томский Совдеп не допустил легального открытия Думы. В ночь на 26 января по решению президиума исполкома были арестованы Г. Б. Патушинский, М. Б. Шатилов, И. А. Якушев и еще 15 депутатов, из которых 11 являлись эсерами¹²¹. Часть арестованных отправили на станцию Тайга и там отпустили, часть вывезли в красноярскую тюрьму. Еще до арестов, 25 января, был произведен обыск у секретаря Областного совета В. И. Моравского и изъяты текущие дела и переписка Совета. Одновременно обыски прошли у Е. В. Захарова и П. Я. Дербера. 26 января в университетской библиотеке изымается делопроизводство Временного сибирского областного совета¹²². Часть документов как обличительный материал впоследствии была опубликована в газете «Знамя революции».

Однако находившиеся в Томске члены СОД в составе 70–80 чел. собрались нелегально поздно вечером 28 января в уездной продовольственной управе. Ее председателем заочно избрали И. А. Якушева. Были заслушаны декларации эсеров и народных социалистов (И. С. Юдин и М. А. Колобов), в 7 часов утра 29 января завершилось формирование Временного правительства автономной Сибири (ВПАС). «В общем правительство создано авторитетное, — рекламировала его „Вольная Сибирь“, — могущее рассчитывать на поддержку всех слоев населения, включительно до так называемых буржуазно-кадетских»¹²³.

В его состав вошли: П. Я. Дербер — председатель правительства и временно министр земледелия, правый эсер; Вл. М. Крутовский — министр здравоохранения, народоволец; П. В. Вологодский — министр иностранных дел, беспартийный; А. А. Краковецкий — министр военных дел, правый эсер; И. А. Михайлов — министр финансов, беспартийный, заместитель председателя Петроградского союза сибиряков-областников; А. Е. Новоселов — министр внутренних дел, правый эсер; И. И. Серебренников — министр снабжения и продовольствия, областник-автономист; Г. Б. Патушинский — министр юстиции, народный социалист; Э.-Д. Ринчино — министр народного просвещения, националист; М. А. Колобов — министр торговли и промышленности, народный социалист; Л. А. Устругов — министр путей сообщения, беспартийный; В. Т. Тибер-Петров — министр туземных дел, националист, сочувствующий меньшевикам; Д. Г. Сулим — министр экстерриториальных народностей, левый эсер; Н. Е. Жернаков — министр государственного контроля, кооператор, правый эсер; И. С. Юдин — министр труда, левый эсер; В. И. Моравский — государственный секретарь, правый эсер; министры без портфелей: М. Б. Шатилов, С. А. Кудрявцев, Е. В. Захаров, Г. Ш. Неометулов, все правые эсеры. Таким образом, подавляющая часть кабинета принадлежала к ПСР.

Представляются не совсем верными утверждения М. Е. Плотниковой и В. В. Гармизы о том, что выдвижение кандидатур в министры «происходило в обстановке крайней поспешности» и часть присутствующих «сама произвела себя в министры»¹²⁴. Проект состава правительства был подготовлен Временным сибирским областным советом еще в конце 1917 г., сразу же после декабрьского Чрезвычайного областного съезда. Наш вывод подтверждает фрагмент телеграфных переговоров П. Я. Дербера, А. Е. Новоселова и А. А. Сотникова с находившимся в Киеве А. А. Краковецким, состоявшихся до 18 декабря. В ходе этих переговоров члены Областного совета обещали последнему, что «в Думе при образовании министерств ваша кандидатура будет выставлена и будет принята». О том, что состав будущего правительства обсуждался предварительно фракциями СОД, свидетельствует официальный бюллетень ВПАС. Пытаясь оправдать щекотливое положение с легитимностью избранного горсткой депутатов правительства, он

тельства, он следующим образом интерпретирует ситуацию: «Арест части депутатов и нелегальная обстановка заседания не позволили всем членам Думы присутствовать на ночном заседании, однако правомочность избрания была подтверждена соответствующими полномочными представителями фракций, имевших до заседания согласованный и принятый список личного состава правительства».

Ряд будущих министров на заседании 28–29 января не присутствовал: некоторые еще не прибыли в Томск, другие были арестованы в ночь на 26 января (И. И. Серебренников, Д. Г. Сулим, А. А. Краковецкий, П. В. Вологодский, Г. Б. Патушинский, Н. Е. Жернаков, М. Б. Шатилов и др.). То, что состав ВПАС был определен эсерами еще в декабре 1917 г., подтверждает еще одна деталь. Среди министров значится прапорщик барнаульского гарнизона Д. Г. Сулим, примкнувший к левым эсерам. Их организация оформилась в Барнауле после 21 декабря 1917 г. Уже в это время Сулим активно сотрудничал с большевиками. Вряд ли эсеровское руководство Областного совета стало бы включать «красного» Сулима в состав Кабинета. Оно располагало устаревшей информацией.

Формирование органа происходило при деятельном участии собственно областников. Г. Н. Потанин «настойчиво советовал своим друзьям Вологодскому и Крутовскому не отказываться от участия в правительстве», — говорится в одной из телеграмм ВПАС. Этот же источник сообщает, что фракция областников составила свой список кандидатов в члены правительства, пятеро из которого были в него включены¹²⁵. В документах не названы фамилии, но мы легко можем вычислить их. Это, безусловно, П. В. Вологодский, Вл. М. Крутовский, И. А. Михайлов, И. И. Серебренников, М. Б. Шатилов.

Кроме того, на заседании СОД 28–29 января 1918 г. принимается декларация Временного правительства автономной Сибири. В ней «врагом народа» объявляется Совнарком, посягнувший на Учредительное собрание, а большевики называются «изменщиками революции». Вместе с тем декларируется сохранение Советов как организаций, которые должны участвовать в работе Всероссийского и Всесибирского учредительных собраний. В программу деятельности ВПАС включалось:

1) скорейшее возобновление работ Учредительного собрания, признающего автономию Сибири и других частей государства;

2) передача всей полноты власти в регионе до созыва местного Учредительного собрания Сибирской областной думе, которая берет на себя обязательство в ближайшее время созвать Всесибирское учредительное собрание;

3) переход без выкупа частновладельческих и помещичьих земель в общенародное достояние на основе декрета о земле, принятого Учредительным собранием 5 января 1918 г.;

4) в промышленности — национализация копей, рудников, организация общественного контроля и регулирования.

Разгон Сибирской областной думы вызвал отрицательную реакцию и осуждение со стороны буржуазных и мелкобуржуазных группировок, включая собственно областников¹²⁶. Но и создание ВПАС не встретило поддержки со стороны правых. Их раздражал его эсеровский состав. Мы уже знаем об отрицательном отношении к «социалистической» власти без цензовых элементов Г. Н. Потанина и А. В. Адрианова. Консолидировался с ними Вл. М. Крутовский¹²⁷. Ставший министром И. И. Серебренников записал в дневнике: «Не радовал и самый состав правительства, по преимуществу эсеровский. Я мог приветствовать только имена Вологодского и Крутовского»¹²⁸. Тем не менее общая антисоветская направленность, ненависть к большевикам заставили объединиться все контрреволюционные элементы, включая эсеров, меньшевиков, националистов, областников, кооператоров и часть оставшихся без работы офицеров. Во главе подполья встали наиболее многочисленные, организованные и, как казалось их лидерам, авторитетные среди крестьянства эсеровские организации. Как правильно отметил П. С. Парфенов, «ни буржуазии, ни монархистов, ни черносотенцев, которые так храбро заявляли о своем существовании во времена правительства Керенского, не стало. На территории всей Сибири существовали только „честные, принципиальные, всегда готовые бороться с самодержавием“ — с.-р. и „захватчики власти, узурпаторы, предатели и грабители“, коммунисты-большевики»¹²⁹.

Ничего не предприняв для развертывания антибольшевистского движения непосредственно в Сибири, ВПАС отправилось на Дальний Восток. Причины вояжа нам не были известны, мы рассматривали его как бегство. В свете новых документов следует

несколько изменить это оценочное суждение. Уже в цитированной выше докладной записке эмиссара Временного сибирского областного совета на Дальнем Востоке от 25 января 1918 г. видно, что после создания правительства предполагался его переезд в Забайкальскую или Амурскую области, где к тому времени советской власти еще не было. Однако к концу февраля ситуация здесь коренным образом изменилась, создалась обстановка, «совершенно исключавшая возможность работы Сибирского правительства». Поэтому оно 28 февраля прибыло в Харбин¹³⁰. В Сибири остались министры, выдвинутые в его состав областниками (Вологодский, Крутовский, Серебренников, Михайлов, Шатилов), по всей видимости, не разделявшие программные положения Кабинета. В частности, П. В. Вологодский в первой половине 1918 г. в Омске редактировал журнал кооперативного объединения Центросибирь — «Трудовая Сибирь»¹³¹, Крутовский и Серебренников соответственно проживали в Красноярске и Иркутске, И. А. Михайлов в конце апреля был принят на работу в правление кооперативного объединения «Закупсбыт» (Новониколаевск) для организации экономического отдела¹³², Шатилов вместе с Патушинским и Якушевым вплоть до переворота сидели в красноярской тюрьме.

На Дальнем Востоке дерберовское правительство ринулось в водоворот дипломатических интриг, пытаясь добиться признания со стороны ведущих союзных держав и получить от них поддержку. Основные свои задачи ВПАС внятно изложило в программе, опубликованной 1 апреля 1918 г. Оно собиралось добиваться своего признания, передачи всех русских фондов на Дальнем Востоке, обещая взамен пропагандировать «здоровые мысли о возрождении России и возвращении ее согласно (Антаите. — М. Ш.)», а также допустить в свой состав цензовые элементы, «могущие быть полезными делу». Своей ближайшей задачей Временное правительство автономной Сибири считало образование штаба верховного главнокомандующего с включением в него представителей всех союзных армий, захват участка железной дороги Владивосток — Пограничная и образование базы снабжения всем необходимым во Владивостоке. Поскольку военной силы у П. Я. Дербера и его министров не было, все эти действия предполагалось осуществить штыками союзнических войск посредством включения в стратегический резерв Добровольческой армии бригады или

дивизии японцев¹³³. Из документов, изъятых в апреле 1918 г. во время ареста во Владивостоке у члена ВПАС М. А. Колобова, видно, что «союзники» держали правительство на всякий случай и оно должно было объявить о своем существовании после переворота. До этого министры «должны сидеть смиренно», не публикуя своих декретов и деклараций. Наконец, вездесущий французский агент подполковник Пишон настоятельно рекомендовал эсерам наладить взаимоотношения с цензовыми элементами при посредничестве управляющего КВЖД генерала Д. Л. Хорвата¹³⁴.

Следует заметить, что первоначально союзники оказывали сильное давление на харбинский «Дальневосточный комитет активной защиты Родины и Учредительного собрания», добиваясь от него установления союза с ВПАС. В принципе буржуазные круги, в частности член ЦК ПНС, делегированный на Дальний Восток, С. В. Востротин также склонялся к идее союза¹³⁵. Но на состоявшемся в Харбине совещании торгово-промышленных кругов Приамурского края принимается постановление о необходимости создания правительства для Сибири только на коалиционных началах. Совещание решительно высказалось против однородной власти, «как чисто буржуазной, так и чисто социалистической»¹³⁶.

Еще одной, уже реальной опасностью для коммунистов на Дальнем Востоке становится есаул Г. М. Семенов, трансформировавшийся в атамана. Выше мы оставили его вместе с добровольческим отрядом в Маньчжурии, где он появился 12 декабря 1917 г. на пограничной станции Маньчжурия западного участка КВЖД, имея под командой 9 офицеров, 35 казаков и 40 бурят¹³⁷. Здесь он начал формирование Особого маньчжурского отряда (ОМО), в состав которого к 10 января 1918 г. вошли 300 конников-баргутов и 80 монголов аймака Корцинь («хорченков»), 51 офицер, 125 казаков, солдат и добровольцев. Всего 556 чел.¹³⁸ Уже в это время произошли первые столкновения отряда с красногвардейскими частями в Даурии. Действия Семенова активизировало образование в полосе отчуждения КВЖД других белых формирований — Калмыкова, Орлова, Вращтеля, Гамова и др. Атаману не удалось добиться поддержки со стороны Д. Л. Хорвата и богатых беженцев-предпринимателей, осевших в Харбине. Реальную денежную помощь ему начали оказывать дипломатические представители Англии, Франции и Японии, направившие в отряд своих предста-

вителей — майора Денни, капитана Пеллье и капитана (впоследствии майора) Куроки. Первая группа японцев (4 офицера и 7 солдат) прибыла в ОМО 13 марта с артиллерией, «уступленной Японией отряду»¹³⁹. Впоследствии их численность доводится до батальона (400 чел.) «добровольцев».

11 января 1918 г. семеновские части вторглись в Забайкалье и повели наступление вдоль железной дороги на станцию Карымская, а отряд сотника Савельева дошел до станции Адриановка и, не получив поддержки, вернулся обратно. Для противодействия ОМО Центросибирь начала переброску в Забайкалье красногвардейских и красноармейских отрядов, на основе которых возник Забайкальский (Даурский) фронт во главе с С. Г. Лазо. Общее число его бойцов к лету 1918 г. составило, по разным оценкам, от 10 до 13 тыс. чел. Для предотвращения проникновения к белым добровольцев из числа офицеров постановлением Центросибири от 28 марта запрещается их въезд в Восточную Сибирь, начиная с Енисейской губернии¹⁴⁰.

7 апреля силами пехотной и конной бригад, с артиллерией, 4 бронепоездами Г. М. Семенов начал второй «прыжок» в Забайкалье. Наступление первоначально развивалось успешно, и части ОМО дошли до станции Оловянная. В станицах 2-го отдела Забайкальского казачьего войска объявляется мобилизация, что позволило сформировать еще три конных полка. 28 апреля на захваченной территории создается Временное правительство Забайкальской области в составе Г. М. Семенова, кадета С. А. Таскина и генерала И. Ф. Шильникова, обнародовавшего на станции Борзя декларацию, в которой провозглашалось: «Правительство области поставило себе неуклонной задачей всеми вооруженными силами бороться за автономию Сибири и за скорейший созыв, на основе всеобщего, прямого, равного и тайного избирательного закона, Сибирского Учредительного собрания, которое только одно может вывести нашу Сибирь на путь мирного гражданского строительства и экономического преуспеяния»¹⁴¹.

Успех был недолгим. 17 апреля Центросибирь вводит военное положение в регионе, 10 мая Семенов объявляется врагом народа, «стоящим вне закона». Получив значительные подкрепления, части Забайкальского фронта погнало семеновцев обратно. Наступление продолжалось до 21 июля. В обход китайского гарнизона на

ст. Маньчжурия, пытавшегося разоружить бойцов ОМО, они ночным форсированным маршем, бросив фронт, прошли 60 верст и обосновались на западной линии КВЖД от ст. Чаган до г. Хайлара, где пополняли свои силы и отдыхали до 20 августа.

«В условиях политического безвременья в полосе отчуждения (КВЖД. — М. Ш.) в первой половине 1918 г. никто из командиров возникших здесь отрядов не желал подчиняться ни Хорвату, ни кому-либо другому. Существовала опасная и ненужная раздробленность сил, господствовала полная анархия», — замечает Г. В. Мелихов¹⁴². Попытка решить проблему путем назначения на должность главнокомандующего всеми кооруженными силами на КВЖД в начале мая адмирала А. В. Колчака успеха не имела. Первым отказался повиноваться Г. М. Семенов, заявивший, «что Колчака не признает, слушаться его приказов не будет...»¹⁴³. Японцы дали понять, что своего ставленника в обиду не дадут, и в начале июня А. В. Колчак смещается с должности, так и не сумев навести порядок среди российских белогвардейцев в Маньчжурии.

Одновременно с этим в Сибири шло формирование антисоветского вооруженного подполья. Оно организовывалось по инициативе эсеров и демобилизованных офицеров. Определенный вклад внесла миссия генерала В. Е. Флуга, посланного в феврале 1918 г. вождами «белого» движения на юге России Л. Г. Корниловым и М. В. Алексеевым в Сибирь. Миссия способствовала консолидации местных подпольных военных организаций. Из двухмесячной поездки по сибирским городам (Омск, Томск, Иркутск и др.) Флуг вынес мнение, что кадеты «принципиально отказывались от активной борьбы». Лишь отдельные их представители совместно с предпринимателями «самоотверженно работали по оказанию поддержки военным организациям, но средства их были ограничены»¹⁴⁴.

Организацией вооруженных сил эсеровского подполья первоначально занимались руководители военного отдела Временного сибирского областного совета Г. Ш. Неометудов и А. А. Сотников, а с февраля 1918 г. — военный министр ВПАС подполковник А. А. Краковецкий, объединивший и наладивший связи со всеми местными организациями. В конце марта он уехал на Дальний Восток и возглавил военный отдел дерберовского правительства. Связь

между ним и сибирскими организациями осуществлялась через курьеров и шифрованными телеграммами. Определенную часть денежных средств на содержание подполья выделил Г. М. Семенов из полученных от союзников сумм¹⁴⁵.

Согласно официальной версии ВПАС, составленной уже после свержения советской власти, покидая регион, «в губернских, областных городах Сибири Правительство оставило свои эмиссариаты, которые являются проводниками и исполнителями предписаний Правительства, а также военные организации, в обязанности которых лежало формирование боевых сил. Эмиссариат в Томске являлся Западно-Сибирским по распространению своего влияния. В его состав вошли члены Учредительного собрания Марков, Линдберг, Михайлов и командующий войсками Сибирского правительства Гришин-Алмазов»¹⁴⁶.

Обращает на себя внимание тройка членов Учредительного собрания — Б. Д. Марков, П. Я. Михайлов, М. Я. Линдберг. Все они являлись ветеранами ПСР, а в 1917 г. стали ее видными региональными функционерами. Создается впечатление, что эсеровское руководство осуществило своеобразную рокировку. Вместо недееспособного правительства организация антисоветского подполья поручается опытным практикам, имеющим богатый опыт конспирации и хорошо знающим регион. Подтверждает наше предположение факт незнания будущими членами Западно-Сибирского комиссариата состава ВПАС, обнаружившийся после переворота. До марта 1918 г. они занимались другими вопросами, а затем перенацеливаются на руководство подпольем с приданием статуса уполномоченных находящегося в изгнании правительства.

В сибирских городах деятельность контрреволюционных сил координировали уполномоченные (комиссары) дерберовского кабинета, которым подчинялись руководители военных организаций. Так, в Красноярске комиссарами являлись Н. Н. Козьмин, П. В. Озерных, П. С. Доценко и Вл. М. Крутовский, военным руководителем — генерал-майор В. П. Гулидов; в Новониколаевске — А. В. Сазонов, Е. Н. Пославский, М. Я. Линдберг, подполковник А. Н. Гришин-Алмазов; в Томске — Б. Д. Марков, полковник А. В. Вишневский, подполковник А. Н. Пепеляев; в Иркутске — Эллерц-Усов, Н. С. Калашников; в Омске — П. Я. Михайлов, полковник П. П. Иванов-Ринов¹⁴⁷. Кроме того, подпольные военные организа-

ции из эсеровских дружин и офицерских групп действовали в Усолье-Сибирском, Черемхоне, Нижнеудинске, Верхнеудинске, Канске, Ачинске, Мариинске, Тайге, Барнауле, Семипалатинске и т. д. Иногда организации возникали автономно друг от друга, как это имело место в Томске, где какое-то время сосуществовали эсеровское вооруженное формирование во главе с прапорщиком В. А. Смарец-Завинским и полковником А. В. Вишневским и «беспартийная» офицерская группа под руководством Н. Н. Сумарокова и А. Н. Пепеляева¹⁴⁸.

Объединением разрозненных групп и занялся А. А. Краковецкий, в конце февраля — марте объехавший регион от Омска до Читы. На местах он «проводил совещания подпольщиков, инструктировал их, встречался с эмиссарами Сибирского правительства и начальниками местных военных штабов, улаживал внутренние конфликты, содействовал объединению тайных военных организаций под единым руководством»¹⁴⁹. Им же создаются два нелегальных военных округа — Западно-Сибирский (к западу от Енисея) и Восточно-Сибирский. Первый возглавил руководитель новониколаевской военной организации А. Н. Гришин-Алмазов. В городах деятельностью военизированных формирований руководили уполномоченные (комиссары) ВПАС, получившие назначения, по всей видимости, от местных эсеровских комитетов. Офицерское подполье консолидировалось на следующих принципах: 1) организации являются ячейками будущей армии; 2) армия вне политики; 3) уничтожение выборного начала в армии; 4) полное подчинение воле начальника¹⁵⁰.

Дальнейшее сколачивание западносибирских подпольных формирований происходило под руководством А. Н. Гришина-Алмазова и П. Я. Михайлова, объехавших регион под видом уполномоченных кооперативного объединения «Закупсбыт», с целью добиться укрепления дисциплины, сплоченности, устранения трений между офицерами и эсерами по политическим вопросам. Не соответствует действительности утверждение об утрате социалистами-революционерами руководящих позиций в подполье из-за преобладания в нем офицеров¹⁵¹. Этого не могло быть из-за специфики финансирования организаций. Оно осуществлялось через руководимые эсерами кооперативные объединения, прежде всего «Закупсбыт» (Новониколаевск) и «Центросибирь» (Омск). Кроме того, они распола-

гали разветвленной сетью отделений на местах, мощной оргтехнической и издательской базой, средствами связи. Как показал Л. Д. Василенко, все обеспечение подполья деньгами осуществлялось кооперацией¹⁵². Совсем не случайно в первые дни после переворота в Новониколаевске в торгово-промышленных кругах ходила острота: «Власть в Сибири перешла к „Закупсбыту“».

В апреле штаб Западно-Сибирского округа перебазировался из Томска в Новониколаевск. Здесь одновременно действовали три подпольные управленческие структуры — штаб военного округа, городской комиссариат (А. В. Сазонов, Е. Н. Пославский, М. Я. Линдберг) и Центральный военный штаб (Б. Д. Марков, П. Я. Михайлов, Н. В. Фомин и А. Н. Гришин-Алмазов). Общую численность участников антибольшевистского подполья к концу мая И. А. Якушев определил в 10 тыс. добровольцев. По более поздним подсчетам Н. С. Ларькова, цифра определяется в 6 тыс. чел., в том числе 3,8 тыс. в Западной Сибири.

Промежуточным этапом оформления военизированного подполья в регионе стало нелегальное совещание, проведенное Центральным военным штабом 3 мая в Новониколаевске, на котором присутствовали все политические и военные руководители организаций. Были заслушаны отчеты с мест, даны директивы по завершению подготовительного периода, согласованы шифры для связи. Тем не менее, согласно свидетельствам очевидцев и участников событий, «к моменту прибытия на Сибирскую магистраль чехов организации совершенно не были подготовлены к выступлению». Например, в Новониколаевске на 134 подпольщика имелось всего 17 винтовок. Конечно, меры в этом отношении принимались. Лишь Томская губернская земская управа израсходовала на приобретение огнестрельного оружия в декабре 1917 — январе 1918 г. 60 тыс. руб., а при обыске 19 января в подвале управы было изъято 675 новых винтовок¹⁵³, мы уже упоминали о хищении там же 27 марта 639 винтовок и 12 тыс. патронов, но все равно оружия катастрофически не хватало.

10 мая А. Н. Гришин-Алмазов в Новониколаевске принципиально договорился с военными представителями Чехословацкого национального совета — капитанами Гайдой и Кадлецом о совместных действиях. Соглашение закрепили 20 мая на совещании в Челябинске. Возвращаясь с него, Р. Гайда, узнав о конфлик-

те чехов с органами советской власти, дал зашифрованную телеграмму Кадлецу с требованием захватить Мариинск. Но в Новониколаевске он не застал А. Н. Гришина-Алмазова, который вместе с П. Я. Михайловым уехал в Томск. Тем не менее в полдень 25 мая в номере жены подполковника — артистки Марии Александровны в гостинице «Метрополь» (по всей видимости, традиционном месте встречи заговорщиков) состоялось совещание, на котором присутствовали чешские офицеры Гайда и Гусарик, а также А. В. Сазонов, М. Я. Линдберг, Е. Н. Пославский. Совещание принимает решение — начать мятеж немедленно. Тотчас через правление «Закупсбыта» отправили зашифрованный телеграфный приказ о немедленном совместном выступлении чехословаков и подпольных организаций. Оговаривались такие мелочи, как опознавательные знаки. Так, начиная выступление в Новониколаевске, чехи повязали бело-зеленые повязки, символизирующие их единство с Сибирским правительством. Мятеж начался во втором часу ночи, а к 7 утра 26 мая город был в руках восставших. Позднее, 19 июня 1918 г., в донесении Временному Сибирскому правительству А. Н. Гришин-Алмазов сообщал о происходивших событиях следующее: «В ночь с 25 на 26 мая отрядом чехословаков и военными организациями Сибирского правительства была свергнута власть большевиков в городах Мариинске и Новониколаевске. Эти события произошли стихийно без достаточной подготовки. Мною было принято решение с согласия находившегося тогда в Томске комиссара Павла Михайлова воспользоваться начавшимся движением и поддержать его своими боевыми организациями, имея цель очистить Западную Сибирь от вторжения в ее пределы со стороны Урала большевистских войск»¹⁵⁴.

Таким образом, организация и укрепление антибольшевистского подполья в Западной Сибири в феврале — мае 1918 г. были связаны с деятельностью эсеров в регионе, действовавших через свои ячейки и кооперативные объединения. Значительную роль в этом процессе сыграли уполномоченные ВПАС, прежде всего Б. Д. Марков, П. Я. Михайлов и М. Я. Линдберг, выступавшие как функционеры ПСР.

Еще одной формой развязывания гражданской войны в регионе стали массовые, в том числе вооруженные, выступления населения против политики советской власти в первой половине 1918 г.

Н. С. Ларьков насчитал их 49¹⁵⁵, в основном они имели место в уездных городах и сельской местности. «Наиболее массовым вооруженным выступлением в Сибири зимой — весной 1918 г., — замечает он, — явилось мартовское восстание крестьян Голуметьской и многих других соседних волостей в Иркутской губернии, в котором принимало участие до 12 тыс. чел. Примерно тогда же восстали жители нескольких волостей Нарымского края Томской губернии, крестьяне с. Бутырки и соседних сел пяти волостей Барнаульского уезда Алтайской губернии, а в мае — несколько волостей Ишимского уезда Тобольской губернии. В остальных случаях выступления обычно не выходили за пределы одной волости либо отдельного населенного пункта»¹⁵⁶.

В принципе, квалификация большей части крестьянских выступлений как антисоветских и тем более кулацко-эсеровских — дань историографической традиции¹⁵⁷. Как правило, население боролось против конкретных ущемлений и произвола органов советской власти на местах, а не против нее как таковой. На примере Брюхановского восстания (Кузнецкий уезд) выше мы показали, что причиной его стало принудительное изъятие хлеба с последующей раздачей бедноте. На почве неприятия продовольственной политики произошла большая часть крестьянских бунтов в марте — апреле 1918 г. Деревня защищала свои коллективные интересы. Характерно, что многие села и волости, попавшие в число участников повстанческо-партизанского движения первой половины 1918 г. (с. Каратуз Минусинского уезда, Славгородский уезд, с. Бутырки Барнаульского уезда, Ишимский, Канский и Мариинский уезды), не менее решительно с оружием в руках боролись против политики различных правительств и действий их агентов и в последующие годы (вторая половина 1918 — 1921 г.).

Подобная же ситуация имела место и в городах региона. Так, «поповский мятеж» в Омске в феврале был вызван откровенно провокационными действиями Совдепа в отношении местного архиепископа и епархиального управления. Кое-где недовольство своим экономическим положением стали проявлять рабочие (забастовки в марте на Томской электрической станции и Анжеро-Судженских конях). Как мы уже указывали, различные группы населения региона в рассматриваемое время выражали недовольство или по поводу отдельных действий новой власти, или вообще по

факту ее существования. Тем не менее основная его часть вовсе не хотела усиления противостояния. Подполковник В. А. Глухарев, сопровождавший генерала В. Е. Флуга в его инспекционной поездке по Сибири, резюмировал в своем отчете: «Повсеместно среди населения наблюдается утомление политикой и стремление уйти от нее и заняться своими делами»¹⁵⁸.

В заключение следует указать, что в рассматриваемый период в плане партийного строительства завершилось размежевание большевиков с меньшевиками, но их консолидации в территориальных рамках региона не произошло. Последовательными союзниками коммунистов выступали левые эсеры. В среде правых эсеров после разгона Учредительного собрания стали нарастать антисоветские настроения. Падает их авторитет в деревне, поэтому серьезное внимание эсеры уделяют национальным объединениям и Сибирской областной думе. Эсеров изгоняют из Советов, а ликвидация органов местного самоуправления лишила их возможности влиять на ситуацию в городах и уездах. Тем не менее правые эсеры объединили свои организации в пределах Сибири, создав на нелегальной конференции в апреле Всесибирский крайком ПСР. Хотя главной своей задачей они провозгласили «проповедь протеста против политического произвола и насилия» коммунистов, на практике берется курс на активное противодействие последним. Более решительную позицию в отношении «узурпаторов» в начале 1918 г. заняли меньшевики. В наиболее сложном положении оказались кадеты, уже в конце 1917 г. загнанные в подполье. На 2-й Сибирской конференции ПНС в феврале их делегаты сочли «единственным способом оздоровления государства создание авторитетной власти в отдельных областях».

Зимой — весной 1918 г. завершился процесс установления советской власти на губернском (областном) и уездном уровнях. В отличие от конца 1917 г. происходил он с помощью красногвардейских отрядов извне и демобилизованных военнослужащих. Одновременно осуществлялось объединение Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов (на уровне губерний в феврале — апреле, уездов с конца 1917 г. до апреля 1918 г.). Что касается волостей, то здесь к лету 1918 г. советизация не закончилась или сводилась к переименованию земских управ, продолжавших действовать под новым названием в составе «избранных земских людей».

Укрепление советской власти сопровождалось постепенной ликвидацией органов местного самоуправления — городского и земского. Их судьбу разделили земельные и продовольственные комитеты. Практически одновременно проводились демобилизация и формирование советских воинских частей. В зачаточной стадии находилось создание органов борьбы с контрреволюцией. Решительно и последовательно местные коммунисты боролись за установление монополии в средствах массовой информации, закрыв большую часть оппозиционных режиму газет. Недовольство крестьян вызывало не только принудительное изъятие хлеба по символическим ценам, но и перераспределение его внутри деревни в пользу неимущих. В ходе национализации окончательно испортились отношения новой власти с предпринимателями. Политика большевиков оттолкнула от них и интеллигенцию.

Таким образом, в первые пять месяцев 1918 г., в процессе «триумфального» шествия советской власти, местные коммунисты вступили в конфликт с большинством населения региона, его основными социальными группами, за исключением рабочих и беднейшего крестьянства, что и предопределило быстрое свержение их власти летом того же года.

Одновременно с установлением и укреплением советской власти происходил процесс оформления и консолидации антибольшевистской оппозиции. Рубежом становится разгон Учредительного собрания. Сохраняя надежды на его реанимацию в будущем, сибирская мелкобуржуазная контрреволюция во главе с эсерами делает ставку на провозглашение автономии региона на сессии Сибирской областной думы. На ее нелегальном заседании 28–29 января формируется эсеровское по составу Временное правительство автономной Сибири (ВПАС) во главе с П. Я. Дербером и принимается декларация, объявляющая большевиков «изменниками революции» и провозглашающая главной целью деятельности правительства «возобновление работы Учредительного собрания, признающего автономию Сибири и других частей государства».

Создание ВПАС получило одобрение правых, а ненависть к большевикам заставила объединиться все контрреволюционные элементы. Во главе подполья встали наиболее многочисленные, организованные и, как казалось их лидерам, авторитетные среди

крестьянства эсеровские организации. В городах деятельность контрреволюционных сил координировали уполномоченные (комиссары) уехавшего на Дальний Восток дерберовского правительства. Но их сил было явно недостаточно для свержения власти Советов. Только объединившись с интервентами, ставленником которых стал Чехословацкий корпус, контрреволюция смогла развязать гражданскую войну. «Впрочем, решающим моментом в истории начала борьбы с большевиками в Зап. Сибири следует, по справедливости, считать историческую дату выступления чехов, которое явилось неожиданным не только для большевиков, но, пожалуй, и для самих чехов», — резюмировал И. А. Якушев¹⁵⁹.

§ 2. БОРЬБА ЗА ВЛАСТЬ В ПЕРИОД «ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ» КОНТРРЕВОЛЮЦИИ (ИЮНЬ — НОЯБРЬ 1918 г.)

Боевые действия по свержению советской власти в Сибири продолжались до 28 августа 1918 г., когда на станции Урульга (в 139 км восточнее Читы) на конференции членов Центросибири совместно с представителями советских органов и командования Западного и Даурского фронтов было принято решение «борьбу с врагом организовавшим фронтом ликвидировать», и в дальнейшем она должна быть направлена «к использованию всех легальных и нелегальных возможностей, к дезорганизации всех усалий наших врагов закрепить в пределах Сибири власть буржуазии и иностранного капитала и разгромить советскую власть в России»¹. До 16 сентября продержались в г. Свободном Амурской области члены Дальсовнаркома. Местные Советы сравнительно легко подавляли вооруженные выступления антибольшевистского подполья, например 29 мая — в Томске, 11 июня — в Барнауле, 14 июня — в Иркутске. Решающую роль в событиях июня — августа в регионе сыграли чехи, численность которых в Сибири современными исследователями определяется в рассматриваемое время в 4,5–7,3 тыс. чел.²

Помимо причин падения советской власти, перечисленных в предшествующем параграфе, существенную роль сыграли еще три

фактора. Во-первых, попытки руководства Центросибиря во главе с Н. Н. Яковлевым и ряда Советов заключить перемирие с чехами и продолжить их перевозку на восток уже разоруженными. Когда это было выгодно, командование корпуса шло на соглашение. Например, к западу от Иркутска перемирие заключается на срок с 10 по 17 июня, в районе Мариинска — с 1 по 15 июня, но как только ситуация изменяется, боевые действия в одностороннем порядке возобновляются. Во-вторых, региональные коммунистические лидеры явно недооценивали масштабы катастрофы и большие надежды возлагали на Москву, которая, в свою очередь, первоначально расценивала положение достаточно оптимистично. Об этом можно судить по радиোগрамме В. И. Ленина в Ташкент в июле для передачи сибирякам, в которой утверждалось: «Чехословацкое движение близко к ликвидации. Советская власть усиливается в сознании масс. Будет сделано все возможное, чтобы помочь вам»³. В-третьих, сыграл роль фактор деморализации советского руководства и временная утрата доверия ему со стороны рабочих из крупных промышленных центров Сибири. За исключением Омска, фактически без боя были сданы Томск, Красноярск, Иркутск, 16 июня пал Мариинск, а 18 июня белые захватили Красноярск.

О позиции рабочих в это время можно судить по разрозненным фактам. Так, на станции Тайга «мятежников поддержала часть железнодорожных рабочих, распустивших местный Совет и создавших вместо него комитет общественного спасения». Еще до прихода белых советская власть в Бийске свержается рабочими и учащейся молодежью под руководством местных профсоюзов. 1 июля белочехи взяли станцию Зима. «Одновременно около 120 местных рабочих, частично вооруженных винтовками и охотничьими ружьями, заняли позиции около железнодорожного моста через р. Оку и не допустили его уничтожения красными»⁴. Конференция железнодорожных служащих, мастеровых и рабочих Омского уезда в середине июня сочла неизбежным падение советской власти и постановила поддержать Временное Сибирское правительство, а делегатское собрание профессиональных союзов Иркутска 17 июля «самым категоричным образом» высказалось «за образование власти через Учредительное собрание на самых демократических основах». Орган объединения профессиональных

союзов Западной Сибири журнал «Сибирский горнорабочий» констатировал: «У власти пока демократия в лице партии социалистов-революционеров. Мы не имеем никаких оснований не верить ее демократизму. Их опора — демократия, и не посягнут они на завоевания рабочего класса»⁵. Объяснение феномену дает фрагмент резолюции Западно-Сибирской конференции меньшевиков 2–5 июля в Новониколаевске. «Рабочий класс, — говорится в ней, — распыленный, дезорганизованный, разочарованный в утопических и несбыточных обещаниях немедленного социализма, испытывающий от голода и безработицы, устал от революции, не принесшей ему облегчения, и отходит в сторону; демократические элементы деревни, возвратившиеся к земле после трех с половиной лет военной страды, также не обнаруживают стремления к борьбе за идеалы, поставленные революцией...»⁶

Свержение советской власти сопровождалось массовыми репрессиями против коммунистов, красногвардейцев, рабочих и т. д. Профсоюзный работник, меньшевик А. В. Спекторский так охарактеризовал обстановку в Новониколаевске в письме из тюрьмы: «Ежедневно я слышу рассказы о насилии и о жестокостях над арестованными в военном городке. Говорят о новых убийствах, о том, что в камеры арестованных бросают бомбы. Ежедневно я вижу, как мимо тюрьмы гонят десятки арестованных крестьян. Время от времени кое-кто из арестованных попадает и в нашу тюрьму, и я слышу от них чудовищные рассказы о том, как в комендантском управлении чешские и русские офицеры избивают крестьян и рабочих. В одной тюрьме со мной сидит около 100 человек, большинство из которых не допрошено и не знает, за что их мучают»⁷.

С захваченными в плен расправлялись без суда и следствия. Местные тюрьмы оказались забытыми сторонниками советской власти и просто случайными людьми. Так, в Красноярске только среди железнодорожников было арестовано 398 чел., в омской тюрьме и концентрационных лагерях находилось свыше 1 тыс. «представителей социалистических партий, кроме меньшевиков и правых эсеров, красногвардейцев, а также всех стоящих на советской платформе», в Барнауле аресту подверглось около 300 чел., в томских тюрьмах в июне содержалось 1 485 чел.⁸ Пришедший к власти эсеровский Западно-Сибирский комиссариат пытался навести элементарный порядок в вакханалии террора, своим постановлени-

ем от 20 июня создав специальные следственные комиссии в городах, но они оказались бесправными, и расправы без суда продолжались. Более того, комиссариат 27 июня «признал недопустимым пребывание в составе органов местного самоуправления представителей тех партий и организаций, которые продолжают вести вооруженную борьбу против Сибирского Временного правительства». В специальном постановлении Временного Сибирского правительства (ВСП) от 3 августа «Об определении судьбы бывших представителей советской власти в Сибири» предусматривалось, что «все представители так называемой советской власти подлежат политическому суду Всесибирского Учредительного собрания» и должны содержаться под стражей до его созыва. Совершившие же «деяния уголовные или носящие характер государственной измены (вооружение военнопленных мадьяр и немцев, расхищение золота и денег, порча железных дорог, расстрелы, конфискация имущества, взывания контрибуции и т. д.), помимо политической, подлежат еще и уголовной ответственности».

В этих условиях происходит создание коммунистического подполья в регионе. Первые нелегальные ячейки РКП(б) в июне — июле возникли в Новониколаевске, Красноярске, Томске, Ачинске, Омске. К осени они были восстановлены во всех губернских, большей части уездных городов и рабочих поселках, объединив примерно 2,5 тыс. чел.⁹ Как установил Н. С. Ларьков, среди подпольщиков наметилось два подхода по тактическим вопросам. Один из них заключался в том, что часть их «считала возможным в сложившейся ситуации отступить на „вторые позиции“ и закрепиться там». Например, видный сибирский коммунист М. М. Рабинович предлагал использовать для противостояния буржуазным посягательствам Сибирскую областную думу, другие отстаивали необходимость работы в профсоюзах, с тем чтобы объединить всех социалистов для создания «единого революционного фронта»¹⁰. Часть коммунистов предлагала бороться наиболее эффективным методом — организовать вооруженные восстания.

Разногласия открыто проявились на 1-й подпольной Сибирской конференции РКП(б) в Томске 18–22 августа 1918 г. В принятой ею резолюции говорилось: «Тактика партии в Сибири должна быть такова: вооруженное восстание рабочих и крестьянских масс для восстановления советской власти, никаких соглашений с

буржуазией, никаких соглашений с правыми социалистическими партиями. Полное отрицание работы в органах местного самоуправления, областной думе и т. д.». Партийные организации переводились на военное положение, их члены объединялись в пятерки и десятки, подчиненные подпольным райкомам и горкомам. Был избран Сибирский областной партийный центр в составе К. М. Молотова, М. И. Сычева, С. А. Дитмана, М. М. Рабиновича и К. П. Ильмера¹¹. В свою очередь, в инструкциях ЦК РКП(б) Сибирскому областному комитету запрещались индивидуальный террор и изолированные городские восстания в глубоком тылу. Подполью рекомендовалось братья за оружие только при приближении фронта, а пока вести подготовительную работу и разжигать крестьянское движение¹².

Во исполнение решений форума на местах в сентябре — октябре проводятся нелегальные собрания и конференции, на которых подпольные организации ориентируются на подготовку вооруженного восстания. В частности, вопрос о нем был поставлен на собрании актива Новониколаевского горкома РКП(б) 15 сентября, начался сбор оружия, но массовые обыски и аресты в ночь на 18 сентября сорвали акцию¹³.

Судьбу коммунистов летом 1918 г. разделили левые эсеры и анархисты, причем именно последние первыми в подполье развернули работу среди крестьян Томской и Алтайской губерний¹⁴. Активно поддержали антисоветский переворот, хотя и не вошли в руководящие органы «демократической» контрреволюции (ЗСК и ВСП), меньшевики. Упомянутая выше их конференция в Новониколаевске высказалась в поддержку Временного Сибирского правительства при «полной неотделимости Сибири от Европейской России» и восстановлении Учредительного собрания¹⁵. Эти решения продублировала общесибирская конференция социал-демократов 19–24 августа в Томске, признавшая необходимым для членов партии принимать участие в работе Сибирской областной думы и квалифицировавшая Советы как «тормоз для развития классового движения пролетариата»¹⁶. Активное участие меньшевики приняли в работе СОД, среди членов которой их оказалось 21 чел. (второе место после эсеров, имевших 60 мандатов)¹⁷.

Подобных позиций летом 1918 г. придерживались формально ставшие «правящей» партией эсеры. 4-й съезд организаций ПСР

Томской губернии 13–16 июля «основной задачей момента» назвал созыв Всероссийского Учредительного собрания, призвал к поддержке ВСП и счел необходимым «немедленный созыв Областной думы» без цензовых элементов. Примерно в том же духе сформулировали свои позиции совещание Иркутского комитета ПСР 14 июля и Акмолинская областная конференция членов партии 21 июля. А в тезисах по текущему моменту Всесибирского комитета ПСР от 29 июня ВСП признавалось высшим исполнительным органом власти в регионе, ответственным перед СОД¹⁸. Попутно Сибкрайком в середине июля предложил переименовать Советы в съезды и собрания уполномоченных, поскольку как органы диктатуры они «являются для трудящихся нецелесообразными»¹⁹.

Первые конфликты с правительством возникли по поводу силовых структур. Недовольство Сибкрайкома вызвало решение Временного Сибирского правительства о передаче милиции, которая подчинялась органам местного самоуправления, в ведение МВД. По сути, региональный эсеровский штаб поддержал постановление ВСП от 23 августа об устранении армии от участия в политической деятельности, хотя и оговорил, что члены партии, оказавшиеся в воинских частях, не должны порывать связи с партийными организациями и вести партийную работу среди военнослужащих путем бесед, чтения книг, участия в культурно-просветительной работе и т. д.²⁰ О том, как менялось отношение эсеровского руководства региона к действиям правительства, можно судить по материалам печатного органа Сибкрайкома — газеты «Голос народа» за июнь — август. В передовой от 5 июня приводится уже изложенная выше позиция и прежде всего идея: «Строительство демократической Сибири не может идти вне общего восстановления единой Демократической Российской Республики». В тезисах краевого комитета по текущему моменту, увидевших свет 23 июня, признается, что до созыва Всесибирского Учредительного собрания высшим исполнительным органом власти в Сибири является Временное Сибирское правительство, ответственное перед Сибирской областной думой. К работе по восстановлению государства могут быть привлечены все его творческие силы, «обязующиеся принять основные лозунги народоуправства». Не вызвала беспокойства передача власти Западно-Сибирским комиссариатом ВСП.

«Сущность власти не изменилась, — констатируется в передовой от 3 июля. — Изменилась лишь форма, взамен временного и ограниченного в своих правах органа выступил полномочный орган власти, перед которым открывается возможность действовать во всесибирском масштабе». Но буквально через неделю, 10 июля, в статье А. Корчагина утверждается: «Курс политики Временного Сибирского правительства идет резко вправо, дело осложняется еще и тем, что ответственные решения принимаются без санкции Думы, на свой риск и страх». Выход из сложившегося положения — немедленный созыв Сибирской областной думы. Наконец, в номере от 12 июля дается информация об общем городском собрании Томской организации ПСР 9 июля, выступая на котором, член крайкома М. С. Фельдман констатирует переход эсеров в оппозицию к правительству, поскольку «мы не можем согласиться с их политикой, мы не можем промолчать, ибо наша карта еще не бита; мы определенно заявляем, что никто не смеет покушаться на права Областной думы, и все вопросы кардинальной важности должна решать только она»²¹.

Позиция вышедших из подполья кадетов расходилась с эсеровской как раз по отношению к СОД. Участники конференции организаций ПНС Урала и Сибири 21–24 августа в Омске выразили доверие ВСП «как временному и законному носителю суверенной власти», но отказались рассматривать Областную думу в качестве представительного органа всего населения региона. Главными условиями для создания коалиции всех общественно-политических формирований, по их мнению, должна стать беспощадная борьба с большевизмом и всеобщее, прямое, равное и тайное избирательное право с повышением возрастного ценза до 21 года²². Кроме того, кадетов не устраивала областническая ориентация правительства. «Совет министров, кроме тяготения всех его членов к социализму, обнаруживает склонность к партийности в ином, по предыдущим условиям политической жизни Сибири, неожиданном виде. Эта партийность — „областничество“», — говорится в статье органа омских кадетов за 1 августа. Причем главный недостаток в этом уклоне усматривается в незначительной популярности движения среди населения региона, «вооружение которого ковалось в мастерских сибирских географических обществ»²³.

Тем временем в освобожденных от коммунистов районах Сибири происходило формирование новой власти. После переворота в Новониколаевске с 26 мая наступила пауза. Восставшие явно не спешили известить о своих действиях соседние города. Первой обнаруженной нами информацией о происшедшем стала телеграмма в Мариинск от имени анонимных уполномоченных Временного Сибирского правительства. В ней извещалось о низвержении большевистской власти в Новониколаевске и переходе ее к уполномоченным, «предложившим городским и земским управам приступить к работе». Лакошнично сообщалось, что «переворот произведен местным отрядом Сибирского правительства при содействии чехословацких частей. Наши задачи: защита родины и спасение революции через Всесибирское Учредительное собрание»²⁴. Поскольку в первом выпуске «Собрания постановлений и распоряжений Западно-Сибирского комиссариата Сибирского Временного правительства» первый нормативный акт этого органа датируется 1 июня 1918 г., можно предположить, что телеграмму написали А. В. Сазонов и Е. Н. Пославский как уполномоченные правительства в Новониколаевске.

Наше предположение подтверждает Сазонов, который, во-первых, в своих мемуарах упоминает о совместном с Линдбергом и Пославским обращении к населению 30 мая. Во-вторых, в письме к В. Л. Бурцеву от 17 апреля 1923 г. он, вспоминая об этих событиях, сообщает: «Еще в 1918 году, когда я 26 мая в Новониколаевске поднимал восстание против большевиков, для меня было ясно, что освобождение от них должно идти этапами. В первую очередь должна быть освобождена Сибирь, на ее территории создана прочная демократическая государственность, укреплен тыл, и только уже после этого можно задаваться великодержавными мечтаниями во всероссийском масштабе. Движение было поднято под бело-зеленым флагом и лозунгом „Через свободную Сибирь к возрождению Великой России“ во имя образования временно самостоятельной сибирской демократической государственности, которая в будущем станет автономной в местных делах и будет управляться собственным Сибирским правительством, подчиняющимся в общероссийских вопросах центральной власти». Пространная цитата дает представление не только о стратегическом замысле Сазонова, его кон-

цепция вполне согласуется с программным утверждением авторов телеграммы.

Следующие известия из Новониколаевска датируются 31 мая. В телеграмме уполномоченного Сибирского Временного правительства М. Я. Линдберга извещалось о низвержении власти большевиков. Население призывалось подняться на защиту правительства, поскольку главная его цель — «укрепление Российской Революции, защита свободы и независимости Родины». О Сибири здесь уже нет упоминания. Вторую телеграмму в этот день подписали уполномоченные ВСП в Западной Сибири М. Линдберг, П. Михайлов, Б. Марков и В. Сидоров. В ней сообщалось: «Временное Сибирское правительство, избранное демократической Областной думой во имя соединения разрозненных большевистской властью частей России в единое целое, во имя восстановления поправленных прав народовластия, свергло всем опостылевшую большевистскую власть в целом ряде крупных городов революционными отрядами Временного Сибирского правительства при содействии чехословацких войск. Одной из ближайших своих задач Временное Сибирское правительство ставит созыв Сибирского Учредительного собрания на основе всеобщего, прямого, равного и тайного избирательного права, установление твердого правопорядка, который обеспечит волю, свободный труд и землю народу».

В обоих документах обращают на себя внимание два момента. Во-первых, в отличие от телеграммы А. В. Сазонова, М. Я. Линдберга и Е. Н. Пославского, здесь резко меняются акценты: вместо «защиты родины и спасения революции через Всесибирское Учредительное собрание» речь идет об «укреплении Русской Революции», «соединении разрозненных большевистской властью частей России в единое целое». Лишь в качестве одной из ближайших задач авторы рассматривают созыв Сибирского Учредительного собрания. Во-вторых, подписавшие вторую телеграмму традиционно называют себя уполномоченными. Таким образом, можно полагать, что 31 мая ко второй половине дня в Новониколаевске собрались все четыре члена будущего Западно-Сибирского комиссариата, но вот называться таковыми они стали только 1 июня 1918 г.

Наше предположение подтверждает Н. С. Ларьков, который установил, что Б. Д. Марков, П. Я. Михайлов, В. О. Сазонов были арестованы советскими органами в Томске 27 мая и вышли на

свободу утром 31 мая, после падения здесь советской власти. В Новониколаевске вечером 30 мая состоялось заседание так называемого «Совета при уполномоченных Временного Сибирского правительства», в котором участвовали, судя по протоколу, Н. А. Гудков, Михайленко, И. А. Михайлов, А. И. Машкевич, М. Ф. Омельков, Е. Н. Пославский, Н. В. Фомин. Заслушав информацию о положении и признав его прочным, Совет рассмотрел вопрос «О создании Западно-Сибирского комиссариата» и постановил: «Западно-Сибирский комиссариат учредить с соответствующими отделами по отраслям деятельности». Таким образом, «решение о создании ЗСК было принято в Новониколаевске в отсутствие большинства его членов... Здесь же началось и формирование 11 отделов Комиссариата»²⁵.

Уже 1 июня появляются документы, исходящие от ЗСК, прежде всего воззвание, в котором объявлялось: «Высшей местной властью в Западной Сибири временно, впредь до окончательного освобождения всей сибирской территории, является Западно-Сибирский комиссариат, состоящий из уполномоченных Временного Сибирского правительства, членов Всероссийского Учредительного собрания Павла Михайлова, Бориса Маркова, Михаила Линдберга и председателя Томской уездной земской управы Василия Сидорова». Далее более пространно, но сугубо в эсеровском духе излагались первоочередные задачи, причем не свои, а Областной думы и правительства (созыв Сибирского Учредительного собрания, воссоединение частей Великой Всероссийской Федеративной Республики, «содействие скорейшему возобновлению работ Всероссийского Учредительного собрания»). В тот же день ЗСК принял два своих первых законодательных акта — о мобилизации и денационализации. Следовательно, 1 июня 1918 г. можно считать датой формального образования Западно-Сибирского комиссариата, осуществляющего управление регионом от имени Временного правительства автономной Сибири и состоящего из его уполномоченных. Обращает на себя внимание почти тождественность ЗСК и Комитета членов Учредительного собрания (Комуча), созданного в Самаре 8 июня и состоявшего первоначально из пяти членов Учредительного собрания. Они как братья-близнецы действовали на разных территориях.

До конца не выяснен вопрос о первоначальном местонахождении Комиссариата. Н. С. Ларьков считает, что «около недели большинство членов ЗСК находилось в Томске. Затем они переехали в Новониколаевск... Но уже в середине июня комиссариат переехал в освобожденный накануне от большевиков Омск»²⁶. Нам представляется, что изначально Комиссариат находился в Новониколаевске, а Томск только планировался в качестве предполагаемой его резиденции, поскольку именно там начались частные заседания СОД, а затем открылась и ее сессия. В пользу этой версии свидетельствует документ, найденный нами в фонде Новониколаевской городской думы в ГАНУ, раскрывающий заодно и обстановку, в которой приходилось работать здесь органу власти. Он представляет собой отношение секретариата ЗСК городскому голове А. К. Скворцову от 13 июня следующего содержания: «Секретариат... просит Вас сделать распоряжение о немедленной доставке в помещение реального училища для надобностей образованного при Комиссариате юридического отдела письменного стола и кресла, находившихся в распоряжении Вашего юрисконсульта А. А. Шиша, во временное пользование отдела»²⁷. Бумага имеет угловой штамп с реквизитами: Временное Сибирское правительство, Западно-Сибирский комиссариат, июня 13-го 1918 г., № 192, г. Томск (т. е. формально резиденцией органа являлся Томск, а фактически он находился в Новониколаевске). 4 июня ЗСК принимает решение о создании при нем отделов: административного с подотделами земского и городского самоуправления, милиции, здравоохранения, почты и телеграфа во главе с В. С. Сизиковым, военного (полковник А. Н. Гришин-Алмазов), финансов (А. П. Мальцев), юстиции (А. П. Морозов), торговли и промышленности (П. П. Гудков), труда (Л. И. Шумиловский), земледелия и колонизации (Н. И. Петров), путей сообщения (Г. М. Степаненко), продовольствия (Н. С. Зефилов), просвещения (В. В. Сапожников), иностранных сношений (М. П. Головачев), туземных дел (с 20-х чисел июня руководил министр М. Б. Шатилов), управляющий делами Комиссариата Г. К. Гинс²⁸. Отделы начали функционировать уже после переезда ЗСК в Омск с 14 июня. Тогда же их руководители составили Административный совет при Комиссариате, который, в свою очередь, являлся Директорией.

За исключением эсера В. С. Сизикова, меньшевика Л. И. Шумиловского, еще Н. С. Зефилов, баллотировавшийся в Учредительное собрание от народных социалистов, Г. К. Гинс, в апреле 1917 г. примыкавший к партии народной свободы, и П. П. Гудков, который «в политических партиях не состоял и не состоит, а по убеждениям примыкает к с.-д. меньшевикам», как-то проявляли свою партийную принадлежность²⁹. Большинство остальных считали себя беспартийными и в лучшем случае, подобно Н. И. Петрову, состояли в союзе «сибиряков-областников»³⁰. В принципе, к большинству из них можно применить характеристику, данную Г. К. Гинсу в его официальной биографии: «По политическим симпатиям... принадлежит к умеренным течениям, партийной деятельности не любит... Здесь, в Омске, вошел в наибольшую близость с кооператорами и областниками, как объединениями не партийного, а делового характера»³¹. В целом личный состав Административного совета формировался по соображениям «делового» характера. Подтверждает данный вывод то обстоятельство, что в его составе оказалась очень высокой (5 из 12) доля профессоров и приват-доцентов. Что касается общей оценки политической ориентации Совета, то мы не согласны с утверждениями В. В. Гармизы об участии кадетов в его деятельности и С. Г. Лившица о том, что «в числе управляющих отделами представителей мелкобуржуазной демократии было меньшинство»³².

Местные органы власти на территории, освобожденной от коммунистов, так же как и в 1917 г., представляли первоначально комиссариаты на уровне губерний, уездов и городов, уполномоченные правительства, комитеты общественных организаций и т. д. В последующем ЗСК предполагал передать властные полномочия земским и городским самоуправлениям. Относительно быстро этот процесс происходил в городах. Например, Барнаульская городская дума 16 июня принимает решение: «Деятельность городского самоуправления возобновить и предложить членам Управы немедленно вступить в исполнение своих обязанностей»³³. Реанимация земства затянулась, поэтому 29 июня Комиссариат закрепил функции исполнительной власти в губерниях и областях за соответствующими комиссарами. «На время военных действий» они получили чрезвычайные полномочия, аналогичные статусу генерал-губернаторов по «Положению об усиленной и чрез-

вычайной охране» от 14 августа 1881 г. (права издавать обязательные постановления, имеющие силу закона, снимать любых должностных лиц местной администрации и самоуправлений, воспрещать собрания, накладывать сеqueстр на недвижимое и арестовывать движимое имущество и др.)³⁴.

Практические действия Западно-Сибирского комиссариата достаточно подробно проанализированы исследователями. Остановимся на двух сюжетах. В социально-экономической сфере, как отмечает Е. В. Луков, ЗСК «первоначально пытался не отступать от революционных завоеваний. В постановлении от 1 июня 1918 г. „О денационализации“ запрещалось вмешательство частных лиц в управление национализированными предприятиями. 19 июня Комиссариат признал законной деятельность больничных касс на основе уставов, принятых при советской власти. И вообще при ЗСК сложилось двойное отношение к советскому законодательству. С одной стороны, оно формально не отменялось, с другой — признавались восстановленными законы Временного правительства»³⁵.

Особое внимание обращалось на формирование вооруженных сил. Уже 27 мая А. В. Сазонов в Новониколаевске в качестве уполномоченного ВСП издает приказ о мобилизации офицеров и военных чиновников. Аналогичные распоряжения принимают военные руководители антисоветского подполья в других сибирских городах после их освобождения от большевиков. Комплектование развертываемых частей Сибирской армии первоначально (до 31 июля) осуществлялось за счет добровольцев, мобилизованных офицеров и военных чиновников. 1 июня члены ЗСК подписали «Условия поступления в армию», согласно которым военнослужащими могли стать все граждане не моложе 18 лет, «незаятненные нравственно и изъявившие искреннюю готовность преданно служить идее народовластия, осуществляемой Временным Сибирским правительством». Срок контракта определялся в шесть месяцев. Причем мобилизация начальствующего состава носила первоначально (до прихода к власти А. В. Колчака) «непассивный характер и заключалась в объявлении: куда и в какое время офицер должен явиться для записи в военный отряд»³⁶. Лишь в Иркутске, где приток добровольцев был незначителен, командующий военным округом полковник А. В. Эллерц-Усов 22 июля приказал лицам в возрасте от 18 до

25 лет, имевшим высшее или среднее образование, а также закончившим не менее четырех классов средних учебных заведений и тем самым получившим права вольноопределяющихся, явиться в семидневный срок в управление уездного воинского начальника для постановки на учет, а 10 августа начался их призыв³⁷. Всего же, по подсчетам Д. Г. Симонова, численность личного состава (офицеры и добровольцы) Сибирской армии составила на 15 июня 4 051 чел. при 19 орудиях и 17 пулеметах, на 30 июня — 11 943 чел. (19 орудий и 108 пулеметов) и на 31 июля — 31 872 чел. при 37 орудиях и 175 пулеметах³⁸.

Вместе с тем, с момента самопровозглашения ЗСК оказался в водовороте политических страстей. Наступление на «народовластие» возглавили буржуазно-областнические круги, выступившие под лозунгом «полного единения всех выдающихся сил, без отношения к тому, к какой партии они принадлежат и какому богу молятся». Первым конструктивным шагом в данном направлении со стороны ЗСК Г. Н. Потанин считал приглашение в его состав «какого-нибудь лица, не принадлежавшего к социалистическим партиям или, по крайней мере, не принадлежавшего к партии социалистов-революционеров»³⁹.

Давление на Комиссариат шло по двум направлениям. С одной стороны, в печати продолжали раздаваться предложения и требования создания коалиции мелкобуржуазного блока с правыми. В середине июня в Томске от имени «потанинского кружка» с публичной лекцией «Гибель и спасение России» выступил А. В. Юрьев. Он считал, «что для осуществления коалиции нужны партии безусловно социалистические, стоящие на платформе государственности и народоуправства, какими являются: народно-социалистическая, „Единство“ и воле-народовцы, правые социалисты-революционеры должны стоять в центре, служить основой объединения, к ним в качестве крыльев присоединяются слева — интернационалисты, справа — партия народной свободы»⁴⁰.

«Потанинский кружок» пошел еще дальше и наметил кандидатов в будущее Сибирское правительство. В его состав должны были войти П. В. Вологодский, Вл. М. Крутовский, Е. Е. Колосов, Мукосеев (томич, видный публицист и финансист), М. Н. Вознесенский, Л. А. Устругов, А. А. Краковецкий, Старк (прокурор петроградского суда) и А. В. Колчак. «К таким лицам было бы обра-

щено общественное доверие, — восклицал Юрьев, — вокруг них быстро образовался кадр необходимых работников. Лица эти — живая программа»⁴¹. Как видим, планируемое томскими областниками правительство должно было состоять из правых эсеров Е. Е. Колосова и А. А. Краковецкого, мелкобуржуазных деятелей П. В. Вологодского, Вл. М. Крутовского, М. Н. Вознесенского и правых — Л. А. Устругова, Мукосеева, Старка и А. В. Колчака.

С другой стороны, для давления на Комиссариат в местной буржуазной прессе развернулась кампания по дискредитации Временного правительства автономной Сибири (ВПАС), большая часть которого во главе с П. Я. Дербером в это время находилась во Владивостоке. Выражалось сомнение в правомочности его существования. «Да и вообще, — заявлял анонимный автор петропавловской газеты „Приишимье“, — кто знает, как выбиралась прошлогодняя Сибирская дума и выделялось из нее правительство, тот уже ныне не может считать это правительство облеченным доверием сибирского общества». Глава его П. Я. Дербер был обвинен во всех смертных грехах. Однако критика направлялась не против всего состава ВПАС, а против «отъявленных демагогов, людей, широким кругам сибирской общественности неизвестных, из числа мартовских социалистов». В противовес им из числа дерберовских министров выделялись «люди яркие, безупречные, со славным общественным прошлым, например, А. Е. Новоселов, Шатилов», которые характеризовались как истинные представители сибирского общества⁴².

Срез отношений к проблеме формирования и состава правительства рельефно показывает дискуссия на заседаниях частного совещания членов Сибирской областной думы. Первое заседание состоялось в Томске 5 июня. Мы располагаем протоколами 14 заседаний — до 4 июля 1918 г., на которых присутствовало от 12 до 16 чел.⁴³ Их участников можно отнести к двум группировкам — эсерам и их союзникам (М. П. Рудаков, В. З. Малахов, В. Е. Никитин, Д. С. Сотников, З. С. Гайсин, И. М. Скуратов, И. А. Черемных), а также областникам и националистам (Г. Н. Потанин, А. В. Адрианов, А. Д. Романов, Б. П. Вейнберг, Ю. Р. Саиев, С. С. Борисов, С. П. Никонов, Н. М. Романов).

Уже на первом заседании принимается решение (так и не реализованное) делегировать в Новоиколаевск на помощь ЗСК

часть депутатов Думы. 9 июня Адрианов потребовал установления контроля частного совещания над деятельностью Комиссариата. Эсерам удалось отвести предложение, поскольку «государственно-правовое положение частного совещания не дает возможности установить такой контроль». Острая полемика развернулась 22 июня в связи с публикацией в «Сибирской жизни» предложений «потанинского кружка» по составу будущего Сибирского правительства. Эсер И. М. Скуратов выразил недоумение по этому поводу, поскольку «правительство есть, оно находится на Востоке и было выбрано на тайном совещании членов Областной думы». На что Адрианов в сердцах парировал: «Если вы так себя поведете, то заставите „Сибирскую жизнь“ выступить с объяснением, кто выбрал Временное Сибирское правительство, кто выбрал вашего Дербера. Неужели Дербер председатель Совета министров Сибири? Было на тайном совещании каких-то 40 человек». 24 июня на совещании впервые появился председатель СОД И. А. Якушев, по дороге из Красноярска в Омск, куда он был вызван Комиссариатом. На заседании 4 июля М. Я. Линдберг (уже бывший член ЗСК) информировал о положении дел и об обстоятельствах передачи власти от Комиссариата Временному Сибирскому правительству. Кроме того, по предложению С. К. Неслуховского принимается следующая резолюция: «Частное совещание членов Областной думы принципиально считает вполне допустимым включение в той или иной форме представителей цензовых элементов в состав Обл. думы». Как видим, под сильным давлением правых часть думцев решила пойти им навстречу, хотя буржуазные круги уже смотрели на СОД как на мертворожденный орган.

В такой непростой ситуации ЗСК пытается укрепить свое положение поисками министров ВПАС. И тут выяснилось интересное обстоятельство, на которое мы обращали внимание выше. Оказалось, что уполномоченные правительства не знают его состава. Поэтому по телеграфу председателю Томской губернской земской управы Н. В. Ульянову предписывается: «Распорядитесь немедленно телеграфировать Новониколаевск и Омск Маркову и Линдбергу список членов Временного Сибирского правительства»⁴⁴. Поиск дал определенные результаты, тем более что И. А. Михайлов в рассматриваемое время находился в Новониколаевске. 22 июня правлением «Закупсбы-

та» он командирован в Омск для открытия там представительства кооперативного объединения⁴⁵. В 20-х числах июня там оказались М. Б. Шатилов с Г. Б. Патушинским, а П. В. Вологодский проживал в Омске.

Пока разворачивались все эти события, Западно-Сибирский комиссариат 12–14 июня переезжает в Омск⁴⁶, руководствуясь соображениями организационного и технического характера. В отличие от безуддного Новониколаевска, в Омске до 1917 г. находились штабы военного округа и Сибирского казачьего войска, административные учреждения Акмолинской области и Степного генерал-губернаторства, судебная палата, управление железной дороги, располагавшие разветвленной и совершенной по тому времени системой связи, кадрами, помещениями, собраниями юридической и справочной литературы.

В Омске министры ВПАС открыто заявили о своих претензиях на исполнение властных полномочий. Как заметил С. П. Мельгунов, перед Комиссариатом встал вопрос: «Кто обладает большими полномочиями — несколько комиссаров или уполномоченные, назначенные всеми министрами?»⁴⁷ Ситуация осложнялась еще и тем, что основной состав ВПАС не подавал признаков жизни до 29 июня, когда в результате мятежа чехов к нему перешла власть во Владивостоке. К тому же, как мы уже указывали выше, полностью Транссиб стал контролироваться белыми только в середине сентября, и телеграфная связь между Западной Сибирью и Дальним Востоком осуществлялась через Китай и Монголию. В такой обстановке ЗСК пытается сманеврировать. «Было принято положение, — отмечает В. В. Журавлев, — согласно которому министры принимали участие в заседаниях Западно-Сибирского комиссарната, и ни один принципиальный вопрос не решался без их ведома. Кроме того, министрам передавалось высшее руководство теми отделами, круг ведения которых соответствовал функциям их министерств, но при сохранении заведующего, назначенного комиссариатом»⁴⁸.

К концу июня в Омске уже было пять министров ВПАС — П. В. Вологодский, Вл. М. Крутовский, И. А. Михайлов, Г. Б. Патушинский и М. Б. Шатилов. Не ранее 26 июня в Омске появляется председатель Сибирской областной думы И. А. Якушев (24 июня он присутствовал в Томске на частном совещании членов СОД).

Не соответствуют действительности утверждения В. В. Гармизы и В. В. Журавлева о принципиальном решении по поводу передачи власти частным совещанием думцев («бывшими в наличии членами Областной думы» у Журавлева)⁴⁹. И. А. Якушев общался с депутатами только 24 июня, и никакого принципиального решения по вопросу о власти, судя по протоколу, частное совещание не принимало. Решение об этом сформулировали сами министры и члены Комиссариата с участием председателя Областной думы, о чем заявил М. Я. Линдберг на частном совещании думцев в Томске 5 июля⁵⁰.

30 июня И. А. Якушев осуществил передачу власти от ЗСК наличным министрам ВПАС, что было оформлено специальной грамотой, в которой сообщалось: «Ныне, по прибытии в Омск достаточного числа членов правительства, избранных Сибирской Областной думой, Сибирское правительство в лице председателя Совета министров и министра внешних сношений Петра Васильевича Вологодского и членов Совета министров: министра внутренних дел Владимира Михайловича Крутовского, министра финансов Ивана Андриановича Михайлова, министра юстиции Григория Борисовича Патушинского и министра туземных дел Михаила Бонифатьевича Шатилова — принимает на себя всю полноту государственной власти на всей территории Сибири»⁵¹.

В тот же день члены ЗСК обратились к населению с извещением о передаче власти, поскольку поставленные перед ними задачи («организация в пределах Западной Сибири и Степного края достаточной для изгнания узурпаторов народных прав военной силы и восстановление разрушенных большевиками органов народного самоуправления») выполнены⁵². Одновременно с этим Совет министров специальной грамотой выразил им благодарность, сохранил за ними звания уполномоченных ВСП, а П. Я. Михайлова назначил товарищем министра внутренних дел.

1 июля отделы Комиссариата преобразуются в министерства, в частности, административный становится Министерством внутренних дел, а иностранных сношений — Министерством иностранных дел. Из пяти министров был образован коллегиальный орган — Совет министров, к которому, согласно принятым 30 июня — 1 июля нормативным актам, перешло верховное управление Сибирью. Как бы вскользь в постановлении Совмина от 1 июля

«О высших государственных учреждениях Сибири» (ст. 5) говорилось: «Все постановления Совета министров, имеющие силу узаконений, опубликовать в Собрании узаконений и распоряжений Сибирского правительства...»⁵³, что позволяло квалифицировать их как имеющие силу закона. Поскольку министры основную нагрузку несли в Совете министров, в возглавляемые ими министерства назначаются товарищи министров. Руководители остальных семи министерств получали наименование управляющих. При преобразовании отделов ЗСК в министерства большая часть заведующих, но уже в новых званиях (товарищей и управляющих), сохранили свои посты (А. Н. Гришин-Алмазов, В. В. Сапожников, Г. М. Степаненко, П. Н. Гудков, Н. И. Петров, Н. С. Зефирин, Л. И. Шумиловский, Г. К. Гинс, А. П. Морозов, М. П. Головачев). Вместо заведующего административным отделом В. С. Сизикова товарищами министра внутренних дел назначаются П. Я. Михайлов и И. В. Павлов, а вместо ушедшего в отставку А. П. Мальцева товарищем министра финансов становится управляющий Омским отделением Русско-Азиатского банка Н. Д. Буяновский, имеющий «неопределенно-социалистические симпатии». В 1905–1907 гг. он подозревался в принадлежности к РСДРП. «Считаю автономию Сибири, — заявлял он в 1918 г., — абсолютно необходимой не только для самой Сибири, но и для всей России»⁵⁴. Товарищи, управляющие и управляющий делами Совмина образовали совещание, которое с 14 июня (еще при заведующих отделами ЗСК) стало именоваться Административным советом.

Таким образом, Временное Сибирское правительство состояло из Совета министров и Административного совета как коллегии управляющих министерствами. При этом члены Совмина образовали своеобразную Директорию. Именно так сами министры называли свой орган впоследствии⁵⁵.

Происшедшие 30 июня 1918 г. изменения в системе высших органов государственного управления «белой» Сибирью порождают множество вопросов, убедительные ответы на которые не даны до сих пор. Почему ЗСК сошел с политической арены, а не продолжил свою деятельность подобно самарскому Комучу, вовлекая в свою орбиту других депутатов Учредительного собрания сибиряков: тех же М. Б. Шатилова, Е. Е. Колосоца, Г. М. Маркова, М. Ф. Омелькова, Е. М. Тимофеева, И. А. Шишарина, Н. Л. Фомина, М. А.

Кроля и др.? Почему руководителем правительства стал П. В. Вологодский, буквально извлеченный из политического небытия, а не кто-то другой из пятерки министров? Почему Вологодский, Михайлов и Патушинский сохранили за собой министерские портфели, полученные в конце января 1918 г., а Крутовский вместо здравоохранения возглавил ключевое МВД, министр без портфеля Шатилов начал ведать туземными делами? Как вообще квалифицировать происшедшее с точки зрения борьбы за власть в лагере сибирской контрреволюции?

Попытаемся ответить на эти вопросы в порядке их формулирования. Мы располагаем двумя версиями, объясняющими случившееся и исходящими от Комиссариата и от Совета министров. Речь идет об официальной телеграмме последнего во Владивосток ВПАС и упомянутом выше выступлении М. Я. Линдберга на частном совещании депутатов СОД 5 июля⁵⁶. Для сопоставления мотивов смены власти эти версии приводятся параллельно.

М. Я. Линдберг

1. «Совершившийся переворот должны были скрепить подписями представителя, избранные Областной думой».
2. «Расширилась территория, она вышла за пределы Западной Сибири, могли быть нарекания...»
3. Члены Учредительного собрания, входившие в комиссариат, решили, что в начавшейся борьбе многих членов Учредительного собрания с большевиками... они также должны принять участие».

Совет министров ВСП

Затруднения в связи с тем, что власть Комиссариата распространялась только на Западную Сибирь и имела ограничения по полномочиям.

Недостаточная авторитетность ЗСК в области международных отношений, хотя логика событий требовала немедленного признания «правительства Сибири союзными державами».

Отсутствие на местах «авторитетного действующего органа верховного управления, что создавало почву для агитации против правительства», особенно со стороны «торгово-промышленных сфер», не останавливавшихся «и перед выступлениями, на-

правленными на создание нового органа власти путем международных соглашений».

4. «Были поползновения торгово-промышленного класса ввести диктатуру, но эти попытки не увенчались успехом».

Как видим, по двум позициям мнения совпадали. Речь идет, во-первых, об авторитетности органа власти, созданного в связи с расширением территории, подконтрольной ему; во-вторых, о позиции «торгово-промышленного класса» («сферы»). Нетрудно установить еще одну причину передачи власти — взаимоотношения с интервентами. Шансы на признание с их стороны у Комиссариата отсутствовали. И, кстати, у ВСП первоначально тоже.

Вплоть до передачи власти члены ЗСК, хотя и заявляли устами М. Я. Линдберга, «что новая сибирская власть не партийная, не групповая», фактически продолжали следовать курсу народопрямства⁵⁷. Так, выступая на томском губернском съезде крестьянских депутатов 25 июня, тот же Линдберг подчеркнул: «Слухи, что Дума якобы не будет созвана и проч., и проч., являются вымыслом»⁵⁸. По-прежнему комиссары проповедовали необходимость скорейшего созыва Учредительного собрания.

Это и не устраивало других участников политического процесса, прежде всего правых. Наглядно позиции различных политических группировок региона по текущему моменту проявились на митинге, устроенном «потанинским кружком» в Томске 25 июня. Выступавшие на нем член петроградской группы областников А. М. Осенцовский, меньшевик-бундовец Д. И. Розенберг, председатель Сибирского краевого комитета ПСР И. Г. Гольдберг, кадет И. А. Некрасов, представитель Томского биржевого комитета В. П. Вытков призывали к «единению всех живых сил страны», борьбе с большевиками, признавали необходимость созыва Учредительного собрания, в разной редакции выдвигали лозунг «через Сибирь спасем Россию». Но были и существенные различия. И. А. Некрасов прямо заявил: «Мы должны от бело-зеленого флага возвра-

таться к символу национального Российского государства — трехцветному флагу. О нем позабыли!» Оссендовский указал на международное значение происходящего в регионе: «Теперь Сибирь может от имени России говорить с союзниками, восстанавливать политический кредит страны»⁵⁹.

Последнюю функцию ЗСК выполнял недостаточно эффективно. Его эсеровский состав, отсутствие представителей цензовых элементов, официально подчеркиваемый временный характер власти вызывали недоверие у интервентов⁶⁰. Это и предопределило его судьбу. Комиссариат не мог пойти по линии Комуча, поскольку для него источником власти являлось не Учредительное собрание, а Сибирская областная дума и созданное ею правительство (ВПАС).

Причину выдвижения П. В. Вологодского на пост премьера нужно искать, рассматривая совокупность фактов. Вышеупомянутая пятерка министров (Вологодский, Крутовский, Михайлов, Патушинский, Шатилов) имела много общего: сибирские корни (все родились здесь), наличие высшего образования, явные или формальные (членство в организациях) областнические симпатии. Казалось, предпочтительнее были шансы у Шатилова — возраст (36 лет), членство в ПСР, статус депутата Учредительного собрания, а также активное участие в событиях 1917 г. Но эти плюсы превращались в минусы в конкретной ситуации конца июня 1918 г., когда для достижения согласия требовалась фигура, не связанная партийными узами. Патушинский, при всех его деловых качествах и заслугах, не проходил по национальному признаку (еврей). Михайлов не мог претендовать из-за молодости (27 лет) и слабого знания региона, ибо после окончания Читинской гимназии проживал в Петербурге — до начала 1918 г. Крутовскому в 1918 г. исполнилось 62 года, что по тем временам считалось возрастом достаточно преклонным. К тому же единственный из пятерки он не был юристом, а его врачебный опыт не мог быть востребован на руководящем посту такого уровня. Методом исключения мы подходим к фигуре Вологодского. Единственный из всех он был омичом, хорошо известным в общественных кругах города, прежде всего в кооперативных. Сравнительно долго проживал и работал до Омска в Томске, где также имел много друзей и знакомых, прежде всего среди областников. В его пользу сыграло и член-

ство в ПСР в годы первой русской революции. Безусловно, из пятерки он был в регионе самым авторитетным и уважаемым. Так, на собрании «Дальневосточного комитета защиты Родины и Учредительного собрания» 21 сентября принимается решение поддержать ВСП, поскольку, помимо всего прочего, «личность Вологодского вызывает доверие, ибо им преследуются государственные, а не личные интересы»⁶¹.

В период гражданской войны и после краха «белого» движения, уже в эмиграции многие «бывшие» писали о Вологодском не без досады как о человеке «толстовского типа», склонного к морализированию. Генерал В. Г. Болдырев, впервые увидев его осенью 1918 г., отметил: «Довольно невзрачен по внешнему виду, не ярок и по содержанию. Просто сер». «Популярный общественный деятель в Сибири, пассивный, мягкий, уступчивый и добрый человек», — так охарактеризовал Вологодского бывший томский губернский комиссар Временного правительства А. М. Ган. Часто встречавшийся с ним в Омске генерал М. Жанен писал, что это был человек «с трясущимся и заросшим бородой лицом, но в общем довольно любезный». Бывший меньшевик И. М. Майский отзывался о нем: «...прекраснодушный эсер в прошлом, человек совершенно безвольный и безличный»⁶².

Другого мнения о коллеге по кабинету придерживался Вл. М. Крутовский. В октябре 1918 г. он свидетельствовал: «Группа Вологодского ни под чьим влиянием не находилась, Вологодский был человеком крайне мягким, по характеру крайне корректным, но не человеком, который бы пошел против своего убеждения и подчинился постороннему влиянию»⁶³. Так или иначе, выбор премьера оказался удачным. П. В. Вологодский в 1918–1919 гг. продемонстрировал примеры исключительной политической изворотливости, пережив со своим правительством все антисоветские государственные образования и оставаясь на своем посту до 22 ноября 1919 г.

Сравнительно легко объясняются переназначения Крутовского и Шатилова на посты министров внутренних и туземных дел. Это были ключевые ведомства, поскольку МВД ведало местным самоуправлением, а представители национальных объединений, как мы указывали выше, играли важную роль в Сибирской областной думе.

Наконец, оценка случившегося 30 июня 1918 г. кардинально менялась по мере удаления от него. На примере органа Сибкрай-

ма ПСР «Голос народа» мы уже показали эволюцию взглядов эсеровского руководства региона от положительного восприятия факта передачи власти до заявления о переходе в оппозицию к правительственному курсу. Уже после краха Директории социалист-революционеры рассматривали событие исключительно негативно. «Комиссариат передал свою власть министрам, оставшимся в пределах Западной Сибири, И. Михайлову, Вологодскому, Гришину-Алмазову (заместителю Краковецкого), Крутовскому и др. Как раз подобралась вся публика не демократически настроенная, но которая повела вполне определенную политику самостоятельности, или, как она там называлась, политику областничества», — отмечал в отчете от 29 апреля 1919 г. ЦК ПСР его член М. И. Веденяпин⁶⁴. За санкционирование передачи власти И. А. Якушев в апреле 1921 г. Приморским областным комитетом ПСР был исключен из партии⁶⁵.

Поддержали передачу власти буржуазные круги. Так, общее собрание красноярской кадетской организации 5 июля заявило, что не смотрит на ВСП как на социалистическое правительство. «Стоящие теперь у власти элементы по опыту нашей революции знают, — говорилось в его резолюции, — что проводить социализм несвоевременно»⁶⁶. Более четко по этому поводу выразился лидер омских кадетов В. А. Жардецкий: «Говорят об Областной думе. Ни в коем случае она не может быть восстановлена, и Временное правительство должно отказаться от этой мысли»⁶⁷.

В литературе утвердилась однозначная оценка случившегося: явное поражение эсеров и укрепление позиции правых⁶⁸. Но это, если можно так выразиться, взгляд в перспективу, исходя из последующих событий 1918 г. С точки зрения политической и формально-юридической, как заметил С. Г. Лившиц, «правительство Вологодского не отменило ни одного акта Комиссариата. Наоборот, проделанная Комиссариатом работа позволила Сибирскому правительству действовать более смело, более открыто»⁶⁹. Нужно учитывать, что члены ЗСК передавали власть, как им казалось, части министров правительства, избранного эсеровской Думой и находившегося под контролем эсеров. Данная акция должна была к тому же придать легитимность государственному образованию и снять обвинения насчет его узкопартийного состава. Все последовавшее затем происходило не по эсеровскому сценарию, а в силу стечения ряда обстоятельств.

Прежде всего перед Временным Сибирским правительством встал вопрос об отношении к «породившей» его Сибирской областной думе. «Сибирское правительство всем народом не избрано, оно избрано лишь Сибирской областной думой, которая тоже не избрана народом. Поэтому оно называется Временным правительством: оно считается законной властью до тех пор, пока народ не изберет другую, уже настоящую власть. Но это Сибирское Временное правительство — все-таки законная власть, ибо народ не может быть без власти ни один день. Оно еще законно и потому, что оно берется исполнить волю народа и охранять его интересы. Но главное, оно должно население довести до народовластия», — пояснял ситуацию меньшевик Д. И. Розенберг⁷⁰. Эсеры считали Думу важным гарантом сохранения «народоправства» и требовали ее скорейшего открытия.

В свою очередь ВСП в первом своем программном документе — «Декларации о государственной самостоятельности Сибири» от 4 июля прямо связало свое существование с СОД. «Временное Сибирское правительство торжественно объявляет, что оно одно вместе с Сибирской областной думой является ответственным за судьбу Сибири, провозглашая полную свободу независимых отношений с иностранными державами, а также заявляет, что отныне никакая иная власть, помимо Временного Сибирского правительства, не может действовать на территории Сибири или обязываться ее иметь». Далее правительство своим священным долгом объявило скорейший созыв Всесибирского Учредительного собрания. В заключении декларировалось, что оно не считает Сибирь навсегда оторвавшейся от тех территорий, «которые в совокупности составляют Державу Российскую, и полагает, что все его усилия должны быть направлены к воссоединению Российской государственности»⁷¹.

Однако в постановлении правительства от 6 июля «О восстановлении судебных учреждений в Сибири» содержалось утверждение о равноправном статусе его с СОД с точки зрения законодательной деятельности. 7 июля ВСП заявило о предполагаемом открытии Думы 20 июля с приглашением на ее сессию депутатов от цензовых элементов, надеясь, что законодательный орган примет соответствующие поправки к «Положению о временных

органах управления Сибирью», принятому на Чрезвычайном областном съезде в декабре 1917 г.⁷²

По мере стабилизации положения акценты в отношении Думы со стороны ВСП меняются. В качестве примера можно сослаться на выступление П. В. Вологодского 13 июля на объединенном собрании 4-го круга Сибирского казачьего войска, 4-го крестьянского съезда и Епархиального съезда духовенства и мирян Акмолинской области. Прежде всего, он заявил, что «Сибирское Временное правительство вышло из недр Сибирской областной думы, этой давнишней мечты сибирских патриотов», и отдал должное создателям областнической теории, представителям сибирского казачества Ф. Н. Усову, А. Д. Шайтанову, А. К. Сапожникову, А. П. Нестерову, А. М. Подкорытову во главе с «первым мучеником идеи сибирской самостоятельности», «живой эмблемой независимости Сибири» Г. Н. Потаниным. Воздастся должное чехословакам, «сыгравшим ведущую роль в деле воссоздания государственности Сибири». Наконец, председатель Совета министров перешел к изложению программы правительства. «Скажу, — подчеркнул он, — что задачей его является осуществление тех задач, которые Сибирская областная дума объявила в своей декларации 27 января 1918 г. Вот эти задачи: первое, установление законного правопорядка, обеспечивающего личную и имущественную неприкосновенность сибирских граждан; второе, в борьбе с большевиками во имя утверждения законной общегосударственной власти Всероссийского собрания; третье, защита политической и экономической самостоятельности и территориальной целостности Сибири; четвертое, созыв Сибирского Учредительного собрания; пятое, установление добрых отношений с союзными дружественными державами на основании существовавших до владычества большевистского договоров и соглашений; шестое, принятие всех мер противодействия к дальнейшему германскому продвижению на территории России; седьмое, организация снабжения населения Сибири всеми предметами первой необходимости для хозяйства; восьмое, создание мощной армии, спаянной железной дисциплиной в строю и братскими отношениями вне строя между командным и строевым составом». Заканчивалась речь призывом послужить на пользу всей России, и тогда «день спасения России будет днем торжества сибирской идеи областничества»⁷³.

Анализируя выступление Вологодского, следует обратить внимание на два обстоятельства. Во-первых, он весьма вольно обошелся с текстом декларации СОД от 28 января 1918 г., искажив отдельные ее положения или умолчав о них. Ничего не было сказано им, например, о национализации копей и рудников, организации общественного контроля и регулирования, о переходе частновладельческих и помещичьих земель в общенародное достояние на основании закона, принятого Учредительным собранием 5 января 1918 г. Во-вторых, ничего не говорилось о созыве Сибирской областной думы. Восхваляя областников, прямо связывая существование ВСП с Думой и выражая уверенность в скором торжестве областнических идеалов, Вологодский, тем не менее, не назвал открытие сессии СОД в качестве одной из приоритетных задач деятельности министров.

Правительство активно поднимало на щит областничество. В триумф вылилась поездка Г. Н. Потанина в Тобольск, носившая проагандистский характер, поскольку проходила в зоне военных действий. Во время его пребывания в Омске ему назначается персональная пенсия, а командующий армией А. Н. Гришин-Алмазов 12 июля издает специальный приказ, в котором передавал войскам привет и пожелания успехов от идеолога областничества и, в свою очередь, желал Потанину «сил и здоровья для его работы на счастье и славу дорогой ему Сибири»⁷⁴.

Вместе с тем Омск явно не спешил с открытием Думы, поскольку против этой акции выступали буржуазные круги. Предварительно подсчитав, что изменение статьи 8 «Положения о временных органах управления Сибирью» о допуске в представительный орган цензовых элементов не поколеблет преобладания эсеров в нем, правые переходят в наступление на СОД. Одним из первых против нее выступил Омский «оборонческий социалистический блок», объединивший правое крыло мелкобуржуазной демократии — местные группы социалистов-революционеров («оборонцев»), народных социалистов и меньшевиков (группа «Единство»). В резолюции представителей этих групп от 12 июля выражалось пожелание ВСП «действовать как власть самодовлеющая, независимо от чьего бы то ни было доверия или недоверия, ответственная лишь перед Учредительным собранием», а также сомнения в необходимости созыва Областной думы, поскольку «и по

составу своему, и по обстановке, в которой Дума организовывалась, она не может функционировать в качестве органа, облеченного доверием и поддержкой значительных групп». Как видим, «оборонческий блок», признавая власть Учредительного собрания, высказался против созыва Областной думы, которая может создать «двоевластие и обессилить власть Временного правительства»⁷⁵.

Вслед за «блоком» более решительно против Думы выступила сибирская буржуазия на своем торгово-промышленном съезде в Омске 13–19 июля, признавшем ВСП законной властью, «ибо оно признало себя связанным действующими законами и императорского, и Временного правительства, эти законы охраняет и полномочно их изменять в случае крайней необходимости». Дума же квалифицировалась как образование искусственное, исключяющее «выражение общественного мнения»⁷⁶.

Комментируя итоги форума, красноярская «Свободная Сибирь» отмечала: «Самое неприятное для эсеров в постановлении съезда — это непризнание Сибирской областной думы. В этом все дело. Но Сиб. обл. дума не плод народовластия, а незаконное дитя эсеровства от большевизма. Не эта ли Дума построена по принципу множественности голосов для одних и лишения всех избирательных прав для других?»⁷⁷ В начале августа с заявлением по поводу созыва СОД выступил Сибирский областной комитет ПНС. Критикуя нормы представительства в нее, кадеты заявили: «Для тех, кто стоит на большевистской точке зрения диктатуры пролетариата и беднейшего крестьянства, для кого Совдепы были верхом совершенства государственных органов власти, Областная дума, в ее нынешнем составе, есть почти совершенное учреждение, которое необходимо защищать и поддерживать как завоевание революции». 24 августа Первый торгово-промышленный съезд Енисейской губернии поддержал решение омской буржуазии⁷⁸.

Отвергая мелкобуржуазный представительный орган, местная буржуазная пресса летом 1918 г. подводила под идею руководящей роли правых в антикоммунистическом движении теоретическую базу. «Наша революция покончила не с буржуазным строем, — назидательно вещала „Сибирская речь“, — а остатками феодального, и... как России, так и Сибири предстоит в своем развитии идти не какими-то особыми, неизвестными миру путями, а теми, какими следует вся цивилизованная Европа и Америка. Другими

словами, буржуазный строй мы не перешли, мы в него только вступаем». Что это означает в конкретной ситуации, поясняла «Свободная Сибирь»: «Не составляет тайны, что несоциалисты, по их численности, бесконечно перевешивают социалистов, так как в многоземельной, общинно-крестьянской и некапиталистической Сибири, при слабом развитии жизни городов, пет и долго еще не будет на очереди аграрного и рабочего вопросов в их острой форме. Крестьянин, всей душой привязанный к своему индивидуальному хозяйству и частной собственности, в коммуны не пойдет. Сельские жители составляют не менее 90% всего населения, а следовательно, и во всех сибирских демократических учреждениях, в Областной думе и правительстве, в широком смысле (включая сюда могучего поборника частной собственности, так называемое „товарищами“ буржуазное крестьянство) должны представлять не 50, а 90 или более процентов»⁷⁹.

Обобщая аргументацию буржуазных кругов, профессор И. И. Аносов писал: «Ждать от нее (Областной думы. — М. Ш.) проявления большого государственного такта и смысла невозможно. Все члены ее связаны директивами, мандатами и т. п. своих партий и организаций и вне их „ничего обозначить не могут“. Учесть происшедший переворот настроения эта Дума навряд ли способна, питаюсь памятью блаженных прежних дней, когда вся Россия была „социалистической“ бесспорно и навсегда»⁸⁰. Думе противопоставлялось правительство «без партийных директив», без партийной дисциплины и «без притупляющего сознания партийной ответственности»⁸¹, а также открыто выдвигалась идея установления диктатуры. «Временное Сибирское правительство не сможет базироваться на Сибирской областной думе; это не опора, а вредный и ненужный придаток. Базироваться придется на силу, а эта сила в настоящее время находится не в социалистических руках», — намекал П. И. Кусков, заместитель председателя Красноярского комитета ПНС⁸².

Серьезная поляризация сил происходила в рассматриваемое время среди собирающихся в Томске членов Сибирской областной думы. Выше мы уже говорили об этом, касаясь заседаний ее частного совещания в июне. В течение июля — первой половины августа процесс дифференциации усилился. Прибывший сюда в конце июля как член Учредительного собрания иркутский эсер

М. А. Кроль вспоминал, что «с первых же дней работы частного совещания стало ясно, что Областная дума расколется на два абсолютно непримиримых лагеря. Социалистическая группа, с одной стороны, и автономисты — с другой представляли два исключаящих друг друга мировоззрения, две противоположных тактики, две чуждые одна другой идеологии. Социалистические группы стояли за укрепление Сибирской областной думы как высшего законодательного органа края, за увеличение ее престижа, за установление тесной связи между нею и широкими народными массами и за скорейший созыв Учредительного собрания. Автономисты же рвались в бой с большевиками и лелеяли мечту о военной диктатуре... С этой точки зрения роль Сибирской областной думы должна быть сведена до минимума. Вся полнота власти, по их мнению, должна быть сосредоточена в руках Временного Сибирского правительства»⁸³.

Этот вывод подтверждает письмо А. В. Адрианова П. В. Вологодскому от 7 июля 1918 г., который, приветствуя его, вместе с Вл. М. Крутовским и А. Н. Гришиным-Алмазовым, входящие в правительство, тем не менее высказывает упреки по поводу деятельности большевизированного частного совещания СОД и уклона «в сторону партийной эсеровской платформы»⁸⁴. 22 июля первый в новом письме на имя главы ВСП откровенничает: «Я пока воздерживаюсь от бойкота Думы, от заявления о ее ненужности, но, следя за поведением частного совещания, думаю, грядет конфликт ее с правительством. Дума эта большевистская и ни для какой работы не пригодная... Мне хочется выступить в печати с открытым заявлением и дать совет Думе — собрать ее только чтобы принять законопроект правительства о пополнении Думы цензовыми элементами, утвердить правительство, предоставить ему самопополняться и — объявить себя распушенной»⁸⁵.

Фактически в СОД складывался блок, объединяющий правое крыло мелкобуржуазной демократии и ориентирующийся на сотрудничество с буржуазией, установление военной диктатуры. Роль цементирующего начала в нем играли областники. Подобное объединение очень сильно напоминало омский «оборонческий социалистический блок».

Менялось отношение к Думе и со стороны членов правительства. Показательно в этом отношении письмо управляющего Во-

енным министерством генерала А. Н. Гришина-Алмазова председателю СОД от 21 июля. «В скором времени должна собраться Сибирская областная дума, — напрямую заявляет генерал И. А. Якушеву. — Зная ее партийный состав, ныне вполне определившийся, так как цензовые элементы, казаки, правые социалистические группы и, наконец, кооператоры в нее не войдут, — можно с уверенностью сказать, что в глазах широких слоев общества и народа, а также в глазах армии Дума такого состава авторитетом пользоваться не будет». По его мнению, «Областная дума сыграла крушую историческую роль, она создала и освятила власть, которую признала вся Сибирь, но та Дума, которая соберется теперь, та Дума, которая созывается, по моему глубокому убеждению, для удовлетворения самолюбия крыла партии с.-р., она может повергнуть Сибирь в ужасы новой борьбы за власть...». Затем Гришин-Алмазов страшает думцев, а вернее эсеров, отставкой министров и управляющих министерствами, в том числе своей собственной, если они рискнут открыть Думу, недвусмысленно заявляет, что «симпатии армии будут не на ее стороне», и заключает письмо сентенцией, ставшей девизом правых сил: «Мы переживаем время не парламентов, а твердой власти»⁸⁶.

В сложившихся условиях эсеровское большинство СОД, а через нее и партийное руководство пытается как-то переломить ситуацию в пользу Думы, убедить министров в необходимости сотрудничества с ней. В Омск отправляется делегация частного совещания, которая пытается уговорить правительство переехать в Томск и связать свою судьбу с судьбой законодательного органа, поскольку в Омске «оно находится в плену» у правых. Достигается договоренность, что министры прибудут в Томск для официального открытия Думы и там обсудят вопрос о переезде правительства⁸⁷. Демонстрируя свою «самостоятельность», И. А. Якушев 7 июля предложил «членам Сибирской областной думы, избранным согласно принятому Чрезвычайным Общесибирским съездом „Положению о временных органах управления Сибири“», прибыть в Томск на вторую сессию Думы к 20 июля. Сюда же приглашались и члены Учредительного собрания от сибирских территорий. Тем не менее, выступая 27 июля на заседании правления «Закупсбыта», видный эсеровский функционер В. Г. Шишканов следующим образом сформулировал свои впечатления о пребывании в Омс-

ке: «Трудно понять политическую конъюнктуру: в связи с выступлением некоторых политических групп против Областной думы она очень неопределенная и очень тревожная»⁸⁸.

Несмотря на сильное давление справа, Временное Сибирское правительство принимает решение об открытии сессии Сибирской областной думы 15 августа 1918 г. Важную роль, на наш взгляд, сыграла позиция министров — сторонников Думы: Вл. М. Крутовского, М. Б. Шатилова и Г. Б. Патушинского. Аргументируя точку зрения ВСП по данному вопросу на упомянутом выше торгово-промышленном съезде в Омске, Г. Б. Патушинский заявил «о невозможности для правительства отказаться от созыва Сибирской думы: как бы ни была односторонней Областная дума, но мы порождены этой Думой; однородно-социалистическое министерство сделать этого не может». Примерно в том же духе он говорил на собрании сибиряков-областников в Омске 30 июля⁸⁹. Думцев успокоил и товарищ министра внутренних дел П. Я. Михайлов. Выступая на их частном совещании 20 июля, он подчеркнул, что «правительство намерено работать в ближайшем контакте с Думой»⁹⁰.

Помимо Думы «головной» болью Временного Сибирского правительства стала и проблема взаимоотношений с другими контрреволюционными государственными образованиями, возникшими летом 1918 г. на Урале, в Поволжье, на Дальнем Востоке, а также с интервентами. 29 июня, после свержения чехословаками советской власти во Владивостоке, здесь обосновалось Временное правительство автономной Сибири во главе с П. Я. Дербером, в которое входили еще А. А. Краковецкий, М. А. Колобов, В. Т. Тибер-Петров, А. Е. Новоселов, Н. Е. Жернаков, Е. В. Захаров, Г. Ш. Неомегуллов, С. А. Кудрявцев, В. И. Моравский, т. е. преимущественно эсеры. Вскоре дискредитированный правыми кругами Дербер передал полномочия премьер-министра К. П. Лаврову, оставив за собой пост министра иностранных дел, тем не менее продолжая быть фактическим главой ВПАС. Первым легальным шагом дерберовского правительства явилось заявление от 30 июня, в котором оно извещало представителей союзных держав и «братьев-чехословаков» «о переходе к нему всей полноты власти на территории Сибири, освобожденной от большевизма»⁹¹.

Программа деятельности ВПАС сформулирована в его декларации от 8 июля. Она сводилась к созыву Областной думы,

созданию боеспособной армии, восстановлению законов и постановлений, действовавших при Временном правительстве до 24 октября 1917 г. и возобновлению деятельности учреждений и самоуправлений, основанных на этих законах, возобновлению «борьбы за общее дело союзников, за целостность и единство России». Кроме того, ВПАС «приняло на себя функции центрального правительства Сибири, так как оно получило 28 января с. г. полномочия от Областной сибирской думы», объявило регион «автономной областью Российской Федеративной Республики» и заявило, «что все постановления и соглашения, которые будут исходить от каких-либо организаций, самочинно объявляющих себя самостоятельной властью в пределах Сибири, являются и впредь будут считаться незаконными». Законным представителем кабинета Дербера — Лаврова на освобожденной территории Западной и Центральной Сибири, до его переезда туда, объявлялся «Западно-Сибирский эмигрант в составе следующих уполномоченных лиц: Лидберга, Михайлова, Сидорова и Гришина»⁹².

Тем временем генерал Д. Л. Хорват в Харбине сформировал еще одно, уже «всероссийское», правительство, под названием «Делового кабинета Временного правителя». В него вошли крупный золотопромышленник, член ЦК ПНС С. В. Востротин, бывший депутат IV Государственной думы и член Учредительного собрания кадет С. А. Таскин, эсеры А. М. Огороков и М. О. Курский, «независимый демократ» железнодорожный администратор Л. А. Устругов, крупный российский капиталист А. Путилов, генерал В. Е. Флуг и подполковник В. А. Глухарев. Состав кабинета был кадетским, а двое последних являлись ставленниками генерала Л. Г. Корнилова и прибыли в Сибирь с его директивами.

После освобождения станции Гродеково кабинет Хорвата 9 июля прибыл сюда и в официально принятой декларации заявил о своем существовании. Отменялись все законы и распоряжения советской власти. Главной целью новой власти становилось восстановление в стране твердого порядка и доведение ее до Учредительного собрания⁹³. Красочную зарисовку сосуществования двух «правительств» оставил в своем дневнике 15 июля генерал А. П. Будберг: «Продолжение грустного фарса. Всероссийское правительство жарится в вагонах на запасных путях захолустной станции Гродеково (за границей потратят немало труда, чтобы отыс-

коть на карте, где находится сия колыбель новоявленной всероссийской власти); в районе Никольска (Уссурийска. — М. Ш.) временная Чехословакия, а дальше, во Владивостоке, сидит сибирское правительство, так же относящееся к Сибири, как Хорват относится к России». Причем «правительства натопорщились друг на друга и уже собираются одно другое арестовывать»⁹⁴.

Таким образом, в Сибири летом 1918 г. контрреволюция выдвинула на политическую арену сразу три «правительства» с различной партийной окраской — от эсеровского ВПАС до правокadetского «Делового кабинета» Д. Л. Хорвата. Промежуточное положение занимало Временное Сибирское правительство.

Отношения между ними развивались своеобразно. Прежде всего, развернулась ожесточенная борьба между Хорватом и ВПАС. Она вылилась во взаимную перебранку на страницах газет, жалобы друг на друга представителям союзных держав, наконец, в попытку военного переворота, предпринятую сторонниками генерала во Владивостоке 24 августа.

Что касается отношений ВСП к кабинету Хорвата, то оно было более терпимым. В Омске старались «не замечать» существующего на КВЖД правительства. Дело объясняется, во-первых, тем, что П. В. Вологодский и его коллеги учитывали несомненные симпатии к Хорвату со стороны сибирской буржуазии, а во-вторых, брались в расчет несомненное благорасположение к нему областников, и прежде всего «потанинского» кружка. «Что касается правительства Хорвата, — заявлял от имени областников А. В. Адрианов, — то несомненное миролюбие последнего служит залогом, что оно не будет оспаривать власть у Сибирского правительства»⁹⁵. Данное обстоятельство прекрасно понимал П. Я. Дербер. Поэтому в телеграмме Вл. М. Крутовскому в Красноярск 19 июля он информировал и просил: «Поднята кампания в печати, необходим протест против попытки хорватовщины использовать в своих целях сибирских областников. Крайне важен протест Ваш, Потанина, Вологодского»⁹⁶.

Более того, Дербер и его министры пытались давать рекомендации ВСП, в частности, они неодобрительно отнеслись к провозглашению независимости Сибири (указ Временного Сибирского правительства от 4 июля 1918 г.), находя эту меру временной «в смысле независимости от пынешней большевистской центральной

власти впредь до появления новой правомочной всероссийской власти»⁹⁷. С соответствующими директивами и рекомендациями для осуществления более прочных контактов с ВСП в Омск 1 августа направляются министры А. Е. Новоселов и С. А. Кудрявцев. В свою очередь П. В. Вологодский в телеграммах во Владивосток просил задним числом санкционировать основные мероприятия ВСП⁹⁸, тем самым признавая подчиненное положение своего кабинета от ВПАС.

Подобное положение вытекало из двух принципиальных моментов. Во-первых, омские министры вынуждены были первоначально считаться с фактом своей зависимости от ВПАС. В уже упоминавшейся телеграмме ВСП Временному правительству автономной Сибири сразу же после прихода к власти содержалась просьба: «...но в условиях момента, в целях укрепления в сознании населения единства и правомочности правительства, необходимо получить от вас, как группы остающихся вне пределов Сибири членов правительства, обращение к населению, санкционирующее нашу организацию власти»⁹⁹. Главная же причина временного сосуществования двух государственных образований заключалась в неопределенности внешнеполитической ситуации, отсутствии у ВСП прямых выходов на дипломатических представителей союзных держав. Лишь 17 июля уполномоченный Временного Сибирского правительства эсер Н. В. Фомин посетил в Иркутске консулов и передал им официальное приветствие, заверив, что ВСП «непоколебимо решило в самом тесном единстве с союзниками продолжать борьбу до победоносного конца с общим врагом Германией»¹⁰⁰. Тем не менее вплоть до начала августа ВСП воздерживалось от каких-либо официальных деклараций по внешнеполитическим вопросам, вызвав подозрение правых кругов в прогерманской ориентации. Отвергая подобные обвинения, Вл. М. Крутовский следующим образом объяснил сложившуюся ситуацию: «Сразу сделать это (заявить о разрыве Брестского мира. — М. Ш.) мы не могли. Если бы мы и объявили — это развязало бы руки большевикам, которые немедленно бы попросили Мирбаха повести германские войска на Сибирь»¹⁰¹. Кабинет же Дербера пытался сыграть на данном обстоятельстве, подчеркивая в своих телеграммах в Омск, что он, «находясь здесь в узле международных отношений, зная характер международной конъюнктуры», может не-

медленно сделать разъяснения союзникам по любому вопросу¹⁰², хотя лишь в середине июля вручил консулам ноты с просьбой о союзной интервенции «с целью ингерирования австрийских и германских пленных и создания нового русского фронта против Германии»¹⁰³.

По мере укрепления положения ВСП характер его отношений с ВПАС коренным образом менялся. Решающее значение в этом вопросе имела позиция интервентов. Вокруг всех трех «правительств» шла напряженная дипломатическая борьба, в которой сталкивались интересы Англии, США, Франции и Японии. 12 июля союзники приняли решение не признавать кабинет Д. Л. Хорвата¹⁰⁴ и сделали ставку на объединение антисоветских сил вокруг Временного Сибирского правительства.

Первыми изменение обстановки почувствовали члены ВПАС, которые в телеграмме ВСП от 17 августа «в срочном порядке» просят «подтвердить союзникам, что Омское и Владивостокское правительства одно и то же»¹⁰⁵. Но ситуация уже коренным образом изменилась, и 26 августа управляющий МИД ВСП М. П. Головачев телеграфирует К. П. Лаврову: «Временное Сибирское правительство считает, что группа, находящаяся во Владивостоке, не должна предпринимать каких-либо серьезных и важных шагов, так как она отделена от всей Сибири, и это относится как к вопросам внутренним, так и внешним»¹⁰⁶.

Параллельно с этим шло выяснение «отношений» между ВСП и Комучем. К сентябрю 1918 г., по данным М. Ф. Омелькова, в последнем был представлен 71 член Учредительного собрания, в том числе 17 — от Сибири¹⁰⁷. «Комуч считает, что он и Учредительное собрание — одно и то же, — вспоминал Л. А. Кроль, — отсюда он делает вывод, что всероссийская власть принадлежит ему... Иначе смотрело на дело Сибирское правительство... Имея свою реальную силу в виде сибирского войска, Сибирское правительство и мысли не допускало, конечно, о подчинении своем Самаре»¹⁰⁸. Поэтому ВСП в телеграмме Комучу от 19 августа заявило, с одной стороны, о своей суверенности, поскольку «при отсутствии общей государственной власти каждая область, освобожденная от большевизма, имеет возможность, опираясь на принцип федеративности, образовать свою собственную власть», а с другой стороны, выразило «согласие войти в те или иные отношения» с

Самарским правительством для «восстановления Российской государственности»¹⁰⁹. В итоге 13–16 июля и 23–25 августа 1918 г. совещания в Челябинске делегаций Временного Сибирского правительства и Комуча закончились безрезультатно. Договорились лишь созвать в ближайшем будущем государственное совещание для организации единой всероссийской власти, — оно открылось 8 сентября в Уфе.

Последним по времени возникло Временное областное правительство Урала, принявшее 19 августа программную декларацию. Предполагалось, что оно будет существовать до созыва Уральской областной думы или Всероссийского Учредительного собрания как коалиция между кадетами, народными социалистами, эсерами и меньшевиками, однако большинство министерских портфельей досталось кадетам. Представитель этой партии П. В. Иванов и возглавил кабинет. Уральское правительство провозгласило стандартный набор обязательств: восстановление частного предпринимательства, денационализация, возобновление деятельности органов местного самоуправления и т. д. Характерно, что в структуре высших органов управления отсутствовало военное министерство, а все сформированные на территории Урала добровольческие части были подчинены Военному министерству ВСП. «Фактически это привело к тому, что реальная власть находилась в руках военщины, бесцеремонно вмешивавшейся почти во все мероприятия правительства», — замечает С. П. Васильченко¹¹⁰.

В сложившихся условиях лишь 10 августа Совет министров ВСП впервые высказался по внешнеполитическим вопросам, приняв декларацию, обращенную к правительствам Англии, Франции, США. В ней не признавался Брестский мир и торжественно заявлялось, «что все договоры и обязательства перед союзниками так же обязательны для Сибири, как и для прочих частей России, и что во имя общероссийских и союзных интересов сибирская армия готовится совместно с союзниками к мировой борьбе»¹¹¹.

На фоне всего этого Временное Сибирское правительство продолжало укреплять вертикальные структуры власти. 18 июля упраздняются коллегиальные территориальные комиссариаты и восстанавливается институт губернских (областных) и уездных управляющих с обширными полномочиями. На основании постановления ВСП от 6 июля в регионе возобновляли работу существо-

вавшие до февраля 1917 г. судебные органы (волостные, мировые, окружные суды и судебные палаты). Институтом «истинного народоправства» должны были стать земские учреждения. В рассматриваемое время начали свою деятельность губернские и уездные земские управы, в которых преобладали эсеры. На низовом (волостном) уровне, как считает Т. В. Мальцева, сосуществовало «невероятное разнообразие органов управления... Это были волостные земские управы, восстановленные в составе, избранном осенью 1917 г. или избранном в новом составе на волостных сходах, а не на собраниях волостных гласных, уже через год. Там, где волостного земства не было, действовали избранные еще после Февральской революции временные исполнительные комитеты или избирались подобные вновь. Кое-где существовали дореформенные волостные правления и волостные старшины. В июне — августе 1918 г. в некоторых волостях сохранялись еще Советы крестьянских депутатов. В селах встречались и сельское народное собрание, и сельский исполнительный комитет, и сельский сход, и управа»¹¹².

Если в отношении низовых органов власти ВСП придерживалось принципов «истинного народоправства», то этого нельзя сказать о его политике по национальному вопросу. Так, 7 июля оно объявило, что законодательные нормы, предоставляющие народам право «свободно устраивать свою судьбу согласно традициям прошлого, идеалам своего будущего», будут выработаны Всесибирским Учредительным собранием и Областной думой¹¹³. В отличие от Самары, Омский кабинет отказался признавать национально-территориальную автономию как способ решения национального вопроса у наиболее крупных по численности сибирских этносов. В проекте Временного положения о культурной автономии национальностей Сибири, датированном 18 июля, ВСП отнесло его к компетенции двух вышеназванных представительных органов и отказалось признавать «избранные некоторыми национальностями комитеты (например, Алаш-Орда киргиз-кайсаков) органами национально-территориальной государственной власти». Пока же всем этносам предоставлялась национально-культурная автономия¹¹⁴.

В противовес правительству комитет по делам национальностей СОД подготовил свой проект решения национального вопроса в регионе. В ведение Министерства туземных дел ВСП предлагалось передать «все обитаемые преимущественно туземцами ча-

сти Сибири, которые: а) имеют редкое и малокультурное население; б) экономически лишены возможности организовать самоуправление», а также находятся за Полярным кругом. На этих территориях образуются туземные округа с выборными органами управления и назначенными от министерства комиссарами, выполняющими надзорные функции¹¹⁵. Но до открытия сессии Сибирской областной думы Совет министров не предпринимал каких-либо мер, направленных на достижение компромисса с национальными организациями, тем самым подвигнув их лидеров на союз с эсерами в представительном органе.

Первым серьезным испытанием на прочность Омского правительства стала открывшаяся 15 августа в Томске сессия Сибирской областной думы, в которой участвовало 137 депутатов¹¹⁶. В партийном отношении из 129 членов, о которых сохранились сведения, 60 отнесли себя к ПСР, 21 — к социал-демократам, 9 — к народным социалистам, 29 назвали себя беспартийными и областниками¹¹⁷. В целом, по сравнению с январем, снизилось представительство эсеров (60% — в январе, 44% — в августе), однако мелкобуржуазные группировки абсолютно преобладали. Существенно изменилось представительство различных организаций и объединений. Автоматически в состав Думы вошел прибывший на ее открытие 21 член Учредительного собрания от Сибири, столько же депутатов представляли губернские (областные) Советы крестьянских депутатов. По-прежнему в Думе одной из самых многочисленных была фракция национальностей — 21 депутат¹¹⁸, однако сократилось представительство от коренных народов региона в пользу делегатов от экстерриториальных национальностей (украинцы, немцы, евреи, эстонцы, латыши, поляки и т. д.). 14 человек делегировали городские думы и земства, 12 — кооперативные организации, 18 — главные комитеты сибирских железных дорог, 6 человек представляли сибиряков-воинов, участников первой мировой войны и т. д.¹¹⁹ По социальному составу основную часть делегатов составляла мелкобуржуазная интеллигенция (87 из 118): журналисты, кооператоры, служащие, учителя, а крестьян присутствовало всего 10 чел.

На открытие сессии прибыли П. В. Вологодский, Г. Б. Патушинский, М. Б. Шатилов, П. П. Гудков, Н. И. Петров, Г. К. Гинс и

назначенный товарищем министра внутренних дел А. А. Грацианов. В Думе образовалось четыре фракции: объединенная — областников и беспартийных (почетный председатель Г. Н. Потанин, председатель А. В. Адрианов, секретарь Н. П. Чертовских; члены бюро: Н. Я. Новомбергский, И. П. Бедро, Н. А. Филашев, С. М. Мелентьев, М. В. Сабунаев, А. Д. Романов); фракция эсеров (председатель И. Г. Гольдберг, секретарь А. А. Магницкий; члены бюро: Т. С. Лозовой, В. Т. Сапожников, Е. И. Яницкий); фракция социал-демократов (председатель С. К. Неслуховский, секретарь С. А. Тараканов; член бюро А. М. Капустин) и национальностей (председатель Ю. Р. Санев, заместители председателя: Ф. Ф. Фрезе, В. А. Строкан, секретари: М. К. Амударский и С. С. Борисов)¹²⁰.

Согласно замыслам ВСП, Сибирская областная дума должна была принять законопроект о пополнении своего состава цензовыми элементами, заслушать декларацию правительства и создать различные комиссии. На первом заседании с обширной речью, представляющей программу деятельности Омского кабинета, выступил П. В. Вологодский. Основные ее положения принципиально не отличались от сказанного им 13 июля. Премьер пытался изобразить ВСП последовательным проводником идей народоуправства, предполагающим в недалеком будущем созвать Сибирское Учредительное собрание. Вновь был озвучен проект передачи управления аборигенными народами Севера Министерству туземных дел. Всем остальным гарантировалась национально-культурная автономия.

Вместе с тем в его выступлении появился ряд новых моментов. Прежде всего, четко прозвучала претензия на всероссийское руководство со стороны сил внутренней контрреволюции. «Временное Сибирское правительство не мыслит себе Сибирь иначе как частью России, — заявил председатель Совета министров, — ...оно связывает и согласует интересы Сибири с интересами общероссийскими и на пользу воссоздания и укрепления великой России сделает не меньше, а может быть, и больше тех, кто говорит о нашем сепаратизме».

Далее, в декларации содержалось положение о суверенности ВСП. «Оно (правительство. — М. Ш.) действует как власть суверенная, — утверждал Вологодский, — с полномочиями, очерчиваемыми не только от Областной думы, Совет министров избрав-

шей, но также из создавшегося переворотом фактического положения вещей и единодушного признания правительства со стороны всех кругов населения и общественных организаций»¹²¹. Тем самым глава правительства недвусмысленно дал понять думцам, что Омский кабинет вполне может обойтись и без их одобрения своей деятельности в силу «сложившегося положения вещей».

Таким образом, декларация ВСП от 15 августа 1918 г. в целом отразила программу сибирской контрреволюции. Вместе с тем в документе выдвигались идея о суверенности правительства, его независимости от СОД и претензия на всероссийскую власть.

После оглашения декларации 17 августа был заслушан доклад мандатной комиссии. Выяснилось, что ряд делегатов никого не представляют: например, присутствовало 6 чел. от сибирских фронтовых частей, которых после демобилизации старой армии уже не существовало. Согласно постановлению ВСП от 6 июля «О недопустимости Советов» (запретившего их деятельность), незаконным являлось присутствие в Думе 21 делегата от Советов крестьянских депутатов, среди которых числился министр юстиции Г. Б. Патушинский, получивший мандат от Якутского областного Совета крестьянских депутатов. «Формально мы обязаны допустить их, — заявил член мандатной комиссии И. П. Бедро, — но по существу я не знаю, можно ли допустить представительство мертвецов. Это ваше дело»¹²². В общей сложности группа подобных «представителей» составила 46 чел., или ровно треть делегатов Думы.

Однако признать 46 мандатов недействительными Сибирская областная дума не могла, так как в этом случае не набиралось кворума в 90 чел., определенного еще в декабре 1917 г. Вместе с тем в составе этих 46 преобладали эсеры, в том числе и руководитель их фракции И. Г. Гольдберг. Поэтому бесспорными были признаны полномочия всех наличных депутатов¹²³.

Эсеры пытались использовать СОД для давления на Временное Сибирское правительство. Среди ее депутатов оказались видные партийные функционеры — Б. Д. Марков, П. Я. Михайлов, М. Я. Линдберг, М. П. Рудаков, Я. И. Ходукин, Н. В. Фомин, М. А. Кроль, М. Ф. Омельков и др. Выражая их интересы, иркутская газета «Сибирь» провозглашала: «Дума — это главный фактор до Учредительного собрания в процессе обновления и возрождения Сибири на началах народовластия»¹²⁴. Как отмечал Д. И. Ро-

зенберг, Дума разделилась на два фланга — правый и левый, центра у нее не оказалось. «Левый фланг образовали социалистические партии — с.-р. и с.-д. К ним примкнули национальные группы; в состав правого крыла входят областники и беспартийные»¹²⁵. Между этими группировками и развернулась борьба на заседаниях.

После утверждения полномочий депутатов Дума заслушала декларацию, с которыми выступили С. К. Неслуховский (меньшевики), Н. Я. Новомбергский (областники и беспартийные), Л. К. Солдатов (эсеры), Ю. Р. Саиев (националисты). Все они провозглашали главными задачами созыв Всероссийского Учредительного собрания, борьбу с большевизмом, автономию Сибири, восстановление единства России, создание боеспособной армии. Имелись и серьезные разногласия. Меньшевики потребовали «установления нормальных отношений труда и капитала, взятия под государственный контроль частнопредпринимательской инициативы в области производства и распределения товаров». Эсеры настаивали на предоставлении территориальной автономии всем этносам региона, в то время как националисты ограничились пожеланием «провозглашения прав человека и гражданина и воплощения их в жизнь на всем пространстве Сибири». Наконец, областники прямо заявили, что «состав настоящего законодательного собрания не соответствует решающей важности предстоящих задач», и потребовали расширения состава СОД, отказа от «пораженческих завоеваний революционной демагогии» и «вождедений как справа, так и слева»¹²⁶.

Сибирская областная дума практически не обсуждала вопрос о пополнении своего состава, собственно для чего она и созывалась на сессию. Вместо этого началась дискуссия по поводу создания всероссийской власти. С обширным докладом по данному вопросу выступил эсер М. А. Кроль. «Мы согласны сконструировать правительство на принципах коалиции, — заявил он. — Мы находим даже необходимым, чтобы в правительство вошли самые талантливые, самые способные, самые энергичные люди России без разделения партий, лишь бы они согласились на той платформе, о которой мы говорили. Эта платформа: непризнание Брестского мира, воссоздание всех завоеваний Февральской революции и, наконец, как предпосылка, как бесспорное требование, — воссозда-

ние дисциплинированной, могучей, патриотической, боеспособной армии для дальнейшей борьбы с германским империализмом»¹²⁷.

Уже после открытия сессии СОД серьезно изменилось отношение к ней Временного Сибирского правительства. На его позицию повлияли эсеровский состав Областной думы и ее стремление к образованию коалиционной всероссийской власти, тяготение большей части депутатов к Комучу. Определенное влияние на позицию Омского кабинета оказало ухудшение внешнего положения режима в связи с начавшимся наступлением Красной Армии на Казань. В этой обстановке 10 августа начальник Степного корпуса генерал П. П. Иванов-Ринов вводит в Западной Сибири военное положение, передав тем самым реальную власть на местах военным. Областная дума выразила протест. Ее членов пытается «образумить» генерал А. Н. Гришин-Алмазов. Выступая перед ними, он заявил, что «в данный момент идея народоправства — средство непригодное, слишком сильное, могущее раскатать надорванный организм большой России»¹²⁸. Дума возражает, и тогда командующий Сибирской армией распространяет режим военного положения на всю Сибирь¹²⁹.

В создавшейся обстановке в СОД завершается оформление двух неравных по численности группировок. Эсеры, меньшевики, националисты объединяются под лозунгом создания «временной всероссийской власти» под руководством первых. Фракция областников и беспартийных настаивает на организации власти «не по признакам партийности, а по признакам дееспособности, персонального авторитета, проникновения идеями патриотизма»¹³⁰. Создание этой власти предполагалось поручить ВСП, не связывая его «никакими определенными директивами, кроме обязанности образовать всероссийское центральное правительство на той платформе, на которой сошлись здесь оба сектора»¹³¹.

Таким образом, все депутаты Сибирской областной думы рассматривали ее как высший законодательный орган власти в Сибири, перед которым ответственно ВСП. Но эсеры и их союзники считали кабинет Вологодского временным, функционирующим до образования временной же всероссийской власти, которую следовало образовать под руководством членов Учредительного собрания, т. е. преимущественно эсеров. Областники же смотрели на ВСП как на постоянно действующий орган и инструмент образо-

вания всероссийской власти не на признаках партийности, а «дееспособности и персонального авторитета». Сибирская областная дума, по мнению последних, должна была выработать платформу деятельности «всероссийского центрального правительства».

Как видим, областники в Думе наиболее полно выражали интересы ВСП, а также той части «демократической» контрреволюции, которая выступала за его укрепление и поддерживала претензии кабинета на общероссийскую власть. Различия во взглядах заключались в том, что областники рассматривали ВСП как орган, порожденный, а следовательно, зависимый от СОД, в то время как часть членов правительства (П. В. Вологодский, И. И. Серебряшников, И. А. Михайлов и Административный совет) квалифицировали его как вполне самостоятельное и суверенное образование, возникшее «в силу фактического положения вещей».

Для выработки общей платформы СОД по вопросу о создании общероссийской власти 20 августа оба ее крыла предложили проекты резолюций. Суть платформы областников и беспартийных сводилась к следующим положениям:

1. Всероссийскую власть образовать как можно скорее.

2. Ее должны создать областные правительства, опираясь на местных представителей ЦК государственно мыслящих партий, а также представителей «Союза возрождения России» и членов Учредительного собрания.

3. Всероссийская власть образуется не по признаку партийности, а на основе дееспособности, авторитета и прощикновения идеями патриотизма, государственности и народоправства.

4. Власть должна быть суверенной и независимой во внешней и внутренней политике.

5. Главные задачи всероссийской власти:

а) отстранение независимости России в борьбе с большевиками и Германией при восстановлении прежних союзнических обязательств;

б) укрепление начал государственности и народовластия, «а потому все другие задачи государственной жизни строго должны быть подчинены требованиям военного времени, а также коренные реформы во всех этих отношениях не могут быть принимаемы до созыва Всероссийского Учредительного собрания».

В противовес им эсерами, меньшевиками и националистами предлагается следующая резолюция по вопросу о конституировании всероссийской власти:

1. Образовать ее имеет право только Учредительное собрание.

2. До его созыва формирование «временной всероссийской власти должно быть предоставлено Особому совещанию в составе съезда наличных членов Учредительного собрания, представителей областных правительств, а также представителей всероссийских объединений национальностей и центральных комитетов всероссийских политических партий, стоящих на платформе народо-властия и непризнания Брестского договора».

3. В состав новой власти должны войти представители Сибирского правительства.

4. Сама власть «должна быть представлена немногочисленной по своему составу коллегией», которая сама пригласит министров.

5. Платформа этой временной всероссийской власти:

а) единая, независимая, федеративная Россия;

б) создание боеспособной армии;

в) непризнание Брестского договора;

г) ведение вместе с союзными войсками войны с Германией;

д) сохранение демократических завоеваний Февральской революции;

е) передача земли народу¹³².

Таким образом, основные противоречия между эсерами и областниками в Думе по вопросу о создании всероссийской власти касались способа формирования и ее состава. Обе стороны признавали необходимость созыва Всероссийского Учредительного собрания. Эсеровская резолюция, выражая интересы левого крыла мелкобуржуазной демократии и националистов, ориентировалась на создание коалиционной всероссийской власти под руководством социалистов-революционеров. В резолюции фракции областников и беспартийных, представлявшей позицию правого крыла мелкобуржуазной демократии и отчасти буржуазии, предлагалось сформировать всероссийскую власть на основе Временного Сибирского правительства.

Пользуясь своим преобладанием, левое крыло СОД 70 головами против 22 приняло резолюцию, предложенную эсерами, мень-

шевиками и националистами. Дума решила для ознакомления с ее мнением направить делегацию во главе с Н. М. Карповым на предстоящее в сентябре в Уфе Государственное совещание.

Воспользовавшись пребыванием в Томске П. В. Вологодского, эсеры попытались вновь оказать давление на него и правительство. Именно с этой целью председателя Совета министров посетила делегация в составе М. А. Кроля, И. Г. Гольдберга и М. С. Фельдмана. Они предложили правительству переехать в Томск, а в состав делегации ВСП на Государственное совещание в Уфу включить И. А. Михайлова и А. Н. Гришину-Алмазова¹³³. Цель, по нашему мнению, преследовалась двоякая. Прежде всего, устранить на некоторое время из Омского кабинета правых элементов, оказывавших влияние на примиренца Вологодского, а затем, имея преобладание эсеров на совещании, заставить эти лица принять предлагаемые конференцией (фактически эсерами) решения и тем самым дискредитировать их в глазах правых. Но из этого ничего не вышло. П. В. Вологодский, внимательно выслушав предложения и пообещав «изменить состав представителей» в Уфу, на следующий день был срочно вызван в Омск И. И. Серебренниковым в связи с опасностью государственного переворота. «Чтобы спасти жалкую фикцию власти Сибирского правительства, — сетовал М. А. Кроль, — Вологодский решил вернуться в Омск и тем самым дал реакционерам лишнее доказательство того, что фактически господами положения являлись они»¹³⁴.

В этой обстановке ВСП принимает решение о приостановке заседаний Областной думы до 10 сентября 1918 г. в связи с необходимостью пополнения ее состава. Для соблюдения декорума председательствующий на сессии И. А. Якушев предложил прервать заседания до 10 сентября, что и было единогласно принято депутатами¹³⁵. Продолжили деятельность только комиссии. Тем не менее по взаимоотношениям представительного органа и правительства произошел окончательный раскол. ВСП продублировало постановление Думы от 17 августа о пополнении своего состава цензовыми элементами. Но после приостановления ее заседаний 19 августа «полностью и окончательно сосредоточило в своих руках законодательные функции»¹³⁶.

Необходимо иметь в виду, что 19 августа Областная дума не была разогнана. ВСП не могло пойти на это по целому ряду при-

чин. И прежде всего потому, что тем самым лишало себя накануне предстоящих переговоров с Комучем и Уфимским совещанием видимости полномочного представительства от всего населения Сибири, якобы направившего своих избранных в Думу.

Таким образом, в июле — августе 1918 г. «демократическая» контрреволюция в Сибири продолжала удерживать руководящие позиции, более того, ее левое крыло, представленное эсерами, меньшевиками и националистами, перешло в контрнаступление, надеясь подчинить Временное Сибирское правительство будущему всероссийскому во главе с эсерами. По-прежнему ВСП, официально придерживаясь идеи «народоправства» и признавая в качестве верховной власти в стране Учредительное собрание, под воздействием буржуазии и областников стремилось покончить с формальной зависимостью от Областной думы, настаивая на своей суверенности. Однако окончательно порвать с СОД в августе 1918 г. Временное Сибирское правительство не решилось.

Определенные подвижки в рассматриваемый период происходят и в самом правительстве. В противовес группе сторонников СОД (Вл. М. Крутовский, Г. Б. Патушинский, М. Б. Шатилов) усиливаются после приезда в Омск 27 июля значительно поправившего шестого министра И. И. Серебренникова позиции правых. Причем водораздел в правительстве проходил не между эсерами (народоправцами) и кадетами (правыми), а между областниками-автономистами и «централизователями». Первые выступали за укрепление позиций ВСП как регионального правительства, требуя проведения соответствующих реформ в Сибири. О том, что они существовали, можно судить по двум фактам. В уже упоминавшемся выше письме А. В. Сазонова В. Л. Бурцеву от 17 апреля 1923 г. речь шла о том, что свержение советской власти осуществлялось в Новониколаевске «под бело-зеленым флагом и лозунгом „через свободную Сибирь к возрождению Великой России“ во имя образования временно самостоятельной сибирской демократической государственности, которая в будущем станет автономной в местных делах и будет управляться собственным Сибирским правительством, подчиняющимся в общероссийских вопросах центральной власти». Далее Сазонов сообщает своему корреспонденту: «К сожалению, через неделю после поднятия восстания в Новониколаевске (т. е. 2 июня 1918 г. — М. Ш.) я заболел воспалением легких и, встав через три

месяца с одра, по приезде в Омск увидел, что чистота, положенная в основу движения идеи, нарушена и Сибирское правительство начинает задаваться великодержавными задачами и строит государственность на централистском принципе. Это меня ударило как обухом по голове, я увидел, что наше дело стало на путь гибели»¹³⁷. С другой стороны, Вл. М. Крутовский, касаясь позиции И. А. Михайлова, отметил, что он относился к группировке, которая считала, «что Сибирское правительство не должно существовать, что спасение России только в твердой власти и что все отдельные правительства должны быть уничтожены»¹³⁸.

В целом в конце августа — начале сентября 1918 г. происходила дальнейшая внутренняя консолидация двух крупнейших отрядов сибирской контрреволюции — буржуазного и мелкобуржуазного. Правые берут курс на установление военной диктатуры¹³⁹. Выражая их настроения, С. Мокринский заявляет в «Сибирской жизни»: «Маргаринового народоправства нам не надо, а подлинное, по условиям момента, практически недостижимо. Нужна и достижима твердая власть в форме директории. Правительство должно быть организовано из нескольких лиц — трех, четырех, пяти, безответственных и никому не подотчетных, кроме Учредительного собрания, созвать которое они обязуются по достижении поставленной им задачи»¹⁴⁰. В свою очередь лидер омских кадетов В. А. Жардецкий высказывается против областнических тенденций правительства. Выступая на конференции организаций ПНС Сибири и Урала 22 августа, он заявил: «Первым членом нашего „символа веры“ должна быть и была Россия, как государство»¹⁴¹.

Для этой цели в Сибирь командировается активист московского отдела «Национального центра», член ЦК ПНС В. Н. Пепеляев, который развернул «энергичную агитацию за установление единоличной диктатуры». Кроме того, он решительно высказался против реанимации Учредительного собрания: «Но вот на сцену, где, изживая себя, гибнет большевизм, где формируются и находят друг друга реальные силы, где раздаются и будут раздаваться все громче новые для революции лозунги, выплывает вновь это историческое привидение»¹⁴². При его непосредственном участии в Омске на базе известного нам «оборонческого блока» происходит оформление «Союза возрождения Российского государства», объединив-

шего часть эсеров, меньшевиков, кооператоров, часть кадетов, народных социалистов и т. д.

Консолидировали свои силы и эсеры, объединившиеся вокруг СОД. Для давления на Омский кабинет они использовали подконтрольные органы местного самоуправления. Прошедшие по их директиве в сентябре уездные крестьянские съезды, сессии уездных земских собраний выступили в поддержку ВСП и СОД, «идущих по пути народоправства»¹⁴³, а с другой стороны, потребовали как можно скорее созвать Всесибирское Учредительное собрание, «которому оно (ВСП. — М. Ш.) передаст полноту власти». В эсеровском духе выдвигались требования организации всероссийской власти или созыва Учредительного собрания (Каинский уездный крестьянский съезд 11 сентября 1918 г.), пополнения состава СОД за счет расширенного представительства уездных самоуправлений (вторая сессия Енисейского уездного земского собрания 21 сентября 1918 г.) и т. д.¹⁴⁴ Связку СОД и правительства активно поддерживала кооперация¹⁴⁵. Основные надежды в плане будущего устройства России эсеры возлагали на Уфимское государственное совещание, которое, как они рассчитывали, позволит создать эсеровскую директорию и подчинить ей ВСП.

Правая часть Временного Сибирского правительства (И. А. Михайлов и И. И. Серебренников) добивается принятия правительством указа от 24 августа об утверждении Административного совета как аппарата правительства и значительного расширения его прав. Мы не согласны с утверждениями М. Е. Плотниковой и В. В. Гармизы о том, что Административный совет даже с оговорками нельзя считать эсеро-меньшевистским, так как большинство его состояло из кадетской интеллигенции, «рьяно защищавшей интересы махровой контрреволюции»¹⁴⁶. На самом деле большую часть его членов составляли представители мелкобуржуазной и буржуазной интеллигенции, не имеющие четко выраженной партийной и политической ориентации. От превращения Совета в часть Омского кабинета его мелкобуржуазный характер не изменился, хотя неопределенность политической платформы большинства его членов, тяготение к объединениям «не партийного, а делового характера» создавали предпосылки к прямому смыканию членов Административного совета с правыми кругами, что затем и произошло. Тем не менее в рассматриваемый период ле-

вая часть ВСП (Вологодский, Патушинский, Шатилов) и большая часть Административного совета могут быть отпесены к самостоятельному политическому направлению, названному В. В. Журавлевым центристским¹⁴⁷.

Историографическая традиция четко связывает переворот 18 ноября 1918 г. исключительно с кадетами и практическими действиями В. Н. Пепеляева и И. А. Михайлова. Имеющиеся у нас и собранные Н. С. Ларьковым факты позволяют утверждать, что подготовка к этой акции началась еще летом и была связана с именами И. А. Михайлова и генерала А. Н. Гришина-Алмазова. Она расстроилась в связи с неожиданной отставкой последнего 5 сентября 1918 г.¹⁴⁸ В рукописи воспоминаний «Сибирское движение и коммунизм» бывший управляющий МИД ВСП М. П. Головачев по этому поводу сообщает: «Если вдуматься в смысл переворота 18 ноября, то, конечно, его нельзя назвать переворотом, произведенным Колчаком. Это был переворот в пользу михайловской группы, задуманный еще задолго до этого дня. Единственным изменением с первоначальным планом было появление на роли Верх. правителя не ген. Гришина-Алмазова, а адм. Колчака, и благодаря этому обстоятельству премьер-министром Российского правительства стал не И. А. Михайлов, а П. В. Вологодский»¹⁴⁹.

Поэтому представляется маловероятным, что создатель Сибирской армии, авторитетный в различных общественных кругах генерал был отправлен в отставку за бестактность по отношению к английскому консулу. Причем на отставке настаивали М. Б. Шатилов и Г. Б. Патушинский, а правые (Михайлов и Серебренников) защищали управляющего военным министерством. Его увольнение вызвало, кроме протестов с их стороны, еще и заявления о собственной отставке, которые поддержали все члены Административного совета¹⁵⁰. В свою очередь Гришин-Алмазов заявил, что «считает себя по-прежнему командующим Сибирской армией и управляющим военным министерством». И лишь 6 сентября на заседании Совмина Михайлов и Патушинский отозвали свои прошения, «сумев подчинить личные амбиции» и Гришин-Алмазов¹⁵¹.

В итоге ВСП оказалось в начале сентября 1918 г. расколотым. Еще с конца августа устранился от дел и уехал в Красноярск Вл. М. Крутовский, «неоднократно ранее заявлявший об отставке»¹⁵². 8 сентября подал заявление об отставке и уехал в Иркутск

Г. Б. Патушинский, а М. Б. Шатилов отправился в Томск на свидание с думцами. Разрушилась и комбинация думцев направить в Уфу в качестве делегатов от ВСП Гришина-Алмазова и Михайлова. Вместо них на Государственное совещание делегировали И. И. Серебренникова, В. В. Сапожникова и нового управляющего военным министерством генерала П. П. Иванова-Ринова.

Комментируя данное назначение, кооперативная «Народная Сибирь» подчеркивала, что с именем Иванова-Ринова «неразрывно связываются реакционные, реставраторские вождедения и воспоминания, как тяжелое похмелье — его карательные походы на мирных и незащищенных туркмен и сартов 1916 г. по высочайшему повелению»¹⁵³. И на новой должности он, по словам В. В. Гармизы, «приступил к „контрреформам" в армии, без всякого стеснения восстанавливая все ее царские атрибуты (погоны, старую форму, смертную казнь и т. п.)»¹⁵⁴. Генерал-полицейский производит замену ряда начальников гарнизонов, выдвигая на эти посты реакционно настроенных и преданных ему офицеров (например, в Омске — полковника В. И. Волкова). Одновременно, по его представлению, 14 сентября ВСП восстанавливает смертную казнь за целый ряд преступлений.

Временное Сибирское правительство в это время прилагает максимум усилий, чтобы избавиться от своих конкурентов на Дальнем Востоке. С этой целью туда в начале сентября отправляется П. В. Вологодский. Свообразным противовесом Омскому кабинету выступала «породившая» его Сибирская областная дума, в которой преобладали эсеры. В условиях приближающегося открытия Государственного совещания они начинают предпринимать усилия, направленные на подчинение Совета министров СОД. В частности, 7 сентября президиум СОД и Всесибирский съезд земств и городов, заседавший тогда в Томске, обратились к ВСП с желанием, чтобы органы местного самоуправления приступили к составлению списков избирателей для проведения выборов в Сибирское Учредительное собрание, которое предлагалось созвать не позднее 15 декабря 1918 г.¹⁵⁵

Фактически политический кризис, связанный с отставкой А. Н. Гришина-Алмазова в начале сентября, не только не был до конца преодолен, но и перерос в еще больший по своим масштабам и последствиям¹⁵⁶. Накануне эскалации событий силы основных их

участников распределились следующим образом. 8 сентября Вологодский отправился на Дальний Восток договариваться с кабинетами Хорвата и Дербера об их самоликвидации, а также для установления контактов с дипломатическими представителями интервентов. В тот же день в Уфу на Государственное совещание отбыла делегация ВСП в составе И. И. Серебренникова (председатель), П. П. Иванова-Ринова и В. В. Сапожникова. Кандидатура руководителя была выбрана не случайно. Л. А. Кроль охарактеризовал его как человека, «умеющего молчать и многозначительно улыбаться. В нем чувствуется упорство и настойчивость, но не чувствуется творческой мысли»¹⁵⁷. Он вполне подходил для выполнения главной задачи делегации, сформулированной Вологодским следующим образом: «Не особенно торопиться с организацией власти». В инструкции миссии предписывалось добиваться создания верховной все-российской власти в лице директории из пяти человек, «твердой, крепкой, сильной, с единой волей, направленной прежде всего на воссоединение Великой России», и вместе с тем бороться за сохранение «сибирского территориального автономного правительства»¹⁵⁸. В тот же день еще один член Совета министров М. Б. Шатилов выехал в Томск на открывающуюся сессию СОД.

В Омске остался лишь один из «шестерки» — министр финансов И. А. Михайлов, поскольку Вл. М. Крутовский, как отмечалось, еще с конца августа уехал в Красноярск. Тем не менее он пытался влиять на Вологодского, рекомендуя в письмах не привлекать к работе в правительстве видных сибирских кадетов Д. Е. Лаппо и В. А. Жардецкого.

7 сентября Совет министров, будучи практически в полном составе (без Крутовского), «издал постановление о передаче прав Совета министров по разрешению неотложных дел, на время отсутствия большинства членов, Административному совету»¹⁵⁹, председателем которого автоматически становился Михайлов. Чтобы оградить Совет от возможных посягательств Думы, 8 сентября ВСП принял постановление «О полномочиях Административного совета в отношении Сибирской областной думы», в котором предоставил ему «все полномочия, принадлежащие в отношении Областной думы Совету министров».

Это решение, в отличие от принятого 7 сентября, вызвало раскол в Совете министров. Его не подписали Шатилов и Пату-

шинский, хотя оба находились в Омске. Причем министр юстиции в тот же день, а по официальной версии 9 сентября подал в Совет министров заявление, более похожее на ультиматум: «Ввиду моего глубокого расхождения с Административным советом и возрастающего влияния последнего на политическую деятельность правительства, я не нахожу возможным оставаться на посту министра юстиции, о чем одновременно с сим довожу до сведения Сибирской областной думы». Отставку принимать было некому, и, устранившись от практической деятельности, но формально, как ему казалось, сохраняя пост министра, Патушинский уехал из Омска. Шатилов свой протест выразил по-другому, отправившись в Томск. По приезде туда 10 сентября он начинает действовать, опираясь на местных эсеров. Ответственность за развязывание конфликта они возложили на Михайлова и Административный совет, якобы разработавших еще до отъезда Вологодского план устранения министров — сторонников СОД и ее самой. На самом деле еще в конце августа дерберовский ВПАС направил в Омск на разведку министра А. Е. Новоселова. Обеспокоенный этим, Вологодский 5 сентября дает телеграмму в Верхнеудинск для передачи Новоселову с требованием задержаться и ждать его приезда там. Приезд и тем более включение министра дерберовского правительства в состав ВСП нарушили бы шаткое равновесие в нем в пользу эсеров, создавая опасный прецедент, ведущий к полному поглощению Омского кабинета ВПАС, чего правые круги допустить не могли.

В момент развертывания кризиса правая часть Временного Сибирского правительства придерживалась оборонительной тактики. Об этом свидетельствуют переговоры Вологодского с Крутовским 10 сентября в Красноярске по пути на Дальний Восток. Итогом их явилось согласие Крутовского возвратиться в Омск в качестве заместителя председателя Совета министров. Это опровергает официальную версию о его нежелании заниматься государственной деятельностью. Таким образом, первые шаги, направленные на подчинение Областной думе ВСП и его Административного совета, предприняли мелкобуржуазные элементы, возглавляемые эсерами.

Ситуация, по их мнению, складывалась благоприятно. В Уфе открылось Государственное совещание, на котором преобладали

эсеры и присутствовала делегация СОД. В Омске оставался один И. А. Михайлов. А. Е. Новоселов во время встречи с Вологодским упрекнул его «в неподтверждении единства действий обеих частей правительства» и свои дальнейшие действия связал с планами Областной думы. На стороне эсеров стояли крупные объединения региона (земства, городские думы, кооперация и др.), их поддерживали чехи. Прочные контакты устанавливаются ими с представителями Чехословацкого национального комитета Ф. И. Рихтером — в Омске и И. И. Глоссом — в Томске.

Но первый удар ВСП нанесли не думцы, а Всесибирский съезд земских и городских самоуправлений, принявший решение при одном воздержавшемся о том, что «окончательное слово по вопросу о составе Временного Сибирского правительства должно принадлежать Сиб. думе, единственному в настоящее время правомочному источнику высшей областной власти». Резолюция председателем форума Н. В. Ульяновым доводится до сведения правительства. Для осуществления своих полномочий СОД формирует делегацию в составе Т. С. Лозового, А. А. Магницкого, В. П. Неупокоева, И. И. Аланова, В. А. Строкана и Ассара, которая 14 сентября выезжает на Дальний Восток с целью наблюдения за Вологодским и участия в проводимых им переговорах.

Поскольку 15 сентября должна была открыться сессия СОД, И. А. Михайлов, не зная о ситуации в Томске, а может быть, как предполагает Г. Э. Иоффе, и с провокационными целями принимает превентивные меры, направленные на предотвращение выступлений думцев. В телеграмме местному губернскому комиссару А. Н. Гаттенбергеру он потребовал разрешить открытие Думы при условии обсуждения ее членами следующих вопросов: 1) проверка полномочий ее депутатов; 2) пере выборы президиума; 3) рассмотрение порядка комиссионной работы по подготовке положения о выборах в Сибирское Учредительное собрание. Далее он сообщил, что Административному совету предоставлено право роспуска законодательного органа, и потребовал ежедневно информировать о заседаниях. В заключение он приказал установить «точно надежность воинских частей в Томске, противном случае телеграфируйте подкрепление». Примерно в это же время действия Михайлова продублировал по телеграфу Вологодский.

Тем временем правые круги окончательно приходят к мысли, что СОД не нужна. С ними консолидировалась определенная часть областников, и прежде всего «потанинский кружок». В середине сентября появилась статья Г. Н. Потанина, в которой высказывалось отрицательное отношение к «настоящему составу Думы», поскольку после Февральской революции власть в регионе «очутилась в руках людей для Сибири новых и совершенно неизвестных. Какие-то Беленцы, Гольдберги и тому подобные лица, о которых дотоле Сибирь ничего не слыхала, которые ей услуг не оказывали ни в литературе, ни в общественной жизни, явились распорядителями судеб Сибири». Автор не видит принципиальной разницы между большевиком А. И. Беленцом и эсером И. Г. Гольдбергом, хотя последний был уроженцем Сибири и достаточно известным литератором. В создавшемся положении Потанин все надежды возлагает на ВСП. «Канцелярия сибирских министров продолжает пополняться, — замечает он, — кто следит за этими назначениями, убеждается, что министерства стараются притянуть к делу все лучшие силы Сибири»¹⁶⁰.

Тем временем Областная дума получила еще одно, как ей казалось, безусловное подтверждение своего авторитета и могущества. До 16 сентября в ее адрес поступила телеграмма, в которой дерберовское правительство подчеркивало свою зависимость от СОД и информировало о своем намерении в ближайшее время выехать в Томск, чтобы отчитаться о проделанной работе.

В этой обстановке президиум СОД во главе с И. А. Якушевым начинает действовать. По прямому проводу связавшись с Патушинским и Крутовским, он убеждает их выехать в Омск для солидарных с думцами действий. В тот же день министр юстиции заявил, что отзывает свое заявление об отставке и 17 сентября извещает об этом Вологодского. Согласно сведениям В. Н. Пенялева, в Иркутске было объявлено губернским комиссаром, что отставка Патушинского не принята Областной думой¹⁶¹. Одновременно СОД дает санкцию на включение в состав ВСП А. Е. Новоселова, приехавшего в Омск вместе с Вл. М. Крутовским. Причем, согласно показаниям последнего, Новоселов не собирался «вступать в министерство», а, повидавшись с семьей, намеревался «выехать в Томск сделать доклад о положении дел, что он делал на Дальнем Востоке, а затем прекратить политическую деятельность

и выехать в Новониколаевск для издания журнала»¹⁶². Наконец, вечером 17 сентября в Омск отправились И. А. Якушев и М. Б. Шатилов, прибывшие туда 19-го. Все эти передвижения «Сибирская жизнь» связала с действиями эсеров, «всеми способами помогающих захватить власть».

Тем временем на совместном заседании президиума и комиссий СОД 17 сентября И. Г. Гольдберг огласил текст перехваченной телеграммы И. А. Михайлова А. Н. Гаттенбергеру о мерах предосторожности в связи с открытием сессии Областной думы. Произошел скандал, и, хотя губернский комиссар отрицал даже факт получения телеграммы, ему никто не поверил. Страсти подогрела депеша Вологодского с требованием отозвать посланную на Дальний Восток делегацию. Состоялось закрытое заседание СОД, принявшее решение добавить в повестку сессии вопрос об отношении к правительству и делегировавшее И. А. Якушева в Омск для «наведения порядка».

18 сентября ВСП делает первые шаги, направленные на организацию противодействия СОД. Вологодский в телеграмме Михайлову предлагает распустить ее до завершения работы комиссий. Одновременно с этим начальник Иркутского гарнизона задержал думскую делегацию в Иркутске. Известие об этом еще больше возбудило думцев, решивших «идти навстречу конфликту».

20 сентября в Омске состоялось заседание Совета министров в составе Крутовского, Шатилова, Михайлова, в присутствии Якушева. То есть присутствовали три полномочных министра — тот кворум, в каком кабинет действовал практически всегда, и, таким образом, Административный совет лишился полномочий, предусмотренных постановлением от 8 сентября. На этом заседании Крутовский, Шатилов и Якушев потребовали возвращения в состав Совета министров Патувинского и включения в него в качестве полномочного министра Новоселова, а также предложили запросить Вологодского по поводу задержания думской делегации в Иркутске. Они же потребовали рассмотреть вопрос о кандидатурах от ВСП во Всероссийскую директорию и согласовать их с президиумом СОД. Наконец, Шатилов и Крутовский «высказались определенно против направления деятельности Административного совета». Перепал-

ка, в которую превратилось заседание, была прервана демонстративным уходом Михайлова.

В три часа ночи 21 сентября Крутовский, Шатилов, Якушев и Новоселов были арестованы офицерами из окружения начальника гарнизона полковника В. И. Волкова «по обвинению в том, что этими лицами замыслено и приступлено к совершению государственного переворота, направленного против государства Российского и Временного Сибирского правительства». Официальная версия случившегося такова: аресты производились без ведома И. А. Михайлова и временно управляющего военным министерством генерала Г. М. Матковского. Однако непосредственный свидетель всего происшедшего уполномоченный Чехословацкого национального комитета Ф. И. Рихтер связал все это с приказом Михайлова.

Шатилова и Крутовского под угрозой расстрела принудили подписать заранее подготовленные прошения об отставках. Рихтер сообщает: «После этого (арестованные. — М. Ш.) совместно с Якушевым были отпущены на свободу под расписку, что в течение суток оставят Омск». Далее, согласно официальной версии, лишь в 19.00 Волков сообщил в Административный совет о произведенных арестах. Последний якобы потребовал освободить из-под стражи троих, Новоселова же передать для проведения следствия по обвинению в подготовке государственного переворота, а прошения, вырванные под дулами револьверов у Шатилова, Крутовского, а заодно и Патувинского, «условно удовлетворить», т. е. названные лица были освобождены от должностей «впредь до окончательного рассмотрения вопроса Советом министров».

Обращает на себя внимание явная фальсификация в официальной версии эпизода с арестом министров. Маловероятно, что вплоть до вечера члены Административного совета не знали о случившемся, а узнав, утверждают прошения об отставках, представленные Волковым, не считая нужным даже переговорить с министрами. Наконец, в тот же день Административный совет принимает решение прервать сессию Областной думы и заседания ее комиссий до особого постановления правительства.

Следует отметить синхронность действий офицеров и членов Административного совета. Пока одни задерживают министров, другие прерывают деятельность СОД, требуя освободить арестованных. Совет, тем не менее, утверждает прошения об отставках и

даже не встречается с опальными министрами. Административный совет ничего не сделал для пресечения действий В. И. Волкова. Он не принял мер к освобождению А. Е. Новоселова, предопределив трагический финал всей этой истории. В ночь на 23 сентября последний был убит сопровождавшими его офицерами. Таким образом, действия Совета и военных были согласованы и осуществлялись по заранее разработанному плану. Сообщая о происшедшем Вологодскому и возлагая ответственность на Крутовского, Шатилова, Якушева и Новоселова, якобы вызвавших своими действиями «волнения [в] кругах общественных, военных», Михайлов заявил, что члены Административного совета «не видят возможности возвращения Крутовского и Шатилова к правительственной деятельности». Первый натиск думцев был отбит, но события только разворачивались.

22 сентября в них вмешался уполномоченный Чехословацкого национального комитета Ф. И. Рихтер. Под воздействием председателя СОД и на основании информации, полученной от Шатилова и Крутовского, он пришел к выводу, что в Омске произошел переворот, организованный «финансовой кликой» под руководством Административного совета и направленный против трех министров. В зашифрованной телеграмме в Уфу делегации Чехословацкого комитета он предложил: «По-моему, следует Михайлова арестовать и обо всем опубликовать в газетах и, таким образом, его в моральном отношении уничтожить».

Поддержанная чехами¹⁶³ СОД на экстренном заседании 22 сентября объявляет недействительным решение Административного совета о приостановке ее заседаний, увольняет в отставку И. А. Михайлова и товарища министра внутренних дел А. А. Грацианова, подписавших это распоряжение, с последующей отдачей под суд по обвинению в попытке осуществления государственного переворота. «В связи с невозможностью продолжить свою работу» Дума предоставила все свои полномочия, в том числе «право устранения министров и всех должностных лиц от занимаемой должности», специальному комитету во главе с Якушевым, введя в его состав также П. Я. Михайлова, А. М. Капустина, С. Д. Майнагашева, С. А. Тараканова и др. Увидев приближающееся к месту заседания воинское подразделение, думцы разбежались. Вскоре по приказу Гаттенбергера и начальника гарнизона были арестованы

члены президиума СОД: Ф. С. Лозовой, И. М. Бланков, С. П. Никонов, Б. П. Мазан, В. П. Неупокоев, а также П. Я. Михайлов.

23 сентября комитет СОД постановил: «...обязать всех членов правительства явиться в Томск и приступить к исполнению своих обязанностей, считать заявления Крутовского и Шатилова об отставке... не принятыми, до приезда Вл. М. Крутовского исполнение обязанностей министра внутренних дел возложить на министра без портфеля С. А. Кудрявцева».

Конечно, Временное Сибирское правительство в лице И. А. Михайлова и Административного совета, опираясь на военщину, имело реальную возможность разогнать СОД. Но в то же время еще продолжалось Государственное совещание, а пойти на прямую конфронтацию с ним в Омске не решались. Тем не менее события 21–22 сентября не могли не отразиться в Уфе. Как известно, Совещание проходило с 8 по 23 сентября. Делегатский корпус форума отличался тремя особенностями: преобладанием эсеров (более 100 из 142 участников), активной позицией националов¹⁶⁴ и лидирующим положением делегаций самарского Комуча и омского ВСП. «Споры, в сущности, шли между двумя реальными силами, — замечает Г. З. Иоффе, — с одной стороны Комучем, отстаивающим эсеровскую в значительной степени союзовозрожденческую точку зрения, и с другой — Временным Сибирским правительством, в целом выражавшим „концепцию“ „Национального центра“»¹⁶⁵. Нам представляется, что положение дел было несколько иным. Действительно, Комуч выражал позицию эсеров и до известной степени «Союза возрождения России» как коалиции социалистических партий и части кадетов¹⁶⁶. Но вот ВСП никак не могло отстаивать концепцию «Национального центра», поскольку среди его министров кадетов не было, а на Совещании сибиряки, как уже отмечалось выше, отстаивали собственную позицию.

Как известно, еще весной 1918 г. под нажимом союзников «Национальный центр» и СВР достигли соглашения об основных контурах будущей российской власти. Она должна была представлять триумvirат (директорию) с участием одного военного, одного кадета и одного социалиста. Персонально это выглядело следующим образом: М. В. Алексеев (В. Г. Болдырев — дублер), Н. И. Астров (В. А. Виноградов), Н. Д. Авксентьев (Н. В. Чайковский). Для сохранения преемственности власти Учредительное собра-

ние, избранное в конце 1917 г., должно было собраться на два-три заседания и, официально передав власть Директории, самораспуститься. После победы над коммунистами последняя обязана была созвать на новых основаниях новое собрание, «которое выскажется по поводу окончательного правительства России»¹⁶⁷.

На Совещании делегация ВСП при посредничестве С. С. Старынкевича добилась договоренности, согласившись на формирование эсеровской Директории, при условии, что она «сохраняет весь состав Сибирского правительства, хотя бы в виде Совета министров»¹⁶⁸. Но известие о происшедшем в Омске, как вспоминает Г. Е. Катанаев, «грозило распадом Совещания по вине сибиряков — явных реакционеров»¹⁶⁹. В этой обстановке эсеры и их союзники отвергли претензии ВСП. Ее делегации удалось только настоять на включении в Директорию П. В. Вологодского (В. В. Сапожникова).

22 сентября оформляется персональный состав Директории из пяти человек: Н. Д. Авксентьев, Н. И. Астров, В. Г. Болдырев, Н. В. Чайковский, П. В. Вологодский, а из-за отсутствия на месте Астрова, Чайковского, Вологодского она первоначально состояла из Н. Д. Авксентьева (председатель), В. М. Зеэнинова, В. А. Виноградова, В. Г. Болдырева и В. В. Сапожникова (после возвращения в Омск 18 октября П. В. Вологодский заменил его). По своим политическим симпатиям они распределились следующим образом: два эсера, один кадет, стоящий на позициях коалиции с правосоциалистическими партиями, один беспартийный, некогда входивший в ПСР, и один кадровый военный — член СВР¹⁷⁰. 23 сентября на заключительном заседании Совещания утверждается «Акт об образовании Всероссийской верховной власти». Одновременно присутствующие члены Директории — Авксентьев, Зеэнинов, Болдырев, Сапожников — дали торжественное обещание: «Мы, члены Временного Всероссийского правительства, избранные на Государственном совещании в городе Уфе, торжественно обещаем хранить верность народу и государству Российскому и выполнять наши обязанности в точном соответствии с принятым на Государственном совещании актом об образовании Верховной власти»¹⁷¹.

Таким образом, в отличие от достигнутого весной 1918 г. соглашения, реально формируется не трехчленная, а пятичленная Директория. Согласно принятому в Уфе «Акту об образовании

Всероссийской верховной власти» таковой объявлялась Директория, которая до созыва Учредительного собрания прежнего состава являлась «единственным носителем верховной власти на всем пространстве государства Российского». Далее определялись взаимоотношения этой власти и Учредительного собрания. Основные задачи Директории сводились к следующему: борьба за освобождение России от большевиков; воссоединение отторгнутых, отпавших и разрозненных областей России; непризнание Брестского мира, восстановление договорных отношений с державами согласия и продолжение войны против германской коалиции; воссоздание сильной, боеспособной, единой российской армии, поставленной вне политики; содействие развитию производительных сил страны, привлечение к производству частного капитала, русского и иностранного, и поощрению частной инициативы и предприимчивости; развитие рабочего законодательства на началах действительной охраны труда и регулирования условий найма и увольнения рабочих; отказ от хлебной монополии и твердых цен с сохранением нормировки распределения продуктов, имеющихся в недостаточном количестве; восстановление налогового аппарата и усиление прямого подоходного и косвенного обложения.

В «Акте» предусматривалась передача всех функций верховной власти, «отправляемых ввиду создавшихся условий областными правительствами», Директории, «как только она того потребует»¹⁷². Таким образом, итоги Совещания 8–23 сентября 1918 г. на практике реализовали эсеровскую (вернее, принадлежавшую СВР) идею коалиции и означали компромисс между эсерами и правыми. Казалось бы, правые в лице Административного совета потерпели полное поражение в борьбе за всероссийскую власть. Это впечатление усиливается после того, когда на основе телеграммы Рихтера командующий Чехословацким корпусом генерал Я. Сыровы отдал по телеграфу приказ арестовать виновников переворота. Поэтому утром 24 сентября начальник военного контроля в Омске полковник Зайчек принял меры к задержанию Грацианова и Михайлова. Первый был арестован, второго отыскать не удалось, поскольку в эти смутные дни он не ночевал дома¹⁷³. Как злорадно отмечал Якушев, «с утра в городе среди сторонников Административного совета началась паника. Большинство членов [его], опасаясь ареста, скрывались»¹⁷⁴.

Однако это была только видимость победы. Судьба ВСП решалась не в Уфе, а на Дальнем Востоке, где П. В. Вологодский вел переговоры о его признании. От мнения интервентов зависело все. Сообщая о результатах своих бесед с дипломатическими представителями союзных держав, председатель Совета министров 26 сентября отмечал, что они высказывались за ликвидацию дерберовского правительства и СОД с ее «однообразным социалистическим составом»¹⁷⁵. Ранее подобные пожелания выразил Дальневосточный комитет защиты Родины и Учредительного собрания, состоявший в основном из кадетов. На своем заседании 21 сентября его члены пришли к выводу, что «правительство Вологодского заслуживает иного отношения, чем дерберовское». При этом их не смутила связь Временного Сибирского правительства с Областной думой. «...Хотя это правительство и ссылается на избрание его Сибирской областной думой, — прозорливо заявляли правые, — состоящей из социалистов, без участия цензовых элементов, что лишает его авторитетности, но всеми своими действиями это правительство явно расходится с Областной думой, что делает его приемлемым и для несоциалистических элементов»¹⁷⁶.

Опираясь на поддержку интервентов, буржуазии и военных, П. В. Вологодский в телеграмме на имя И. А. Михайлова одобрил произведенные им и Административным советом действия, хотя порекомендовал произвести расследование в отношении поступков начальника Омского гарнизона¹⁷⁷. Следуя его пожеланиям, Административный совет 23 сентября рассмотрел вопрос об убийстве Новоселова и принуждении к отставке Шатилова и Крутовского. Было решено образовать следственную комиссию¹⁷⁸. Вопрос об аннулировании решения Совета в отношении отставки названных лиц даже не поднимался.

Тем временем в события вмешалась Директория. Выяснилось, что она приказа на арест Михайлова и Грацианова не давала. Чехи вступать в конфликт со вновь созданным правительством не стали. Грацианов был освобожден. 24 сентября ВВП пришлось начать свою государственную деятельность с разбирательства происшедшего в Омске. Директория приняла решение временно приостановить — впредь до создания соответствующих условий — заседания Областной думы, отставку Шатилова и Крутовского признать недействительной и «призвать всех наличных членов Временного

Сибирского правительства к спокойному выполнению своих обязанностей». В Омск «для выяснения виновности тех или иных лиц» направляется А. А. Аргунов. В тот же день он, по ходатайству Глосса, отдал приказ об освобождении арестованных в Томске членов президиума СОД¹⁷⁹. Эти решения завершили первый этап противоборства эсеров-думцев с Административным советом. Директория же пошла на компромисс, не желая нарушать шаткое равновесие, достигнутое на Государственном совещании.

Однако ее решения не могли удовлетворить эсеровские круги, тем более что А. Н. Гаттенбергер отказался освободить арестованных, сославшись на приказ командира Средне-Сибирского корпуса генерала А. Н. Пепеляева, и на основании указаний И. А. Михайлова планировал произвести новые аресты думцев¹⁸⁰. Новое наступление на Административный совет возглавил находившийся в Омске И. А. Якушев, к тому времени получивший постановление Думы от 22 сентября. Для контратаки он использовал решение Директории признать недействительной отставку Крутовского и Шатилова. Связавшись 25 сентября по прямому проводу с уполномоченным Чехословацкого национального комитета в Томске Глоссом, он попросил оказать содействие в вывозе опальных министров в Омск¹⁸¹. Одновременно с ним в конфликт включился Г. Б. Патушинский, который в пространной телеграмме Вологодскому опротестовал как незаконные все действия Административного совета и заявил, что он, Шатилов и Крутовский являются полномочными министрами¹⁸².

Откликнулась на призывы Якушева и не подававшая с 23 сентября признаков жизни Областная дума. 26 сентября созданный ею комитет направил в Омск делегацию с задачей добиваться от Директории отмены постановления о временной приостановке работы Думы, упразднения Административного совета, отставки Михайлова, восстановления в правах всех остальных министров, избранных ею в конце января 1918 г.¹⁸³

Когда комитет СОД выработывал инструкцию для делегации, резко изменил отношение к происходящему И. А. Якушев. Он посетил И. А. Михайлова и «изъявил полную готовность содействовать успокоению, убедить думцев безоговорочно подчиниться решению Адмсовета [по поводу] перерыва заседаний Думы»¹⁸⁴. На следующий день, 27 сентября, в разговоре с Глоссом председатель

СОД просил его содействовать в успокоении думцев, убеждая в том, что «они сумеют понять необходимость подчиняться постановлениям Всероссийского правительства»¹⁸⁵.

Однако приведенный в действие Якушевым маховик противодействия Административному совету еще некоторое время по инерции продолжал раскручиваться. И. И. Глосс и М. Б. Шатилов долго уговаривали по прямому проводу Вл. М. Крутовского вновь приехать в Омск¹⁸⁶. Последний 29 сентября отправился туда в вагоне генерала М. К. Дитерихса. Шатилов и Крутовский прибыли в Омск 1 октября¹⁸⁷. Но этот отзвук былого конфликта был быстро разрешен. Крутовскому была вручена телеграмма Вологодского, в которой последний «искренне мучился сознанием», что убедил его «принять вновь тяжкое бремя правительственной работы», но заявил, что «официально избранный заместителем Серебренников должен оставаться [на] этом посту и Вам, Шатилову и Михайлову временно неофициально уступить впредь до моего приезда и окончательного следствия»¹⁸⁸. Вл. М. Крутовскому вторично пришлось покинуть Омск, теперь уже навсегда. Вслед за ним «устраился» М. Б. Шатилов, а 27 сентября Г. Б. Патушинский телеграммой уведомил, что вновь считает себя находящимся в отставке и слагает с себя полномочия министра. Изменения не коснулись лишь И. А. Михайлова.

События последней декады сентября 1918 г. в Сибири явились, по мнению Г. З. Иоффе, «своего рода пробными шарами, пущенными договаривающимися в Уфе сторонами — эсерами-учредителями и кадетско-монархической белогвардейщиной. На первый взгляд казалось, что их столкновение закончилось „винчью“. Фактически же омская реакция одержала верх»¹⁸⁹. Директория, не имея вооруженных сил, государственного аппарата и не располагая поддержкой интервентов, пошла на поводу у Омска. А тем временем Вологодский договорился в Харбине о признании ВСП союзниками, уговорил подать в отставку министров ВПАС, ликвидировал кабинет генерала Хорвата, пообещав ему пост заместителя ВСП на Дальнем Востоке.

В этой обстановке предсмовина телеграммой от 28 сентября предложил всем местным органам власти «точно и твердо выполнять распоряжения Административного совета, не допускать на местах никакого ослабления власти, военным и гражданским

действовать согласованно». Кроме того, было приказано прервать работу СОД и не допускать частных собраний ее членов¹⁹⁰. Среди думцев царило уныние. «С каждым днем престиж президиума, его и самой Думы падает, — доносил А. Н. Гаттенбергер 2 октября, — а поэтому надеюсь, что без решительных мер она сама скоро распадется»¹⁹¹.

Отбив натиск сторонников СОД, И. А. Михайлов и Административный совет начали новую кампанию, направленную на утверждение Совета Директорией в качестве Кабинета министров Временного Всероссийского правительства, т. е. реализацию той задачи, которую омские деятели ставили на Государственном совещании в Уфе. Впервые контуры этой программы излагаются Михайловым в телеграмме Вологодскому, которую можно датировать концом сентября 1918 г. В ней предлагалось: «1. Сибирская Директория, ввиду выхода Вашего, Крутовского, Шатилова и Патушинского фактически не могущая осуществлять ее нынешние функции, упраздняется. 2. Административный совет преобразуется в Кабинет министров. 3. Возобновление занятий Сиб. обл. думы и ее комиссий не допускается»¹⁹². Получив одобрение Вологодского, 5 октября Михайлов в телеграмме на имя Авксентьева сообщает, что Административный совет перечисленные выше требования выдвигает в качестве основных условий передачи власти Директории и ликвидации ВСП¹⁹³. Начался новый этап наступления правых на мелкобуржуазно-соглашательскую Директорию. Тогда же вслед за возвращающимся с Дальнего Востока Вологодским в Омск потянулись эшелоны интервентов, с одним из которых 13 октября прибыл вице-адмирал А. В. Колчак.

Таким образом, события последней декады сентября 1918 г. с эпицентром в Омске были связаны с попытками «демократической» контрреволюции в лице эсеров и националистов, опиравшихся на Сибирскую областную думу, взять в свои руки руководящие посты во Временном Сибирском правительстве и остановить его сползание вправо. Однако поползновения мелкобуржуазных деятелей были успешно отбиты, и правая часть ВСП вышла из кризиса, значительно укрепив свои позиции. После сентября 1918 г. мелкобуржуазные круги во главе с эсерами практически прекратили выступать на политической арене с самостоятельной программой. Наглядно данное обстоятельство продемонстрировал

Первый Всесибирский съезд членов ПСР, проходивший в Томске с 25 сентября по 9 октября 1918 г. В резолюции по текущему моменту признавалось, что новая власть, созданная в Уфе, «не демократическая по своему составу и юридически безответственная», и тем не менее она может выполнить задачу возрождения истинного народовластия, «опираясь на широкие слои организованной демократии», которая «должна сплоченными усилиями влиять на политику власти, организуясь вокруг съезда членов Учредительного собрания и усиливая последнее готовностью действительно поддерживать и защищать его». В резолюции «О Сибирской областной думе и власти в Сибири» формулировалась утопичная в тех условиях идея сохранения за СОД всей полноты «верховой законодательной власти, исполнительная же власть должна быть вручена Думой Сибирскому Совету министров, избранному Думой и ответственному перед ней»¹⁹⁴. «Поддерживая идею автономии Сибири, — замечает по этому поводу А. В. Добровольский, — эсеры надеялись, что такая власть способна найти общий язык с центральной государственной властью, разграничить сферу деятельности на основе взаимного соглашения»¹⁹⁵.

События, имевшие место в сентябре 1918 г., и прежде всего Государственное совещание в Уфе, поездка П. В. Вологодского на Дальний Восток, принудительная отставка Вл. М. Крутовского и М. Б. Шатилова, убийство А. Е. Новоселова, свидетельствовали о кризисе «демократической» контрреволюции как блока мелкобуржуазных объединений и партий и о систематическом отступлении от отдельных положений «народоправства». Отчетливо данная тенденция проявилась, в частности, в национальном вопросе. Мы уже показали выше, что мелкобуржуазные деятели, активно сотрудничая с националистами, после свержения советской власти поддерживали и культурно-национальную, и национально-территориальную автономию различных этносов региона. Однако на Уфимском совещании по национальному вопросу было принято компромиссное решение. «За отдельными областями признавалось право широкой автономии, — отмечает В. А. Демидов, — но окончательное установление государственной организации на федеративных началах откладывалось до возобновления работ Учредительного собрания»¹⁹⁶. После устранения от дел М. Б. Шатилова Министерство туземных дел фактически прекратило существование.

Раскол произошел и в кооперативной среде. Как убедительно показал Б. В. Иванов, Закупсбыт, губернские потребительские союзы и кредитники «остались на своей старой позиции народоправства», другие, в лице большинства совета Всесибирских кооперативных съездов, маслоделов и руководства Всероссийского народного (кооперативного) банка, «окончательно примкнули к омскому „Союзу возрождения“ и отреклись от своих былых принципов и общего кооперативного единения»¹⁹⁷.

Омский кризис усугубил раскол среди областников. Их фракция в СОД несколько раз обсуждала текущие события, но из-за «различия в отношении к этому вопросу отдельных членов фракции» она «воздержалась от каких-либо публичных выступлений»¹⁹⁸. Но во второй половине октября в официозе ВСП — газете «Сибирский вестник» появилось заявление от фракции областников и беспартийных, подписанное Г. Н. Потаниным, А. В. Адриановым, В. М. Поповым, Н. Я. Новомбергским, в котором уже с учетом ситуации, сложившейся после омских событий, утверждалось, что «Сибирская областная дума должна была не оспаривать у Совета министров верховных прав и без шума сойти с политической сцены». Авторы обвинили Думу в том, что в результате ее действий на Уфимском Государственном совещании авторитет ВСП «оказался поколебленным и всероссийская власть была оформлена без закрепления за Временным Сибирским правительством преобладающего влияния»¹⁹⁹.

Это заявление было опротестовано рядом членов фракции — А. Д. Монетовым, И. Н. Эверестовым, А. Д. Романовым, П. С. Мраморновым, Б. П. Вейнбергом, И. Г. Гороховым, А. Ампиловым, заявившими, что фракция не уполномочивала высказывать от ее имени подобные суждения и не вырабатывала общей платформы по данному вопросу, так как большинство ее считало, «что такою должна быть судьба Думы в ее нынешнем (эсеровском. — М. Ш.) составе. Поэтому большинство фракции принимало самые энергичные шаги для пополнения представительства от крестьян, казачества и туземных племен — шаги, тормозившиеся фракцией эсеров при благосклонном содействии министра юстиции Г. Б. Патушинского»²⁰⁰. На основании этого формулировался вывод, что нельзя рассматривать деятельность СОД как преступную и противоправительственную, как на том настаивали авторы заявления.

Таким образом, определенная часть областников, группировавшаяся вокруг Г. Н. Потанина — А. В. Адрианова, в конфликте ВСП и Областной думы открыто встала на сторону правительства и высказалась за разгон Думы. Другая часть областников и поддерживавшие их беспартийные выразили свое отрицательное отношение к существующему (эсеровскому) составу СОД, но ратовали за ее сохранение и за «законодательную деятельность ее» в полном составе²⁰¹.

К началу октября 1918 г. военно-политическая обстановка на территории Сибири характеризовалась следующими особенностями. К середине сентября завершились боевые действия по свержению советской власти, были ликвидированы кабинеты П. Я. Дербера и Д. Л. Хорвата, и вся территория от Тихого океана до Урала управлялась Временным Сибирским правительством. В то же время на западе в результате контрнаступления Красной Армии вооруженные формирования «белых» вынуждены были отступать (10 сентября оставлена Казань, 7 октября — Самара, 7 ноября — Ижевск, 31 декабря — Уфа). Как ни парадоксально, но военные неудачи за Уралом объективно укрепляли положение ВСП, поскольку ослабляли и лишали территории конкурентов в лице Совета управляющих ведомствами Комуца, Башкирского и Уральского правительств. Наконец, Директория 6 октября бежала из Уфы в Омск. После удаления М. Б. Шатилова, Вл. М. Крутовского и Г. Б. Патушинского более однородным (преимущественно беспартийным) стало Временное Сибирское правительство, состоявшее из трех полномочных министров (П. В. Вологодский, И. А. Михайлов и И. И. Серебренников) и Административного совета.

На подведомственной ВСП территории к осени функционировала единообразная и жестко структурированная система управления, основными элементами которой стали управляющие (комиссары) губерний и уездов с соответствующим аппаратом. Правительство пыталось улучшить экономическую ситуацию путем эмиссии собственных денежных суррогатов, ликвидации бюджетного дефицита, реквизиций, принявших осенью 1918 г. тотальный характер²⁰². В налоговой сфере восстанавливалась система прямого (подходного) и косвенного (акцизы) налогообложения, причем последние приписали казне 60–70% доходов. Увеличивалась собираемость налогов. Так, поступления по поземельно-

му налогу выросли с 78 тыс. руб. в июле до 3 784 тыс. руб. в декабре, а доходы от акциза составили 1 868 тыс. руб. в июле и 7 276 тыс. руб. в декабре. Тем не менее сбор налогов не достиг дореволюционного уровня, и поступление поземельного налога в среднем составляло около 50% от ставок обложения, подоходного — 60–79%²⁰³. Необходимо указать на существенное отличие этой политики от «военного коммунизма»; тем не менее они имели одинаковый негативный результат. «В советской России запрет на торговлю коснулся прежде всего крестьянского хозяйства, — отмечает В. М. Рышков. — Омское правительство исключило его из сферы государственного регулирования... Ограничения и изъятия затронули главным образом оптовую торговлю. Учитывая, что основной товароборот шел через эту сферу, вряд ли можно говорить о широкой свободе торговой деятельности при омском режиме. Более того, меры государственного регулирования позволили ограничить перевозку товаров и даже реквизировать их. При таких условиях не могло нормально функционировать даже крестьянское хозяйство, так как основная часть его продукции сбывалась оптовикам, и, следовательно, сибирский крестьянин испытывал большое лимитирующее влияние государственного регулирования»²⁰⁴.

Существенные подвижки происходят в отношении к режиму основных социальных групп региона. Рабочие осенью 1918 г., как установила Н. В. Кладова, «уже не доверяли ни белым демократам, ни белым монархистам», хотя на первых порах, когда советская власть пала, они «попытались добиться защиты своих экономических интересов и от белых правительств, первоначально не слишком вникая в тонкости сути новых политических режимов. Но белые не нашли ничего более умного, как положить в основу своей рабочей политики призывы к трудящимся поступиться классовыми и экономическими интересами во имя будущей процветающей Сибири. В результате рабочие оказались в ситуации, когда ему и заработать не дают (увольнения в связи с сокращением перенатабельного производства и использование дармового труда военнопленных, переход от почасовой к сдельной оплате), и власть отказывается защищать его от работодателей, потому что главной своей задачей считает подъем производства». Частным подтверждением этого является свидетельство посла США в Японии

Р. Морриса. «Вся информация, которую мне удалось собрать, — доносил он из Харбина госсекретарю Р. Лансину 15 октября, — приводит к заключению, что в большинстве городов, лежащих на Транссибирской магистрали, все еще сохраняются сильные большевистские настроения, которые отражают не столько политические настроения, сколько недовольство в промышленной среде»²⁰⁵. Как следствие — усиление экономической борьбы. Осенью началась общесибирская забастовка железнодорожников, насильственно прерванная с использованием оружия (некоторые ее участники были расстреляны).

Противоречивой была ситуация в деревне. В конце августа, проанализировав решения 111 волостных и сельских сходов Западной Сибири, правительственные чиновники установили, что за Учредительное собрание высказалось лишь 33% сходов, а за мобилизацию — 21,6. В Томской губернии положительное отношение к ВСП высказали 70 из 110 обследованных волостей (63,6%), отрицательное — 15 (13,6%) и неопределенное — 25 (22,8%)²⁰⁶. Насторожено отнеслась значительная часть крестьянства к аграрной политике ВСП, негативно — к возобновлению взимания налогов. Анализируя ситуацию в этой области по Томскому уезду, Ю. Г. Лончаков констатирует: «Вплоть до поздней осени 1918 г. отмечается „очень слабая“ уплата недоимок и текущих налогов в целом ряде волостей уезда. В Новоалександровской волости из общего оклада в 10 000 руб. к середине сентября было уплачено лишь 500 руб., уездных и губернских сборов вообще не поступало, а государственных оброчных статей нет и в помине. В Ишимской волости из 13 селений к уплате приступили только три. Нередко отказ платить подати мотивировался ожиданием Учредительного собрания, несоответствием системы раскладки податей экономическому положению крестьянства»²⁰⁷. Крестьянство негативно реагировало на изъятие оружия и обмундирования, привезенного фронтовиками, на попытки прекратить самовольные порубки леса и т. д. Практически повсеместно селяне отстаивали свои интересы, пытаясь ограничить процесс уравнительного распределения земли пределами своего селения или волости, требовали вернуть отобранное во время землеустроительных работ до 1917 г., прекратить размещение переселенцев, а приехавших опрavelять обратно на родину. В более широком плане в крестьянском мировоззрении проявлялись черты патернализма

и иждивенчества. В 1917–1918 гг. «на государство крестьяне возлагали обязанность осуществлять мероприятия по мелиорации, снабжению сельского населения сельскохозяйственными машинами. Если же землевладелец производил эти работы за свой счет, государство должно было вознаградить его», — замечает В. М. Рынков²⁰⁸. Как конкретное проявление этой утопии процитируем часть постановления съезда русских крестьян Тувы (октябрь 1917 г.): «Все крестьянское население России в видах поднятия сельского хозяйства необходимыми сельскохозяйственными орудиями снабжается бесплатно за счет государства»²⁰⁹.

В конечном счете пассивное сопротивление деревни с осени 1918 г. переросло в ряде мест в активную вооруженную борьбу против власти. Роль детонатора сыграл призыв в Сибирскую армию лиц 1898–1899 гг. рождения, начавшийся 25 августа. Сама по себе данная акция показательна с точки зрения эффективности деятельности правительства и отношения к нему населения. Первоначально армия комплектовалась за счет добровольцев. Призыву подлежала 231 тыс. чел., реально под ружье поставлено 125 тыс. новобранцев. Однако для них имелось всего 50 тыс. винтовок, 80 тыс. полушубков, 40 тыс. шинелей и 15 тыс. пар сапог²¹⁰, т. е. вооруженные силы увеличивались за счет полувооруженного, полуодетого и практически разутого контингента. Таким образом, мобилизация не была подготовлена с точки зрения ресурсов. Она являлась несвоевременной и с точки зрения политической. «Сейчас еще рано начинать новые формирования, — замечал профессиональный военный, генерал А. П. Будберг, — ибо собранные — и собранные по принуждению — толпы крестьянской и городской молодежи, душевно больной и взъерошенной всеми революционными эмоциями и переживаниями, являются готовым и восприимчивым материалом для любой пропаганды и для выступления против власти. Вдохновители разных мобилизаций и наборов не учитывают совершенно настроения и обстановки и продолжают жить по старым указкам: приказать, тащить, заставить, экзекутировать, дыкнуть и т. п., забыв, что за этим не стоит уже ни старого авторитета, ни прежних средств для принуждения»²¹¹.

Призыв породил массовую неавку, дезертирство уже мобилизованных и открытые вооруженные выступления. С конца августа по

начало декабря «в четкой хронологической и географической последовательности, с запада на восток, по Сибири прокатилось 7 крупных крестьянских восстаний — Тюкалинское, Славгородское, Змеиногорское (Шемонаевское), Большемуртинское, Бийское, Чумайское (Маринское) и Минусинское». Эти выступления охватили 70 волостей в семи уездах Сибири. В них приняло участие свыше 35 тыс. человек. Все они были жестоко подавлены с использованием наиболее боеспособных воинских частей. Каратели уничтожили 5,5 тыс. чел., причем только десятая часть погибла в бою. Правительственные войска потеряли убитыми 700 солдат и офицеров²¹². В ночь на 1 ноября в Томске произошло первое в регионе городское восстание, в котором приняли участие политзаключенные и солдаты-новобранцы. Однако в ночном бою их разбили, а спустя сутки 128 участников выступления расстреляли²¹³.

В городах продолжалась чистка «от всех активных сторонников большевизма». В этой области сложилось «„разделение труда“, при котором репрессивные органы расправлялись с активными деятелями советской власти, а их прислужники во всех массовых отрядах интеллигенции выявляли сочувствующих Советам...»²¹⁴. В целом вторая половина 1918 г. характеризуется резким снижением активности в общественно-политической жизни, несмотря на постоянно декларируемый пропагандистским аппаратом ВСП тезис о восстановлении норм демократической жизни после освобождения региона от большевиков. Об интенсивности политического процесса в рассматриваемое время можно судить по количеству мероприятий (съездов, конференций, совещаний), проведенных организациями различных политических партий в 1917–1918 гг. По подсчетам Э. И. Черныяка, за 1917 — ноябрь 1918 г. в пределах Сибири состоялось 89 таких форумов, 63 — в 1917 и 26 — в 1918 г., причем до июня 13 и в июне — ноябре тоже 13. Во второй половине года происходит обвальное падение числа такого рода мероприятий: с пяти в июле до одного соответственно в октябре и ноябре²¹⁵. Фактически в эти месяцы заседали только кадеты, активность других политических партий (коммунистов, эсеров, меньшевиков) резко сокращается. Подобный же процесс наблюдается и у других общественных формирований и объединений (религиозных, национальных, кооперативных, земских, профсоюзных и т. д.). Так, в Алтайской губернии в 1917 г. состоялось 71 их мероприятие, в 1918 —

только 49, в том числе в июне — октябре — 14²¹⁶. Отмеченная тенденция связана не только с апатией большинства населения и переходом на нелегальное положение ряда партий, но и с утратой веры в возможность эффективного разрешения политического кризиса и стабилизации обстановки.

В этих условиях в октябре — первой половине ноября 1918 г. происходит завершение ликвидации элементов «народоуправства» и режима «демократической» контрреволюции, что было связано в основном с противоборством Директории (ВВП) и Временного Сибирского правительства.

Еще до прибытия Всероссийского правительства в Омск здесь с чрезвычайными полномочиями оказался А. А. Аргунов. Во встречах с представителями «государственно мыслящих организаций» — кооператорами, областниками и «Союзом возрождения» — он зафиксировал мнение, одобряющее действия Административного совета и рекомендации распустить СОД, принять отставку Крутовского, Патушинского и Шагилова²¹⁷. Не удалось доказать причастность полковника В. И. Волкова и войскового старшины А. Катанаева к убийству А. Е. Новоселова²¹⁸. Более того, попытка взять у Волкова показания сорвалась из-за его служебной командировки на Дальний Восток по приказу П. П. Иванова-Ринова²¹⁹. Расследование Аргунова зашло в тупик, и постановление Директории от 24 сентября по поводу омских событий не было реализовано.

Тем временем созданная в Уфе всероссийская власть начинает проявлять признаки активности. Определенное представление о ее деятельности дают протоколы заседаний Директории за период с 24 сентября по 5 ноября 1918 г. (хранящиеся в ГАНУ)²²⁰. Из воспоминаний В. Г. Болдырева известно, что ВВП после 5 ноября собиралось 7, 8 и 12 ноября²²¹. Проводились ли заседания позже, неизвестно. Таким образом, с 23 сентября по 18 ноября 1918 г. зафиксировано 37 заседаний Директории. Проходили они почти ежедневно. На первых четырех присутствовали Авксентьев, Зензинов, Сапожников и Болдырев. С 28 сентября к ним присоединился Виноградов, 19 октября Сапожникова сменил Вологодский.

На 31-м заседании было обсуждено 163 вопроса, половину из которых (84) можно уверенно отнести к второстепенным: заслушивали, принимали к сведению, благодарили за приветствия, удовлетворяли просьбы чиновного люда и беженцев о подъемных и

суточных. По докладу Вологодского телеграфировали в Иркутск французскому дипломату Ренье, пострадавшему в автомобильной аварии. Специальное решение принимается 28 сентября по докладу управляющего Самарской конторой Госбанка о золотом запасе России. Поскольку Красная Армия наступала, золото пришлось вывезти в Челябинск и разместить в подвалах элеватора.

Зачастую в таких «мелочах», как в зеркале, отражалась специфика сумбурной эпохи социальных катаклизмов. Так, 26 сентября обсуждалось ходатайство о помиловании 70-летней Матрены Полянской из Оренбурга, приговоренной к смертной казни атаманом Дутовым за укрывательство сына-красноармейца. Развернулась бурная дискуссия, поскольку Болдырев высказался против вмешательства ВВП в сферу судопроизводства. Возражая ему, Сапожников заметил, что право помилования как раз есть прерогатива верховной власти. В конечном счете решили запросить Дутова по существу дела. Зато без последствий 4 ноября отставляется ходатайство центрального бюро профсоюзов Тобольска об отмене смертной казни и приговора в отношении участников беспорядков в городе 18 октября.

Серьезное воздействие на работоспособность органа оказывали как внутренний микроклимат, так и внешние воздействия. Временный статус Сапожникова обусловил его фактическое бездействие, выступление только по вопросам образования, культуры, в основном в качестве ходатая по получению пособий. Сменивший его Вологодский также оказался «инородным телом», поскольку представлял и защищал интересы ВСП. Да и внутри четверки Авксентьев, Зензинов, Болдырев, Виноградов единодушия не было. «В сущности же мы являлись представителями и адвокатами посланных нас группировок, глубоко разноречивых и даже враждебных в своих политических и социальных устремлениях, при которых было трудно образовать определенное твердое большинство даже в нашей пятерке», — констатировал Болдырев²²². Противостояние шло между Авксентьевым и Болдыревым, а затем между ними и Вологодским. Определенное воздействие на функционирование ВВП оказывало эсеровское окружение, осуществлявшее формально технические функции, в лице членов Учредительного собрания А. Н. Кругликова (управляющий делами), Е. Ф. Роговского (руководитель охраны) и А. А. Аргунова.

Главной задачей органа являлось, вплоть до возобновления деятельности Учредительного собрания, осуществление функций верховной власти «на всем пространстве государства Российского», а также установление пределов компетенции региональных правительств. Для выполнения всего этого требовалось, во-первых, создать дееспособный аппарат управления и, во-вторых, решить вопрос о взаимоотношениях с существующими правительствами.

Впервые эти проблемы обсуждались 28 сентября в связи с вопросом о резиденции Директории. Авксентьев настаивал на том, чтобы штаб-квартира ни в коем случае не переносилась в Сибирь, предлагал Самару, Уфу, Екатеринбург, отдав предпочтение последнему. Его поддержал Зензинов, Болдырев отстаивал Уфу, Сапожников «определенно высказался за перенос столицы в Омск». В конечном счете было принято предложение председателя (л. 13). Тогда же, по докладу А. Н. Кругликова, была достигнута договоренность о формировании аппарата ВВП из местных сил, «не вызывая из Омска и Самары» (л. 16). Но на следующий день Авксентьев предложил формулировку откорректировать: «не вызывая его целиком из Самары или Омска» (л. 19).

В тот же день Авксентьев впервые сформулировал предложение о структуре органов государственного управления. Члены Директории, как носители суверенной власти, не должны возглавлять министерства. Для этой цели требовалось создать деловой Совет министров, именно Совет, а не солидарный кабинет в парламентарном значении (л. 18). Предложение было принято. 29 сентября Директория пришла к выводу о необходимости разграничения полномочий с областными правительствами, а 30 сентября состоялись первые назначения. Сапожникову поручалось сформировать Министерство народного просвещения, бывшему товарищу министра Комуча эсеру А. И. Башкирову был предложен пост министра продовольствия и снабжения. Одновременно предписывается «ведомству иностранных дел Комуча приготовиться вместе со всем его техническим аппаратом к переезду в место резиденции Временного Всероссийского правительства, не предвешая вопроса о дальнейшем использовании каждого из членов штата этого ведомства» (л. 23–24). 1 октября бывший руководитель «Совета управляющих ведомств» Е. Ф. Роговский назначается начальником Главного управления по делам милиции и охраны государ-

ственного порядка на правах управляющего министерством (л. 25). И так, первые назначения были в пользу Комуца.

Ситуация меняется 3 октября, когда вызванный в Уфу товарищ министра финансов Временного Сибирского правительства Н. Д. Буяновский назначается товарищем министра финансов ВВП и ему поручается его организация и временное управление. Тогда же Директория принимает еще одно решение: «Ввиду настоятельной необходимости в правительственном аппарате для немедленной работы по управлению и необходимости установления тесной связи с Востоком избрать временной резиденцией гор. Омск, с тем чтобы в ближайшем будущем перенести резиденцию в Европейскую Россию» (л. 28). Оно отменяло решение, принятое 28 сентября. Не должны вводить в заблуждение и рассуждения о «настоятельной необходимости в правительственном аппарате», о «необходимости установления тесной связи с Востоком». Истинная причина раскрывается в постановлении от 4 октября об эвакуации Самары. Под натиском Красной Армии верховная власть в тот же день выехала из Уфы в Челябинск. Правда, накануне отъезда произошло назначение еще одной группы комучевцев: Э. Э. Гревс стал членом совета Министерства иностранных дел, управляющим делами Госконтроля был назначен Г. А. Краснов, Министерства юстиции — С. С. Старынкевич, почт и телеграфов — Е. А. Цеслинский (л. 32).

5 октября в Челябинске Директория утвердила постановления о создании министерств, о главноуполномоченных и о взаимоотношениях органов центральных и областных управлений. Суть их сводилась к образованию при ВВП министерств: военного, иностранных дел, финансов, юстиции, путей сообщения, почт и телеграфов, госконтроля, вливанию в них соответствующих структур региональных правительств. В составе последних допускалось функционирование министерств: внутренних дел, снабжения и продовольствия, торговли и промышленности, труда, земледелия и народного просвещения. Одновременно они создавались и при Директории. Кроме того, при региональных правительствах учреждался институт главноуполномоченных ВВП, состоявших при МВД и наблюдавших, чтобы действия и решения на местах не противоречили законодательству и распоряжениям верховной власти. Таким образом, учреждалась двухуровневая система ис-

полнительных органов — федеральных (общегосударственных) и федерально-региональных.

По пути в Омск директора собирались еще дважды: 6 и 8 октября. Заслуживает упоминания доклад управляющего делами 8 октября о трениях между ВСП и Башкирским правительством, по поводу которого принимается следующее решение: «Признавая права башкирского и других малых населяющих Россию народов на национально-культурное самоопределение, вопрос о территориальной автономии оставить открытым до рассмотрения в соответствующих органах центрального Всероссийского управления и до издания Временным Всероссийским правительством надлежащих по сему вопросу законодательных актов» (л. 40). Кстати, еще 2 октября аналогичное постановление принимается в отношении Алаш-Орды (л. 26).

9 октября утром поезд с членами Директории прибывает в Омск. Сначала их на вокзале торжественно встретили И. А. Якушев, П. П. Иванов-Ринов и почетный караул с оркестром, посланный от чехов. Затем процедура повторилась в городе с молебном, почетным караулом от местного гарнизона и парадом. «Все шло чудесно. Официальная сторона — безупречна», — так суммировал свои впечатления Болдырев²²³, что опровергает заявление Г. Э. Иоффе, со ссылкой на очевидца, о прохладной встрече в сибирской столице²²⁴.

В Омске Директория оказалась в своеобразном положении. Характеризуя его, Л. А. Кроль замечал: «Тут совершенно открыто и свободно, как о чем-то нормальном, задавались вопросами: умно ли сделала Директория, перевезя на территорию Сибирского правительства золотой запас, ибо последнее теперь может вполне запас приспособить, а Директорию выбросить. А не использует ли Директория подчиненный верховному главнокомандующему Болдыреву чешский гарнизон, который, как известно, предлагает арестовать по первому приказу Директории Сибирское правительство, что он может выполнить вполне спокойно, ибо русский гарнизон слишком слаб, чтобы оказывать даже попытку сопротивления»²²⁵. Посетившие директоров многочисленные делегации («Союза возрождения России», кооператоров, народных социалистов, меньшевиков, кадетов и т. д.) в своих декларациях требовали: во-первых, сохранить ВСП; во-вторых, ликвидировать

Областную думу «как учреждение, выражающее партийные взгляды и настроения лишь определенной группы, а не всего населения обширной Сибири»²²⁶. Находившийся здесь с чрезвычайными полномочиями А. А. Аргунов признавал: «Директория не имела в Омске в левых кругах поддержки, а о правых уже говорить нечего»²²⁷.

В такой обстановке ВВП могло «при помощи чехов заставить Временное Сибирское правительство повиноваться». По крайней мере три мемуариста (Л. А. Кроль, И. М. Майский и Г. Е. Катанаев) считали вероятной такую возможность и отмечали готовность чехов помочь Директории расчистить «омское болото»²²⁸. Но использовать эту силу Авксентьев не решился. «Я не желаю иметь своих „латышей“», — говорил он, по свидетельству Л. А. Кроля, намекая на Ленина²²⁹.

На первом заседании в Омске 10 октября Виноградов сообщил о принятых Административным советом решениях: «...а) впредь до приезда П. В. Вологодского реконструкцию Сибирского административного аппарата не производить; б) предоставить его в целом в распоряжение Временного Всероссийского правительства и в) в случае желанья Временного Всероссийского правительства произвести изменения в личном составе высшей администрации Сибирского правительства принимать таковые по взаимному согласию между Всероссийским правительством и Административным советом» (л. 46). В свою очередь А. А. Аргунов довел до сведения директоров уже известную нам позицию ВСП о его будущности, изложенную ему И. И. Серебренниковым. Состоялся бурный обмен мнениями, в результате которого принимается постановление: «...а) указать Административному совету на избыточность и непререкаемость закона о взаимоотношениях между центральной властью и областными правительствами, в частности положений, говорящих об изъятии из компетенции областных правительств перечисленных в законе функций государственного управления; б) указать на намерение правительства использовать аппарат теперь же центральных ведомств; в) подтвердить сделанное название министров и г) впредь до точного разрешения компетенций центральной и областных властей при практическом осуществлении этих решений признать возможным учет мнений Административного совета» (л. 47).

11 октября Авксентьев встретился с Серебренниковым. Они договорились 12 октября провести частное совещание Директории и Административного совета для обсуждения ситуации. Вечером 11-го ВВП признает в качестве обязательного условия соглашения с сибиряками «переход в ведение Всероссийского правительства тех семи министерств (военного, иностранных дел, финансов, внутренних дел, путей сообщения, почт и телеграфов, госконтроля. — *М. Ш.*), которые перечисляются в постановлении 5 октября» (л. 47). На том же заседании Директория решила сохранить «на ближайшее время на территории Комуча Совет управляющих ведомств» (л. 47). Переехав из Самары в Уфу, Совет, по мнению его члена М. И. Веденяпина, оставался территорией, «где бы демократия могла хоть чуточку дышать полной грудью». Он использовался эсерами как источник финансирования партии, на эти цели было израсходовано 140 млн руб., причем не брезговали грабежами проходящих через город эшелонов. Совет управляющих ведомств был разогнан в ночь на 3 декабря частями генерала В. О. Каппеля²³⁰.

На этом же заседании перед директорами «всплыла» фигура Б. В. Савинкова. Бывший эсер, террорист и помощник А. Ф. Керенского планировался омскими «общественными кругами» на пост министра иностранных дел Всероссийского правительства. От настырного претендента избавились, поручив ему миссию в Западную Европу «с целью выяснения истинных намерений правительств союзных держав» (л. 48). Обычно скупая на представительские расходы Директория выделила Савинкову значительную сумму.

12 октября частное совещание завершилось соглашением: «1. все областные правительства, не исключая Сибирского, „временно“ упраздняются, а Сибирская областная дума распускается; 2. до приезда П. В. Вологодского Директория пользуется деловым аппаратом Административного совета, как он есть; 3. первый состав Совета министров Директория объявляет по соглашению между нею и Сибирским правительством; 4. председателя Совета министров назначает Директория из числа своих членов, в данный момент председателем назначается Вологодский, заместитель председателя выбирается самим Советом министров; 5. Директория декларирует обязательство — обеспечить Сибири областной представительный орган; 6. законодательные акты Си-

бирского правительства остаются в силе и могут быть изменены и отменены Директорией в общем законодательном порядке; 7. Директория при единстве российской армии сохраняет территориальный способ комплектования ее и, сверх обязательных, областные территориальные цвета (бело-зеленый для сибиряков)»²³¹.

13 октября Директория, во исполнение второго пункта соглашения, постановила²³²: «Впредь до образования Временным Всероссийским правительством центральных министерств: военного, иностранных дел, финансов, юстиции, путей сообщения, почт и телеграфов и государственного контроля — временное заведование неотложными делами у названных центральных министерств поручить под непосредственным руководством Временного Всероссийского правительства соответствующим министерствам Временного Сибирского правительства» (л. 49). Для того чтобы было ясно, что фраза «под непосредственным руководством Временного Всероссийского правительства» не есть пустой звук, на том же заседании распределяются министерства для курирования директорами. Авксентьеву поручается это делать в отношении МИД и МВД, Болдыреву — военного и МПС, Виноградову — торговли и промышленности, финансов, госконтроля, продовольствия и снабжения, юстиции; Зензинову — почт и телеграфов, земледелия, труда; Саложникову — народного просвещения (л. 50). Поскольку Авксентьеву и Виноградову контроль за МВД и министерством юстиции передавался временно, можно предположить, что постоянное заведование ими предполагалось поручить Вологодскому. Таким образом, ВСП взяло реванш за Уфимское Государственное совещание и добилось своего признания в качестве «делового кабинета» Директории.

18 октября в Омск с Дальнего Востока вернулся Вологодский, а на следующий день он сообщил директорам об успешном завершении своей миссии. Мимоходом, со ссылкой на знаменитого разоблачителя провокаторов В. Л. Бурцева, информировал о службе главы ВПАС П. Я. Дербера до 1917 г. в охранке. Правда, Вологодскому не удалось добиться дипломатического признания союзников, зато обещана военная и финансовая помощь (л. 61). Действительно, французский и английский дипломатические представители рекомендовали своим правительствам «немедленно предоста-

вить Омску аванс в 15 млн руб.». В то же время некоторые дипломаты достаточно пессимистически смотрели на ситуацию в Сибири. Например, генеральный консул США в Иркутске Гаррис 23 сентября информировал Госдепартамент: «Мобилизация в армию и продолжение войны не вызывают энтузиазма среди населения. Все заявления различных правительств, какова бы ни была их природа, воспринимаются с безразличием... Время уходит на мелкие политические махинации. Никакого быстрого понимания обстановки, никаких способностей, даже среди интеллигентных словес, чтобы определить образ действий, исходя из общероссийской точки зрения. Кругозор этих людей не выходит за пределы видимости с деревенской колокольни... Пока в этих правительствах не появилось ни одной сильной личности»²³³.

В то время когда Вологодский отчитывался о поездке на Дальний Восток, в Екатеринбург прибыл съезд членов Учредительного собрания, враждебно встреченный военными, а 18 октября Директория дает добро на размещение в Челябинске, Кургане и Петропавловске «чинов ведомства Кочуча, эвакуировавшихся из Самары» (л. 57). Эти события отнюдь не способствовали укреплению авторитета ВВП перед решающим раундом переговоров по поводу организации Совета министров.

22 октября на очередном заседании Вологодский и Михайлов от имени ВСП формулируют предложения по этому вопросу. В основном они повторили условия, выдвинутые на частном совещании 12 октября, лишь конкретизируя пункт 3-й следующим образом: «...составление Всероссийского Совета министров должно быть поручено П. В. Вологодскому, причем Временное Всероссийское правительство имеет право отвода кандидатов» (л. 69). Кроме того, Михайлов предложил: «Всероссийский Совет министров должен быть деловым, а не солидарным в парламентарном значении этого слова кабинетом» (л. 69). Его инициатива не встретила возражений. Принципиально новым на этом заседании явилось признание верховной властью права Вологодского на предложение кандидатур министров. В силу данного обстоятельства не обсуждался вопрос о персональном составе будущего кабинета, хотя Авксентьев огласил предложения Директории по этому поводу.

На следующий день, 23 октября, Вологодский был не готов огласить свои предложения, но присутствовавший на заседании

Серебренников сформулировал следующие предложения по структуре Совета министров: 1) Министерство туземных дел ВСП должно быть упразднено; 2) главные управления милиции, почт и телеграфов должны быть переданы в МВД; 3) Министерство продовольствия и снабжения следует разделить на два; 4) создаваемое по предложению ВВП Министерство исповеданий должно быть Министерством православного исповедания, а дела других конфессий передаются в МВД (л. 77–78). Авксентьев пытался возражать в том плане, что предлагаемые перестановки существенно перегружают МВД, но в конце концов проект был принят к сведению.

Дискуссия возникла по вопросу о процедуре роспуска Сибирской областной думы. Директория принципиально соглашалась с предложением ВСП, но считала необходимым собрать ее на одно-два заседания, дабы она самораспустилась. Вологодский и Серебренников возражали. Авксентьев указывает, «что Временное Всероссийское правительство окажется в ложном положении, если распустит Думу, т. е. сделает тот шаг, на который не отважилось Сибирское правительство» (л. 76). В конечном счете, по предложению Виноградова, тремя голосами против двух (Вологодский и Болдырев) принимается решение созвать Думу на один день для самороспуска. Оно дополняется оговоркой: известить об этом ВСП «для его суждений по данному вопросу» (л. 77). Данное обстоятельство позволило Болдыреву записать в дневнике: «Мексика среди снега и морозов»²³⁴.

Затем, 25 октября, Директория собралась для обсуждения второстепенных вопросов, после чего наступил перерыв до 30-го. В промежутке проходили частные совещания директоров с членами ВСП (25, 27, 28, 29 октября). При этом сибиряки отбросили в сторону дипломатический этикет и заговорили категорическим тоном. «Это вам не Башкурдистан!» — заявил управляющий Министерством земледелия и колонизации профессор Н. И. Петров и ударил кулаком по столу²³⁵. Ожесточенные споры раскололи Директорию. По свидетельству «Бюллетеня Омского отдела Союза возрождения России», в переговорах «Сибирского правительства и блока Директория имела довольно слабую защиту, ибо, если ген. Болдырев и проявлял необходимую твердость в отстаивании наших интересов, то П. В. Вологодский такой твердостью не отли-

чался, а гр. Виноградов, несмотря на то, что он был членом ЦК партии каде[тов], склонялся все время на сторону Авксентьева и Зензинова»²³⁶.

Дискуссия развернулась по отдельным кандидатурам, предложенным в состав Совета министров. Сибиряки отстаивали А. В. Колчака в качестве военного и морского министра, Б. В. Савинкова — министра иностранных дел, И. А. Михайлова — внутренних дел, Л. А. Устругова — путей сообщения, Г. К. Гинса — труда, Федосеева — финансов, Ермакова — юстиции. В свою очередь Авксентьев и Зензинов настаивали на создании Министерства полиции во главе с Е. Ф. Роговским²³⁷. Поскольку удалось решить вопрос с Савинковым, спровадив его с дипломатической миссией (что отмечалось выше), вместо него на дипломатическое ведомство был рекомендован приват-доцент Московского университета, советник российского посольства в Пекине Ю. В. Ключников. Сравнительно легко договорились сохранить за Л. И. Шумиловским и Г. К. Гинсом посты соответственно министра труда и управляющего делами Совета министров. Для министерства юстиции согласовывалась кандидатура С. С. Старынкевича.

В ходе обсуждения речь зашла об А. В. Колчаке. Поскольку в Омске адмирала практически никто не знал, дать ему характеристику взялся С. В. Востротин. Л. А. Кроль свидетельствует: «По словам Востротина, адмирал Колчак был далеко не тот, что раньше. Он стал человеком слишком часто меняющим решения, колеблющимся. Очень нервным... Вчера я виделся с адмиралом и нашел, что было бы не вредно дать ему еще трехмесячный отпуск... Определенно указывал на то, что в данный момент эта кандидатура мало подходяща»²³⁸. Но именно поэтому А. В. Колчак удовлетворил противоборствующие стороны, каждая из которых надеялась «шеретянуть» адмирала к себе.

Решительное возражение у большинства директоров вызвала кандидатура И. А. Михайлова. В свою очередь представители ВСП выступали против Е. Ф. Роговского. Практически вся последующая дискуссия шла вокруг этих кандидатур. 27 октября в ответ на заявление Вологодского о том, «что вопрос о кандидатуре Михайлова на пост министра внутренних дел под давлением местной „общественности“ считается безусловным», Авксентьев, Зензинов и Виноградов сообщили о выходе из ВВП. «Смущенный Воло-

годский заявил, что ему остается, видимо, одно — отказаться от миссии составления Совета министров»²³⁹. 29-го ситуация повторилась уже по поводу назначения Е. Ф. Роговского. Несмотря на согласие членов Директории понизить его статус до поста товарища министра внутренних дел, Вологодский решительно возражал против его появления в Совете министров в любом качестве²⁴⁰.

Тем временем политическая атмосфера в Омске накалялась. «Как к магниту, тянулись сюда со всех сторон, в том числе и из „народной армии“ Комуча, монархисты-офицеры, заполнявшие штабы Сибирской армии и многочисленных казачьих „партизанских“ отрядов (Красильникова, Аштенкова и др.). В ресторанах, клубах и кафе они устраивали пьяные оргии, во все горло распевая „Боже, царя храни“», — отмечает Г. З. Иоффе²⁴¹. Свообразным предупреждением Директории стало зверское убийство 24 октября члена Учредительного собрания, секретаря Уфимского Государственного совещания эсера Б. Н. Моисеенко, прибывшего в Омск вместе с отрядом Е. Ф. Роговского. «В общественных и военных кругах все больше и больше крепнет мысль о диктатуре», — так характеризовал обстановку в конце октября — начале ноября 1918 г. В. Г. Болдырев²⁴². Аналогичное впечатление складывается о ситуации в Сибири и по другую сторону баррикад — в Москве. Обозреватель «Известий ВЦИК» В. Керженцев 19 сентября констатирует: «Белогвардейцы ищут своего Буланже, своего Корнилова, они ищут „железного“ генерала, который, опираясь на армию, превратится из Бонапарта в Наполеона и заменит республику монархией»²⁴³. Необходимость диктатуры обуславливалась самой логикой гражданской войны, которая в условиях вооруженного противоборства требовала «централизации материальных, финансовых, военных и других ресурсов с помощью жесткого политического режима». И эта тенденция «встретила поддержку со стороны той части населения, которая материально и морально страдала от слабости власти и выступала за наведение „порядка“»²⁴⁴. Во-вторых, ставку на диктатуру сделали правые круги во главе с кадетами, недовольные достигнутым в Уфе соглашением. «Уфимская власть не тверда, ибо создана неавторитетным учреждением... и является компромиссом между государственными и антигосударственными элементами», — констатировала во второй декаде октября конференция Читинского отдела

ПНС. Еще резче ситуацию характеризовал на 2-й Всесибирской конференции ПНС 15 ноября В. Н. Пепеляев: «Государственные силы совершили ошибку, пойдя на компромисс... с антигосударственными элементами, завершившийся уступкой в пользу Учредительного собрания настоящего полубольшевистского состава»²⁴⁵. До переворота эти силы делают ставку на ВСП, всячески подерживая его действия и выступая против последних пережитков «народоправства», в частности Сибирской областной думы. «Мы считаем Думу после того, что случилось, — заявлялось в передовой статье красноярской кадетской „Свободной Сибири“, — заслуживающей роспуска, и необходимо положить конец назойливым приставаниям отставных политиков из сибирского Пошехонья»²⁴⁶. Смену обстановки отметили и эсеры. «Власть, наша сибирская власть окончательно оторвалась от масс, — вещал орган Сибкрайкома ПСР „Голос народа“. — ...Сибирский Совет министров, имевший в первые месяцы своего существования некоторую связь с населением через Областную думу, теперь распадается; Административный совет, фактически правящий страной, никем на это не уполномочен и держится за власть силою политического безвременья»²⁴⁷. Наконец, диктатура должна была преодолеть «сибиряческую» (областническую) составляющую Временного Сибирского правительства и сделать ставку на четко выраженную централистскую тенденцию, направленную на сохранение «единой и неделимой» России.

К идее диктатуры независимо друг от друга пришли разные люди. За ее установление высказались во время встречи во Владивостоке в середине сентября приехавший из Японии А. В. Колчак и генерал Р. Гайда. Причем оба на пост диктатора прочили военного. В частности, адмирал заявил: «Для диктатуры нужно прежде всего крупное военное имя, которому бы армия верила, которое она знала бы, и только в таких условиях это возможно. Диктатура есть военное управление, и она базируется в конце концов всецело на вооруженной силе»²⁴⁸. Не менее предметной была встреча того же Р. Гайды с В. Н. Пепеляевым 28 сентября в Маньчжурии, во время которой не только совпали взгляды собеседников на диктатуру, но и был поставлен вопрос о личности диктатора. «На это я сказал, — записал в дневнике Пепеляев, — что в Москве наметили ген. Алексева, но с ним нет никакой связи.

Между тем время идет. Колчак имелся в виду как второй кандидат. Его, возможно, поддержат»²⁴⁹. Комментируя эту беседу, И. Ф. Плотников делает вывод, «что у Гайды сложилось твердое намерение добиваться продвижения Колчака в диктаторы», но до прибытия последнего в Омск 13 октября принципиального решения об этом, в том числе интервентами, не принималось²⁵⁰.

В Омске Колчак оказался в эпицентре разговоров о необходимости диктатуры. Искали кандидатуру. Определенные намеки на сей счет были сделаны генералу В. Г. Болдыреву. Из военных на востоке России он был, пожалуй, наиболее авторитетным с точки зрения боевого опыта. На его фоне кандидатура Колчака выглядела достаточно бледно. Но Верховный главнокомандующий скомпрометировал себя в глазах правых и военных участием в Директории²⁵¹, высокомерием и скептическим отношением к порядкам в Омске. К тому же он не имел личного контакта с «полевыми командирами», руководителями соединений и объединений на фронте, поскольку с сентября занимался политической деятельностью. Поэтому 28 сентября генерал записывает в дневнике, что идея диктатуры, «вероятно, будет связана с Колчаком». 30 октября предположение подтвердил В. А. Виноградов, сообщивший Болдыреву, что военные круги и местные кадеты во главе с В. А. Жардецким «прочат Колчака диктатором»²⁵². Не сразу дал Колчак согласие на пост министра. В письме к Вологодскому от 31 октября он сообщает: «После разговора с председателем Временного Российского правительства я признал необходимым высказать г-ну Авксентьеву свое мнение о невозможности для меня принять должность военного министра при нынешней внутренней напряженной обстановке. Не считая возможным одному вести государственную работу по линии военного и морского министерств, я могу принять на себя исполнение ее в качестве временно управляющего военным и морским министерствами; причем самое положение допустить приказом Верховного главнокомандующего без включения меня в список лиц, вводящих меня в состав Совета министров, о чем прошу Вас довести до сведения и... Временного Российского правительства»²⁵³.

30 октября Директория обсуждала ситуацию на переговорах. Правда, перед этим ей пришлось фактически пойти на поклон ВСП,

поскольку Совет управляющих ведомствами Комуча обратился со слезной просьбой о финансовой дотации. Виноградову совместно с Михайловым поручается помочь самарцам (л. 86). Затем вновь начался ожесточенный спор вокруг кандидатур Михайлова и Роговского. Кандидатуру последнего сибиряки отвели из-за профессиональной непригодности. Аргумент более чем странный, если учесть, что по этой же причине можно было выразить недоверие практически всему составу ВСП. По крайней мере, Роговский имел опыт административной деятельности, ибо в 1917 г. при А. Ф. Керенском был градоначальником Петрограда, а в 1918 г. возглавлял Совет управляющих ведомствами. В конечном счете ВВП признало «совершенно необходимым ввести Е. Ф. Роговского в состав Министерства внутренних дел в качестве товарища министра, заведующего милицией». Что касается И. А. Михайлова, то здесь оно пошло на уступку, считая, что «в данное время, при создавшейся политической обстановке, включение Михайлова в состав Совета министров было бы нецелесообразно и политически вредно». Но в то же время вопрос о должности последнего было решено «не считать необходимым ставить ультимативно и лишь выразить в этом смысле пожелание с тем, чтобы мнение Временного Всероссийского правительства было учтено как Временным Сибирским правительством, так и самим И. А. Михайловым» (л. 89).

31 октября Директория обсуждала, казалось бы, далекий от проблемы формирования Совета министров вопрос о предполагаемой власти на Урале в связи с предстоящей ликвидацией здесь областного правительства. Уральцы в лице М. А. Кроля добивались принципиального согласия ВВП на создание регионального представительного органа и, в соответствии с постановлением верховной власти от 5 октября, назначения главного уполномоченного по Уралу. Вологодский категорически возражал, поскольку «этот вопрос не разрешен еще в отношении Сибири» (л. 94), хотя Директория еще 22 октября признала право региона на создание представительного органа. В итоге было принято постановление: «Временное Всероссийское правительство, исходя из своеобразия экономических особенностей горнозаводского Урала, считает необходимым внести в организацию управления Урала начала, соответствующие этим особенностям и принципиально признает возможность создания общеуральского предста-

вительного органа, объединяющего работу местного самоуправления» (л. 97).

Окончательно соглашение по поводу кандидатур Михайлова и Роговского достигается на частном совещании 1 ноября. ВВП вынуждено согласиться на включение первого в состав кабинета, правда, пока не оговорив его должность. В свою очередь ВСП дало согласие на назначение Роговского товарищем министра внутренних дел. Определенное воздействие на достижение компромисса оказали чехи. По данным Омского отдела СВР, их представители, «явившись к Вологодскому, заявили, что если не будет принят на пост министра полиции Роговский, то Авксентьев и Зензинов выйдут из Директории, а в этом случае чехословаки покинут фронт»²⁵⁴.

На основании достигнутого соглашения 2 ноября Директория принимает решение об упразднении Уральского правительства и Совета управляющих ведомствами Комуца, дает санкцию на образование комиссии по выработке положения о выборах в сибирский представительный орган, утверждает обращение ВВП ко всем областным правительствам и ко всем гражданам государства Российского по поводу ликвидации областных правительств и утверждения Всероссийского Совета министров. Наконец, обсуждаются указы о назначении председателя Совета министров, министров и управляющих ведомствами, но консенсус по ряду кандидатур не был достигнут, и тогда проекты решено было отредактировать (л. 102). Тем не менее, считая вопрос окончательно решенным, 3 ноября ВСП в лице оставшихся министров П. В. Вологодского, И. И. Серебrenникова и И. А. Михайлова и управляющего делами Г. К. Гинса принимает декларацию «О передаче верховной власти на территории Сибири Временному Всероссийскому правительству»²⁵⁵.

4 ноября согласовываются последние детали постановления. Именно тогда окончательно «утрачивается» состав Совета министров. Из телеграммы помощника управляющего Г. В. Бутова в Томск А. В. Адрианову от 5 ноября можно понять, что 4 ноября было согласовано назначение товарищами министров торговли и промышленности Н. Н. Щукина, внутренних дел А. Н. Гаттенбергера и министра финансов И. А. Михайлова²⁵⁶. Директория утвердила постановление об упразднении Административного совета, указ о

составе Всероссийского Совета министров и постановление о нем. В тот же день директора торжественно открыли первое заседание Совета министров.

Его персональный состав выглядел следующим образом: председатель П. В. Вологодский; заместитель председателя В. А. Виноградов; министр военный и морской А. В. Колчак; исправляющий должность товарища министра иностранных дел Ю. В. Ключников, на него же временно возлагались функции управления министерством, товарищ министра иностранных дел В. Э. Гревс, исправляющий должность министра иностранных дел В. Г. Жуковский; управляющий МВД А. Н. Гаттенбергер, товарищи министра А. А. Грацианов, Н. Я. Новомбергский, П. Ф. Каропачинский, Е. Ф. Роговский (он же — начальник департамента милиции); министр снабжения И. И. Серебrenников, товарищ министра И. А. Молодых; министр финансов И. А. Михайлов, товарищ министра Н. Д. Буяновский; министр продовольствия Н. С. Зефирин, товарищ министра И. Г. Знаменский, Н. В. Дмитриев; министр юстиции С. С. Старынкевич, товарищ министра А. П. Морозов; министр путей сообщения Л. А. Устругов, товарищи министра Г. М. Степаненко, А. М. Ларионов; министр просвещения В. В. Сапожников, товарищ министра Г. К. Гинс; министр земледелия Н. И. Петров, товарищ министра Н. П. Огановский, А. М. Ярмош, В. В. Барышевец; министр труда Л. И. Шумиловский, товарищ министра С. М. Третьяк; товарищ министра торговли и промышленности Н. Н. Щукин (он же — управляющий министерством); государственный контролер Г. А. Краснов; начальник Главного управления почт и телеграфов Е. А. Цеслинский, его помощник В. М. Миронов; управляющий делами Совета министров Г. Г. Тельберг²⁵⁷.

Мы не располагаем исчерпывающими сведениями обо всех членах Кабинета, но имеющийся материал позволяет сделать некоторые выводы. Прежде всего, ВСП удалось навязать свою структуру высшего органа исполнительной власти. Ликвидируется Министерство туземных дел, а его фактический руководитель Н. Я. Ношомбергский становится товарищем министра внутренних дел. Так и не было создано Министерство исповеданий, а МВД превратилось в своеобразного монстра (судя по количеству заместителей), сосредоточив в своих руках местное управление, контрразведку, милицию, конфессиональные и национальные вопросы.

В состав Всероссийского Совета министров (ВСМ) вошли все члены ВСП, включая почти полностью Административный совет, кроме М. П. Головачева и П. П. Гудкова. Утвердив состав Кабинета, Директория тем самым вынуждена была отменить собственное постановление от 24 сентября и санкционировать де-факто отставку Вл. М. Крутовского, Г. Б. Патушинского и М. Б. Шатилова. Таким образом, ядро нового правительства составили члены ВСП. К ним необходимо добавить лиц, прибывших вместе с Вологодским с Дальнего Востока, — Ю. В. Ключникова, Л. А. Устругова и ряд сибиряков, не членов ВСП — А. Н. Гаттенбергера, С. М. Третьяка, В. В. Барышевцева и др. Можно согласиться с заявлениями эсеров и Л. А. Кроля о том, что Директория возвела Временное Сибирское правительство в ранг всероссийского²⁵⁸.

С точки зрения партийной принадлежности, людей с четко выраженной политической ориентацией в нем было мало: кадеты Виноградов, Барышевцев, Тельберг; эсеры Роговский, Каропачинский, Огановский; меньшевик Шумиловский. Симптоматично, что ряд министров до 1917 г., в 1917–1918 гг. примыкали к областникам (Гаттенбергер, Серебренников, Гинс, Буяновский, Новомбергский, Молодых, Вологодский). Высокой была доля профессоров (Новомбергский, Сапожников, Гинс, Петров, Тельберг, Михайлов) и приват-доцентов (Ключников, Огановский), т. е. каждый четвертый. В такой же пропорции в правительстве оказались представлены юристы (Новомбергский, Гинс, Тельберг, Вологодский, Виноградов, Старынкевич, Грацианов, Морозов, Гаттенбергер). Квалифицируя итоги происшедшего, В. Н. Пепеляев, прибывший в Омск в это время, констатировал: «Если бы Сиб. правит. не признало Директории и само стало бы Всероссийским правительством — даже это было бы одобрено. Сиб. правит. избрало несколько иной путь. Заняли место Всероссийского Совета м-ров. Мы считаем, что этим оно в значительной степени ослабило ошибку Уф. совещания. Мы готовы сказать, что Совет м[инистров] заслуживает поддержки, но нам нужно предварительно узнать его точку зрения на ряд вопросов, как Обл. дума»²⁵⁹.

Ее судьба, как мы знаем, была принципиально решена Директорией 23 октября. Предварительно ее членов уговаривали дать гарантии «остаться в намеченных пределах»²⁶⁰. «Долго упрямылись социал-демократы, — замечает В. Н. Пепеляев, — но и те

обещали, если понадобится, сидеть для кворума и молчать»²⁶¹. 10 ноября 1918 г. состоялось последнее заседание Сибирской областной думы. Прибывший на него Н. Д. Авксентьев сделал депутатам «определенное предложение»: «Обстоятельства требуют немедленной передачи полноты всей власти единому сильному правительству, желающему помочь нашей растерзанной родине. Пусть Сибирская областная дума, проникнутая порывом самопожертвования, подобно созидателю России Петру, скажет: „Ибо обо мне ведайте, что мне жизнь недорого, лишь была бы счастлива Россия“, Россия свободная, федеративная и справедливая». В подобном же духе глава Директории еще долго уговаривал думцев самораспуститься²⁶². Речь прерывалась овациями и возгласами: «Да здравствует Всероссийское правительство, да здравствует Авксентьев!» Выступавшие после него от фракции эсеров Е. Е. Колосов, И. Г. Гольдберг и националист С. Д. Майнагашев поддержали призыв к самопожертвованию. Причем последний сказал: «Пришла революция, и туземцам казалось, что блеснула заря: центральные органы правления далеко, и туземцы в автономном управлении Сибири надеялись выйти из угнетенного положения. Больше того, они уже мыслили о возможности автономии национальностей. Но вот новый поворот в революции: самороспуск автономных управлений. Нужно временно понести еще одну жертву, и представители национальностей будут, хотя и с тяжким чувством, голосовать за самороспуск»²⁶³. 66 голосами, при 12 воздержавшихся и одном «против» (бундовец И. Л. Магун), Дума принимает решение о самороспуске²⁶⁴. Затем СОД формирует комиссию по подготовке положения о выборах в Сибирское Учредительное собрание. После этого Авксентьев произнес еще одну речь «по поводу проявленной Сиб. обл. думой жертвенности, мудрости и согласованности действий с Временным Всероссийским правительством» и зачитал указ о роспуске Думы²⁶⁵.

Сибирская областная дума, на которую ВСП посягало в августе и сентябре 1918 г., ликвидируется с помощью эсеров, меньшевиков и националистов. Оценивая данное событие, И. М. Майский заметил, что, согласившись на ликвидацию СОД, Директория «тем самым выбивала у себя из-под ног одну из довольно крупных по тогдашнему масштабу „демократических“ опор, что означало дальнейшее ослабление позиций самой Директории», а А. А. Аргу-

нов сравнивал данную акцию по политическим последствиям с ликвидацией Комуца²⁶⁶.

Казалось бы, директора должны были торжествовать. Они добились ликвидации региональных правительств, создали работоспособный Совет министров. Именно так оценивал ситуацию В. Г. Болдырев: «Это была крупная победа, достигнутая исключительно авторитетом правительства, и большое нравственное удовлетворение»²⁶⁷. По инерции ВВП пыталось, как казалось его членам, заниматься государственными делами. Но по сути дела оно оказалось отстраненным от них, превратившись в декоративный орган, который своими действиями объективно укреплял позиции Совета министров.

Показательно в этом отношении заседание Директории 5 ноября. Выяснилось, что Г. К. Гинс не подготовил Положение о выборах в сибирский представительный орган и тем самым не выполнил решение ВВП от 2 ноября. Затем Директории пришлось проглотить горькую пилюлю в виде телеграммы Уральского торгово-промышленного союза, отвергавшего необходимость создания на Урале представительного органа и призывавшего «уничтожить областнические тенденции на Урале и подчинить все военное и гражданское управление одному лицу» (л. 121).

Далее Директория поставила на место Совет управляющих ведомств, который телеграммой настаивал на необходимости продолжения своей деятельности, «пока не улучшится военная обстановка». По этому поводу принимается решение: «Ввиду упразднения всех областных правительств признать решение Совета управляющих ведомств недопустимым» (л. 122). Наконец, уже в новом качестве Вологодский докладывал от Совета министров о делах, требующих разрешения директоров. Прежде всего, он сообщил о смертном приговоре, вынесенном в Красноярске чехословацким военно-полевым судом в отношении российского подданного. Второй вопрос касался уже упоминавшегося случая с восстановлением двуглавого орла на памятнике адмиралу Г. И. Невельскому (л. 123). Таким образом, ВСМ не собирался делиться с Директорией властными функциями, отводя ей чисто декоративную роль.

7 ноября ВВП в последний раз собралось в полном составе, а 8-го Авксентьев с Аргуновым выехали в Томск уговаривать Си-

бирскую областную думу самораспуститься. После их возвращения В. Г. Болдырев 15 ноября выехал на фронт, и события 18 ноября застали его в Уфе. Тем временем подготовка военного переворота вступает в заключительную стадию. 9 ноября в Омске организуется Восточный отдел ЦК кадетской партии. В состав его президиума вошли: В. Н. Пепеляев (председатель), В. А. Жардецкий, А. А. Клафтон (зам. председателя). 15–18 ноября здесь же состоялась конференция ПНС, в которой участвовали делегаты от Омска, Казани, Самары, Иркутска, Челябинска, Уфы. 17 ноября она по докладу Пепеляева подавляющим большинством голосов (41 против 1) приняла тезисы — курс на военную диктатуру, осуждение результатов Уфимского Государственного совещания, противопоставление Совета министров Директории и поддержка кабинета Вологодского²⁶⁸.

Практическую подготовку переворота, судя по письму А. Д. Сыромятникова И. А. Михайлову от 14 апреля 1919 г., возглавили И. А. Михайлов, В. Н. Пепеляев и офицер штаба Сибирской армии полковник А. Д. Сыромятников²⁶⁹. В частности, они уговорили начальника Омского гарнизона полковника В. И. Волкова арестовать эсеровских членов Директории. Последний согласился, выставив четыре условия: «1) заверение видных политических деятелей в сочувствии общественных групп предстоящему перевороту; 2) участие в перевороте его организаторов; 3) ручательство за союзников в том, что они не будут принимать контрмер при перевороте и 4) производство Волкова в генералы»²⁷⁰. Такие гарантии были даны В. Н. Пепеляевым и И. А. Михайловым. Однако подготовка шла столь быстрыми темпами, что не все удалось учесть. Когда 18 ноября на заседании Совета министров обсуждался вопрос о кандидатуре А. В. Колчака на пост Верховного правителя, выяснилось, что из министров близко адмирала никто не знал, и дать ему подробную характеристику никто не смог²⁷¹.

Непосредственно перед переворотом Колчаку устраивается поездка на фронт для встречи с чехами и рядом влиятельных полевых командиров (А. Н. Пепеляев и В. В. Голицын). Из бесед с ними и Р. Гайдой он «вынес впечатление, что армия относится отрицательно к Директории, по крайней мере в лице тех начальников, с которыми я говорил»²⁷². 12 ноября адмирал дает интервью, текст которого моментально по телеграфу распространяется по

всей Сибири и Уралу. Показательно, что в нем выводился приоритет национального над партийным. Вернувшись в Омск 17 ноября, Колчак буквально подвергся нашествию военных (генерал А. И. Андогский, полковники Д. А. Лебедев, В. И. Волков, войсковые старшины А. В. Катанаев, И. Н. Красильников и др.), «которые говорили определенно, что Директории осталось недолго жить и что необходимо создание единой власти, когда я спрашивал о форме этой единой власти и кого предлагают на это место выдвинуть для того, чтобы была единая власть, мне указывали прямо: „Вы должны это сделать“. Я сказал: „Я не могу взять на себя эту обязанность просто потому, что у меня нет в руках армии и вооруженной силы“»²⁷³. Впоследствии на допросах в Иркутске уже бывший Верховный правитель отрицал непосредственное участие в заговоре, но, с другой стороны, не принял мер к предупреждению и пресечению переворота, хотя в тот же вечер 17-го встречался с Н. Д. Авксентьевым. Можно согласиться с мнением И. Ф. Плотникова: «По взглядам на необходимую систему власти как военную диктатуру он в принципе одобрял переворот, который произошел бы при наименьших издержках, бескровно»²⁷⁴.

В ночь на 18 ноября сводным отрядом А. В. Катанаева и И. Н. Красильникова по приказу В. И. Волкова были арестованы Н. Д. Авксентьев, В. М. Зензинов, Е. Ф. Роговский и А. А. Аргунов. «У меня создалось впечатление, что весь этот офицерский переворот произошел с ведома, а может быть, и под руководством некоторых членов Совета министров», — записал в дневнике П. В. Вологодский²⁷⁵. На состоявшемся 18 ноября заседании Всероссийского Совета министров В. А. Виноградов заявил о выходе из Директории, и тогда принимается решение об учреждении поста Верховного правителя, о производстве Колчака в адмиралы и о передаче ему «ввиду тяжкого положения государства» временного осуществления верховной власти. «Если бы он (Совет министров. — М. Ш.), — утверждал И. И. Серебренников, — принял какое-то иное решение, он был бы немедленно разогнан теми силами, которые в ночь на 18 ноября совершили переворот»²⁷⁶. Характерно, что вначале заседание, по выражению В. И. Пепеляева, «не кленлось и могло все лопнуть. Михайлов попросил перерыва и подготовил за него министров. Все пошло гладко»²⁷⁷. «Любопытно, — замечает еще один участник рассматриваемых событий Г. К. Гинс, — что из состава

Совета министров против диктатуры возражал только Шумиловский (из правительства, кстати, не ушедший. — М. Ш.). Все министры, ставленники Директории, оказались сторонниками единовластия»²⁷⁸.

Вступив в должность, А. В. Колчак объявил себя Верховным главнокомандующим и освободил от этой должности генерала В. Г. Болдырева. Вскоре последнего и арестованных членов Директории, снабдив значительными денежными суммами, выслали за границу. 18 ноября во все концы Сибири было передано сообщение о том, что «вследствие чрезвычайных событий, прервавших деятельность Временного Всероссийского правительства, Совет министров, с согласия наличных членов Временного Всероссийского правительства, постановил принять на себя полноту верховной государственной власти». Далее: «Совет министров постановил передать временно осуществление верховной государственной власти адмиралу Колчаку, присвоив ему наименование Верховного правителя». В свою очередь А. В. Колчак также обратился к населению с воззванием, написанным В. И. Пепеляевым, генералом А. И. Андогским и полковником Д. А. Лебедевым. В нем говорилось о распаде ВВП и передаче ему верховной власти. Диктатор декларировал: «Главной своей целью ставлю создание боеспособной армии, победу над большевиками и установление законности и правопорядка, дабы народ мог беспристрастно избрать себе образ правления, который он пожелает, и осуществить великие идеи свободы, ныне провозглашенные по всему миру»²⁷⁹.

Пожалуй, исчерпывающую характеристику происшедшего по горячим следам дали арестованные Н. Д. Авксентьев, В. М. Зензинов, Е. Ф. Роговский и А. А. Аргунов, которые в своем заявлении констатировали: «Переворот совершен не населением, которое молчало, а кучкой людей, давно жестко спаянной, договорившейся между собой... Имена главных деятелей у всех на устах, численность и название их организаций всем известны. Это немногочисленные правокадетские и торгово-промышленные круги в тесном контакте с монархическими и офицерскими кружками и с частью бывшего Сибирского правительства, превращенного волею Директории во Всероссийский Совет министров, которое с самых первых шагов Директории в Омске оказывало упорное сопротивление в ее стремлении к осуществлению суверенных прав, несмотря на свое торже-

ственное обещание о всемерном, не за страх, а за совесть, поддержании этой созданной в Уфе конституционной власти»²⁸⁰.

Буржуазные круги с восторгом встретили известие о перевороте, рассматривая его как окончательное устранение от власти эсеров. «Второй враг российской государственности — партия социалистов-революционеров потерпела решительное поражение в своей новой попытке править Россией по рецепту г. Чернова», — ликовал А. Кренский в «Сибирской речи»²⁸¹. Как и следовало ожидать, переворот не встретил противодействия со стороны эсеров. «К вечеру для меня стало ясно, — вспоминал И. М. Майский, — что со стороны партийных эсеровских и меньшевистских группировок переворот не встретил никакого действительного отпора. В лучшем случае дело ограничится чисто словесными протестами»²⁸². Против военной диктатуры открыто выступил «Съезд членов Учредительного собрания» в Уфе, который обратился с воззванием «Ко всем народам России»: «17 ноября в Омске кучка заговорщиков арестовала членов Всероссийского Временного правительства Авксентьева, Зензинова, Аргунова, — говорилось в нем. — Часть министров во главе с членом правительства Вологодским нарушила торжественное обязательство, подписанное им самим, захватила власть и объявила себя Всероссийским правительством, назначив диктатором адмирала Колчака. Съезд членов Всероссийского Учредительного собрания берет на себя бразды борьбы с преступными захватчиками власти»²⁸³. Однако предпринять какие-либо меры созданный «Съездом» комитет во главе с В. М. Черновым не смог, поскольку в тот же день был арестован офицерами в Екатеринбурге. Сам «Съезд» так же бесславно прекратил существование.

Таким образом, проделанный нами анализ позволяет утверждать, что создание Временного Всероссийского правительства (Директории) явилось попыткой практической реализации эсеровской идеи «коалиции всех главных сил» страны (по признанию Н. Д. Авксентьева, В. М. Зензинова, Е. Ф. Роговского и А. А. Аргунова)²⁸⁴. Все случившееся затем происходило не по их сценарию, а в силу стечения целого ряда обстоятельств. Выполнив свою централизующую роль и ликвидировав местные правительства, коалиция к зиме 1918 г. исчерпала себя, и ей на смену пришла военная диктатура, установленная с помощью интервентов. «Я считаю, —

доносил в Госдепартамент консул США во Владивостоке Д. Колдуэлл 21 ноября, — что данная перемена (переворот 18 ноября. — М. Ш.) вызвана страхом перед социалистическими элементами, которые контролировали Директорию, и стала возможной, главным образом, благодаря присутствию иностранных войск в Сибири, которые не допустили вооруженного противодействия со стороны оппозиции»²⁸⁵.

В целом же боевые действия по свержению советской власти в Сибири продолжались до конца августа 1918 г. Существенную роль в ее ликвидации сыграли следующие факторы: во-первых, попытки руководства Центросибири и ряда Советов заключить перемирие с чехами; во-вторых, недооценка региональными коммунистическими лидерами масштабов катастрофы, по-прежнему большие надежды они возлагали на Москву; в-третьих, определенное значение имела утрата доверия к ним со стороны рабочих ряда городов Сибири.

В условиях массовых репрессий в подполье уходят коммунисты, левые эсеры и анархисты. Поддержали антисоветский переворот, хотя и не вошли в руководящие органы «демократической» контрреволюции, меньшевики. Ставшие «правящей» партией эсеры призывали к поддержке Временного Сибирского правительства, ответственного перед Сибирской областной думой. Вышедшие из подполья кадеты выступали за поддержку ВСП, но отказывались признавать Областную думу в качестве регионального представительного органа.

Первого июня в Новоиколаевске оформляется Западно-Сибирский комиссариат в составе эсеров П. Я. Михайлова, Б. Д. Маркова, М. Я. Линдберга и В. О. Сидорова как временная «высшая местная власть в Западной Сибири». С момента своего самопровозглашения ЗСК оказался в водовороте политических страстей. Наступление на «народовластие» возглавили буржуазно-областные круги, выдвинувшие лозунг «полного единения всех выдающихся сил, без отношения к тому, к какой партии они принадлежат и какому богу молятся».

30 июня 1918 г. председатель СОД И. А. Якушев в Омске осуществил передачу власти от ЗСК наличным министрам Временного правительства автономной Сибири П. В. Вологодскому, Вл. М. Крутовскому, И. А. Михайлову, Г. Б. Патушинскому, М. Б. Шати-

лову. 27 июля к ним присоединился И. И. Серебренников. Они образовали коллегиальный орган — Совет министров как своеобразную Директорию. Кроме того, в состав созданного таким путем Временного Сибирского правительства вошел Административный совет как коллегия, управляющая министерствами.

В исследованиях утвердилась однозначная оценка факта передачи власти как явного поражения эсеров и укрепления позиций правых. Но это взгляд в перспективу, исходя из последующих событий 1918 г. С точки зрения политической и правовой, ЗСК передавал власть части министров правительства, избранного эсеровской Думой и состоявшего в основном из эсеров. Данная акция должна была придать легитимность государственному образованию и снять обвинения насчет его узкопартийного состава.

Несмотря на сильное давление справа, ВСП решилось на открытие сессии СОД 15 августа 1918 г. Эсеры пытались использовать ее для давления на правительство. В самой Думе оформились две группировки. Эсеры, меньшевики и националисты объединяются под лозунгом создания временной всероссийской власти под руководством первых. Фракция областников и беспартийных настаивает на организации власти «не по признакам партийности, а по признакам дееспособности, персонального авторитета, проникновения идеями патриотизма». Создание этой всероссийской власти предполагалось поручить ВСП. В этой обстановке правительство Вологодского принимает решение о приостановке заседаний Думы до 10 сентября для пополнения ее состава. В целом же в конце августа — начале сентября происходит дальнейшая консолидация двух крупнейших отрядов сибирской контрреволюции — буржуазного и мелкобуржуазного. Правые берут курс на установление военной диктатуры.

Эсеры, объединившиеся вокруг Сибирской областной думы, пытаются подчинить ей ВСП. Разразившийся по их инициативе в последней декаде сентября 1918 г. политический кризис с эпицентром в Омске закончился поражением эсеров, а ВСП начало борьбу за свое утверждение Директорией в качестве Всероссийского Совета министров. После этого мелкобуржуазные круги практически сошли с политической арены.

В октябре — первой половине ноября 1918 г. происходит завершение ликвидации элементов «народоправства», сопровожда-

емое противоборством Директории и Временного Сибирского правительства. Борьба закончилась провозглашением последнего в качестве Всероссийского Совета министров и самороспуском Сибирской областной думы. Одновременно правыми ведется интенсивная подготовка к перевороту, завершившаяся 18 ноября его проведением.

Следовательно, период «демократической» контрреволюции продолжался в Сибири до 18 ноября 1918 г. В течение июня — ноября у власти здесь находились представители мелкобуржуазного блока (эсеры, меньшевики, народные социалисты, националисты, областники, кооператоры, земцы и др.), придерживавшиеся лозунгов «народоправства». Выразителями интересов этого блока являлись Западно-Сибирский комиссариат и Временное Сибирское правительство, мелкобуржуазные по своему составу.

Мелкобуржуазная контрреволюция постепенно эволюционировала вправо к союзу с кадетами. Этапами этой эволюции стали ликвидация преобладания эсеров в составе руководящих органов при передаче власти ЗСК Временному Сибирскому правительству, фактический разрыв ВСП с формально породившей его Сибирской областной думой путем вывода из своего состава ее сторонников Вл. М. Крутовского, Г. Б. Патушинского и М. Б. Шатилова, банкротство попытки эсеров подчинить своему влиянию ВСП на Уфимском Государственном совещании и в дальнейшем (сентябрь — октябрь 1918 г.). Под давлением правых в сентябре произошел развал мелкобуржуазного блока. На сторону кадетов перешли кооператоры, националисты, гораздо ранее это сделала часть областников во главе с Г. Н. Потаниным. Вокруг них объединилась мелкобуржуазная и буржуазная интеллигенция, составляющая большинство ВСП и Всероссийского Совета министров. В конечном счете она обеспечила переход от «демократической» контрреволюции к военной диктатуре А. В. Колчака.

ПРИМЕЧАНИЯ

§ 1. ТРИУМФАЛЬНОЕ ШЕСТВИЕ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ И ОФОРМЛЕНИЕ АНТИБОЛЬШЕВИСТСКОГО ПОДПОЛЬЯ В РЕГИОНЕ (ЯНВАРЬ — МАЙ 1918 г.)

- ¹ Познанский В. С. Из истории партийного строительства в Западной Сибири в 1918 г.: (Первая Западно-Сибирская конференция РКП(б)) // Партийные организации Сибири и Дальнего Востока в период Октябрьской революции и гражданской войны (1917–1922 гг.). Новосибирск, 1978. С. 68.
- ² Очерки истории Красноярской краевой организации КПСС. 2-е изд. Красноярск, 1982. С. 176; Жуков Ю. В. Сельские большевистские организации Сибири // Вопросы истории партийных организаций Сибири. Красноярск, 1973. Вып. 1. С. 78–79; Иванцова Н. Ф. Западносибирское крестьянство в 1917 — первой половине 1918 г. М., 1993. С. 87.
- ³ Иванцова Н. Ф. Указ. соч. С. 178.
- ⁴ Большевики Западной Сибири в борьбе за социалистическую революцию (март 1917 — май 1918 г.): Сб. док. и мат-лов. Новосибирск, 1957. С. 323.
- ⁵ Съезды, конф. и совещания... в Иркутской губ. С. 140.
- ⁶ Власть труда. (Иркутск.) 1918. 7 марта.
- ⁷ Познанский В. С. Указ. соч. С. 80.
- ⁸ Власть труда. 1918. 22, 26 февр., 1 марта.
- ⁹ В. И. Ленин. Известные документы 1891–1922. М., 1999. С. 277.
- ¹⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 118.
- ¹¹ Агалаков В. Т. Советы Сибири (1917–1918 гг.). Новосибирск, 1978. С. 114.
- ¹² Бондаренко А. А. Левые эсеры Сибири в годы Октябрьской революции и гражданской войны (1917–1920 гг.). Дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1982. С. 81.
- ¹³ Бондаренко А. А. Первая сибирская конференция социалистов-революционеров // Актуальные вопросы истории Сибири: Науч. чтения памяти проф. А. П. Бородавкина. Барнаул, 1998. С. 209.
- ¹⁴ ЦХИДНИКК. Ф. 64. Оп. 10. Д. 99. Л. 1.
- ¹⁵ Черняк Э. И. Эсеровские организации в Сибири в 1917 — начале 1918 г. Томск, 1987. С. 59; Добровольский А. В. Социалис-

ты-революционеры Сибири в конце 1917 — начале 1920 г. Новосибирск, 1999. С. 33.

- ¹⁶ Добровольский А. В. Указ. соч. С. 24, 33; ЦХИДНИКК. Ф. 64. Оп. 10. Д. 96. Л. 12.
- ¹⁷ Косых Е. Н. Периодическая печать Сибири (март 1917 — ноябрь 1918 г.). Томск, 1994. С. 219–226.
- ¹⁸ Добровольский А. В. Указ. соч. С. 22–31.
- ¹⁹ Черняк Э. И. Политические партии в Сибири (март 1917 — ноябрь 1918 г.). Томск, 1993. С. 140; Добровольский А. В. Указ. соч. С. 35–36.
- ²⁰ Власть труда. 1918. 23 февр. (выступление Солдатова); Черняк Э. И. Политические партии... С. 123 (резолуция совещания эсеров Томской губ. 14 января 1918 г.).
- ²¹ Черняк Э. И. Политические партии... С. 133, 136.
- ²² Цит. по: Добровольский А. В. Указ. соч. С. 22.
- ²³ Путь народа. (Томск.) 1918. 3 янв.
- ²⁴ Сиб. вестник. 1918. 13 янв.; Власть труда. 1918. 23 февр.
- ²⁵ Черняк Э. И. Политические партии... С. 141–142.
- ²⁶ Иванцова Н. Ф. Указ. соч. С. 180.
- ²⁷ Наша мысль. (Томск.) 1918. 15 июля.
- ²⁸ Ларьков Н. С. Начало гражданской войны в Сибири: Армия и борьба за власть. Томск, 1995. С. 36–39, 218, 223; Он же. Сибирский Октябрь и маргиналы // Из истории революций в России (первая четверть XX в.). Томск, 1996. Вып. 1. С. 173–174.
- ²⁹ Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.). СПб., 1999. Т. 2. С. 229.
- ³⁰ Биографические данные взяты: Вибе П. П., Михеев А. П., Пугачева Н. М. Омский историко-краеведческий словарь. М., 1999.
- ³¹ Труды Общества изучения Сибири и улучшения ее быта. СПб., 1910. Вып. 4. С. 20, 59–71; Плотников И. Ф. Александр Васильевич Колчак: Жизнь и деятельность. Ростов н/Д, 1998. С. 49–50.
- ³² Сибирь. (Иркутск.) 1907. 6 июля; Русская речь. (Новониколаевск.) 1918. 8 окт.; Шиловский М. В. Вологодский Петр Васильевич // История «белой» Сибири в лицах: Биографический справочник. СПб., 1996. С. 7–8.
- ³³ Миронов Б. Н. Указ. соч. С. 321.
- ³⁴ ГАРФ. Ф. 176. Оп. 2. Д. 115. Л. 34.

- ³⁵ Дэлет М. А. Петроглифы Енисея. М., 1996. С. 208–211.
- ³⁶ Письма политических ссыльных в Восточной Сибири. Иркутск, 1978. С. 233–234, 237.
- ³⁷ Цит. по: Шиловский М. В. Последний премьер-министр Сибири // Сиб. старина. 1996. № 11. С. 19.
- ³⁸ Цит. по: Безродный К. Э. В. А. Жардецкий. «По чувству долга, но без радости надежд» // Гражданские войны: Политические кризисы. Внутренние конфликты. История и современность. Омск, 1998. С. 93–94.
- ³⁹ Красильников С. А. На изломах социальной структуры: Маргиналы в послереволюционном российском обществе (1917 — конец 1930-х годов): Учеб. пособие. Новосибирск, 1998. С. 4.
- ⁴⁰ Ларьков Н. С. Начало гражданской войны в Сибири. С. 39.
- ⁴¹ Будберг А. П. Дневник белогвардейца // Дневник белогвардейца. Новосибирск, 1991. С. 254; Шиловский М. В. Специфика политического участия сибирского крестьянства в социальных катаклизмах начала XX в. // Социокультурное развитие Сибири XVIII–XX вв.: Бахрушинские чтения 1996. Новосибирск, 1998. С. 66–67.
- ⁴² Шиловский М. В. История старейшего университета Сибири в лицах // Вопросы истории Сибири XX века. Новосибирск, 1999. С. 155.
- ⁴³ Красильников С. А. Указ. соч. С. 4.
- ⁴⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 385.
- ⁴⁵ Из истории земли Томской 1917–1921. Народ и власть: Сб. док. и мат-лов. Томск, 1997. С. 59.
- ⁴⁶ Там же. С. 61.
- ⁴⁷ Будберг А. П. Указ. соч. С. 217; Атаман Семенов. О себе: Воспоминания, мысли и выводы. М., 1999. С. 106.
- ⁴⁸ Будберг А. П. Указ. соч. С. 222.
- ⁴⁹ Алтайский сборник. Барнаул, 1995. Вып. 16. С. 197, 199.
- ⁵⁰ Военно-истор. журн. 1991. № 3. С. 71.
- ⁵¹ Плотников И. Ф. Указ. соч. С. 212.
- ⁵² Шуклецов В. Т. Сибиряки в борьбе за власть Советов. Новосибирск, 1981. С. 139.
- ⁵³ Зазубрин В. Несезженными дорогами // Сиб. огни. 1926. № 3. С. 194.
- ⁵⁴ Будберг А. П. Указ. соч. С. 108.

- ⁵⁵ Цит. по: Карabanов В. Г. Маккавеевская Голгофа: Застенок глазами очевидцев. Чита, 1993. С. 22.
- ⁵⁶ Будберг А. П. Указ. соч. С. 239.
- ⁵⁷ Антипина Н. Город Карасук. Новосибирск, 1994. С. 23.
- ⁵⁸ Даже в советской историографии 70-х гг. данная акция квалифицировалась как переворот. См.: Агалаков В. Т. Советы Забайкалья в 1917–1918 гг. // 50 лет освобождения Забайкалья от белогвардейцев и иностранных интервентов: Мат-лы науч. конф. Чита, 1972. С. 178.
- ⁵⁹ Шуклецов В. Т. Указ. соч. С. 61–62.
- ⁶⁰ Там же. С. 63.
- ⁶¹ Шувалов Г. Д. Первые Советы (воспоминания) // За власть Советов. Кемерово, 1957. С. 37–43.
- ⁶² Зыкова В. Г. Развитие представлений о власти на съездах, конференциях и совещаниях Восточной Сибири в 1917–1918 гг. // Из истории Сибири. Томск, 1998. С. 140–141.
- ⁶³ Съезды, конф. и совещания... в Иркутской губ. С. 152.
- ⁶⁴ Агалаков В. Т. Советы Сибири. С. 173.
- ⁶⁵ Агалаков В. Т. Советизация сибирской деревни в конце 1917 — первой половине 1918 г. // Общественно-политическая жизнь советской сибирской деревни. Новосибирск, 1974. С. 11.
- ⁶⁶ Зыкова В. Г. Советы и земство в сибирской деревне в период установления Советской власти // Проблемы истории революционного движения и борьбы за власть Советов в Сибири (1905–1920 гг.). Томск, 1982. С. 183–184; Суверов В. М. Деятельность партийных организаций Сибири по укреплению союза рабочего класса с крестьянством (октябрь 1917 — 1925 гг.). Томск, 1985. С. 71; Шишкин В. И. Сибирская деревня накануне и в период Октября: дискуссионные проблемы // Изв. СО АН СССР. 1987. № 16. Вып. 3. С. 10–16.
- ⁶⁷ Иванцова Н. Ф. Указ. соч. С. 344; Ларьков Н. С. Указ. соч. С. 140.
- ⁶⁸ Иванцова Н. Ф. Указ. соч. С. 185.
- ⁶⁹ Агалаков В. Т. Слом старого государственного аппарата в Сибири в конце 1917 — первой половине 1918 г. // Сиб. истор. сборник. Иркутск, 1975. Вып. 3. С. 172.
- ⁷⁰ Иванцова Н. Ф. Указ. соч. С. 187; В. Г. Зыкова в Енисейской, Алтайской, Томской (без Тогурского уезда) губ., Курганском, Туринском, Ялуторовском уездах Тобольской губ., Балаганском

- и Нижнеудинском уездах Иркутской губ. и Омском уезде установила 36 волостей, или 5% к общему количеству (755), где не были созданы волостные Советы. См.: *Зыкова В. Г.* Образование Советов в сибирской деревне в конце 1917 — первой половине 1918 г. // *Сибиряки в борьбе за власть Советов, за защиту социалистического Отечества: Тезисы Всесоюз. науч. конф. Новосибирск, 1990. С. 27.*
- ⁷¹ *Борьба за власть Советов в Иркутской губернии. Иркутск, 1957. С. 200.*
- ⁷² *Организация самоуправления в Тобольской губернии (вторая половина XIX — начало XX в.): Сб. док. и мат-лов. Тюмень, 1995. С. 300; Добровольский А. В. Указ. соч. С. 20.*
- ⁷³ *Организация самоуправления в Тобольской губернии. С. 345.*
- ⁷⁴ *Барнаульская городская дума 1877–1996: Сб. док. Барнаул, 1999. С. 216–217.*
- ⁷⁵ *Рогачев А. Г.* Альтернативы российской модернизации: сибирский аспект. Красноярск, 1997. С. 146.
- ⁷⁶ *Маньковский В.* В огне революционных бурь // *Сиб. старина. 1997. № 12. С. 36.*
- ⁷⁷ *Рогачев А. Г.* Указ. соч. С. 147.
- ⁷⁸ *Ларьков Н. С.* Указ. соч. С. 61, 67.
- ⁷⁹ *Дубровский К. В.* Большевики и Советы Тувы в годы революции, гражданской войны и интервенции // *Борьба большевиков Сибири за народные массы в годы революции и гражданской войны. Красноярск, 1983. С. 26.*
- ⁸⁰ *Большевики Западной Сибири... С. 318.*
- ⁸¹ *Ларьков Н. С.* Указ. соч. С. 86, 99; *Шуклецов В. Т.* Указ. соч. С. 81.
- ⁸² *Власть труда. 1918. 10 апр.*
- ⁸³ *Ларьков Н. С.* Указ. соч. С. 104.
- ⁸⁴ *Бударин М. Е.* Были о чекистах. Омск, 1976. С. 28–29; *Зинкин В. К.* Деятельность первых органов ЧК Западной Сибири накануне белогвардейского переворота // *История «белой» Сибири: Тезисы Второй науч. конф. Кемерово, 1997. С. 130–131.*
- ⁸⁵ *Зинкин В. К.* Указ. соч. С. 131; *Из истории земли Томской. С. 57, 58; Они боролись за власть Советов. Новосибирск, 1988. С. 143; Томская область: Истор. очерк. Томск, 1994. С. 258, 261.*
- ⁸⁶ *Косых Е. Н.* Октябрьская революция и сибирская буржуазно-кадетская печать 1917 года // *Из истории Сибири. Томск, 1998. С. 146.*

- ⁸⁷ *Большевики Западной Сибири... С. 254.*
- ⁸⁸ *Земская газета. (Томск.) 1918. 17 февр.*
- ⁸⁹ *Иванцова Н. Ф.* Указ. соч. С. 226.
- ⁹⁰ *Борьба за власть Советов в Тобольской (Тюменской) губернии (1917–1920 гг.). Свердловск, 1967. С. 187, 188.*
- ⁹¹ *Шуклецов В. Т.* Указ. соч. С. 73; *Иванцова Н. Ф.* Указ. соч. С. 230.
- ⁹² *Иванцова Н. Ф.* Указ. соч. С. 231.
- ⁹³ *Шуклецов В. Т.* Указ. соч. С. 74.
- ⁹⁴ *Ильиных В. А., Ноздрин Г. А.* Очерки истории сибирской деревни. Новосибирск, 1995. С. 150–151; *Килеев В. М.* Касьминские чалдоны: Быт и культура русских старожилов Касьминской волости. Кемерово, 1997. С. 141–142.
- ⁹⁵ *Иванцова Н. Ф.* Указ. соч. С. 231.
- ⁹⁶ *Победа Великого Октября в Сибири. Томск, 1987. Ч. 2. С. 277; Большевики Западной Сибири... С. 319; Томская область: Истор. очерк. С. 255.*
- ⁹⁷ *Из истории земли Томской. С. 39.*
- ⁹⁸ *Грукин Г. В.* Социалистические преобразования в Забайкалье весной и летом 1918 года // *50 лет освобождения Забайкалья... С. 189.*
- ⁹⁹ *Съезды, конф. и совещания... в Иркутской губ. С. 126; Съезды, конф. и совещания... в Тобольской губ. С. 173.*
- ¹⁰⁰ *Агалаков В. Т.* Проблемы организации Советов Сибири после победы Октября // *Партийные организации Сибири и Дальнего Востока в период Октябрьской революции и гражданской войны (1917–1922 гг.). Новосибирск, 1978. С. 61; Демидов В. А.* Тактика большевиков Центросибири по отношению к буржуазно-националистическим организациям // *Большевики Сибири в трех революциях. Новосибирск, 1981. С. 126; Курас Л. В., Базаров Б. В.* У истоков бурятской государственности // *Сибирь: XX век. Кемерово, 1999. Вып. 2. С. 13.*
- ¹⁰¹ *Национальное движение в Бурятии в 1917–1919 гг.: Док. и мат-лы. Улан-Удэ, 1994. С. 136.*
- ¹⁰² *Демидов В. А.* Крах Каракорума // *Классы и политические партии в Октябрьской революции и гражданской войне в Сибири. Новосибирск, 1991. С. 125–127, 130; Он же.* От Каракорума к автономии. Новосибирск, 1996. С. 43–46; *Пахасов С. Я.* Штрихи к политической биографии Г. И. Чорос-Гуркина // *Возвращение*

- щение: Сб. докл. и сообщ. науч.-практ. конф. «Чорос-Гуркин и современность». Горно-Алтайск, 1993. С. 130.
- ¹⁰³ *Иванцова Н. Ф.* Роль Каракорум-Алтайской управы в решении вопроса государственного-национального строительства и аграрных преобразований в Горном Алтае в начале 1918 г. // Горный Алтай и Россия. 240 лет. Горно-Алтайск, 1996. С. 109.
- ¹⁰⁴ Победа Великого Октября в Сибири. Ч. 2. С. 233–234.
- ¹⁰⁵ Съезды, конф. и совещания... в Акимолинской обл. Ч. 2. С. 160; Съезды, конф. и совещания... в Енисейской губ. С. 171; Съезды, конф. и совещания... в Иркутской губ. С. 99.
- ¹⁰⁶ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 36. С. 366.
- ¹⁰⁷ *Шишкин В. И.* Москва — Сибирь: история взаимоотношений (1917–1930 гг.) // История Сибири: человек, общество, государство. Новосибирск, 1995. С. 51.
- ¹⁰⁸ *Агалаков В. Т.* Центросибирь // Тр. Томск. гос. ун-та. Томск, 1969. Т. 214. С. 142.
- ¹⁰⁹ ГАЧО. Ф. 4307. Оп. 2. Д. 835. Л. 148–149.
- ¹¹⁰ Власть труда. 1918. 20 апр.
- ¹¹¹ Съезды, конф. и совещания... в Акимолинской обл. Ч. 2. С. 182; Из истории земли Томской. С. 36.
- ¹¹² *Дробченко В. А.* Профессиональное движение в общественно-политической жизни Сибири (март 1917 — май 1918 г.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1999. С. 20.
- ¹¹³ Знамя революции. (Томск.) 1918. 28 янв.
- ¹¹⁴ Знамя революции. 1918. 14 февр.; Сиб. жизнь. 1918. 14 янв.
- ¹¹⁵ *Познанский В. С.* Очерки истории вооруженной борьбы Советов Сибири с контрреволюцией в 1917–1918 гг. Новосибирск, 1978. С. 62.
- ¹¹⁶ Знамя революции. 1918. 26 янв.
- ¹¹⁷ *Ларьков Н. С.* Указ. соч. С. 109.
- ¹¹⁸ Знамя революции. 1918. 25 янв., 15 февр.; *Светачев М. И.* Интервенты и сибирская контрреволюция (ноябрь 1917 — ноябрь 1918 г.) // Вопросы истории Дальнего Востока. Хабаровск, 1973. Вып. 3. С. 16.
- ¹¹⁹ Знамя революции. 1918. 27 февр.
- ¹²⁰ Здесь и далее, кроме оговоренных случаев, вся информация о СОД в январе 1918 г. взята из нашей публикации. См.: *Шиловский М. В.* Сибирский представительный орган: от замыслов к

- драматическому финалу (январь — ноябрь 1918 г.) // Сибирь в период гражданской войны: Учеб. пособие. Кемерово, 1995. С. 6–9.
- ¹²¹ Знамя революции. 1918. 27 янв.; Новая Сибирь. (Иркутск.) 1918. 17 февр.
- ¹²² *Адрианов А. В.* Сибирская областная дума // Сиб. жизнь. 1918. 27 янв.
- ¹²³ Вольная Сибирь. (Петроград.) 1918. 3 марта.
- ¹²⁴ *Плотникова М. Е.* Роль Временного Сибирского правительства в подготовке контрреволюционного колчаковского переворота в Сибири // Тр. Томск. гос. ун-та. 1964. Т. 167. С. 55; *Гармиза В. В.* Крушение эсеровских правительств. М., 1970. С. 72.
- ¹²⁵ Красный архив. 1928. № 4. С. 98.
- ¹²⁶ Сибирский вестник Бунда. (Томск.) 1918. № 2. С. 2; Сиб. жизнь. 1918. 27 янв.; ГАКК. Ф. 865. Оп. 1. Д. 1. Л. 72.
- ¹²⁷ Сиб. записки. 1918. № 4. С. 81–82.
- ¹²⁸ ГАИО. Ф. 609. Оп. 1. Д. 9. Л. 41.
- ¹²⁹ *Парфенов П. С.* Гражданская война в Сибири 1918–1920. М., 1925. С. 22.
- ¹³⁰ Подготовка и начало интервенции на Дальнем Востоке России (октябрь 1917 — октябрь 1918 г.): Док. и мат-лы. Владивосток, 1997. С. 142, 143.
- ¹³¹ Трудовая Сибирь. (Омск.) 1919. № 1. С. 3.
- ¹³² ГАНО. Ф. Д-51. Оп. 1. Д. 274. Л. 35. Характерно, что буквально накануне переворота на заседании правления 25 мая И. А. Михайлов делал доклад об общем положении (Там же. Л. 48).
- ¹³³ Красный архив. 1928. № 4. С. 126.
- ¹³⁴ Знамя революции. 1918. 12 мая.
- ¹³⁵ *Думова Н. Г.* Великий Октябрь и крах кадетской партии // Истор. записки. 1977. Т. 100. С. 126.
- ¹³⁶ Знамя революции. 1918. 19 мая.
- ¹³⁷ *Мелихов Г. В.* Российская эмиграция в Китае (1917–1924 гг.). М., 1997. С. 23.
- ¹³⁸ Атаман Семенов. О себе. С. 126.
- ¹³⁹ Там же. С. 132; *Мелихов Г. В.* Указ. соч. С. 29.
- ¹⁴⁰ Власть труда. 1918. 10 апр.
- ¹⁴¹ ГАЧО. Ф. 4307. Оп. 2. Д. 847. Л. 6.
- ¹⁴² *Мелихов Г. В.* Указ. соч. С. 31.

- ¹⁴³ Будберг А. П. Указ. соч. С. 185.
- ¹⁴⁴ Цит. по: Ларьков Н. С. Указ. соч. С. 122.
- ¹⁴⁵ Белоусов Г. М. Эсеровское вооруженное подполье в Сибири (1918) // Сиб. истор. сборник. Иркутск, 1974. Вып. 2. С. 133; Атаман Семенов. О себе. С. 166–167.
- ¹⁴⁶ ГАРФ. Ф. 176. Оп. 13. Д. 24. Л. 8.
- ¹⁴⁷ Белоусов Г. М. Указ. соч. С. 138; Крутовский Вл. М. Переворот в Сибири и организация Врем. Сибир. правительства // Свободная Сибирь. (Красноярск.) 1918. 7 сент.; Сазонов А. Годовщина: (Из воспоминаний) // Заря. 1919. 25 мая; Парфенов П. С. Сибирские эсеры и расстрел славгородских крестьян // Пролетарская революция. 1927. № 7. С. 59–62.
- ¹⁴⁸ Шевелев Д. Н. К истории формирования Сибирской армии // История «белой» Сибири: Тезисы науч. конф. Кемерово, 1995. С. 46.
- ¹⁴⁹ Ларьков Н. С. Указ. соч. С. 177.
- ¹⁵⁰ С-н А. Военная организация сибирского правительства // Сиб. жизнь. 1919. 5 июня.
- ¹⁵¹ Симонов Д. Г. Из истории вооруженных сил Временного Сибирского правительства (1918) // Сибирь в период гражданской войны: Учеб. пособие. С. 69.
- ¹⁵² Здесь и далее, кроме оговоренных случаев, фактический материал о деятельности антибольшевистского подполья вплоть до его открытого выступления взят из нашей публикации. См.: Шиловский М. В. Новониколаевск как столица «белой» Сибири: (Из истории Западно-Сибирского комиссариата) // Вопросы краеведения Новосибирска и Новосибирской области. Новосибирск, 1997. С. 105–106.
- ¹⁵³ Борьба за власть Советов в Томской губернии. Томск, 1957. С. 208–209.
- ¹⁵⁴ Подготовка и начало интервенции на Дальнем Востоке России. С. 194.
- ¹⁵⁵ Ларьков Н. С. Указ. соч. С. 234–244.
- ¹⁵⁶ Там же. С. 141.
- ¹⁵⁷ Журов Ю. В. Гражданская война в сибирской деревне. Красноярск, 1986. С. 16; Томская область: Истор. очерк. С. 258.
- ¹⁵⁸ Красная летопись. 1923. № 5. С. 358.
- ¹⁵⁹ ГАРФ. Ф. 5871. Оп. 1. Д. 2. Л. 3.

§ 2. БОРЬБА ЗА ВЛАСТЬ В ПЕРИОД «ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ» КОНТРРЕВОЛЮЦИИ (ИЮНЬ – НОЯБРЬ 1918 Г.)

- ¹ Подвиг Центросибири. 1917–1918: Сб. док. Иркутск, 1986. С. 434–442.
- ² Перейра Н. Сибирь: политика и общество в гражданской войне. М., 1996. С. 51; Симонов Д. Г. К вопросу о численности Чехословацкого корпуса на востоке России в период гражданской войны (1918–1920 гг.) // Региональные процессы в Сибири в контексте российской и мировой истории. Новосибирск, 1998. С. 146.
- ³ Познанский В. С. Президент советской Сибири: Историко-биографический очерк о П. Н. Яковлеве. Новосибирск, 1987. С. 155–156.
- ⁴ Омский вестник. 1918. 26 июня; Симонов Д. Г. Белая Сибирская армия (май – декабрь 1918 г.): Дисс. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2000. С. 160; Томская область: Исторический очерк. Томск, 1994. С. 260.
- ⁵ Омский вестник. 1918. 21, 27 июня; Съезды, конф. и совещания... в Иркутской губ. С. 174; Васильев. Отзвуки последних событий // Сиб. горнорабочий. 1918. № 7/8 С. 6.
- ⁶ Голос народа. (Томск.) 1918. 18 июля.
- ⁷ Цит. по: Юдахин Г. Н. Большевики Новониколаевска в период иностранной военной интервенции и гражданской войны // Боевые годы. Новосибирск, 1959. С. 137.
- ⁸ Логвинов В. К. В борьбе с колчаковщиной. Красноярск, 1980. С. 19; Очерки истории Омской областной организации КПСС. Омск, 1987. С. 130–131; Очерки истории Алтайской организации КПСС. Барнаул, 1985. С. 101; Ларьков Н. С. Становление томского большевистского подполья в 1918 г. // Идеино-политическое и организационное укрепление парторганизаций Сибири. Томск, 1987. С. 22.
- ⁹ Партизанское движение в Западной Сибири (1918–1920 гг.): Док. и мат-лы. Новосибирск, 1959. С. 135.
- ¹⁰ Ларьков Н. С. О тактике сибирских большевиков в годы гражданской войны // Из истории социальной и общественно-политической жизни советской Сибири. Томск, 1992. С. 60–61.

- ¹¹ Ларьков Н. С. О тактике сибирских большевиков... С. 62; Партизанское движение в Западной Сибири... С. 49.
- ¹² Плотников И. Ф. Героическое подполье Урала и Сибири в годы иностранной военной интервенции и гражданской войны. М., 1968. С. 134.
- ¹³ Юдахин Г. Н. Указ. соч. С. 144.
- ¹⁴ Бондаренко А. А. Левые эсеры Сибири в начальный период гражданской войны // Октябрь и гражданская война в Сибири: История. Историография. Источниковедение. Томск, 1985. С. 101; Штырбул А. А. Анархистское движение в Сибири в первой четверти XX века. Омск, 1996. Ч. 2. С. 10–24, 27–30.
- ¹⁵ Путь народа. 1918. 16 июля.
- ¹⁶ Черняк Э. И. Политические партии в Сибири (март 1917 — ноябрь 1918 г.): Съезды, конференции, совещания. Томск, 1993. С. 161–163, 166.
- ¹⁷ ГАТО. Ф. р-77. Оп. 3. Д. 45. Л. 53.
- ¹⁸ Голос народа. (Томск.) 1918. 19, 20 июля; Сибирь. (Иркутск.) 1918. 21 июля; Черняк Э. И. Указ. соч. С. 154; ЦХИДНИКК. Ф. 64. Оп. 10. Д. 96. Л. 31–32.
- ¹⁹ Добровольский А. В. Социалисты-революционеры в Сибири в конце 1917 — начале 1920 г. Новосибирск, 1999. С. 45.
- ²⁰ Там же. С. 45–47.
- ²¹ Голос народа. 1918. 5, 23 июня, 3, 10, 12 июля.
- ²² Заря. (Омск.) 1918. 23, 25, 27 авг.
- ²³ Анх. По поводу речи Вологодского на чехословацком съезде 25 июля // Сиб. речь. (Омск.) 1918. 1 авг.
- ²⁴ Вся информация о создании и деятельности Западно-Сибирского комиссариата, кроме специально оговоренных случаев, дается по: Шиловский М. В. Новоиколаевск как столица «белой» Сибири: К истории Западно-Сибирского комиссариата // Вопросы краеведения Новосибирска и Новосибирской области. Новосибирск, 1997. С. 106–110.
- ²⁵ Ларьков Н. С. Антисоветский переворот в Сибири и проблема власти в конце весны — летом 1918 г. // Гуманитарные науки в Сибири. Новосибирск, 1996. № 2. С. 26.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ ГАНО. Ф. Д-97. Оп. 1. Д. 239. Л. 54.

- ²⁸ Журавлев В. В. Органы государственной власти сибирской контрреволюции (октябрь 1917 — ноябрь 1918 г.): от «автономной Сибири» к «возрожденной России» // Власть и общество в Сибири в XX веке. Новосибирск, 1997. С. 9.
- ²⁹ Сиб. вестник. 1918. 30 авг., 6, 13 сент.
- ³⁰ Приишимье. (Петропавловск.) 1918. 30 авг.
- ³¹ Сиб. вестник. 1918. 13 сент.
- ³² Гармиза В. В. Крушение эсеровских правительств. М., 1970. С. 94; Лившиц С. Г. К истории Западно-Сибирского комиссариата // Уч. зап. Барнаульск. гос. пед. ин-та. 1974. С. 85.
- ³³ Барнаульская городская дума. 1877–1996: Сб. док. Барнаул, 1999. С. 217.
- ³⁴ Журавлев В. В. Органы государственной власти... С. 11.
- ³⁵ Луков Е. В. Законодательные акты Западно-Сибирского комиссариата и Временного Сибирского правительства как источник по изучению внутренней политики сибирской контрреволюции (июнь — ноябрь 1918 г.) // Историческая наука на рубеже веков: Мат-лы Всероссийск. науч. конф. Томск, 1999. Т. 2. С. 162.
- ³⁶ Симонов Д. Г. Белая Сибирская армия (май — декабрь 1918 г.) // Общественно-политическая жизнь Сибири XX века. Новосибирск, 1994. С. 37; Он же. Из истории вооруженных сил Временного Сибирского правительства (1918) // Сибирь в период гражданской войны: Учеб. пособ. Кемерово, 1995. С. 76–77.
- ³⁷ Симонов Д. Г. Из истории IV Восточно-Сибирского корпуса белой Сибирской армии (1918) // Вопросы социально-политической истории Сибири (XVII–XX века): Бахрушинские чтения 1997 г. Новосибирск, 1999. С. 118.
- ³⁸ Симонов Д. Г. Из истории вооруженных сил... С. 77.
- ³⁹ Адрианов А. В. К истории переворота; Потанин Г. Н. По поводу предыдущей статьи // Сиб. жизнь. 1918. 5 июня.
- ⁴⁰ Сиб. жизнь. 1918. 18 июня.
- ⁴¹ Там же.
- ⁴² Сибиряк. О Сибирском Временном правительстве // Приишимье. 1918. 21 июля.
- ⁴³ ГАРФ. Ф. 176. Оп. 5. Д. 120. Л. 3–35. (Далее по тексту вся информация о заседаниях частного совещания дается по этому делу.)

- ⁴⁴ Там же. Ф. 151. Оп. 1. Д. 7. Л. 93.
- ⁴⁵ ГАНО. Ф. Д-51. Оп. 1. Д. 274. Л. 59.
- ⁴⁶ В. В. Журавлев дату переезда определяет 12 июня 1918 г. (*Журавлев В. В. Органы государственной власти...* С. 9). Мы относим данное событие на 14 мая. По крайней мере, именно тогда в Омске ЗСК принял ряд нормативных актов с четким указанием места дислокации. (См.: *Шиловский М. В. Новониколаевск как столица «белой» Сибири.* С. 108.)
- ⁴⁷ *Мельгунов С. П. Трагедия адмирала Колчака: из истории гражданской войны на Волге, Урале и в Сибири.* Белград, 1930. Ч. 1. С. 83.
- ⁴⁸ *Журавлев В. В. Органы государственной власти...* С. 12.
- ⁴⁹ *Гармиза В. В. Указ. соч. С. 101; Журавлев В. В. Органы государственной власти...* С. 12.
- ⁵⁰ ГАРФ. Ф. 176. Оп. 5. Д. 120. Л. 26.
- ⁵¹ Там же. Ф. 5871. Оп. 1. Д. 2. Л. 4.
- ⁵² Законодательная деятельность белых правительств Сибири (июнь — ноябрь 1918 года). Томск, 1998. Вып. 1. С. 48.
- ⁵³ Там же. С. 49.
- ⁵⁴ ГАОО. Ф. 270. Оп. 1. Д. 332. Л. 216; Сиб. вестник. 1918. 7 сент.
- ⁵⁵ ГАРФ. Ф. 176. Оп. 3. Д. 9. Л. 15.
- ⁵⁶ Там же. Оп. 5. Д. 120. Л. 26; ф. 151. Оп. 1. Д. 7. Л. 168, 171–172.
- ⁵⁷ Сиб. речь. 1918. 23 июня.
- ⁵⁸ Там же. 28 июня.
- ⁵⁹ Сиб. жизнь. 1918. 27, 28 июня.
- ⁶⁰ *Лившиц С. Г. К истории Западно-Сибирского комиссариата.* С. 83–84.
- ⁶¹ *Шиловский М. В. Первый премьер-министр Сибири // Сиб. старина.* (Томск.) 1993. № 3. С. 4.
- ⁶² *Шиловский М. В. Вологодский Петр Васильевич // История «белой» Сибири в лицах: Биографический справочник.* СПб., 1996. С. 9–10.
- ⁶³ ГАНО. Ф. п. 5. Оп. 2. Д. 1568. Л. 14.
- ⁶⁴ Россия антибольшевистская: Из белогвардейских и эмигрантских архивов. М., 1995. С. 54.
- ⁶⁵ *Добровольский А. В. Указ. соч. С. 126.*
- ⁶⁶ Свободная Сибирь. (Красноярск.) 1918. 7 июля.
- ⁶⁷ Заря. 1918. 18 июля.

- ⁶⁸ *Гармиза В. В. Указ. соч. С. 102; Лившиц С. Г. К истории Западно-Сибирского комиссариата.* С. 88; *Иоффе Г. З. Колчаковская авантюра и ее крах.* М., 1983. С. 67.
- ⁶⁹ *Лившиц С. Г. К истории Западно-Сибирского комиссариата.* С. 89.
- ⁷⁰ *Розенберг Д. И. Народовластие и Сиб. Врем. правительство // Народная газета.* (Томск.) 1918. 7 июля.
- ⁷¹ ГАРФ. Ф. 5871. Оп. 1. Д. 92. Л. 8.
- ⁷² Законодательная деятельность белых правительств Сибири. Вып. 1. С. 58–59.
- ⁷³ ГАНО. Ф. 144. Оп. 1. Д. 43. Л. 27; Народная Сибирь. (Новониколаевск.) 1918. 17 июля.
- ⁷⁴ Народная Сибирь. 1918. 17 июля; Сиб. жизнь. 1918. 1 авг.
- ⁷⁵ Сиб. речь. 1918. 12 июля.
- ⁷⁶ *Аносов И. И. Постановление торгово-промышленного съезда // Сиб. жизнь.* 1918. 27 июля.
- ⁷⁷ Свободная Сибирь. 1918. 1 авг.
- ⁷⁸ Сиб. речь. 1918. 4 авг.; Свободная Сибирь. 1918. 30 авг.
- ⁷⁹ Сиб. речь. 1918. 12 июля; Свободная Сибирь. 1918. 26 июля.
- ⁸⁰ *Аносов И. И. Указ. соч.*
- ⁸¹ *Тельберг Г. Внепартийность правительства // Сиб. речь.* 1918. 7 авг.
- ⁸² *Кусков П. О диктатуре // Свободная Сибирь.* 1919. 18 авг.
- ⁸³ ГАРФ. Ф. 5869. Оп. 1. Д. 17. Л. 12–13.
- ⁸⁴ Там же. Ф. 193. Оп. 1. Д. 5. Л. 195–196.
- ⁸⁵ Там же. Л. 93.
- ⁸⁶ Там же. Д. 4. Л. 3.
- ⁸⁷ Там же. Ф. 5869. Оп. 1. Д. 17. Л. 23.
- ⁸⁸ Народная газета. 1918. 11 июля; ГАНО. Ф. Д-51. Оп. 1. Д. 274. Л. 73.
- ⁸⁹ Сиб. жизнь. 1918. 27 июля; Сиб. речь. 1918. 1 авг.
- ⁹⁰ Народная газета. 1918. 25 июля.
- ⁹¹ Красный архив. 1928. № 4. С. 72.
- ⁹² Подготовка и начало интервенции на Дальнем Востоке России: Док. и мат-лы. Владивосток, 1997. С. 221–224.
- ⁹³ Там же. С. 233–234.
- ⁹⁴ *Будберг А. П. Дневник белогвардейца // Дневник белогвардейца.* Новосибирск, 1991. С. 197–198, 195.

- ⁹⁵ Адрианов А. В. К вопросу об организации власти // Сиб. жизнь. 1918. 27 авг.
- ⁹⁶ Красный архив. 1928. № 4. С. 96.
- ⁹⁷ Там же. С. 99–100.
- ⁹⁸ Лившиц С. Г. Крах «Временного правительства автономной Сибири» // Вопр. истории. 1974. № 8. С. 97.
- ⁹⁹ ГАРФ. Ф. 151. Оп. 1. Д. 7. Л. 176.
- ¹⁰⁰ Свободная Сибирь. 1918. 25 июля.
- ¹⁰¹ Крутовский Вл. М. Переворот в Сибири и организация Врем. Сибир. правительства // Свободная Сибирь. 1918. 7 сент.
- ¹⁰² Красный архив. 1929. № 4. С. 100.
- ¹⁰³ Подготовка и начало интервенции на Дальнем Востоке России. С. 227.
- ¹⁰⁴ Светачев М. И. Интервенты и сибирская контрреволюция (ноябрь 1917 — 1918 г.) // Вопросы истории Дальнего Востока. Хабаровск, 1973. Вып. 3. С. 44.
- ¹⁰⁵ Красный архив. 1929. № 4. С. 101.
- ¹⁰⁶ Лившиц С. Г. Крах «Временного правительства автономной Сибири». С. 98.
- ¹⁰⁷ Омельков М. Самарские впечатления // Народная газета. 1918. 27 сент.
- ¹⁰⁸ Кроль Л. А. За три года: (Воспоминания, впечатления, встречи). Владивосток, 1921. С. 62.
- ¹⁰⁹ ГАРФ. Ф. 176. Оп. 1. Д. 113. Л. 89.
- ¹¹⁰ Васильченко С. П. Временное областное правительство Урала: структура и политика // История Советской России: новые идеи, суждения. Тезисы докл. респ. науч. конф. Тюмень, 1991. Ч. 1. С. 62–63.
- ¹¹¹ Сиб. жизнь. 1918. 14 авг.
- ¹¹² Мальцева Т. В. Волостное земство в Сибири в годы гражданской войны // История «белой» Сибири: Тезисы Второй науч. конф. Кемерово, 1997. С. 106.
- ¹¹³ Демидов В. А. От Каракорума к автономии. Новосибирск, 1996. С. 71.
- ¹¹⁴ Омский вестник. 1918. 18 июля.
- ¹¹⁵ Алтайский луч. (Барнаул.) 1918. 7 авг.
- ¹¹⁶ ГАНУ. Ф. п. 5. Оп. 4. Д. 799. Л. 50–51.
- ¹¹⁷ ГАТО. Ф. р-72. Оп. 3. Д. 45. Л. 53.

- ¹¹⁸ Затем их количество увеличивается до 28. См.: Нам И. В. Национальный фактор в деятельности Сибирской областной думы (август — ноябрь 1918 г.) // Сибирь. XX век. Кемерово, 1999. Вып. 2. С. 68.
- ¹¹⁹ ГАНУ. Ф. п. 5. Оп. 4. Д. 799. Л. 50–51.
- ¹²⁰ ГАТО. Ф. р-72. Оп. 4. Д. 37. Л. 13.
- ¹²¹ ГАНУ. Ф. п. 5. Оп. 2. Д. 1478. Л. 2–7.
- ¹²² Сиб. жизнь. 1918. 21 авг.
- ¹²³ Там же. 24 авг.
- ¹²⁴ Сибирь. 1918. 21 авг.
- ¹²⁵ Розенберг Д. Первая сессия Сибирской областной думы // Народная газета. 1918. 25 авг.
- ¹²⁶ ГАНУ. Ф. п. 5. Оп. 4. Д. 739. Л. 36–42; Сиб. жизнь. 1918. 24 авг.
- ¹²⁷ Сиб. жизнь. 1918. 27 авг.
- ¹²⁸ ГАНУ. Ф. п. 5. Оп. 4. Д. 731. Л. 6–7.
- ¹²⁹ Парфенов П. С. Гражданская война в Сибири 1918–1920. М., 1925. С. 44.
- ¹³⁰ Сиб. жизнь. 1918. 4 сент.
- ¹³¹ Речь А. Г. Станкеева 19 авг. // Сиб. жизнь. 1918. 31 авг.
- ¹³² Сиб. жизнь. 1918. 4 сент.
- ¹³³ ГАРФ. Ф. 5869. Оп. 1. Д. 17. Л. 29–30.
- ¹³⁴ Там же. Л. 31–32.
- ¹³⁵ Сиб. жизнь. 1918. 4 сент.
- ¹³⁶ Журавлев В. В. Органы государственной власти... С. 19.
- ¹³⁷ Hoover Institution. Bakhmeteff Archiv. Box 9. F. 60.
- ¹³⁸ ГАНУ. Ф. п. 5. Оп. 2. Д. 1568. Л. 14.
- ¹³⁹ Думова Н. Г. Великий Октябрь и крах кадетской партии // Исторические записки. М., 1977. Т. 100. С. 130.
- ¹⁴⁰ Мокринский С. Проблема власти // Сиб. жизнь. 1918. 15 сент.
- ¹⁴¹ Заря. 1918. 25 авг.
- ¹⁴² Красный архив. 1928. № 4. С. 53; Пепеляев В. Н. Привидение // Сиб. жизнь. 1918. 3 сент.
- ¹⁴³ ГАНУ. Ф. р-144. Оп. 1. Д. 32. Л. 13.
- ¹⁴⁴ Там же; ГАКК. Ф. 904. Оп. 1. Д. 45. Л. 1.
- ¹⁴⁵ Сиб. вестник. 1918. 21 авг.
- ¹⁴⁶ Плотникова М. Е. Роль «Временного Сибирского правительства» в подготовке контрреволюционного колчаковского переворота // Тр. Томск. гос. ун-та. Томск, 1964. Т. 167. С. 61; Гармиза В. В. Указ. соч. С. 113.

- ¹⁴⁷ Журавлев В. В. К вопросу о характеристике политического режима на востоке России в период правления А. В. Колчака // Гражданская война в Сибири: Сб. докладов и статей науч. конф. Красноярск, 1999. С. 35.
- ¹⁴⁸ См. подробнее: Ларьков Н. С. Омский правительственный кризис в начале сентября 1918 г. // Власть и общество в Сибири в XX веке. Новосибирск, 1997. Вып. 1. С. 54–61.
- ¹⁴⁹ Цит. по: Шиловский М. В. К вопросу о политической оценке государственного переворота 18 ноября 1918 г. в Омске // Сибирь: XX век. Кемерово, 1997. Вып. 1. С. 51.
- ¹⁵⁰ ГАРФ. Ф. 176. Оп. 12. Д. 12. Л. 23; Народная Сибирь. (Новониколаевск.) 1918. 18 сент.
- ¹⁵¹ Ларьков Н. С. Омский правительственный кризис... С. 59.
- ¹⁵² Сиб. вестник. 1918. 27 сент.
- ¹⁵³ Народная Сибирь. 1918. 15 сент.
- ¹⁵⁴ Гармиза В. В. Указ. соч. С. 113.
- ¹⁵⁵ ГАРФ. Ф. 176. Оп. 5. Д. 175. Л. 24.
- ¹⁵⁶ Его ход и последствия обстоятельно проанализированы в нашей статье: Шиловский М. В. Омские события последней декады сентября 1918 г. // Вопросы истории Сибири XX века. Новосибирск, 1993. С. 21–36. Весь фактический материал, за исключением специально оговоренного сносками, взят из нее.
- ¹⁵⁷ Кроль Л. А. Указ. соч. С. 97–98.
- ¹⁵⁸ ГАРФ. Ф. 176. Оп. 14. Д. 49. Л. 2.
- ¹⁵⁹ Сиб. вестник. 1918. 27 сент.
- ¹⁶⁰ Потанин Г. Н. Признание областника // Сиб. жизнь. 1918. 14 сент.
- ¹⁶¹ Дневник В. Пешеляева // Красные зори. (Иркутск.) 1923. № 3. С. 76.
- ¹⁶² ГАНУ. Ф. п. 5. Оп. 2. Д. 1568. Л. 2.
- ¹⁶³ Заместитель председателя Чехословацкого национального комитета Б. Павлу подчеркнул: «И откровенно скажу, что мы были рады, когда в Сибирской областной думе нашлось достаточно гражданского мужества для протеста против своеволия». См.: ГАРФ. Ф. 5871. Оп. 1. Д. 92. Л. 106.
- ¹⁶⁴ Нам И. В. Уфимское Государственное совещание и национальные правительства // Историческая наука на рубеже веков: Мат-лы Всероссийск. науч. конф. Томск, 1999. Т. 2. С. 176–

182. По словам его участника И. М. Майского, националы «держались в Уфе гораздо крепче и лучше, чем эсеры. Не эсеры подпирали „националов“, а наоборот, „националы“ все время подпирали эсеров». См.: Майский И. М. Демократическая контрреволюция. М.; Л., 1923. С. 236.
- ¹⁶⁵ Иоффе Г. З. Указ. соч. С. 79.
- ¹⁶⁶ Зензинов В. М. Борьба российской демократии с большевиками в 1918 году // Россия антибольшевистская: Из белогвардейских и эмигрантских архивов. М., 1995. С. 21.
- ¹⁶⁷ Думова Н. Г. Кадетская контрреволюция и ее разгром. М., 1982. С. 129.
- ¹⁶⁸ ГАОО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 427. Л. 14; Кроль Л. А. Указ. соч. С. 124.
- ¹⁶⁹ ГАОО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 427. Л. 14.
- ¹⁷⁰ Шиловский М. В. Политическая ориентация членов Временного Всероссийского правительства (Директории) // История «белой» Сибири: Тезисы Второй науч. конф. С. 14.
- ¹⁷¹ Болдырев В. Г. Директория. Колчак. Интервенты: Воспоминания. Новоиколаевск, 1925. С. 517. Приболевший В. В. Виноградов присягу принял на заседании Директории 27 сентября, а П. В. Вологодский — 22 октября.
- ¹⁷² Кроль Л. А. Указ. соч. С. 127–129.
- ¹⁷³ Сиб. вестник. 1918. 27 сент.
- ¹⁷⁴ ГАРФ. Ф. 5871. Оп. 1. Д. 229. Л. 6.
- ¹⁷⁵ Там же. Ф. 176. Оп. 1. Д. 117. Л. 32.
- ¹⁷⁶ Там же. Оп. 3. Д. 1. Л. 60.
- ¹⁷⁷ Там же. Оп. 1. Д. 117. Л. 21.
- ¹⁷⁸ Сиб. вестник. 1918. 27 сент.
- ¹⁷⁹ ГАРФ. Ф. 5871. Оп. 1. Д. 92. Л. 90.
- ¹⁸⁰ Там же. Ф. 176. Оп. 1. Д. 117. Л. 36.
- ¹⁸¹ Там же. Ф. 5871. Оп. 1. Д. 92. Л. 90.
- ¹⁸² Там же. Ф. 193. Оп. 1. Д. 28. Л. 3–12.
- ¹⁸³ Там же. Ф. 5871. Оп. 1. Д. 92. Л. 95.
- ¹⁸⁴ Там же. Ф. 176. Оп. 3. Д. 9. Л. 9–10.
- ¹⁸⁵ Там же. Ф. 5871. Оп. 1. Д. 92. Л. 86.
- ¹⁸⁶ Там же. Л. 79.
- ¹⁸⁷ Там же. Л. 102.
- ¹⁸⁸ Там же. Ф. 176. Оп. 1. Д. 117. Л. 39.
- ¹⁸⁹ Иоффе Г. З. Указ. соч. С. 87.

- ¹⁹⁰ *Лившиц С. Г.* Временное Сибирское правительство // Вопросы истории. 1979. № 12. С. 106.
- ¹⁹¹ ГАРФ. Ф. 176. Оп. 1. Д. 106. Л. 15.
- ¹⁹² Там же. Оп. 3. Д. 9. Л. 9.
- ¹⁹³ Там же. Д. 117. Л. 40.
- ¹⁹⁴ *Черняк Э. И.* Политические партии в Сибири. С. 172–174.
- ¹⁹⁵ *Добровольский А. В.* Указ. соч. С. 53.
- ¹⁹⁶ *Демидов В. А.* Октябрь и национальный вопрос в Сибири. 2-е изд. Новосибирск, 1983. С. 213.
- ¹⁹⁷ *Иванов Б. В.* Сибирская кооперация в период Октябрьской революции и гражданской войны. Томск, 1976. С. 245.
- ¹⁹⁸ ГАНО. Ф. р-144. Оп. 1. Д. 32. Л. 14.
- ¹⁹⁹ *Потанин Г. Н., Адрианов А. В., Новомбергский Н. Я., Попов В. М.* О конфликте Сибирской областной думы с Временным Сибирским правительством // Сиб. вестник. 1918. 26 окт.
- ²⁰⁰ ГАНО. Ф. р-144. Оп. 1. Д. 32. Л. 14.
- ²⁰¹ Там же.
- ²⁰² *Рыжков В. М.* Свобода торговли в Сибири при «белых» (июнь — декабрь 1918 г.) // Вопросы истории Сибири XX века. Новосибирск, 1998. С. 84.
- ²⁰³ *Рыжков В. М.* Экономическая политика контрреволюционных правительств Сибири (вторая половина 1918 — 1919 г.): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1998. С. 13–14; *Дмитриев Н. И.* Налоговая политика белогвардейских правительств на территории Сибири // Изв. Омск. гос. истор.-краевед. музея. 1996. № 4. С. 212–213.
- ²⁰⁴ *Рыжков В. М.* Свобода торговли в Сибири... С. 85.
- ²⁰⁵ *Кладова Н. В.* К вопросу о причинах краха экономической политики белых правительств Сибири // История «белой» Сибири: Тезисы науч. конф. Кемерово, 1995. С. 63; Подготовка и начало интервенции на Дальнем Востоке России. С. 290.
- ²⁰⁶ *Журов Ю. В.* Гражданская война в сибирской деревне. Красноярск, 1986. С. 35; Томская область. С. 267.
- ²⁰⁷ *Лончаков Ю. Г.* Аграрная политика контрреволюционных правительств на территории Сибири в годы гражданской войны // Классы и политические партии в Октябрьской революции и гражданской войне в Сибири. Новосибирск, 1992. С. 154.

- ²⁰⁸ *Рыжков В. М.* Земельный вопрос в Сибири как фактор эскалации гражданской войны // Аграрное и демографическое развитие Сибири в контексте российской и мировой истории XVII–XX вв. Новосибирск, 1999. С. 87.
- ²⁰⁹ *Дубровский В. А.* Тува в 1917–1918 гг.: Док. и мат-лы // Уч. зап. Тувипск. НИИЯЛИ. Кызыл, 1956. Вып. 4. С. 151.
- ²¹⁰ *Симонов Д. Г.* Из истории вооруженных сил Временного Сибирского правительства. С. 78–79.
- ²¹¹ *Будберг А. П.* Указ. соч. С. 229–230.
- ²¹² *Журов Ю. В.* Указ. соч. С. 82.
- ²¹³ Томская область. С. 269.
- ²¹⁴ *Красильников С. А.* Политическое самоопределение интеллигенции Сибири летом 1918 г. // Из истории интервенции и гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке. 1917–1922. Новосибирск, 1985. С. 216.
- ²¹⁵ *Черняк Э. И.* Указ. соч. С. 9, 193–194.
- ²¹⁶ Съезды, конф. и совещания... в Алтайской губ. С. 4.
- ²¹⁷ *Парфенов П. С.* Указ. соч. С. 50; *Иванов Б. В.* Указ. соч. С. 245.
- ²¹⁸ ГАОО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 427. Л. 22.
- ²¹⁹ ГАНО. Ф. п. 5. Оп. 2. Д. 1492. Л. 20.
- ²²⁰ Там же. Д. 148. Отсутствуют протоколы № 1 (23 сентября), № 19–20 (15, 16 октября) и № 24 (20 октября). Далее все сноски на протоколы даются непосредственно в тексте с указанием листов дела.
- ²²¹ *Болдырев В. Г.* Указ. соч. С. 93–105.
- ²²² Там же. С. 54.
- ²²³ Сиб. вестник. 1918. 11 окт.; *Болдырев В. Г.* Указ. соч. С. 66.
- ²²⁴ *Иоффе Г. Э.* Указ. соч. С. 97.
- ²²⁵ *Кроль Л. А.* Указ. соч. С. 143.
- ²²⁶ ГАРФ. Ф. 193. Оп. 1. Д. 12. Л. 6.
- ²²⁷ Там же. Ф. 5869. Оп. 1. Д. 15. Л. 10.
- ²²⁸ *Кроль Л. А.* Указ. соч. С. 144; *Майский И. М.* Указ. соч. С. 308; ГАОО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 427. Л. 21.
- ²²⁹ *Кроль Л. А.* Указ. соч. С. 144.
- ²³⁰ *Казанчиев А. Д.* Совет управляющих ведомствами Комуча в Уфе // Политическая и социально-экономическая история Южного Урала в XVI–XX вв. Уфа, 1996. С. 66–67.
- ²³¹ *Кроль Л. А.* Указ. соч. С. 145.

- ²³² В официозе ВСП постановление публикуется в измененной редакции: «Впредь до образования... временное заведование... поручить соответствующим министерствам Временного Сибирского правительства» (Сиб. вестник. 1918. 16 окт.). Т. е. не «под непосредственным руководством», а просто «поручить».
- ²³³ Подготовка и начало интервенции на Дальнем Востоке России. С. 288, 293.
- ²³⁴ Болдырев В. Г. Указ. соч. С. 83.
- ²³⁵ ГАОО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 427. Л. 21.
- ²³⁶ ГАРФ. Ф. 193. Оп. 1. Д. 12. Л. 9.
- ²³⁷ Там же; *Серебрянников И. И.* Мои воспоминания. Тяньцзинь, 1937. Т. 1. С. 203.
- ²³⁸ Кроль Л. А. Указ. соч. С. 151.
- ²³⁹ Болдырев В. Г. Указ. соч. С. 86.
- ²⁴⁰ Там же. С. 87.
- ²⁴¹ Иоффе Г. З. Указ. соч. С. 102.
- ²⁴² Болдырев В. Г. Указ. соч. С. 87.
- ²⁴³ *Керженцев В.* Военная диктатура и «союзники» // Известия ВЦИК. 1918. 19 сент.
- ²⁴⁴ *Ларьков Н. С.* Происхождение колчаковской диктатуры // Историческая наука на рубеже веков. Т. 2. С. 187.
- ²⁴⁵ Забайкальская повесть. (Чита.) 1918. 27 окт.; Заря. 1918. 19 нояб.
- ²⁴⁶ Свободная Сибирь. (Красноярск.) 1918. 5 нояб.
- ²⁴⁷ *Рождественский В.* Безвременье // Голос народа. 1918. 24 окт.
- ²⁴⁸ Колчак Александр Васильевич — последние дни жизни. Барнаул, 1991. С. 207.
- ²⁴⁹ Дневник В. Пепеляева // Красные зори. 1924. № 4. С. 77–78.
- ²⁵⁰ *Плотников И. Ф.* Александр Васильевич Колчак: Жизнь и деятельность. Ростов н/Д 1998. С. 151, 152.
- ²⁵¹ Об этом упомянул А. В. Колчак на следствии в 1920 г. См.: Колчак Александр Васильевич — последние дни жизни. С. 215.
- ²⁵² Болдырев В. Г. Указ. соч. С. 87, 88.
- ²⁵³ ГАРФ. Ф. 193. Оп. 1. Д. 5. Л. 109.
- ²⁵⁴ Там же. Д. 12. Л. 10.
- ²⁵⁵ Сиб. вестник. 1918. 6 нояб.
- ²⁵⁶ ГАРФ. Ф. 176. Оп. 1. Д. 96. Л. 7.
- ²⁵⁷ Сиб. вестник. 1918. 6 нояб.; Голос народа. 1918. 8 нояб.

- ²⁵⁸ Отчет члена ЦК М. И. Веденяпина ЦК партии эсеров 29 апреля 1919 г. // Россия антибольшевистская. С. 70; *Ракитников Н. И.* Сибирская реакция и Колчак. М., 1920. С. 15; *Кроль Л. А.* Указ. соч. С. 153.
- ²⁵⁹ Дневник В. Пепеляева. С. 85.
- ²⁶⁰ ГАРФ. Ф. 176. Оп. 3. Д. 9. Л. 22.
- ²⁶¹ Дневник В. Пепеляева. С. 86.
- ²⁶² Свободная Сибирь. (Новониколаевск.) 1918. 15 нояб.
- ²⁶³ Народная газета. 1918. 12 нояб.
- ²⁶⁴ Народная Сибирь. 1918. 14 нояб.
- ²⁶⁵ Там же; Томский кооператор. 1918. № 3. С. 16.
- ²⁶⁶ *Майский И. М.* Указ. соч. С. 321; ГАРФ. Ф. 5869. Оп. 1. Д. 15. Л. 11.
- ²⁶⁷ Болдырев В. Г. Указ. соч. С. 90.
- ²⁶⁸ Дневник В. Пепеляева. С. 87; *Думова Н. Г.* Указ. соч. С. 199–200.
- ²⁶⁹ ГАНО. Ф. п. 5. Оп. 4. Д. 708. Л. 7–10.
- ²⁷⁰ Там же. Л. 7.
- ²⁷¹ *Гинс Г. К.* Сибирь, союзники и Колчак // Колчаковщина: (Из белых мемуаров). Б. м., 1930. С. 23.
- ²⁷² Колчак Александр Васильевич — последние дни жизни. С. 225.
- ²⁷³ Там же. С. 227.
- ²⁷⁴ *Плотников И. Ф.* Указ. соч. С. 164.
- ²⁷⁵ Дневник П. В. Вологодского // Россия антибольшевистская. С. 123.
- ²⁷⁶ Цит. по: *Иоффе Г. З.* Указ. соч. С. 116–117.
- ²⁷⁷ Дневник В. Пепеляева. С. 88.
- ²⁷⁸ *Гинс Г. К.* Указ. соч. С. 23.
- ²⁷⁹ Там же. С. 29.
- ²⁸⁰ ГАНО. Ф. п. 5. Оп. 4. Д. 708. Л. 5.
- ²⁸¹ *Кренский А.* Последняя авантюра // Сиб. речь. 1918. 30 нояб.
- ²⁸² *Майский И. М.* Указ. соч. С. 336.
- ²⁸³ *Гинс Г. К.* Указ. соч. С. 32–33.
- ²⁸⁴ ГАНО. Ф. п. 5. Оп. 4. Д. 708. Л. 6.
- ²⁸⁵ Подготовка и начало интервенции на Дальнем Востоке России. С. 296.

Глава 3

Политические процессы в Сибири в период колчаковщины (ноябрь 1918 — январь 1920 г.)

§ 1. РЕЖИМ ВЛАСТИ ВЕРХОВНОГО ПРАВИТЕЛЯ РОССИИ И ОТНОШЕНИЕ К НЕМУ ОСНОВНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ГРУППИРОВОК РЕГИОНА (НОЯБРЬ 1918 — ИЮНЬ 1919 г.)

Установление единоличной диктатуры А. В. Колчака принципиально изменило ситуацию в лагере сибирской контрреволюции, предопределив его раскол и дальнейшее сужение эфемерной социальной базы. Вместе с тем адмирал и его окружение пытались маскировать авторитарную сущность режима лозунгами «народоправства», взятыми на вооружение у мелкобуржуазной демократии. Хотя Колчак не признавал Всероссийское Учредительное собрание законным, «ввиду неправильных условий его избрания», и 30 ноября 1918 г. приказал арестовать Комитет членов Учредительного собрания «для придания их военно-полевому суду»¹, в первом же интервью он заявил о необходимости созыва после разгрома коммунистов Национального собрания. «Я избегаю называть Национальное собрание — Учредительным собранием, — сказал Верховный правитель, — так как последнее слово слишком скомпрометировано. Опыт созыва Учредительного собрания, собранного в дни развала страны, дал слишком односторонний партийный состав. Вместо Учредительного собрания собралось

партийное, которое занело „Интернационал“ и было разогнано матросом. Повторение такого опыта недопустимо»². В феврале 1919 г., выступая в Екатеринбурге, он подчеркнул: «Я не мыслю себе будущего строя иначе, как демократическим... Народ русский является единственным хозяином своей судьбы, и когда он через своих свободно избранных представителей в Национальном собрании выразит свою волю об основных началах политического, национального и социального бытия, то и я, и Правительство, мною возглавляемое, почтет своим долгом передать ему всю полноту власти, нам ныне принадлежащей»³.

Правые, прежде всего кадеты, активно использовали в своих пропагандистских целях министров, в полном составе сменивших Директорию на единоличное управление А. В. Колчака⁴. Для укрепления авторитета верховной власти в Сибири большое значение имело преобладание в составе исполнительного органа сибиряков и лиц, тесно связанных с регионом. Таковых по состоянию на ноябрь 1918 г., по подсчетам Л. В. Некрасовой, было 75%⁵. Немаловажное значение имело сохранение за П. В. Вологодским поста премьер-министра. Его попытка уйти в отставку после событий 18 ноября была отвергнута другими министрами, заявившими, что он «должен... остаться во главе Совета министров, чтобы своим именем санкционировать переворот и тем сохранить за Советом министров то доверие, которым он до сих пор пользовался»⁶. Объясняя эту позицию, Г. К. Гинс говорил А. В. Колчаку: «Мы все оттого и держимся за Вологодского, что он один обладает большою известностью в Сибири, восполняя недостаток большинства»⁷. Сам же премьер оптимистически декларировал журналистам: «Сейчас я болею душой, что у нас нет представительного учреждения, и буду счастлив, когда представится первая возможность приступить к избранию Национального собрания для определения основ будущего государственного устройства России и моей родины Сибири»⁸.

Идея созыва Национального собрания активно использовалась омским режимом и летом 1919 г., когда колчаковцы широко развернули военные действия против населения региона. И тем не менее на состоявшемся в середине июля совещании представителей пропагандистских органов по вопросу «осведомления и подъема духа армии и населения» для развертывания контрпропаган-

ды предложено было противопоставить коммунистической агитации «наше правительство, возглавляемое адмиралом Колчаком. Осведомить красных о всех его мероприятиях в зоне освобождения России, — нужно убедить их в том, что эта власть не буржуазни, а народная и ее цель состоит в том, чтобы довести страну до Национального, т. е. народного, собрания»⁹.

Переворот 18 ноября внес существенные коррективы в расстановку сил контрреволюции. Открыто одобрили его и встали на путь активной поддержки колчаковской диктатуры местные кадеты. Выступая за ее укрепление, они пыгались одновременно дискредитировать эсеров. «Страх за народовластие — это мощный эсеровский страх, — заявил П. И. Кусков, — страх за себя, за сохранение своего господства. Народовластие после победы союзников над Германией ровно ничего не грозит ни изнутри, ни снаружи... Буржуазия за деспотию никогда не стояла, напротив, против нее боролась»¹⁰. Выступая с докладом по текущему моменту на собрании красноярской организации ПНС 19 декабря 1918 г., Д. Е. Лапо заодно прошелся по покойной Сибирской областной думе: «Мы же, кадеты, в реакции не участвуем, мы не социалисты. По этой же причине мы не пошли в так называемую Областную думу. В этом учреждении, детище социалистов, вы могли видеть проявление самой дикой реакции». На том же собрании председатель местного комитета партии В. А. Смирнов выразил прямую поддержку диктатуре: «Мы не боимся тех форм, в которые выльется русская государственность, кем она возглавляется, мы не боимся страшных жупелов. Государство выздоравливает. Закладывается новая жизнь на новых началах свободы, права и справедливости»¹¹.

Фальсифицируя историю Временного Сибирского правительства, правые круги возложили ответственность за омские события 21–24 сентября 1918 г. на Сибирскую областную думу и Комуч. «Союзником Областной думы выступала красная Самара с ее членами Учредительного собрания, — писал А. Д. Баженов. — И Дума, и самарцы были недовольны Сибирским правительством за уничтожение Совдепов, за возвращение земель их прежним владельцам, за передачу милиции комиссарам... Результатом открытого сговора „областников“ с самарцами явился арест министров Крутовского, Шатилова и Грацианова, затем и убийство Новоселова»¹². По инициативе кадетов, как установила Н. Г. Думова, был

организован судебный процесс над непосредственными руководителями ареста эсеровских членов Директории 18 ноября 1918 г. полковником В. И. Волковым, войсковыми старшинами А. В. Катанаевым и И. Н. Красильниковым¹³. В качестве их адвоката выступал руководитель омской кадетской организации В. А. Жардецкий, в качестве «эксперта политической обстановки» — секретарь Восточного отдела ЦК ПНС А. С. Соловейчик¹⁴.

По свидетельству Г. К. Гинса, защита развернула «перед судом картину, в которой ясно обозначились намерения эсеров захватить власть». Подсудимые, наоборот, изображались патриотами, действовавшими «по побуждению любви к родине»¹⁵. Судебный фарс имел целью придать имидж легитимности режиму Верховного правителя, опорочить Директорию и оправдать подсудимых. Так и произошло. Более того, в начале 1919 г. в газетах публикуется указ о производстве «со старшинством с 19 ноября 1918 г. из полковников в генерал-майоры Волкова, из войсковых старшин в полковники Красильникова и Катанаева»¹⁶.

Наряду с этим кадеты выразили отрицательное отношение к областничеству (регионализму). «Настаивать на сибирской автономии в настоящее время я считаю не только „преждевременным“, но и вредным, — подчеркивал политический обозреватель „Сибирской речи“ Н. Яковлев, — ибо все наши помыслы и силы должны быть отданы одному безраздельному делу — восстановлению единой (не федеративной) Великой России». Вместе с тем он, в принципе, не отказывал областничеству и праве на существование. Более того, положительно отзывался об областниках-автономистах, сомкнувшихся с правыми. По его мнению, «Областная дума не имеет ничего общего с областниками, и представителями же новейшего сибирского автономного движения явились стоящие на интернациональной точке зрения эсеры — главным образом левого крыла и центра, которые свои требования автономии обосновали идеей федеративного устройства всей России. Настоящие сибирские областники остались в стороне от этого движения, которое можно было бы назвать политическим областничеством»¹⁷.

Вслед за кадетами колчаковский переворот поддержали представители правого фланга мелкобуржуазной демократии, прежде всего омский блок «общественных и политических объединений».

19 декабря 1918 г. делегация от него была принята А. В. Колчаком. В ее состав вошли: А. В. Сазонов (Совет всесибирских кооперативных съездов), В. В. Куликов (омский отдел «Союза возрождения России»), Д. Карганов (Всероссийский съезд торговли и промышленности), А. Новиков (омский комитет Трудовой народно-социалистической партии), И. Строганов (омская группа партии социалистов-революционеров «Воля народа»), В. А. Жардецкий (Восточный отдел ЦК ПНС), И. Рубанов (атамановская группа РСДРП «Единство»), Е. П. Березовский, Я. Локманов, С. Шендриков, С. М. Мелентьев (казацкие войска), председатель блока А. Балакшин. «Заявляя о своей готовности поддержать правительство А. В. Колчака, — говорилось в газетном отчете о данном визите, — депутация эта призвала благословение Божие на труды омской власти по восстановлению государства Российского в былом его достоинстве и мощи». Кроме того, в адресе, переданном адмиралу, выражалась решимость этих организаций «всемерно поддерживать власть Российского правительства, возглавляемого единолично Верховным правителем»¹⁸. Вслед за омским «блоком» за всемерную поддержку диктатуры высказалось совещание семи комитетов Трудовой народно-социалистической партии, состоявшееся в Омске 13–15 января 1919 г.¹⁹

Следует заметить, что правые рассматривали блок «общественных и политических объединений» как прообраз их коалиции с умеренной частью социалистов, которая должна стать политической опорой режима. Так, В. А. Жардецкий в письме Н. И. Астрову (март 1919 г.) характеризовал его как «национальный всероссийский по природе, объединяющий республиканскую и монархическую демократию». «Согласитесь, — замечал он, — что это процесс нового порядка, весьма ценный для государственности, тем более что не мы, а социалисты уступили»²⁰. Однако, как и предсказывал Л. А. Кроль, «блок» оказался мертворожденной организацией, не оказавшей существенного воздействия на политические процессы в столице «колчакии», а к лету 1919 г. исчезнувший с ее подмошков.

Выступая в поддержку единоличной диктатуры, правое крыло мелкобуржуазной демократии продолжало питать иллюзии относительно демагогических заявлений о приверженности Колчака принципам «народовластия». Например, новониколаевская

«Народная Сибирь», анализируя заявление последнего относительно созыва в будущем Национального собрания, дала следующие комментарии: «Речь несомненно идет о созыве Всероссийского Учредительного собрания». Газета Совета всесибирских кооперативных съездов омская «Заря» 22 февраля 1919 г. рекомендовала правительству «теперь же создать временную базу — хотя бы временный представительный орган» в виде Административного совещания «из членов, приглашаемых правительством по представлению общественных организаций», а Ф. Савченко настаивал на созыве Учредительного собрания Сибири, поскольку оно послужит «укреплению народоправства, что исключит рецидив большевизма, требующего постоянной военной силы»²¹.

Отрицательно к упразднению Директории отнеслись эсеры. В порыве самораскаяния они признали свою вину за происшедшее. «„Демократия“ в лице ПСР и социал-демократов меньшевиков, ослепленная безмерной враждой к большевикам, — вспоминал видный иркутский эсер Я. Н. Ходукин, — проглядела, что является жалкой игрушкой в руках империалистов всех стран и их русских прихлебателей»²². В эсеровской прессе раздавались горькие сетования по поводу политики Омского правительства, игнорирования им идей «народовластия». «В целях „государственного порядка“ и возрождения Родины вели и ведут самую беззастенчивую, самую грубую травлю против демократических организаций и социалистических партий», — возмущалась иркутская «Новая Сибирь»²³. Левое крыло «демократической» контрреволюции в основном правильно оценило суть переворота 18 ноября 1918 г. «Не приходится скрывать, — замечала по этому поводу верхнеудинская „Прибайкальская жизнь“, — что как силы, вызвавшие омские события, так и красново-деникинские силы есть в значительной степени силы углубителей реставрации»²⁴.

Установление единоличной диктатуры вызвало, по свидетельству руководящих работников этой партии, острый кризис в эсеровских организациях на востоке России²⁵. Он выразился в развале ряда организаций, прежде всего в деревне, резком уменьшении их численности. 10 декабря ЦК ПСР принял постановление, в котором признал «необходимость борьбы на оба фронта: как против сибирской реакции, так и против реакции большевистской»²⁶. Так начала оформляться концепция «третьей силы», взятая на воору-

жение партией с весны 1919 г. Возникшая в конце декабря 1918 г. в Уфе группа «Народ», включавшая шесть видных эсеровских функционеров (В. К. Вольский, бывший председатель Комитета членов Учредительного собрания и съезда его членов; Н. В. Святицкий, секретарь этого съезда; Н. А. Шмелев, его заместитель; члены ЦК ПСР Н. И. Ракитников, К. С. Буревой и бывший министр земледелия Комитета управляющих ведомств Б. Н. Черненко), высказалась за заключение перемирия на Восточном фронте с советской властью и 13 января 1919 г. подписала предварительное соглашение по этому поводу с Уфимским ревкомом²⁷.

Тем не менее никаких реальных шагов, направленных на противодействие омскому режиму, сибирские эсеры в конце 1918 — начале 1919 г. не предприняли, продолжая легально действовать во многих городах региона. Например, в информационно-политическом обзоре контрразведывательного отделения штаба Иркутского военного округа по этому поводу сообщалось: «Одной из самых многочисленных партий в Иркутской губернии является партия социалистов-революционеров, имеющая официально свое бюро с вывеской на углу Луговой (ныне Марата. — М. Ш.) и Басинской (ныне Свердлова. — М. Ш.) улиц. Во главе этой партии стоят видные с.-р., отбывавшие каторгу, — быв. военный министр дерберовского правительства Аркадий Краковецкий, быв. управляющий делами Директории Аполлон Кругликов, член Кому-ча приежный поверенный Кроль (чл. Областной думы) и член ЦК партии с.-р. Самуил Файнберг»²⁸.

Окончательно разошлись в конце 1918 — начале 1919 г. позиции областников-автономистов. Причиной послужило их отношение к колчаковской диктатуре. И. И. Серебrenников в письме из Иркутска П. В. Вологодскому от 3 марта 1919 г. охарактеризовал ситуацию следующим образом: «Благодаря последним событиям областники в Сибири начинают дробиться на два крыла: есть, так можно выразиться, правые и левые. Правые областники стоят на точке зрения поддержки существующего правительства, левые — находятся в оппозиции к нему и сильно „эсерствуют“ и никак не могут примириться с фактом временного самоуничтожения Сибирского правительства, называя нас предателями и изменниками. К правым областникам я причисляю Г. Н. Потанина, А. В. Адрианова, Вас и себя, надеюсь, и Н. Н. Козьмина; к левым — В. М.

Крутовского и Г. Б. Патушинского, который здесь мечет гром и молнии против Вас и против меня. Благодаря деятельности гг. Курского и Жернавкова, во многих городах Сибири и Дальнего Востока образовались областнические организации правого типа под наименованием местных отделов „Потанинского союза областников-автономистов“. В Иркутске существует областническая организация, возглавляемая Г. Б. Патушинским, — левого типа, отказавшаяся здесь даже вступить в блок с умеренными партиями и организациями, пытающимися заблокироваться наподобие омского блока»²⁹.

Большая часть областников, и прежде всего Г. Н. Потанин, А. В. Адрианов, И. И. Серебrenников, Н. Д. Буяновский, Л. И. Шумиловский и другие, безоговорочно поддержали колчаковщину и предприняли немало усилий, направленных на укрепление власти Верховного правителя. Так, А. В. Адрианов до конца оставался глашатаем откровенной реакции, проповедал в редактируемой им «Сибирской жизни» решительную борьбу «с бунтарскими перспективами большевизма»³⁰. Данная группа областников полностью прекратила разговоры об автономии Сибири. Например, омские сторонники движения на собраниях 4 и 11 мая 1919 г., сетуя на то, что правительство, став всероссийским, забыло местные дела, тем не менее высказались против созыва в ближайшее время регионального законодательного собрания. «Ведь „областничество“ понадобится нам только завтра, — считали они. — Сегодня же для нас есть только одна цель — это единая великая Русь»³¹.

Определенная часть областников, ориентировавшаяся ранее на эсеров, вместе с ними составила оппозицию колчаковскому режиму. Позицию данной группы выражал Вл. М. Крутовский через редактируемый им журнал «Сибирские записки». Проанализировав ситуацию в Сибири во второй половине 1918 г., он констатировал: «К сожалению, около Сибир[ского] прав[ительства] и в его толще истинных сибиряков-областников патриотов было ничтожное число, основную массу составляли люди с запада, беженцы из России, для которых петербургский центр всегда был выше всего. Они смотрели на Сибирское правительство как на временную меру, и в их цели не входило укреплять правительство. Центростремительное течение взяло верх и одним ударом покончило с моло-

дым областным правительством». Отсюда следовал самокритичный для областников вывод: «Мы, сибирские патриоты-областники, очутились у разбитого корыта: Сибирского правительства нет уже, покончила самоубийством Сибирская областная дума, и Сибирская автономия более не существует»³².

Взаимоотношения этой группы сторонников движения и колчаковской администрации наглядно демонстрирует история возглавляемого Вл. М. Крутовским Красноярского союза областников, объединявшего весной 1919 г. около 50 чел. Дело в том, что еще 10 октября 1918 г., т. е. до «окончательного расследования событий в Омске» 21–24 сентября, начальник гарнизона полковник М. И. Федорович запретил проведение собрания объединения «с обсуждением политических вопросов». Разгневанные областники обратились с жалобами в Омск, вплоть до Н. Д. Авксентьева. Не получив ответа, совет Союза 12 декабря апеллировал к П. В. Вологодскому с прошением разрешить его деятельность и рассказом о своих мытарствах³³. На сей раз указания «верховой властью» были даны, и енисейский губернский комиссар 17 января 1919 г. известил местных областников: «...не встречая со своей стороны препятствий к устройству общего собрания Областного союза, я, ввиду объявления города Красноярска состоящим на осадном положении, предлагаю правлению за разрешением на созыв общего собрания обратиться к начальнику гарнизона г. Красноярска, которого я вместе с сим поставлю в известность об изложенном»³⁴.

Круг замкнулся, и в принципе возникла угроза существованию Союза, поскольку губернская администрация поинтересовалась, имеется ли у него устав, зарегистрированный в окружном суде. Срочно разработанный Вл. М. Крутовским и Советом организации, он не был зарегистрирован по ряду формальных положений. Лишь 4 марта общее собрание Союза обсудило и приняло злополучный устав. Для нас этот документ представляет интерес, так как характеризует позиции рассматриваемого крыла сторонников движения. Своей ближайшей целью они провозгласили активную пропаганду и распространение положения об автономном устройстве Сибири, основанного на «идее вхождения в состав всей России как федеративной единицы и при условии демократически-парламентарного образа правления в России». Конкретно

для региона предполагалось добиваться Сибирского учредительного собрания, выработки и утверждения сибирской конституции, и все это посредством пропаганды среди населения идей «народовластия и демократического устройства»³⁵. Примерно те же цели провозглашал в уставе, зарегистрированном в сентябре 1919 г., Иркутский губернский союз областников-автономистов во главе с Г. Б. Патушинским³⁶.

Промежуточное положение заняла третья группа областников, ориентировавшихся в основном на народных социалистов и примкнувших к рассматриваемому движению в 1917 г. (И. А. Молодых, М. П. Головачев, Н. Я. Новомбергский, А. Д. Баженов, Н. Н. Козьмин и др.). Поддерживая политику колчаковского правительства, они, тем не менее, выступали за немедленную реализацию областнических лозунгов. Их позиция изложена в «Декларации сибиряков-областников», появившейся в начале июля 1919 г. В ней уже традиционно выдвигалась претензия сторонников движения выражать интересы всех партий и объединять «всех, кто тесно связан с Сибирью и признает лишь непрременным условием нормального развития единого и неделимого Российского государства начало децентрализации управления». Далее признавалось, что «переходной формой российской власти до окончательной победы над большевиками и до создания Национального учредительного собрания, в интересах собиравания разрозненных частей России, должна оставаться обладающая всей полнотой власти верховная государственная власть, осуществляемая Верховным правительством». Вместе с тем авторы документа находили своевременным поставить перед властью вопрос о создании сибирского областного управления с законосовещательным органом по местным вопросам. Наконец, перечислялись местные вопросы, которые должны быть решены в ближайшее время. Прежде всего, областники требовали «установления и защиты земельных прав старожилы-крестьян, казаков и инородцев, а равно хозяйственного устройства прежних переселенцев»³⁷. Таким образом, они считали возможным осуществление идей своего движения в условиях колчаковской диктатуры.

Новая власть заставила национальные движения и их лидеров изменить тактику. Официально декларируемый принцип «единой и неделимой» подкреплялся заявлениями кадетов о возрож-

дении национального самосознания русского народа, «верховенстве русской культуры как великого исторического государственного-связующего начала»³⁸. Поэтому процесс национального строительства приостановился. «Колчаковское правительство воспринимало притязания национальных меньшинств как ограничение державного суверенитета. Колчаковские идеологи аргументировали непризнание культурно-национальной автономии тем, что права национальных меньшинств обеспечиваются признанием их гражданских прав. Таким образом, национальным меньшинствам отказывалось в праве на существование в виде коллектива (национального союза). И поэтому самоуправление национальных меньшинств колчаковской властью не приветствовалось. Но и не ликвидировалось», — замечает по этому поводу И. В. Нам³⁹.

Правительственные круги в течение всего 1919 г. саботировали неоднократные обращения Центрального национального управления тюрко-татар Внутренней России и Сибири об официальном признании его в качестве публично-правового органа культурно-национальной автономии мусульман. Подверглись репрессиям отдельные лидеры националистов. В частности, в декабре 1918 г. был арестован председатель Каракорумской управы Г. И. Гуркин. Находясь в тюрьме, он в обращении к властям сетовал: «И мне очень обидно, что народное правительство, которому я служил с такой верою и любовью, меня теперь, как преступника, держит под строжайшим надзором в тюрьме»⁴⁰.

Эти обстоятельства обусловили отход национальных объединений от прямой поддержки контрреволюции. Их лидеры начинают поиск альтернативных вариантов автономии для своих этносов. Так, 25 февраля 1919 г. в Чите под эгидой атамана Г. М. Семенова начал работу панмонгольский съезд, принявший решение об образовании независимого федеративного «Велико-Монгольского государства», получившего название «Даурского», со своей армией. Целенаправленность данной акции один из лидеров бурятского национального движения Б. Вампилон объяснил следующим образом: «Задачи создания национальных войск, по-видимому, заключались в осуществлении панмонгольских идей»⁴¹.

Колчаковский переворот принципиально не изменил позицию коммунистов. На состоявшейся в Томске 23–24 ноября 1918 г. 2-й Сибирской (1-й Общесибирской) партийной конференции перед

подпольными организациями выдвигается задача «подготовки восстания против буржуазной диктатуры в Сибири, восстания за восстановление власти Советов рабочих и крестьянских депутатов, восстания в целях объединения с Советской Россией». Причем его предполагалось начать через две недели⁴². Организованные коммунистами во исполнение директивы вооруженные выступления в Омске (дважды), Томске, Канске, Иланской, Бодайбо, Енисейске, Тюмени, Кольчугино в конце 1918 — начале 1919 г. завершились поражением и массовыми репрессиями против участников и вообще потенциально оппозиционных режиму социальных сил. Подобный исход объяснялся слабостью подполья, отсутствием поддержки со стороны населения, колебаниями в солдатской среде, импровизацией вместо тщательной подготовки. Так, восстание в Омске 1 февраля 1919 г. свелось к попыткам распропагандировать солдат двух полков, обстрелу и разоружению постовых милиционеров, нападению на пороховые склады, разборке железнодорожных путей⁴³.

В создавшихся условиях происходит изменение тактики. 17 декабря 1918 г. для непосредственного руководства коммунистическим подпольем и оказания ему всесторонней помощи образуется Сибирское бюро ЦК РКП(б), которое в январе 1919 г. директивно предписало нелегальным организациям региона прекратить практику вооруженных выступлений в городах (готовить их только в прифронтовой полосе, согласовывая их с действиями частей Красной армии), сосредоточиться на пропагандистской работе среди рабочих, обратить пристальное внимание на партизанское движение и возглавить его, не вступая в политические соглашения с меньшевиками и эсерами, используя их только для организации совместных вооруженных выступлений. Эти указания были положены в основу решений 3-й (2-й Всесибирской) партийной конференции РКП(б), которая состоялась в Омске 20 марта 1919 г. и на которой присутствовали делегаты от подпольных организаций Владивостока, Благовещенска, Верхнеудинска, Иркутска, Красноярска, Томска, Омска, Новониколаевска, Тюмени, Челябинска и Читы. Однако развернуть массовую работу в указанных направлениях было чрезвычайно трудно из-за слабости коммунистического подполья, массовых и регулярных репрессий против его участников (только в Красноярске до июня 1919 г. было полностью уничтоже-

но два состава комитета РКП(б)), слабых связей с деревней, где партизанское движение только развертывалось и находилось в зачаточном состоянии.

С осени 1918 г. на территории региона возникают первые партизанские отряды, основной контингент которых составили участники крестьянских восстаний, прокатившихся тогда по Сибири, а также фронтовики, скрывавшиеся от репрессий и вступившие в конфликт с колчаковской администрацией, и сельские коммунисты. Из наиболее крупных формирований следует назвать отряды А. И. Избышева в Татарском уезде (50 чел. на начало января 1919 г.), П. К. Лубкова в Мариинском уезде (65 чел. на начало января 1919 г.), В. П. Шевелева-Лубкова, И. П. Новожелова и К. Кузнецова в Кузнецком уезде (12 чел.), Н. А. Калацдаршвили в Иркутском уезде.

Первыми партизанско-повстанческими районами к началу 1919 г. стали Степно-Баджейский (юг Красноярского и Канского уездов), Тасеевский (север Канского уезда) и Северо-Ачинский, но и здесь численность вооруженных формирований не превышала 90–200 чел.⁴⁴ К тому же среди партизан были распространены не только коммунистические настроения, но и отдельные программные и тактические установки эсеров и анархистов. Как отмечает Н. С. Ларьков, «до середины 1919 г. значительную политическую активность проявили эсеры в Шиткинском и Степно-Баджейском партизанских районах... В Шиткинском районе, например, с самого начала часть членов эсеро-меньшевистской группы вместе с большевиками вошла в командный состав партизан, заняла ключевые посты. Эсеро-меньшевистское руководство штаба сразу же выдвинуло лозунг Учредительного собрания и усердно его пропагандировало. Почти на каждом заседании штаба между большевиками и эсерами велись споры. Особенно они обострились в апреле — мае 1919 г.»⁴⁵

Завершая обзор политических настроений, вызванных переворотом 18 ноября 1918 г., логично рассмотреть вопрос о социальной базе колчаковского режима и его идеологии. В первом случае приходится констатировать ее чрезвычайную ограниченность. Так, в циркуляре управляющего Енисейской губернией от 28 декабря 1918 г. прямо указывалось, что «напрягают всю силу своей энергии, не щадя жизни» для воссоздания отечества «казачье население,

интеллигентный класс общества и молодая армия»⁴⁶. Представитель противной стороны, один из руководителей ВЧК М. Я. Лацис по этому поводу заявлял: «Юнкера, офицеры старого времени, учителя, студенчество и вся учащая молодежь — ведь это все в своем громадном большинстве мелкобуржуазный элемент, а опито и составляли боевые соединения наших противников, из нее-то и состояли белогвардейские полки»⁴⁷.

Антикоммунистическое движение на востоке России поддерживали городская интеллигенция, буржуазия, духовенство, чиновничество и офицерство. Не сыграл существенной роли в Сибири «казачий» фактор. Местные станичники, за редким исключением, уклонялись от участия в боевых действиях, ограничиваясь самообороной и карательными акциями в тылу. Например, казаки станицы Улятуйской (Забайкалье) заявили: «Рассмотрев вопрос о призыве граждан нашего земства в особый Маньчжурский отряд, сформированный есаулом Семеновым, постановили: мы единогласно отказываемся выполнять его приказ и выражаем ему полное наше недоверие»⁴⁸. Не отличался надежностью офицерский корпус. По подсчетам В. М. Войнова, к лету 1919 г. кадровых офицеров на Восточном фронте насчитывалось около 1 тыс. чел., а основную массу командного состава (16–17 тыс.) составляли офицеры военного времени, т. е. вчерашние интеллигенты⁴⁹. Что они собой представляли, свидетельствуют опросные листы на пленных офицеров из Омского концлагеря, обработанные Н. В. Грековым. Итак, из 600 чел. «четверть до службы в армии были студентами, 30% — бывшие бухгалтеры, телеграфисты, конторщики, 18% — учителя и только 7% профессиональные военные. Средний возраст этой группы 24–25 лет»⁵⁰. С одной стороны, молодая интеллигенция составила костяк офицерского корпуса «белых», но с другой — преобладание среди нее выходцев из мелкобуржуазных низов, прежде всего крестьянства, предопределяло ее политическую мнимую и стремление выжить любой ценой. Поэтому по мере перехода инициативы к «красным» учащаются случаи перехода к противнику и сдачи в плен со стороны этой категории командного состава. Объясняя данное явление, военный историк А. Анишев заметил: «Это не было разложением офицерства. Это было разложением той среды, откуда офицерство вышло. Городская мелкая буржуазия колебнулась от Колчака, как только она

увидела, что борьба с большевиками это вовсе не есть борьба за ее требования»⁵¹.

Что касается идеологии режима, то вопрос об этом обсуждался на 3-й конференции кадетов, завершившей свою работу в Омске 22 мая 1919 г. Приветствуя ее делегатов от имени Восточного отдела ЦК, глава пропагандистского аппарата омского правительства А. К. Клафтон подчеркнул: «Итак, основная задача наша прежде всего — уничтожение военной силы большевизма, и поэтому все остальное должно быть подчинено этой главной военной цели. Но мы должны отдать себе отчет в другой, более высшей государственной цели, ради которой мы боремся, — мы должны уничтожить силу врага для того, чтобы иметь возможность возродить в России новое правовое государство, покоящееся на началах национальной демократии»⁵².

В принятых конференцией тезисах формулируются основные программные положения партии на ближайшее время. Будущий образ правления, по мысли кадетов, «должен быть установлен согласно с волей Всероссийского национального собрания с учредительными функциями». Власть на местах должна временно строиться не на принципах самоуправления, «а путем назначения правительством». Необходимо восстановить в полном объеме свободную торговлю, «поскольку она чужда спекуляции», и бережно заботиться о православной церкви⁵³.

Осуществление указанных задач один из омских кадетских лидеров В. А. Жардецкий видел в организации — по типу местного блока политических партий — «национально-всероссийского» формирования, объединяющего «республиканскую и монархическую демократию». Однако, как он признался позднее, после 18 ноября энергия общественной самодеятельности «стремглав снимается, наступила реакция на неимоверное напряжение», власть была «по своему духовному уровню значительно ниже перед ней стоящих задач», «в ней не было пафоса... не было талантливой воли... не было политического и организационного творчества. Она жила со дня на день без программы и стиля и поэтому заблачивалась интригами и маленькими планами, которые заслоняли образы целого»⁵⁴.

Данные слова можно считать ключевыми к пониманию ситуации в «белой» Сибири с конца ноября 1918 до конца июня 1919 г. Это был апогей колчаковского режима, пик его достижений, преж-

де всего военных, внешнеполитических, экономических, административных. Но одновременно именно тогда начинает проявляться действие деструктивных тенденций, обусловивших его поражение.

В военном отношении сибирская контрреволюция до начала 1919 г. превосходила Красную армию по уровню организации, сплоченности, энтузиазма. Следствием этого стал последний крупный стратегический успех — взятие 24 декабря 1918 г. Перми. Однако уже 31 декабря он был уравновешен освобождением «красными» Уфы. Существенно ослабило белогвардейские формирования на фронте самоустранение частей Чехословацкого корпуса от участия в боевых действиях. Проведенная А. В. Колчаком в ноябре — декабре реорганизация управления действующей армией, впервые после начала боевых действий на востоке России, позволила российским военным непосредственно осуществлять руководство военными операциями. Однако назначение на ключевую должность начальника штаба Верховного главнокомандующего 20 ноября 1918 г. полковника (впоследствии генерала) Д. А. Лебедева, «случайного юнца без всякого стажа и опыта», явилось крупной ошибкой, обострившей вражду между полевыми командирами и Ставкой⁵⁵. «Одной из причин неудач белого движения исследователями называется военно-стратегическая, — замечает А. М. Лосунов. — В числе дополнительных факторов, раскрывающих ее, следует назвать то, что многие офицеры и генералы в гражданскую войну не имели опыта в составлении и разработке военных операций для фронта. Это было вызвано, с одной стороны, тем, что многие офицеры в результате военных действий буквально „росли“ в чинах и должностях, а с другой — резким отличием масштабов военных действий в первой мировой и гражданской войнах. Рассматривая эту причину, мы можем говорить не только об отсутствии опыта в среде высшего командования при составлении и разработке военных операций для армии, но и о бесконечных интригах, царивших в кругах высшего военного командования»⁵⁶.

4 марта 1919 г., доведя общую численность своих войск до 400 тыс. чел., из которых на фронте находилась примерно треть, А. В. Колчак начал наступление, увенчавшееся взятием городов Оханска, Сарапула, Ижевска, но к концу апреля оно остановилось. В начале мая из-за восстания и перехода к красным распропагандированного полка (курения) украинцев-сибиряков и солдат ряда

других подразделений на Самарском направлении образовалась огромная брешь. И хотя севернее войска Сибирской армии вышли к Глазову, общая обстановка на Восточном фронте кардинально изменилась, и 1 июля красные освободили Пермь.

По мере затягивания боевых действий, перехода от импровизаций к планомерным военным операциям, замены добровольчества массовыми призывами в армию все более обострялся дефицит в самом необходимом для действующей армии. Важным фактором стал рост боевой мощи Красной армии, постепенно преодолевшей «партизанщину». Существенную роль сыграли и крупные стратегические просчеты «белых» в выборе направления главного удара в начале 1919 г. Омский режим не сумел организовать дееспособной системы планирования и руководства боевыми действиями. Безрадостную картину положения на фронте нарисовал в своем дневнике 15 мая 1919 г. генерал А. А. Будберг: «Вижу перед собой непомерно растянутый фронт; растрепанные, полуголые и босые, истомленные и вымотанные вконец части; молодое, очень храброе, но неопытное и неискусное в управлении войсками и в маневрировании начальство; самоуверенные, враждующие между собой и не особенно грамотные по полководческой части штабы армий, автономные, завистливые, не способные друг другу помочь; самонадеянную, бездарную, безграмотную по стратегии и организации Ставку, далекую от армии и не способную разобраться в происходящем; никаких ресурсов по части готовых для боя резервов; никаких планов текущих операций, кроме задорного желанья изменить неуспех в успех... и очень мало надежды на то, что все сие преходяще и может измениться в лучшую сторону»⁵⁷.

Еще в ходе гражданской войны внутри «белого» движения развернулась полемика относительно роли «старых» (производства до 1917 г.) и «новых» (1918–1920) генералов в вооруженной борьбе и ответственности за поражение в ней. Генералы старой школы Е. И. Достовалов и А. А. Будберг во всем винили молодых вундеркиндов⁵⁸. В свою очередь Б. В. Анненков считал старых генералов хламом. «Такое убеждение у меня сложилось еще на германском фронте», — замечал он⁵⁹. Выдвиженцы в «белом» лагере пытались изменить прежде всего взаимоотношения между офицерами и солдатами, ликвидировать пропасть, которая пролегла между ними

с начала 1917 г. Но из этого ничего не вышло. Как верно подметил В. С. Скробов, «колчаковскую армию возглавляли опытные военные кадры. Среди них генералы М. К. Дитерихс, В. О. Капель, А. Н. Пепеляев, С. Н. Войцеховский, Л. А. Лебедев, Р. Гайда, М. В. Хайкин, К. В. Сахаров и другие. Однако из их среды не выдвинулось ни одного крупного полководца. Колчаковская армия руководствовалась дореволюционными уставами, стремилась использовать опыт военного искусства первой мировой войны, однако слабо учитывала маневренный характер гражданской войны. Существенные недостатки имелись в управлении войсками, в деятельности штабов, в материальном обеспечении личного состава»⁶⁰.

Крупные недостатки в обеспечении армия были связаны прежде всего с коррупцией. Американский наблюдатель сообщал: «Все официальные сообщения о военной силе фальшивы. Предполагается, что у Колчака десять армейских корпусов, но каждый из них насчитывает не более 2 тыс. штыков. Постоянное дезертирство не наказывается. Дисциплины нет. Командующий сообщает в докладе о 20 тыс. человек в его армии и счастлив, если получает довольствие и оплату для 5 тыс. На самом деле в его распоряжении 2 тыс. солдат и офицеров и он положит в свой карман все, что заплачено сверх нормы»⁶¹.

В сфере экономики политику колчаковского правительства определяло Государственное экономическое совещание, образованное 23 ноября 1918 г. и стоящее на позициях частно-рыночного хозяйства с одновременным признанием государственного, муниципального и кооперативного секторов. Для финансирования боевых действий восстанавливается разветвленная система прямых и косвенных налогов, а также винная монополия, что позволило увеличить объем поступлений за вторую половину 1918 г. в 1,8 раза. Рост доходов казны продолжался и в первой половине 1919 г., но его темпы существенно снизились⁶². Налоговое бремя вызвало резкое недовольство не только крестьянства, «надеявшегося на полную ликвидацию поземельного обложения, а вместо этого получившего не только их возобновление, но и сбор недоимок», но и рабочих и служащих. По мнению В. М. Рыкова, «именно на них легла основная часть платежей основных и косвенных налогов. Законодательство контрреволюционных правительств Сибири предусматривало очень высокое обложение доходов буржуазии и частных торговых

предприятий, но буржуазия, на словах поддерживавшая курс власти на высокое обложение имущих слоев, реально скрыла большую часть своих капиталов и доходов от казны»⁶³.

В актив сибирской контрреволюции можно записать относительно стабильную денежную обращение, улучшение положения с денежной наличностью, изъятие из обращения «керенок», хотя в хождении на территории региона находилось более сотни различных денежных знаков⁶⁴. С помощью союзников шло восстановление железных дорог, однако в целом транспорт не справлялся с перевозкой потребительских товаров и продовольствия. Официально декларируя частную собственность и свободу торговли, Омское правительство вводит вместо государственной монополии государственное регулирование торговли хлебом, маслом и мясом, ужесточает контроль за частными предприятиями, осуществляет тотальные реквизиции. «При таких условиях, — замечает В. М. Рынков, — не могло нормально функционировать даже крестьянское хозяйство, так как основная часть его продукции сбывалась оптовикам, и, следовательно, сибирский крестьянин испытывал большое лимитирующее влияние государственного регулирования»⁶⁵.

Все это вместе взятое усугубляло экономический кризис, способствовало коррупции, расцвету спекуляции и резко ухудшало положение населения, прежде всего горожан. Розничные цены на продукты полеводства с сентября 1918 по октябрь 1919 г. выросли в 10 раз, а животноводства — в 4 раза. Прожиточный минимум в Барнауле в октябре 1918 г. составил 193 руб., а в феврале 1919 г. — уже 326 руб.⁶⁶

Что касается аграрного вопроса, то основные контуры политики А. В. Колчака изложены в «Декларации о земле» от 8 апреля 1919 г. с основополагающей идеей «создания крепких мелких трудовых хозяйств, владеющих землей на праве частной собственности и свободных от принудительной опеки общины», т. е. в духе столыпинского аграрного курса. Кроме того, безземельным и малоземельным обещалась дополнительная прирезка земли за счет частновладельческих и казенных земель, «уже перешедших в фактическое обладание крестьян». Наконец, правительство гарантировало, «что впредь никакие самовольные захваты ни казенных, ни общественных, ни частновладельческих земель допускаться не будут»⁶⁷. Вслед за этим сам Верховный правитель, выступая 10

апреля в Омске перед представителями земских учреждений, объявил крестьянскую земельную собственность «основой благоденствия всей страны» и пообещал расширить крестьянское землевладение за счет крупных землевладельцев⁶⁸.

Реально же Омское правительство серией нормативных актов от 8, 13, 18 апреля, 13 июня 1919 г. превращало крестьян из фактических пользователей в арендаторов земли, улачивающих поземельный налог, разрешало собрать урожай на захваченных помещичьих землях, но без прав на последующее владение этой землей, обставляло поземельные отношения запутанными бюрократическими процедурами, внося элементы хаоса. Давая интегральную оценку аграрного курса сибирской контрреволюции при Колчаке, можно согласиться с выводом С. И. Люшни: «Таким образом, аграрная политика правительства Колчака продолжила эволюционный путь развития сельского хозяйства, предложенный П. А. Столыпиным, была направлена на дальнейшее разрушение общины и развитие крестьянского хозяйства, не решая при этом судьбу крупного помещичьего землевладения до созыва Учредительного собрания. В решении аграрного вопроса омские реформаторы пошли значительно дальше всех „белых правительств“ — признали осуществленный самими крестьянами передел земель осенью 1917 и весной 1918 г. Но решить крестьянский вопрос, основываясь не на старых законах, идеологических схемах, а на основе реальной программы, выработанной с учетом интересов самих крестьян, колчаковское правительство так и не решилось, лавируя между законными и незаконными методами, боясь радикально решить и судьбу крупного частного землевладения, и судьбу крестьянского хозяйства. Можно констатировать, что противопоставить Декрету о земле реальную аграрную политику правительство Колчака не смогло не только в результате ограниченности во времени, но и в силу идеологических догм. Омское правительство не смогло адекватно оценить патриархальность крестьянского социума, его психоментальность, с одной стороны, а с другой — его взрывной анархизм. Крестьянство не поддержало правительство Колчака, выступило как „активный субъект“, отстаивающий с оружием в руках свои права на землю, свои представления о власти и государстве...»⁶⁹

К лету 1919 г. колчаковская диктатура оказалась в состоянии войны с местным крестьянством. Попытки насаждения столыпин-

ского варианта решения аграрного вопроса без учета специфики региона, а также мобилизации, реквизиции, взимание налогов и недоимок за советское время, государственная монополия на лес, дороговизна и произвол начальников, прежде всего военных, стимулировали активное, в том числе вооруженное противодействие крестьян, выступивших на защиту своих коллективных интересов.

Определенные подвижки происходят в системе органов государственного управления сибирской контрреволюции. Согласно колчаковской «конституции» — «Положению о временном устройстве государственной власти в России» от 18 ноября 1918 г. — вся полнота верховной государственной власти сосредоточивалась у А. В. Колчака. При нем действовал Совет министров, игравший и законодательную роль, а все нормативные акты Верховного правителя скреплялись подписью председателя Совета министров. Персональный состав Кабинета до весны 1919 г. практически не менялся, лишь указом от 27 декабря 1918 г. увольняется от должности в связи с ее упразднением министр снабжения И. И. Серебренников⁷⁰. Однако формально беспартийный Кабинет был расколот на две группировки: правых — во главе с И. А. Михайловым и центристов — под руководством П. В. Вологодского. Соотношение сил, по данным Г. К. Гинса, было 7 против 8⁷¹. Претензия колчаковского режима на всероссийский статус выразилась в росте центральных управленческих структур и их штатов: например, в 16 управлениях Военного министерства по штатному расписанию 16 февраля 1919 г. числилось 1 271 чел.⁷²

В качестве совещательного органа действовал Совет Верховного правителя в составе председателя Совета министров или его заместителя, министров внутренних дел, финансов, иностранных дел и управляющего делами Совета министров. Почти одновременно с ним, как уже указывалось выше, образуется Государственное экономическое совещание с совещательными функциями в составе ряда министров, государственного контролера и ряда влиятельных представителей предпринимательских кругов. В начале мая 1919 г. специальным указом был существенно расширен его состав (60 чел.) из числа выборных представителей от биржевых комитетов, кооперации и земств. Правда, последние только выдвигали своих кандидатов, а окончательно утверждал их в статусе делегатов Верховный правитель⁷³.

А. В. Колчак возобновил функционирование высшей судебной инстанции дореволюционной России — Правительствующего сената и высшего дисциплинарного суда, что позволяло смещать с должностей лиц судебного ведомства и по сути дела ликвидировало принцип «несменяемости судей».

Перечисленные преобразования позволяли квалифицировать колчаковский режим как кадетско-монархическую (право-монархическую) диктатуру. В последнее время получает распространение полярная точка зрения: так, А. А. Беляев настаивает на том, что власть А. В. Колчака «ни в коей мере не являлась диктатурой, а должна была представлять и уже частично представляла систему государственных институтов и учреждений общедемократического характера, приводивших Россию к режиму правового государства»⁷⁴.

Прежде всего, необходимо дать разъяснение по поводу монархизма «белого» движения. По нашим наблюдениям, ни одна из белогвардейских группировок в России не решилась реанимировать идею реставрации монархии, за исключением генерала М. К. Дитерихса, который в августе 1922 г. во Владивостоке на «Земском соборе» избирается «единоличным правителем и воеводой земской рати», создаваемой для возрождения «законной монархии». Те группы монархистов, которые действовали в Омске, были незначительны и неавторитетны, даже на панихиду в годовщину гибели царской семьи явилось несколько десятков человек, преимущественно старых офицеров⁷⁵. Однако переворот 18 ноября 1918 г. давал коммунистам несомненные преимущества в контрпропаганде, поскольку позволял квалифицировать режим Верховного правителя как проявление реставраторских тенденций в «белом» движении. Известное ленинское определение колчаковщины — «хуже царской власти» — не было пропагандистским штампом. «Установление единоличной военной диктатуры, — делает закономерный вывод Л. В. Некрасова, — представлявшей собой по существу форму самодержавной власти, использование преимущественно системы законодательства, существовавшей в России до февраля 1917 г., а также восстановление некоторых дофевральских институтов управления, прежде всего на местном уровне, по форме еще больше сближало колчаковский режим с дофевральской системой власти»⁷⁶.

Основными органами местного управления являлись земские структуры (уездные и губерnsкие), городское самоуправление и правительственная администрация в лице управляющих губерниями и уездами (с 28 декабря 1918 г.) с соответствующими учреждениями различных ведомств. Формально власть на местах осуществляли органы самоуправления, а за управляющими сохранялись функции надзора и поддержания правопорядка. Основные направления официальной политики в отношении местного самоуправления формулируются в Декларации министра внутренних дел А. Н. Гаттенбергера от 18 декабря 1918 г., в которой в качестве первоочередных задач объявлялись тесное и благожелательное сотрудничество администрации с органами местного самоуправления, восстановление сельских органов управления, изменение избирательных законов, расширение бюджетных прав городов и земств⁷⁷. В циркуляре управляющего Енисейской губернией от 28 декабря 1918 г. все это сводилось к следующей сентенции: «Установление правопорядка и государственности требует от органов государственной власти и самоуправления особого внимания и особого напряжения сил по охране и соблюдению законности, для чего должны быть приложены соединенные усилия как органов самоуправления, так и подчиненных им чинов губернии»⁷⁸.

Реально же вся полнота власти принадлежала управляющим, которые активно вмешивались в деятельность земских и муниципальных органов, занимавшихся в основном решением культурно-просветительных и хозяйственных проблем. Но «не обладавшие поддержкой у населения, находящиеся в хроническом финансовом кризисе, не имеющие почти никакого опыта повседневной работы, безвластные, но бесконечно амбициозные земства превратились в „белой“ Сибири в паразитарную политическую структуру, играющую исключительно деструктивную роль»⁷⁹. Подобное положение было связано, по мнению Т. В. Мальцевой, с тем, что «органы местного самоуправления не были приняты основной массой местного населения — крестьянством, которое в большинстве своем так и не смогло обнаружить их преимущества по сравнению с дореволюционными, царскими властями и относилось либо безразлично, либо враждебно. С другой стороны, торгово-промышленная буржуазия, военные круги, особенно в период колчаковского режима, формаль-

но не запрещая земства, фактически лишали их самостоятельности, — до осени 1919 г. не признавался Сибземгор — высший исполнительный орган Всесибирского союза земств и городов, не утверждались хозяйственные планы, сметы земств, запрещалось заниматься организацией производства, посреднической работой»⁸⁰.

Что касается управления деревней, то она в рассматриваемое время оказалась вне сферы деятельности административных органов Омского правительства. Здесь действовали разнообразные органы управления — от волостных земских управ до волостных правлений и сельских старост. Волостные земства находились в зачаточном состоянии, не пользовались поддержкой крестьян, а там, где действовали, превратились «в полицейско-административные органы и вынуждены были заниматься сбором налогов в пользу правительства, но не для своих нужд, поимкой дезертиров, мобилизацией, конными и продовольственными поставками для армии, содействием милиции и пр.»⁸¹. К тому же правительство, по сути дела, реставрировало самодержавную форму управления деревней через институт крестьянских начальников — в июне 1919 г. были введены должности участковых помощников управляющих уездами с широким кругом полномочий.

Формальное укрепление «вертикали» власти фактически не привело к восстановлению ее авторитета у народных масс. К тому же она ежедневно ослаблялась случаями коррупции, интригами, атаманщиной, всевластием и вседозволенностью бюрократии. Пожалуй, наиболее квалифицированную, объективную и емкую характеристику дал ей один из видных функционеров «колчакии» генерал А. А. Будберг. «Власть потеряла целый год, — записал он в дневнике 7 июня 1919 г., — не сумела приобрести доверия, не сумела сделаться нужной и полезной, а поэтому нет ничего мудреного, что ее авторитет неудержимо, почти что кувырком летит вниз. Сейчас нужны гиганты наверху и у главных рулей и плеяда добросовестных и знающих исполнителей им в помощь, чтобы вывести государственное дело из того мрачно-печального положения, куда оно забрело; вместо этого вижу кругом только кучи надутых лягушек омского болота, пигмеев, хамелеонистых пустобрехов, пустопорожних выскочек разных переворотов, комплотов и политически-коммерческих комбинаций; вижу гниль, плесень, лень, недобросовестность, интриги, взяточни-

чество, гризнию и торжество эгоизма, бесстыдно прикрытого великими и святыми лозунгами»⁸².

Исход противостояния в гражданской войне был связан с факторами глобального характера, обусловленными геополитической ситуацией. Антанта после победы в мировой войне утратила интерес к бывшему союзнику. Англия и Франция не могли оказать реальной помощи «белым», опасаясь роста социальной напряженности среди собственного населения, прежде всего военных. Не могли сделать этого на Дальнем Востоке США и Япония из-за взаимного недоверия и стремления не допустить усиления позиции одной из стран в этом регионе. Данное обстоятельство предопределило крах японской интервенции уже в начале 20-х гг. Самое же главное заключалось в том, что в начале 1919 г. Антанта не хотела участия России в послевоенном устройстве Европы, обсуждаемом на Парижской мирной конференции, как и выполнения обязательств в отношении ее, взятых во время первой мировой войны. Другими словами, Европе не нужна была сильная Россия. Тогда же курс на помощь и признание «белых» заменяется на проект создания «санитарного кордона» из пограничных с Россией государств от Финляндии до Румынии.

Соответственно меняется отношение к союзникам в антибольшевистском лагере. Так, выдающийся историк С. Б. Веселовский 13 февраля 1919 г. записывает в дневнике: «Сведения об их (интервентов. — М. Ш.) намерениях отрывочны и неясны, но постепенно у всех начало складываться представление, что „спасать“ Россию они не намерены и не будут и что их вмешательство, пожалуй, хуже полного невмешательства. Это заключение повергло в еще большую безнадежность. Большевизм приходится изживать своими силами, а на них мало надежды»⁸³. А писатель Л. Андреев тогда же дал следующую оценку случившемуся: «То, что ныне по отношению к истерзанной России совершают правительства союзников, есть либо предательство, либо безумие... Надо совсем не иметь ушей или иметь, но ничего не слышать, чтобы не услышать этих воплей и стонов, треска непрерывных расстрелов, что составляют неумолчную песню России в течение последних полутора лет... Надо совсем не иметь чувства достоинства и даже простой опрятности»⁸⁴.

Отмеченные обстоятельства проявлялись и в Сибири. И здесь контрреволюция дождалась помощи от союзников, более того,

переворот 18 ноября 1918 г. был санкционирован и поддержан ими. Ожидания подкреплялись присутствием в регионе до 35 тыс. чехословаков, 80 тыс. японцев, более 6 тыс. англичан и канадцев, более 8 тыс. американцев, более 1 тыс. французов, а также поляков, сербов, румын, итальянцев и др.⁸⁵ Несмотря на противоречия во внешнеполитической ориентации между отдельными лидерами и группировками, общую позицию всех их выразил В. Н. Пенелеев, записав в дневнике 10 апреля 1919 г.: «Мы не должны быть ни японофилами, ни американофилами. Мы должны пользоваться всеми. Русская ориентация. Да»⁸⁶.

Нельзя сказать, что интервенты бездействовали. Они активно принимали участие в карательных акциях против мирного населения, прежде всего на Дальнем Востоке и вдоль линии железной дороги, неся при этом существенные потери. Более 200 американских военнослужащих погибли в борьбе с партизанами в июне 1919 г. на Сучавской железнодорожной ветке, а потери японцев только в Амурской области в 1919 г. составили 3 тыс. чел.⁸⁷ Однако Чехословацкий корпус — основная ударная сила антибольшевистских сил на востоке — после капитуляции Германии фактически от боевых действий отстранился.

Сразу после прихода к власти в Декларации Верховного правителя от 7 декабря 1919 г. заявлялось, что союзные державы во взаимоотношениях с правительством Колчака будут руководствоваться «великими идеалами гуманности, справедливости и международной солидарности», а оно, соответственно, «с признательностью примет их содействие в трудах по воссозданию России». Особые надежды возлагались на работу Парижской мирной конференции. В связи с этим местная пресса отрицательно отнеслась к проекту организации совещания на Принцевых островах с участием представителей от РСФСР и «белых» движений⁸⁸.

Определенные надежды на дипломатическое признание омского режима появились после обмена нотами между союзниками и Колчаком 23 мая — 3 июня 1919 г. В ноте союзников в жесткой и ультимативной форме официальное признание оговаривалось рядом условий: созыв Учредительного собрания, избранного в 1917 г.; беспрепятственная деятельность органов самоуправления; отказ от попыток восстановления «специальных привилегий для тех или иных классов и сословий России»; признание независи-

мости Польши, Финляндии и автономии Эстонии, Литвы, Латвии, кавказских, среднеазиатских (закаспийских) территорий и др.⁸⁹ Несмотря на принятие всех пунктов, кроме первого, признания не последовало ни в середине 1919 г., ни позже, хотя некоторые сибирские газеты сообщали о нем как о якобы уже состоявшемся факте. А какое значение оно могло иметь, свидетельствует Г. К. Гинс: «Признание нужно было, как воздух... Правительству нужна была моральная поддержка, которая бы подняла его авторитет внутри страны, прекратила бы интриги тех, кто рассчитывал добиться признания скорее, чем Омск... Признание было нужно, непризнание губило омскую власть»⁹⁰.

Начиная с 18 ноября 1918 г., неоднократно заявлялось, что главной задачей режима является создание условий, в которых население России могло бы «беспрепятственно избрать себе образ правления, который оно пожелает». Необходимым условием для этого различные группировки сибирской контрреволюции считали созыв конституционной ассамблеи (Учредительного или Национального собрания). На этом настаивали даже проправительственные круги, рупором которых являлась газета «Заря». «Созыв Учредительного собрания на территории, освобожденной от большевиков, т. е. Сибири, — утверждал один из ее авторов в феврале 1919 г., — только послужит скорейшему укреплению правовых норм, укреплению народоправства, что исключит рецидив большевизма, требующий постоянной военной силы»⁹¹.

Одновременно мелкобуржуазные группировки, выступающие в поддержку режима, начинают робко намекать на необходимость создания при нем представительного органа. В их среде вырабатываются первые его проекты. Уже в феврале 1919 г. омский «блок политических и общественных объединений» формулирует идею создания представительного законосовещательного органа по типу дореволюционного Государственного совета, составленного из делегатов по назначению и министров по должности⁹². В противовес кооперативные круги Омска высказались за создание при правительстве законосовещательного форума по типу предпарламента⁹³. Особую озабоченность последних вызывало отсутствие у Совета министров четкой социально-экономической программы. Кооператоры предлагали поставить интересы крестьянства в основу всей внутренней политики колчаковского правительства. «Что касает-

ся торгово-промышленной буржуазии, — обосновывал этот тезис Е. Яшнов, — то ее объективные интересы... вполне совпадают с интересами нашей деревни. Нам не приходится мечтать о внешних рынках, поэтому все будущее нашего товарообмена зависит от экономического и правового устройства крестьянства. Только емкий внутренний рынок в лице хозяйственно крепкого и психологически устойчивого земледельческого населения может поставить нашу индустрию и торговлю на прочные ноги»⁹⁴.

Во исполнение собственных деклараций и пожеланий «общественности» Совет министров 29 апреля 1919 г. создает комиссию по подготовке созыва Всероссийского представительного собрания учредительного характера и областных учреждений во главе с А. С. Белоруссовым-Белецким. Его заместителем назначается Н. Н. Козьмин, возглавивший подкомиссию по подготовке Положения о выборах во всесибирский представительный орган. Но комиссия только 18 мая приступила к работе, выдав свой проект в августе⁹⁵. Проблему же регионального представительного органа И. И. Серебренников в письме к П. В. Вологодскому от 3 марта 1919 г. предлагал решить «путем телеграфного сговора местных сибирских областнических организаций»⁹⁶, но из этого ничего не получилось.

Подобие представительного органа было создано 2 мая на основе преобразования Государственного экономического совещания, путем включения в него 11 министров, а также не более 20 представителей от органов самоуправления, назначенных Верховным правителем из числа делегированных земствами и городскими думами, выборных представителей от различного рода общественных и коммерческих организаций. Дискриминация земских учреждений привела к бойкоту отдельными объединениями (Томская и Енисейская губернии земские управы) данного учреждения⁹⁷. Председателем Совещания назначается Г. К. Гинс, и 19 июня оно открывается, став одним из элементов оппозиции колчаковщине уже во второй половине 1919 г.

Вялая реакция меньшевиков и эсеров на установление диктатуры в начале 1919 г. сменилась оживлением их деятельности. В феврале меньшевики на региональном съезде приняли решение об отказе от вооруженной борьбы против советской власти и о создании «единого фронта революционной демократии для борьбы с реакцией»⁹⁸. Позиция местных эсеров определилась в апреле

1919 г. на Урало-Сибирской конференции партии в Иркутске. Она сводилась к обоснованию необходимости борьбы на два фронта — против диктатуры пролетариата и диктатуры буржуазии, — за Учредительное собрание. Отрицалось иноземное вмешательство и сотрудничество с местной буржуазией⁹⁹.

Эти решения привели к расколу сибирских организаций ПСР и созданию Сибирского союза социалистов-революционеров во главе с П. Я. Михайловым и Б. Д. Марковым. Эсеры-активисты, как называли участников этого объединения, в декларации и ряде листовок (лето 1919 г.) призвали к свержению колчаковского режима путем вооруженного восстания и «утверждению системы народовластия в соответствии с положениями нашей программы». Кроме того, предлагалось прекратить вооруженную борьбу с советской властью и провести в Сибири референдум о форме государственного устройства¹⁰⁰.

Почти одновременно идею созыва Земского собора из представителей земств и городских самоуправлений в начале июня сформулировали на Иркутском губернском земском собрании Е. Е. Колосов и группа младших офицеров во главе с капитаном Н. С. Калашниковым при штабе 1-й Сибирской армии в Перми. Последние к тому же считали необходимым прекратить гражданскую войну на Уральском фронте с РСФСР и заключить мир «на основе взаимного признания и полной независимости». Тогда же сибирские эсеры создают Объединение трудового крестьянства Иркутской губернии и Военно-социалистический союз защиты народовластия¹⁰¹.

Таким образом, к лету 1919 г., воспользовавшись тотальным кризисом колчаковского режима, «демократическая» контрреволюция вновь поднимает голову. Создается ряд оппозиционных центров, преследующих цель, устранив А. В. Колчака, образовать региональный представительный орган (Земский собор, Сибирское учредительное собрание) и, заключив мир с РСФСР, не допустить большевизации Сибири.

Установление единоличной диктатуры А. В. Колчака принципиально изменило ситуацию в лагере сибирской контрреволюции — произошел ее раскол и дальнейшее сужение эфемерной социальной базы. Вместе с тем из пропагандистских соображений адмирал и его окружение пытались маскировать авторитарную сущ-

ность своего режима лозунгами «народоправства», взятыми на вооружение у мелкобуржуазной демократии.

Одобрив государственной переворот и встали на путь активной поддержки колчаковщины кадеты. Вслед за ними власть поддержали представители правого фланга мелкобуржуазной демократии в лице омского блока «общественных и политических объединений». Отрицательно к упразднению Директории отнеслись эсеры. Тем не менее никаких реальных шагов, направленных на противодействие омскому режиму, в конце 1918 — начале 1919 г. они не предприняли. Нежелание правительства признавать культурно-национальную автономию обусловило отход национальных объединений от прямой поддержки контрреволюции. Принципиально не изменилась позиция коммунистов, которые после сокрушительных поражений городских восстаний в конце 1918 — начале 1919 г. все силы сосредоточили на пропагандистской работе среди рабочих и в партизанских формированиях с целью возглавить их. Осенью 1918 г. на территории региона возникают первые партизанские отряды и партизанско-повстанческие районы.

В целом же период с конца ноября 1918 до конца июня 1919 г. явился своеобразным апогеем колчаковского режима, пиком его достижений, прежде всего военных, внешнеполитических, экономических и административных. Но вместе с тем это было шаткое равновесие, уже тогда начинает проявляться действие деструктивных тенденций, обусловивших поражение сибирской контрреволюции.

Восстановление разветвленной системы прямых и косвенных налогов, а также введение винной монополии вызвали резкое недовольство населения. Официально декларируя частную собственность и свободу торговли, Омское правительство вводит вместо государственной монополии государственное регулирование торговли хлебом, мясом и маслом, осуществляет массовые реквизиции, ужесточает контроль за частными предприятиями. Все это усугубляет экономический кризис, способствует коррупции, спекуляции и резко ухудшает положение прежде всего горожан.

К лету 1919 г. колчаковская диктатура оказалась в состоянии противостояния с крестьянством. Попытки насаждения столыпинского варианта решения аграрного вопроса без учета специфики региона, постоянные мобилизации, реквизиции, восстановление сбора налогов и недоимок за советский период, государственная моно-

полия на лес, тотальный дефицит, дороговизна и произвол, со стороны прежде всего военных начальников, стимулировали активное, в том числе вооруженное, противодействие крестьян.

Сибирская контрреволюция так и не сумела создать дееспособной вертикали власти и не получила дипломатического признания со стороны интервентов. Вялая реакция меньшевиков и эсеров на установление диктатуры в начале 1919 г. сменилась оживлением их деятельности и переходом в оппозицию диктаторскому режиму.

**§ 2. КРАХ «КОЛЧАКИИ»
И «ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ»
КОНТРРЕВОЛЮЦИЯ В СИБИРИ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ
1919 — НАЧАЛЕ 1920 г.
ОБРАЗОВАНИЕ «БУФЕРА»**

Летом 1919 г. стратегическая инициатива на Восточном фронте окончательно переходит к Красной армии. Попытка окружить и разгромить ее соединения в Челябинской операции (17 июля — 4 августа) завершилась провалом. Назначенный командующим фронтом, начальником штаба Верховного главнокомандующего и военным министром генерал М. К. Дитерихс организовал контрнаступление, начавшееся 1 сентября, и смог вскоре вытеснить части 5-й советской армии за р. Тобол. При этом главная задача заключалась не в разгроме «красных», а в оказании помощи Добровольческой армии А. И. Деникина, начавшей 12 сентября генеральное наступление на Москву. «Как бы ни было нам тяжело, но мы должны проявить максимальное упорство, — считал Дитерихс, — дабы противник не мог взять ни одного человека с Восточного фронта, а наоборот, вел свои дивизии на нас. Если за октябрь месяц большевики не усилятся против Деникина, то он в середине октября займет Москву»¹. Вооруженным силам сибирской контрреволюции удалось сковать части Красной армии на востоке и не допустить их переброски на Южный фронт, однако они сами оказались обескровленными и лишились последних резервов.

14 октября началось наступление 5-й советской армии, а 19-го — 3-й армии. Несмотря на ожесточенное сопротивление «белых», 22 октября их выбивают из Тобольска, 30 октября — из Петропавловска и 6 ноября — из Ишима. В сложившейся ситуации Дитерихс предлагал, учитывая отсутствие естественных рубежей и замерзание Иртыша, начать отвод войск и эвакуацию правительственных учреждений из Омска, тем более что колчаковская армия к середине ноября насчитывала до 300 тыс. чел. (80 тыс. на фронте), а в советских формированиях Восточного фронта имелось около 64 тыс. чел.² А. В. Колчак это предложение отверг, и 4 ноября командующим фронтом был назначен генерал К. В. Сахаров, предлагавший наступательные действия и активную оборону Омска.

Ситуация на фронте незамедлительно отражалась в столице «колчакии». Возвратившийся из отпуска П. В. Вологодский 7 августа 1919 г. записал в дневнике: «Безостановочное продвижение большевиков производило свое впечатление. Многие уже отравили свои семьи на Дальний Восток, среди служащих появилась тенденция получить служебную командировку для поездки на Восток... Эта тяга на Восток стала сказываться и среди некоторых министерских семей». В конечном счете и сам премьер 17 августа в особом вагоне с надписью «служебный» в компании с родственниками других министров отправил свою жену, дочь и гувернантку в Читу³. О том, что ситуация кардинально изменилась, свидетельствует и решение Президиума ВЦИК от 27 августа о создании Сибревкома — чрезвычайного регионального органа гражданского управления территорией. 24 октября ВЦИК совместно с СТО утвердил положение «О революционных комитетах», но еще раньше, 8 августа, был образован Тюменский губвоенревком.

Одной из особенностей затянувшейся агонии диктаторского режима стал усугубляющийся экономический кризис. Бюджетный дефицит к концу 1919 г. должен был возрасти, по прогнозам, до 15–18 млрд руб., а его покрытие возможно было только за счет эмиссии денежных знаков⁴. В целом же «сибирская контрреволюция не смогла создать сильного государственного аппарата, способного управлять хозяйственным механизмом», — считает В. М. Рышков⁵.

Качественно новые очертания во второй половине 1919 г. приобрело партизанско-повстанческое движение. «Весь тыл — в пожаре мелких и крупных восстаний, и большевистских, и чисто анархистских (против всякой власти), и чисто разбойничьих, остановить которые силой мы уже, очевидно, не в состоянии», — констатировал генерал А. А. Будберг 3 августа⁶. Осенью отдельные очаги начинают сливаться в районы, полностью контролируемые восставшими, а сравнительно небольшие по численности отряды преобразуются в соединения и объединения (полки, бригады, дивизии, корпуса и армии). Если в середине года общая численность партизан определялась в 19,6–19,7 тыс., то на рубеже 1920 г. она колебалась, по разным подсчетам, в пределах 136–152 тыс. чел.⁷ По сути дела, к концу 1919 г. интервенты и белогвардейцы в Сибири контролировали узкую полосу вдоль железной дороги. По данным Ю. В. Журова, тогда 1,8 млн жителей Сибири, или 25%, «проживало в крупных советских районах. Частично или полностью на их территории было расположено более 200 волостей, 335 тыс. крестьянских хозяйств»⁸.

После принятия в сентябре 1919 г. Верховным советом Антанты решения о выводе своих воинских формирований из восточных районов России окончательно исчезают иллюзии по поводу признания колчаковского правительства и возможной военной помощи. В местной окологосударственной прессе начинает звучать рефрен об опоре на собственные силы⁹. В свою очередь дипломатические представители союзников констатируют окончательный развал диктаторского режима. «Не существует ничего похожего на гражданскую администрацию, — обобщил их мнение посол США в Японии Моррис, посетивший Омск в августе. — Правительство потеряло всякую связь... с группами населения, кооперативами, земствами и партийными организациями, которые знакомы с настоящими условиями и могут оказать практическую помощь. В результате полное бездействие во всех департаментах, и это натолкнуло военное командование на получение возможности действовать, которую они искали. На том основании, что единственной задачей правительства был разгром большевиков, они захватили власть в свои руки в каждом населенном пункте и удерживали ее так безжалостно, что восстали против себя все население; они не занимались решением насущных экономи-

ческих и финансовых проблем, что ставило под угрозу успех всего движения... В результате теперь полный крах — финансовый, экономический и санитарный; уцелела только транспортная система, которую защищают чехи, войска союзников и которой руководят инженеры стран Антанты»¹⁰.

Вследствие указанных причин резко ухудшилась внутриполитическая ситуация в «колчакии». «Анализ изменений в составе колчаковского правительства позволяет сделать вывод о нестабильности власти, — замечает Л. В. Некрасова. — За полтора года существования колчаковского режима сменилось два председателя Совета министров, три министра внутренних дел, два министра юстиции, четыре министра торговли и промышленности, пять военных министров, три министра иностранных дел, три министра финансов и два министра просвещения»¹¹.

В создавшейся обстановке диктатура вынужденно предпринимает действия, направленные на успокоение общественных сил, прежде всего проправительственных, обещая «демократические» преобразования. Левое крыло Государственного экономического совещания, открытого 19 июня 1919 г. в обновленном составе (19 чел.), 17 июля обратилось к Верховному правителю с петицией, требовавшей преобразования этого органа в Государственное совещание с законодательными функциями. Делегация от Совещания принимается А. В. Колчаком, который пообещал в скором времени преобразовать его в законосовещательный орган. Не дожидаясь инициативы Совета министров, группа от Совещания приступила к выработке нового положения. Как отмечает А. Н. Турунов, во второй половине августа работа над проектом была завершена, было решено направить с ним к Колчаку особую делегацию. Однако Колчак ее не принял¹². Как вспоминал Г. К. Гинс, «когда я поднимал о ней вопрос, адмирал терял самообладание и буквально кричал, что когда армия разбита, его интересует белье, а не парламенты»¹³.

Разработанный проект не удовлетворял ни Совет министров (так как лишил его законодательных прав), ни правую часть Государственного экономического совещания (желавшую лишь персональных перемен в правительстве), ни «левую», так как реализация проекта вела к установлению «чистой» диктатуры с опорой на два законосовещательных органа: Совет министров и Государ-

ственное совещание¹⁴. Лишь 16 сентября 1919 г. в специальной грамоте в связи с победоносным осуществлением Челябинской операции адмирал сообщил: «Почитаю я ныне своевременным созвать умудренных жизнью людей земли и образовать Государственное земское совещание для содействия мне и моему правительству, прежде всего по завершению в момент высшего напряжения сил начатого дела спасения Российского государства»¹⁵. Разработка положения поручалась персонально П. В. Вологодскому и завершилась только в начале ноября.

5 ноября положение о Государственном земском совещании было утверждено. Его членов предполагалось избирать, так же как и депутатов Сибирской областной думы, от разного рода объединений (земств, городских самоуправлений, казачьих войск, конфессиональных формирований, кооперативов, профсоюзов и т. д.), а треть — по назначению Верховного правителя. Полномочия органа ограничивались законосовещательными функциями¹⁶. Однако проект получил негативную оценку со стороны оппозиционных земских кругов. Выступая 5 октября 1919 г. на собрании представителей земств и городов Енисейской губернии в Красноярске, видный эсер Е. Е. Колосов по сути дела отверг его: «Народу, земщине — сила мнения, правительству — сила власти». Поэтому Совещание должно быть наделено законодательными функциями, чтобы покончить с «безответственной» властью, «порождающей большевизм»¹⁷. Тем не менее, следуя в поезде на восток, А. В. Колчак 16 ноября издал указ о выборах до 1 января 1920 г. в Государственное земское совещание, но он безнадежно опоздал.

Определенные надежды консолидировать вокруг правительства различные политические группировки связывались с деятельностью комиссии А. С. Белецкого-Белорусова, созданной для подготовки положения о выборах во всероссийский представительный орган. Представленный ею законопроект, охарактеризованный В. Н. Пепеляевым как «блестящий», предусматривал создание Национального учредительного собрания на основе всеобщего, без различия пола, равного и тайного голосования — по одному делегату от каждого избирательного округа, выбранному большинством голосов¹⁸. Рупор правых сил газета «Сибирская жизнь» выступила в поддержку законопроекта. «Единый демократический фронт — вот настоящий лозунг времени, — заявлялось в передовой от 5

августа. — В преддверии Учредительного собрания должны быть забыты все распри и старые обиды. О чем спорить, из-за чего препираться? Разве там, в свободно избранном собрании, не будут решены все спорные вопросы, и разве перед авторитетом этого собрания не должны будут склоняться все, кто не большевик?»¹⁹

Но по мере ухудшения ситуации на фронте о проекте забыли, к тому же его «перекрыла» идея Государственного земского совещания — своего рода суррогата представительного учреждения. А. С. Белецкий-Белорусов в сентябре отправился на восток искать поддержки у чехов, но, по сведениям Л. А. Кроля, после снятия генерала Р. Гайды последние прервали переговоры с ним и Белецкий-Белорусов умер от инфаркта²⁰. Помимо конкретных причин краха проектов «демократизации» колчаковского режима, концепция «непредрешенчества», взятая на вооружение «белыми», в том числе в Сибири, вела в тупик. Что бы там ни говорил А. В. Колчак о созыве Национального собрания вместо Учредительного, в случае проведения выборов в конституционную ассамблею или парламент на основе всеобщего избирательного права, как предлагала комиссия А. С. Белецкого-Белорусова, даже в случае устранения от участия в них как «врагов народа» коммунистов победу одержали бы представители «демократической» контрреволюции (эсеры, меньшевики, кооператоры, националисты). Надеяться на реализацию западных либеральных схем можно было только при условии возвращения к избирательному закону от 3 июня 1907 г., но это было невозможно в силу ряда причин (требования интервентов, практика проведения выборов в Учредительное собрание в 1917 г.), и прежде всего из-за развала (банкротства, по терминологии недавнего прошлого) государственнообразующих партий третьейиюньской системы — кадетов и октябристов.

С деятельностью комиссии Белецкого-Белорусова связана последняя попытка областников поставить вопрос об автономии Сибири. Назначенный заместителем председателя комиссии Н. П. Козьмин во второй половине сентября совершил поездку по региону с целью ознакомления общественных кругов с результатами своей работы. Суть его предложений сводилась к проекту учреждения в Сибири Областной думы и Областного совета, которые должны были разделить функции исполнительной власти с ге-

перал-губернатором как представителем центральной власти и командующим войсками. Думу предполагалось избирать сроком на четыре года из лиц, родившихся в Сибири или проживающих в ней не менее пяти лет, а Областной совет — из представителей губернских (областных) земств, казачьих войск, отдельных этносов, имеющих национальные организации. Причем треть членов Совета должен был назначить генерал-губернатор²¹.

Проект Козьмина соответствовал традиционной установке областников на создание Областной думы. Однако он вновь категорически отвергается правыми кругами. Выражая их отношение, повониколаевская «Русская речь» в передовой от 1 октября 1919 г. высказалась против Сибирской областной думы, поскольку, во-первых, для ее организации не были созданы благоприятные условия и, во-вторых, «опыт первой Сибирской областной думы показал и убедил всех и каждого, что ни в области управления, ни в области законодательной она не принесла пользы. Не принесет ее она и теперь. Мы полагаем, что созыв ее решительно ничем не вызывается»²².

Расстановка основных политических сил в Сибири во второй половине 1919 г. характеризуется следующими основными тенденциями. Существенно пострадавшие в результате поражения городских восстаний и усилий контрразведки коммунисты практически прекратили организованную деятельность. Сибирский обком РКП(б) существовал в составе одного-трех человек²³. Кое-где, вопреки партийным директивам, коммунисты вступали в соглашение с политическими объединениями, находящимися в подполье. Так, в конце 1919 г. в Чите возник «Межпартийный блок», в который помимо коммунистов вошли представители меньшевиков, левых эсеров, интернационалистов и максималистов²⁴. В лучшем случае подпольные организации РКП(б) ограничивались выпуском листовок на злобу дня. Негативно отнеслись они к проектам «демократической» контрреволюции, поддержанным интервентами. «Выход видят в создании новой власти, — разъяснялось в воззвании Дальневосточного обкома РКП(б) за сентябрь 1919 г., — власти, имеющей видимость народной, демократической... Увидев невозможность свержения советской власти в России, их политика дня — путем создания „демократической“ власти — оправдание своей империалистической, реакционной политики

перед народом собственных стран и создания из Сибири автономного государства-буфера»²⁵.

Практически прекратили во второй половине 1919 г. повседневную работу кадетские организации региона. Существенно сузилась деятельность национальных объединений. Мусульманские (тюрко-татарские) организации продолжали бомбардировать Совет министров просьбами признать их культурно-национальную автономию, на что аккуратно получали отказы (последний раз 10 и 24 октября), поскольку этот вопрос относился к компетенции Учредительного собрания или требовал дополнительного рассмотрения «всеми заинтересованными ведомствами»²⁶.

Основная часть мелкобуржуазной демократии (эсеры, меньшевики, кооператоры), находясь в оппозиции к Омскому правительству, летом 1919 г. продолжила объединение своих группировок вокруг земских организаций в духе концепции борьбы на два фронта. При этом отдельные ее лидеры категорически отрицали возможность заключения перемирия с РСФСР. Так, Е. Е. Колосов заявлял: «С большевиками не может быть соглашения и не может быть примирения»²⁷. Помимо названных выше центров мелкобуржуазной оппозиции еще один оформился в конце лета — начале осени 1919 г. и связан с именем генерала Р. Гайды. Отстраненный от должности, он с группой приверженцев отправился во Владивосток, по пути «зондируя почву у представителей политических партий, земств, городов, кооперации»²⁸. В ходе бесед открыто говорилось о необходимости устранения Колчака, но продолжая войну с большевиками. Гайда намекал, что он не прочь возглавить движение. Его поддержали «эсеры-активисты», в частности Е. Е. Колосов и бывший председатель Сибирской областной думы И. А. Якушев, сопровождавшие в поездке честолюбивого чешского генерала. В то же время Сибирский краевой комитет ПСР к его предложениям отнесся отрицательно²⁹.

Помпезная встреча Р. Гайде, Е. Е. Колосову и Н. С. Калашникову, по свидетельству Я. Н. Ходукина, устраивается в Иркутске. При этом «думцы отделались ничего не значащим обещанием поддержки; социалисты, обжегшись на молоке, стали дуть на воду. Вернее, заняли позицию — и хочется, и колется, и маменька не вслит. Большевики откровенничали в своей среде — рабочие не пойдут за нами... Земцы, представленные И. Х. Петелиным и П. Н.

Данниновым), заявили, что они не прочь покумиться с храбрым генералом, но если он пообещает бороться за Учредительное собрание. С такими полуобещаниями Гайда отправился во Владивосток»³⁰.

Здесь заговорщики создали Комитет содействия созыву Земского собора, в состав которого вошли видные эсеры И. А. Якушев, В. И. Моравский, А. А. Краковецкий и др. Предполагалось начать восстание против Колчака во Владивостоке и распространить далее его на запад³¹. Важную роль в заговоре играл И. А. Якушев, который должен был придать легитимность предполагаемому мероприятию как председатель Сибирской областной думы. Свое право в письме от 25 октября 1919 г. он обосновал следующим образом: «Дума самораспустилась при определенных условиях, но, распуская себя, она не распустила Комитета Сибирской областной думы (речь идет о комитете, созданном в сентябре 1918 г. для борьбы с Временным Сибирским правительством. — М. Ш.), которому она передала всю полноту власти. Эта власть определенно может себя выявить в лице председателя Сибирской областной думы»³².

Вновь «демократическая» контрреволюция пытается реанимировать Областную думу. Ее председатель допускала возможным «в случае переворота действовать именем Думы и предложить населению Сибири избрать членов на основании существующего Положения о выборах в Сибирскую областную думу с дополнением, принятым Думой о представительстве ценовых групп». Тем не менее переворот формально готовился под лозунгом созыва Земского собора «из представителей земских, городских, казачьих и национальных (бурятских, киргизских и др.) самоуправлений»³³. Это, по-видимому, и вызвало отрицательную реакцию Сибкрайкома ПСР. И. А. Якушев в уже цитированном выше письме, явно оправдываясь, писал: «Широкие демократические круги якобы определенно недовольны этим моим шагом, т. к. считают, что представительная база для Земского собора узка и нуждается в расширении»³⁴. Но, с другой стороны, данный орган, по мнению большей части эсеров, позволял сформировать коалицию «социалистической демократии с ценовыми элементами»³⁵.

Программа заговорщиков излагается И. А. Якушевым в специальном воззвании (грамоте) от имени председателя несуществующей Сибирской областной думы от 5 сентября 1919 г. В ней

на Земский собор возлагались задачи формирования временного правительства, ответственного перед ним; принятие мер к созыву Сибирского учредительного собрания; отмена реакционных законов колчаковского правительства и введение основ народовластия для борьбы с большевиками и Колчаком³⁶. О том, что земцы не собирались прекращать гражданскую войну, свидетельствует и меморандум Комитета содействия созыву Земского собора, вышедший вслед за «грамотой» и подписанный тем же И. А. Якушевым. В нем заявлялось, что на Собор «возложено предотвратить надвигающуюся катастрофу, поднять престиж власти, предохранить фронт от дальнейшего разложения и восстановить нормальную деятельность государственных, общественных и экономических организаций и учреждений»³⁷.

К заговору примкнул член бывшей Директории генерал В. Г. Болдырев. В августе он обратился с открытым письмом, в котором проводил идею «сотрудничества классов» и создания на этой основе прочного блока для сохранения «неприкосновенности Сибири»³⁸. Но осуществить задуманное «эсерам-активистам» не удалось. И основная причина лежала в отрицательном отношении интервентов. Как заметил М. И. Светачев, «попытка эсеров предложить свои услуги оказалась неудачной. В условиях, когда интервентам казалось возможным спасти режим Колчака с помощью успешного завершения денниковского наступления, они не захотели идти на союз с соглашательскими партиями»³⁹.

В сентябре 1919 г. военно-политическая обстановка на фронте и в тылу определила агонию колчаковского режима. Оказавшись не в состоянии приостановить наступление советских войск и подавить партизанское движение, Верховный правитель и его окружение из числа кадетов пытаются лавировать, хотя перед этим категорически отвергалась любая идея «демократического» представительства. Выражая данную точку зрения, новониколаевская «Русская речь» в передовой статье подчеркивала: «„Романтизмом“ названный бред Керенского с кликушеством и истериками, говорильня без конца возле каждой тумбы в первый период „бескровной“ революции, различные предпарламенты и совещания, наконец, „Учсб“ и бескрасочная, бессильная „Сибоблдума“ и как конечный этап коллективного психоза — фонтан речей — „Директория“ — ничего, оказывается, не говорят „передовой“ обще-

ственной мысли о бессильных потугах „общественного представительства“ к творчеству и даже простой работоспособности в области государственного строительства»⁴⁰.

Переход советских войск в середине октября 1919 г. в решительное наступление активизировал усилия мелкобуржуазной демократии, направленные на создание условий для ликвидации колчаковщины и предотвращение восстановления советской власти в Сибири, образование здесь некоего «демократического» представительного органа. Об эволюции взглядов его представителей можно судить на примере кооператоров. От безусловной поддержки Верховного правителя они переходят в оппозицию. Если К. Виноградов призывал «более продуктивно помочь армии в ее борьбе с большевиками», то В. В. Куликов, оставляя пост председателя кооперативного объединения «Центросибирь», 4 сентября констатировал, что «теперь власть захватили старые бюрократы, которые воскрешают прежних держиморд»⁴¹. При этом кооператоры остались на антисоветской платформе. Так, известный нам А. В. Сазонов, будучи председателем Всекоопсовета, следующим образом «объяснил» причину отступления колчаковской армии: «Полчища большевиков под давлением доблестных армий генералов Деникина, Юденича, уральцев двигаются на Сибирь и несут ужасы красного террора. Наша Сибирская армия, утомившись в непрерывных в течение года боях, естественно, чувствует себя уставшей и требует отдыха, хотя бы временной передышки»⁴².

На фоне всех этих конвульсий, как уже отмечалось выше, массовый характер приобретает повстанческо-партизанское движение. В наши задачи не входит изучение его фактической истории, но необходимо ответить на вопросы о его социальной базе (бедняки, середняки, кулаки), целях и воздействии различных политических объединений и их лозунгов. В советской историографии инициаторами борьбы с контрреволюцией однозначно объявлялись бедняки, ее массовый характер связывался с переходом на позиции советской власти середняков, а на заключительном этапе (в конце 1919 г.) признавался общекрестьянский характер движения. Само оно осуществлялось для восстановления советской власти, «при большевистско-рабочем руководстве или по крайней мере сильном его влиянии»⁴³. Альтернативой ему выступала «сибирская махновщина», или «эсеро-анархистско-кулацкая струя в

партизанском движении, которая с весны 1920 г. не только вступила в противоречие с советской властью, но с оружием в руках боролась против нее»⁴⁴. Типичным ее представителем объявлялся руководитель одного из партизанских отрядов Алтая Г. Ф. Рогов, а попытка В. Т. Шуклецова показать в своей монографии, что последний также боролся за советскую власть, и поставить вопрос о его политической реабилитации⁴⁵ встретила резкий отпор историков. Причем Шуклецов признавал наличие в партизанской среде «кулацко-анархистской махновщины» и выступал против «отождествления роговцев» с ней⁴⁶.

Эта проблема требует специального изучения, в том числе выяснения причин массового вооруженного противостояния сибирских крестьян и местных контрреволюционных государственных образований со второй половины 1918 г. Приводимые до настоящего времени объяснения (колебания середняка в ходе гражданской войны, политика контрреволюции, воздействие рабочих и подпольных большевистских организаций) лишь отчасти дают ответ на поставленный вопрос. Ниже мы попытаемся сформулировать свое видение проблемы.

Как уже отмечалось в § 1 главы 1, местное крестьянство, являясь социумом традиционного общества, действовало в период социальных катаклизмов солидарно, всем миром. Его активность определялась стремлением сохранить привычный патриархальный уклад жизни, традиционным неприятием политики государства, тем более в условиях его развала. Крестьянство решительно и бескомпромиссно отстаивало свои интересы, и в конечном счете его позиция (действие или бездействие, пассивный нейтралитет) предопределила установление советской власти, а затем ее свержение летом 1918 г., так же как и «белого» движения к концу 1919 г.

Вооруженное противостояние сопровождалось эскалацией насилия. «Деревню сотрясали (особенно к осени 1919 г.) повальное самогоноварение, безудержная страсть к наживе, прокатившаяся волна невиданной преступности, вылившаяся в форме всечуждых насилиев, грабежей, беспощадных самосудов, избиений и убийств на почве мести; отмечалось резкое падение религиозности, — о чем в целом достоверно свидетельствуют материалы колчаковской прессы. Сильно обострились противоречия между городом, оплотом ненавистной власти, для многих крестьян учинившей вся-

ческие притеснения, и деревней, которая нередко не хотела эту власть признавать и, вообще, считала городских жителей дармоедами», — делает вывод И. В. Курьшев⁴⁷.

Партизанско-повстанческое движение в Сибири, будучи по социальному составу общекрестьянским⁴⁸, по своим целям, направленности и содержанию являлось сложным феноменом. Так, в Восточном Забайкалье большую роль в его развитии сыграли рабочие рудников и приисков, а также бывшие ссыльные в районах Нерчинска, Сретенска, Александровского и Газимурского заводов⁴⁹. По свидетельству атамана Б. В. Анненкова, эскалации усилились в Семиреченской области способствовала попытка местных властей принудительно «оказначить» всех крестьян, с угрозой выселить несогласных в Сибирь⁵⁰. Безусловно, сыграл свою роль фактор противостояния старожилов и столыпинских новоселов, о котором А. А. Будберг, со ссылкой на министра внутренних дел В. Н. Пенеллева, сказал: «Главными заправилками всех восстаний являются новоселы, преимущественно столыпинские аграрники, плохо устроившиеся в Сибири и мечтающие о том, как бы пограбить богатое старожильческое население Сибири, достаток которого разжигает их большевистские аппетиты»⁵¹. В какой-то степени позицию сибирских крестьян выразил анонимный знакомый П. В. Вологодского из Алтая, который на вопрос председателя Совета министров, чего же они хотят, 30 сентября 1919 г. ответил: «Общности настроения... у крестьян нет. Оказывается, тот же земельный вопрос больше всего служит предметом недоразумений в деревенском населении. Старожильческое население против захватов земель новыми пришельцами за землей, а эти последние рвут землю в каждой деревне. Особого тяготения к советской власти нет, но хотят своей власти, крестьянской, в особенности все настроены против засилья военщины и против правительственных агентов на местах»⁵².

Именно районы массового вселения переселенцев в начале XX в., как мы отмечали в одной из публикаций⁵³, стали центрами политической нестабильности в течение первых двадцати лет XX в., в том числе и партизанско-повстанческого движения в 1918–1921 гг. И то, что раньше воспринималось как проявление второй социальной войны в деревне, на самом деле было связано с размежеванием сельского мира и по этому признаку. Та же «Соха и молот» при-

зывает осенью 1919 г. освободиться «от ига казачества и кулака», алтайские партизаны начинают частичный передел земли, передавая малоземельным крестьянам угодья арендаторов и сторонников колчаковщины, в ряде советско-партизанских районов кулацкие (старожильческие) хозяйства подвергались «ущемлению» (бесплатно использовался их инвентарь и машины, безвозмездно изымался хлеб и скот, «на них накладывались довольно тяжелые контрибуции и реквизиции, подати и налоги»), и, кроме того, в них устанавливались твердые цены (неввысокие) на продовольственные товары⁵⁴.

В партизанских районах восстанавливалась советская власть. Лишь на съезде повстанцев Горного Алтая в с. Черный Апуя в начале сентября 1919 г. принимается резолюция, в которой утверждалось, что власть на местах должна осуществляться органами земского и городского самоуправления, а в масштабах государства — Земским собором, что было в духе тактических установок сибирских эсеров⁵⁵. Однако воссоздавались Советы того типа, которые появились здесь в 1917 г., т. е. общекрестьянские, что позволяло отдельным советским историкам характеризовать их как органы революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства. Эти органы являлись общекрестьянскими и формировались путем осуществления всеобщего избирательного права при открытом голосовании, права участия в котором лишались торгово-промышленная буржуазия и лица с явно антисоветскими настроениями и связями. Не случайно политотдел 5-й армии уже летом 1920 г. констатировал: «Население Сибири совершенно не учитывает того громадного шага вперед, который сделан в области советского строительства. Советская власть осталась для него все тем же, чем была два года назад...»⁵⁶

Таким образом, в исходе противостояния на востоке России важную роль сыграл утопический фактор в виде ностальгических воспоминаний о бурном разгуле «демократии» в 1917 — первой половине 1918 г., на основе которых строились представления о советской власти и конструировалось нечто подобное ей в партизанско-повстанческих районах. На самом деле эта власть в рамках политики «военного коммунизма» трансформировалась в военно-партийную диктатуру, прикрывавшуюся советской атрибутикой. И первые контакты с ней в процессе освобождения Сибири от «бе-

льды» очень скоро дали мощную вспышку крестьянских выступлений, направленную на защиту крестьянами своих интересов.

Различной была и степень влияния различных политических партий, их программных и тактических установок. Особую активность проявляли коммунисты. По подсчетам В. Т. Шуклцова, среди партизан Западной Сибири насчитывалось до 1 000 коммунистов, но «партийных организаций в повстанческих районах и партизанских отрядах не существовало», что определялось «серьезными упущениями в партийном строительстве во второй половине 1919 г.»⁵⁷. Как показали в своих работах Н. С. Ларьков, А. И. Никитин и А. А. Штырбул, в отдельных районах и отрядах допольно сильным, а порой и ведущим было воздействие эсеров, анархистов, меньшевиков⁵⁸. Кое-где представители перечисленных выше партий действовали совместно в духе призывов редактора газеты минусинских партизан левого эсера П. Петрова к представителям социалистических партий и трудовой интеллигенции объединиться «для образования единого социалистического фронта»⁵⁹. О достаточно сильном влиянии эсеров в соединении А. Д. Кравченко — П. Е. Щетинкина свидетельствует фрагмент письма Е. Е. Колосова, датированный октябрём 1919 г. «Между тем у нас даже в деревне, — сообщает он, — несмотря на господство там Щетинкина, огромная сочувственная среда. Это не преувеличение... Как общее правило, у нас старожильское население стоит за Учредительное собрание, переселенцы за советскую власть. Сговориться с крестьянством у нас не будет особенного труда при нормальных условиях. Среднее рядовое крестьянство, раз только изменится общее условие жизни, решительно встает против Колчака и против большевиков». Здесь же он пишет о близости к эсерам А. Д. Кравченко⁶⁰. Заслужено А. А. Штырбула можно признать аргументированное опровержение положения о наличии в партизанском движении «анархо-эсеровско-кулацкой струи». На самом деле анархисты не имели ничего общего с кулаками, это было самостоятельное направление. Зачастую их теоретическая база не шла дальше лозунга «Уничтожайте гадов!», под которыми подразумевались не только «белые», но и все богатые и интеллигенты. В целом партизанско-повстанческое движение в Сибири во второй половине 1919 г. имело общекрестьянский характер и отличалось беспартийной направленностью. Не случайно в воззвании «К населению Минусинско-

го уезда» (октябрь 1919 г.) подчеркивалось: «Мы, крестьяне Канского, Красноярского и Ачинского уездов, не принадлежим ни к одной партии. Мы не большевики, как нас окрестили буржуазные газеты»⁶¹.

Осенью 1919 г. начинают действовать мелкобуржуазные группировки, окопавшиеся в Иркутске, с целью захвата в свои руки власти и создания в Сибири «буферного демократического государственного образования». Прежде всего, активизировались земцы. С лета они вели подготовку съезда земств и городов региона. В письме к генералу В. Г. Болдыреву от 25 сентября И. А. Якушев информировал: «На 1 октября главным комитетом Сибземгора назначен съезд представителей земств и городов в Иркутске. Этот съезд, пополненный представителями казачьих и национальных самоуправлений, должен будет составить Земский собор»⁶². Однако вскоре Всесибирский союз земств и городов (Сибземгор) в лице его руководителей Сидорова, Ульянова и Тарасова отказался от проведения съезда. Вернее, они никак не реагировали на неоднократные предложения иркутян о его проведении. На наш взгляд, данная позиция объясняется тем, что эсеровские лидеры Сибземгора сделали ставку на генерала Р. Гайду и присоединились к подготовке военного переворота. Об этом свидетельствует то обстоятельство, что глава объединения Сидоров отправился во Владивосток «организовать издательскую и иную снабженческого характера работу»⁶³. Таким образом, заговорщики стремились осуществить переворот до съезда, чтобы на нем утвердить переход военной власти к Р. Гаюде и программу его действий.

Тем временем Иркутская губернская земская управа, так и не дождавшись решения Сибземгора, взяла в свои руки подготовку съезда. От ее имени рассылается обращение к земствам и городским думам с приглашением принять в нем участие. Узнав о подготовке съезда, Р. Гаюда направляет в Иркутск для переговоров с земцами своего полномочного представителя Негрескула. В сентябре в кабинете Я. Н. Ходукина состоялась встреча эмиссара с представителями местных общественных кругов Ходукиным, И. Х. Петелиным, П. Н. Данбиновым, М. М. Константиновым, А. Я. Гончаровым, П. В. Зицерманом, С. Файнбергом, М. С. Фельдманом, Л. Герштейном. Кроме того, во встрече принимали участие представитель меньшевиков и, по настоянию Негрескула, Г. Б. Пату-

шинский⁶⁴. Посланец Гайды в двухчасовом выступлении пытался привлечь на его сторону лидеров местных мелкобуржуазных группировок и сформулировал программу действий, сводившуюся, по словам Я. Н. Ходукина, к положениям «о необходимости свержения Колчака, о продолжении борьбы с врагами человечества и культуры — большевиками, о передаче власти Учредительному собранию». Негрескул долго говорил «о необычайной доблести генерала Гайды и его необычной любви к русскому народу и народовластию». Однако собравшиеся категорически отвергли предложения и отказались поддержать заговор, решив продолжать подготовку съезда⁶⁵.

Но всесибирский форум организовать не удалось. «Большинство земств и городов не прислало почему-то своих представителей», — констатировал Я. Н. Ходукин⁶⁶. В начале октября 1919 г. в Иркутске нелегально собрались посланцы от Новониколаевска, Читы, Красноярска (Е. Е. Колосов), Владивостока (Б. А. Косминский), Благовещенска (А. Н. Алексеевский), Якутска (П. Н. Данбинов), беженцы-земцы из Европейской России — Данилов и Николаев, в полном составе явились Иркутская губернская земская управа и городская дума, прибыли делегаты от меньшевистской и эсеровской организаций. Собравшиеся постановили считать себя совещанием земств и городов Сибири и приступили к работе⁶⁷.

Информация с мест раскрыла «жуткую картину произвола и насилия, царившего вокруг»⁶⁸. Совещание пришло к выводу: «Правительство адмирала Колчака, как и правительство Ленина и Троцкого, явилось в результате вооруженного захвата власти группой безответственных политических деятелей». Политика Омска квалифицируется как «диктатура правобольшевистской атаманищины», подавившей деятельность демократических организаций и самостоятельность гражданской власти. Суть же текущей ситуации Е. Е. Колосов сформулировал следующим образом: «Остается положение прежним — у нас нет организованной силы, это с одной стороны, — мы стоим перед надвигающимся стихийным переворотом, — это с другой стороны. Переворот все равно разразится, и если не ввести с помощью наличных организованных сил в определенное русло, тогда нас поглотит волна стихийного большевизма»⁶⁹. Поэтому было решено «немедленно поднять восстание против Колчака». Четкую программу действий предложили на совещании предста-

вители Сибирского союза социалистов-революционеров П. Я. Михайлов и Б. Д. Марков. Они требовали «немедленно прекратить борьбу с большевиками и объединенными силами броситься на борьбу с восточной реакцией и интервентами»⁷⁰. Но, судя по воспоминаниям Ходукина, большинство собравшихся не поддержало их. Тем не менее декларация «эсеров-активистов» сформулировала в основных чертах программу будущего Политцентра. Земское же совещание твердо высказалось за организацию антиколчаковского выступления⁷¹. В то же время из мемуаров Я. П. Ходукина и свидетельств Е. Е. Колосова не ясно отношение собравшихся к продолжению гражданской войны и характеру антиколчаковского выступления. На наш взгляд, единство взглядов здесь не было достигнуто. По крайней мере, об этом оба названных участника событий не упоминают. Однако из письма одного из руководителей иркутской меньшевистской организации И. И. Ахматова от 23 января 1920 г. видно, что земцы возлагали определенные надежды на генерала Р. Гайду и готовящийся им переворот⁷². Поэтому можно предположить, что совещание земств и городов Сибири поддержало программу Якушева — Гайды (созыв Земского собора, продолжение войны с РСФСР, опора на интервентов и т. д.).

На совещании «для объединения политической работы земств» создается Земское политическое бюро в составе Я. Н. Ходукина, Е. Е. Колосова и находившегося в то время в Монголии И. И. Майского. До приезда последнего в состав органа вводится Б. А. Косминский⁷³.

Надежды земцев и «эсеров-активистов» на Р. Гайду не оправдались. Начатый им 17 ноября 1919 г. во Владивостоке мятеж сначала развивался успешно. Военнослужащие ряда частей местного гарнизона при поддержке рабочих подняли областнический бело-зеленый флаг с красной полосой и захватили железнодорожный вокзал. Однако решительных действий штаб выступления не предпринял, опасаясь вовлечения в восстание населения города и утраты контроля над ним. Колчаковский наместник во Владивостоке генерал С. Н. Розанов и командующий морскими силами адмирал М. И. Федорович при поддержке частей интервентов жестоко подавили 18 ноября выступление⁷⁴. Самостоятельно же земское Политбюро, не имея вооруженной поддержки, ничего предпринять не могло. Поэтому инициативу в свои руки берут

эсеры, выдвинувшиеся в ноябре 1919 г. в руководящую силу «демократической» контрреволюции в Сибири. Программа их действий, в передаче В. М. Коногова, включала следующие пункты:

- 1) создание в Сибири демократической буферной государственности с однородно-социалистическим правительством;
- 2) полный отказ от союзнической и вообще иностранной интервенции;
- 3) мирные договорные отношения с Советской Россией и ликвидация Западно-Сибирского фронта;
- 4) созыв Сибирского народного собрания⁷⁵.

Данный проект явился логическим завершением эволюции взглядов мелкобуржуазных группировок региона с лета 1919 г. В нем отчетливо отразилась эсеровская концепция «народовластия» и содержалась идея создания «демократической государственности», заимствовавшая у группы Н. С. Калашникова. Впервые здесь четко упомянуто о буфере между РСФСР и Японией, роль которого должно было выполнить планируемое государственное образование. Эсеры отвергли многочисленные проекты созыва Земского собора на коалиционной основе с буржуазными группировками, тем самым дав понять колчаковскому Совету министров, что никакого соглашения и тем более включения представителей мелкобуржуазной демократии в него не будет. В противовес этому выдвигалась идея «однородно-социалистического правительства», а вместо Земского собора, по аналогии с Областной думой, предлагалось созвать Сибирское народное собрание на основе всеобщего избирательного права. Таким образом, иркутские эсеры в ноябре 1919 г. взяли курс на объединение различных мелкобуржуазных группировок (земцы, кооператоры, муниципалы, меньшевики и т. д.) под лозунгом образования «демократического» буфера в Сибири с «однородно-социалистической властью» путем свержения диктатуры Колчака и замены ее властью Сибирского народного собрания.

Имея подобные наработки, Сибирский краевой комитет социалистов-революционеров приступил к переговорам о совместных действиях с Бюро сибирских организаций РСДРП (меньшевиков), ЦК «Объединения трудового крестьянства Сибири», Земским политическим бюро, профсоюзами⁷⁶. Переговоры завершились образованием Политического центра, в состав которого вошли: от Сиб-

крайкома ПСР — Ф. Ф. Федорович, ставший его председателем, и М. С. Фельдман; от ЦК «Объединений трудового крестьянства Сибири» — эсеры А. А. Иваницкий-Василенко, В. М. Коногов; от Земского политического бюро — эсеры Я. Н. Ходукин, Б. А. Косминский; от меньшевиков — И. И. Ахматов и Л. И. Гольдман⁷⁷.

Участвовали в переговорах по поводу организации Политцентра и иркутские коммунисты. Об этом свидетельствуют два письма руководителей Политцентра И. И. Ахматова и В. М. Коногова от 22 и 23 января 1920 г., а также воспоминания руководителя Сибирского обкома РКП(б) А. А. Ширямова⁷⁸. Однако они, судя по этим источникам и данным А. Г. Солодянкина⁷⁹, отказались войти в состав эсеро-меньшевистского органа, а своего официального представителя И. В. Суринова обязали посещать все заседания Политцентра, чтобы располагать информацией о его деятельности. Эту позицию С. В. Дроков определяет как блеф, поскольку, отказываясь от сотрудничества, коммунисты «создавали впечатление (посредством голословных утверждений) о сильно развитом «красном» партизанском движении»⁸⁰. Сам Ширямов объяснял случившееся тем, что «партия, которая пыталась бы при существовании успешной партизанской борьбы населения Сибири за советскую власть и приближающихся советских армий призвать идущие за ней массы к поддержке мелкобуржуазных лозунгов, перестала бы существовать как партия пролетариата»⁸¹. Еще одно объяснение предложил М. А. Гудошников: «Иркутская партийная организация знала о плане Политцентра и об отношении чехов к этому восстанию. Знали, что чехи сочувствуют Политцентру, но если восстание возглавят большевики, то чехи восстание будут громить. Исходя из этого, партийная организация определила свою тактическую линию. Сводилась она примерно к следующему: поддержать выступление Политцентра рабочими дружинами, но в выступлениях сохранять организационную самостоятельность. Воспользоваться выступлением Политцентра для захвата оружия, боеприпасов и вооружения рабочих. При выступлении лозунг «власть Советов» не выбрасывать, чтобы не вызвать против восстания чехов»⁸².

До настоящего времени точно не установлено время образования Политцентра. А. Г. Солодянкин, Л. М. Папин, А. В. Добровольский и Б. И. Мухачев относят это событие к 12 ноября 1919 г., А. А. Азаренков — к 26 ноября, И. В. Берснева — к началу декабря,

а Д. Л. Голиков — к 5 января 1920 г.⁸³ Как нам представляется, соглашение с земцами могло быть достигнуто только после провала путча генерала Р. Гайды во Владивостоке. 12 ноября 1919 г. в Иркутске контрразведка арестовала мелкобуржуазных деятелей Данбилова, Ковальского и Гольдберга, но по настоянию чехов они были освобождены⁸⁴. Эту дату можно считать началом открытой конфронтации колчаковского режима и «демократической» контрреволюции. Б. И. Мухачев приводит информацию начальника контрразведывательного отделения штаба Иркутского военного округа, который впервые 20 ноября сообщил начальству о создании Политцентра⁸⁵, поэтому можно утверждать, что эта организация возникла до 20 ноября 1919 г.

Политцентр принимает меры к организации антиколчаковского выступления. Прежде всего, достигается договоренность с чехами об их нейтралитете. Создается штаб Народно-революционной армии во главе с известным нам капитаном Н. С. Калашниковым. Усиленная пропагандистская работа с целью привлечения военнослужащих на сторону Политцентра велась в гарнизонах Иркутска, Черемхово, Зимы, Нижнеудинска, Тулуна.

Положение колчаковского режима с каждым днем катастрофически ухудшалось. В начале ноября с севера и юга над его столицей нависли ударные группировки советских войск, включавшие пять стрелковых дивизий 3-й и 5-й армий. Верховный правитель пытается переломить ситуацию личным вмешательством в руководство военными действиями. Он издает жесткий приказ: «Офицеры и солдаты! Объявляю вам, что Омск не будет сдан. Все командировки и отпуска отменяются. Всякий военный, едущий и идущий от Омска к востоку, объявляется дезертиром. Враг вступит в город, только переступив через мой труп»⁸⁶. 4 ноября адмирал проводит совещание с высшим командным составом, требуя оборонять столицу до последнего солдата. Объявляется мобилизация всех горожан в возрасте до 60 лет. «Духовенство по главе с архиепископом Селиверстом организовало крестные ходы, „дни молитвы и покаяния“, молебны о „даровании победы“»⁸⁷. Серьезные надежды возлагались на армию генерала А. И. Деникина, ведущую наступление на Москву. В Сибири еще не знали, что 11 октября советские войска начали контрнаступление, 20 октября освободили Орел, а 24-го — Воронеж.

Несмотря на принимаемые меры и пропагандистскую шумиху, столица «колчакии» агонизировала. Открыто вооружались рабочие, готовясь к вооруженному выступлению. Разбегались военнослужащие местного гарнизона. По свидетельству А. Г. Грызова, «полки поредели за убылью казаков, разбежавшихся по своим станицам „на защиту своих семейств“»⁸⁸. С конца октября началась эвакуация правительственных учреждений. Местом «временной» дислокации столицы определяется Иркутск. По всей видимости, принимались во внимание удаленность города от театра военных действий, его величина (самый населенный город Восточной Сибири) и присутствие рядом в Забайкалье мощной группировки японских войск.

8 ноября Совет министров принимает решение о передислокации в Иркутск, а 10-го утром выезжает из Омска. «Я спешно сложился, — по-мещански сокрушается П. В. Вологодский. — Удалось взять только одежду, обувь, белье, кое-какой архив своих дел. Вся же обстановка, картины, библиотека, драпировка, посуда и всякое барахло, а также кухонная посуда и столовая с двумя самоварами остались на произвол судьбы»⁸⁹. В ночь с 11 на 12 ноября вслед за правительством отправился А. В. Колчак вместе с генштабом, канцелярией, охраной и «золотым» эшеленом в шести литерных поездах. А утром 14 ноября части 27-й дивизии 5-й армии при содействии местных рабочих, почти не встречая сопротивления, заняли Омск.

Крах колчаковщины стал очевиден даже для самых последовательных сторонников диктатуры. В момент сокрушительного ее поражения от нее поспешили отмежеваться чехи. 13 ноября командование Чехословацкого корпуса в меморандуме союзникам заявило: «Под защитой чехословацких штыков военные русские органы позволяют себе такие дела, от которых весь цивилизованный мир приходит в ужас. Выжигание деревень, убийство русских мирных граждан целыми семьями, расстрел без суда людей исключительно только по подозрению в политической нелояльности составляют обычное явление, а ответственность за все это перед судом народов целого света падает на нас за то, что мы, располагая военной силой, не воспрепятствовали этому бесправию»⁹⁰. Личный состав соединения вместе с военным имуществом и награбленными богатствами (включая женские украшения, породистых лоша-

дей и «даже собрание книг Пермского университета»⁹¹, рассредоточенный примерно в 20 тыс. вагонах по железной дороге, оказался под ударом советских войск и начал спешную эвакуацию, блокировав перевозки по Транссибу. Интервенты, спасая чехов, пожертвовали Колчаком, огромной массой отступающих войск и беженцев. Вместо планомерной эвакуации началось паническое бегство на восток пешком или на санях параллельно железной дороге в лютые морозы, которые окончательно деморализовали воинские части. Поезд самого Верховного правителя в Новоиколаевске уперся в эшелоны чехов, отказавшихся его пропустить, и до 4 декабря простоял здесь, а сам он превратился в заложника, оторванного от боеспособных частей своей армии и правительства, с которым общался посредством телеграфа.

А. В. Колчак и его Кабинет предпринимают судорожные усилия, направленные на достижение соглашения с мелкобуржуазными кругами и создание правительственной коалиции с ними. Ни он, ни подавляющее большинство его министров не понимали, что за «демократической» контрреволюцией, в отличие от первой половины 1918 г., никто не стоит. «Весь день провел в своем номере, — писал эвакуированный в Иркутск генерал Г. Е. Катанаев 23 ноября, — и думал на тему о том, как синица хотела сжечь море и не смогла; как Сибирь и наши казаки в частности хотели создать на развалинах большевизии „Великую Россию“ и осеклись на Иртыше... Труби отбой»⁹². Вечером 18 ноября Совет министров прибыл в Иркутск. Знаменательно, что в торжественной встрече на вокзале не принимали участия представители городского самоуправления⁹³. 19 ноября правительство обнародовало декларацию, написанную Л. И. Шумиловским, в которой сообщалось, что положение о Государственном земском совещании утверждено Верховным правителем и в ближайшее время оно будет созвано⁹⁴.

23 ноября А. В. Колчак по телеграфу упраздняет «звездную палату» — Совет Верховного правителя и отправляет в отставку П. В. Вологодского. Пытаясь продлить агонию режима, последний согласился на предложение «уступить место волевому и активному лицу», но в разговоре по прямому проводу с адмиралом высказался «на всю катушку» о бессилии правительства «положить конец своеволию военных начальников», об экономическом кризисе

и приближении голода⁹⁵. Председателем Совета министров был назначен министр внутренних дел В. Н. Пепеляев. В программе последнего объявлялось о борьбе с советской властью, отказе от системы военного управления, расширении функций Государственного земского совещания (представлении ему законодательных прав, увеличении вдвое представителей от крестьянства и городского населения и др.) с целью «приближения власти к народу»⁹⁶. Одновременно с зампой премьера произошла последняя серьезная ротация министров: С. Н. Третьяк назначается заместителем председателя Совета министров и руководителем (управляющим) Министерства иностранных дел, А. А. Червен-Водали становится временно управляющим МВД, а П. А. Бурышкин — министром финансов. Из Кабинета ушли последние сибиряки, их место заняли «выдвиженцы» — представители верхушки российских предпринимательских кругов и кадетов.

В. Н. Пепеляев пытается в Иркутске договориться с мелкобуржуазными группировками о коалиции и вхождении их представителей в состав Кабинета. Е. Е. Колосов дипломатично отказался, а председатель губернской земской управы Я. Н. Ходукин, по сведениям Л. А. Кроля, потребовал прежде всего отставки самого Пепеляева и созыва Земского собрания⁹⁷. В связи с этим заместитель председателя Совета министров С. Н. Третьяк обвинил мелкобуржуазные круги в соглашательстве. «В тех элементах, которые находятся сейчас в оппозиции к вновь образовавшемуся правительству, — заявил он в интервью, — безусловно, бродят мысли об известном соглашательстве с большевиками. И это является главной причиной, почему совместная работа с этими элементами не представляется для правительства возможной. Дух соглашательства всегда был силен среди наших социалистических партий — и так он остался донныне. Если бы это было не так и я ошибался бы, то сейчас, полагаю, не могло бы быть никаких партий и лозунг борьбы с большевиками прочно объединял бы всех»⁹⁸.

Реально же обновленный Совет министров, находясь в Иркутске, никем и ничем не управлял. Г. Е. Катанаев констатировал: «Перемена в составе „Кабинета“ несколько не изменила дел к лучшему. Наоборот. Настроение „министров“ и публики иркутской все минорнее и минорнее... Надежды на Колчака совершенно

нали, о войсках не слышно, существуют они или нет». Ему вторит Г. К. Гинс: «Кто же поддерживал правительство? Неужели только те самые военные, высшие представители которых его же бесознательно губили»⁹⁹. Предпринимаются последние попытки спасти режим. В. Н. Пепеляев отправляется навстречу Верховному правителю, а С. Н. Третьяк выезжает в Читу для переговоров с Г. М. Семеновым и японцами по поводу оказания военной помощи. Остатки правительства в Иркутске возглавил А. А. Червен-Водали.

«Белые» еще могли остановить продвижение советских войск вглубь Сибири у естественного рубежа в районе станции Тайга, где Западно-Сибирская равнина переходит в пересеченную холмами и увалами таежную зону. Согласно директиве генерала К. В. Сахарова, предполагалось, опираясь на отведенную для переформирования и пополнения в район Новониколаевска — Тайги — Томска 1-ю Сибирскую армию генерала А. Н. Пепеляева и перегруппировки других соединений, остановить здесь наступление 5-й Красной армии и перейти к активной обороне. Для политического обеспечения операции братья В. Н. и А. Н. Пепеляевы «предприняли отчаянную попытку либерализации политического режима и устранения от власти наиболее одиозных фигур. Генерал обратился к томским политическим и общественным организациям, эсерам, меньшевикам, кооператорам, земским деятелям с предложением создать общественный блок с целью спасти Сибирь от большевистского нашествия»¹⁰⁰. По приказу братьев в Тайге вместе со своим штабом был арестован главком генерал Сахаров. 9 декабря А. Н. Пепеляев направил Верховному правителю, находящемуся на станции Судженка, телеграмму, умоляя немедленно издать закон о созыве Сибирского земского собора, «в лице которого сам народ возьмет в свои руки устройство Сибири и избрет Сибирское правительство»¹⁰¹.

Попытка остановить «красных» провалилась из-за полной деморализации войск, начавшегося 7 декабря в Новониколаевске восстания и блокады чехами железной дороги. Генералу В. О. Каппелю удалось объединить остатки колчаковских войск в единую группировку и вывести их к Иркутску, обойдя стороной Красноярск и двигаясь по Сибирскому тракту и проселочными дорогами. Среди отступающих оказались и Пепеляевы. Последний пре-

мьер-министр догнал в Нижнеудинске А. В. Колчака и разделил с ним участь заложника чехов.

Процесс ликвидации колчаковских органов власти в городах Западной Сибири имел определенную специфику. Как правило, он происходил в результате совместных действий местного подполья, организовавшего вооруженные выступления городского населения, и военнослужащих гарнизонов. Их действия закреплялись вступлением в города партизанских формирований и созданием преимущественно беспартийных ревкомов или Советов. 19 ноября таким образом был освобожден Славгород, 28 ноября — Каменьна-Оби, 3 декабря — Семипалатинск, 5 декабря — Змеиногорск, 10 декабря — Барнаул. В Семипалатинске после антиколчаковского переворота 1 декабря образуется военно-революционный комитет, в состав которого вошли организаторы выступления: коммунисты А. Е. Попов, С. Г. Гиршович и М. Н. Соломошенко, меньшевик-интернационалист В. А. Курамжин, левый эсер И. М. Иванов, беспартийные офицеры и солдаты местного гарнизона И. М. Баранок, Д. Н. Бурмистров, Г. К. Гаркунов, В. М. Гузев, Б. М. Калистратов, В. М. Кокуркин, М. Д. Кохов, А. Н. Морозов и А. Ф. Рыбак. Из своего состава военревком сформировал военно-революционный штаб во главе со штабс-капитаном И. М. Баранюком и политическим комиссаром С. Г. Гиршовичем. В большинство местных органов государственного управления новый орган направил своих комиссаров¹⁰². В Барнауле 10 декабря городской комитет РКП(б) сформировал временный ревком в составе шести коммунистов и одного левого эсера¹⁰³.

Несколько иначе развивались события в Кузнецке и Новониколаевске. В Кузнецке, трехтысячном провинциальном городке, 1 декабря восстал местный гарнизон, был сформирован повстанческий комитет, который, опасаясь карательных акций со стороны боеспособных частей колчаковской армии, пригласил в город двухтысячный партизанский отряд Г. Ф. Рогова. 9 декабря роговцы вступили в город и начали кровавую расправу, реалистично описанную в повести В. Я. Шишкова «Ватага». Ее жертвами стали от 300 до 500 обывателей¹⁰⁴.

В Новониколаевске мелкобуржуазные круги во главе с эсерами в конце ноября обратились к местным коммунистам с предложением объединиться для подготовки и осуществления восстания.

«После длительных споров подпольные группы РКП(б) решили выступить одновременно с эсерами, но под собственными лозунгами»¹⁰⁵. В ночь на 7 декабря в городе началось восстание Барабинского полка во главе с полковником Ивакиным, к которому присоединились военнослужащие других частей (Новониколаевского полка, школы телеграфистов, инструкторской школы и т. д.). Восставшие захватили тюрьму и выпустили политических заключенных, заняли почту, телеграф и телефон, комендатуру, вокзал, где изолировали штаб 2-й армии во главе с генералом С. Н. Войцеховским. Трудно сказать, чем завершилось бы это выступление, но была допущена одна роковая ошибка. Посадив под домашний арест командарма, барабинцы не отключили связь, и арестованный генерал вызвал на помощь части 5-й Сибирской дивизии польских стрелков, находившиеся по линии Алтайской железной дороги. С прибытием последних восстание было подавлено, а большая группа его участников во главе с Ивакиным расстреляна¹⁰⁶. Новониколаевск был освобожден красными 14 декабря.

Городские восстания продолжались. В частности, 13 декабря беспартийный военно-революционный комитет был создан в Охотске, а 15 декабря — в Якутске¹⁰⁷. Еще одной особенностью рассматриваемого процесса в Сибири явилась резкая активизация активности левых эсеров. Еще в октябре 1919 г. в Иркутске оформилась Сибирская автономная группа социалистов-революционеров, которая после объединения с левыми эсерами 10 января 1920 г. получила название Сибирской автономной группы левых социалистов-революционеров. Новоявленное формирование, отмежевываясь от Сибирского крайкома ПСР, выдвинуло в качестве главной задачи ведение совместно с коммунистами борьбы за восстановление советской власти¹⁰⁸. О направленности и темпах эволюции политических установок мелкобуржуазных группировок региона можно судить, в частности, по содержанию двух листовок Томской организации ПСР. В первой, датированной 9 декабря, программа действий сводилась к следующим положениям: «а) созыв Всенародного Учредительного собрания; б) создание однородно-социалистической государственной власти, опирающейся до созыва Учредительного собрания на земства и объединения демократий; в) немедленное перемирие на фронтах и переговоры с Московским правительством в целях прекращения гражданской войны; г) ав-

тономия Сибири и созыв Сибирского Учредительного собрания». В другой прокламации, выпущенной 20 декабря, накануне вступления в город советских войск, эсеровская организация заявляла, что «считает для себя возможным дать свою санкцию на участие партийных товарищей в работе отдельных советских учреждений» при условии проведения в них основных положений демократии — «свободы личности, свободы слова, печати, собраний, свободы коалиций, свободы союзов, неприкосновенности жилища и т. д.»¹⁰⁹.

По известному нам сценарию разворачивались события в Томске. 17–18 декабря восставшим гарнизоном и рабочими здесь восстанавливается советская власть во главе с коалиционным военно-революционным комитетом в составе коммунистов Я. Д. Янсона (председатель), К. М. Молотова, Т. Д. Екишева, Я. Р. Ельковича, Е. В. Лосевича, левого эсера А. Ильина, представителя инициативной группы эсеров А. Левина, меньшевика А. Е. Гуревича и анархиста-синдикалиста С. Толмачева. 20 декабря в город вступили части Красной армии¹¹⁰.

История с образованием Политцентра, правда, в несколько специфических условиях, повторилась в Красноярске. В середине декабря управляющий Енисейской губернией П. С. Троицкий обратился к губернской земской управе с предложением образовать особый совет из представителей общественных объединений. 21 декабря был создан городской комитет общественной безопасности, в который вошли и посланцы от гарнизона. С прибытием представителей от уездного и ряда волостных земств 23 декабря объединение преобразуется в губернский комитет общественной безопасности в составе председателя губернской земской управы народного социалиста Г. П. Сибирцева, эсера Е. Е. Колосова, председателя губернского союза кооперативов меньшевика П. М. Ливницкого и председателя городского совета профсоюзов И. Боровика¹¹¹. В тот же день новый командующий войсками Енисейской губернии генерал Б. Зиневич «передал управление гражданской частью в руки Совета общественных организаций в лице председателя земской управы», т. е. Г. П. Сибирцева¹¹². 24 декабря комитет обратился к населению губернии с извещением о восстановлении гражданских свобод и обещанием созвать губернское народное собрание для решения вопроса о власти¹¹³. 28 декабря Зиневич направил А. В. Колчаку открытое письмо с требованием передать

власть Земскому собору. Верховный правитель воспринял события в городе как восстание и приказал генералу В. О. Каппелю, если у него есть силы, «занять Красноярск и разоружить восставших»¹¹⁴. Отсутствие источников не позволяет выявить программу красноярских оппозиционеров. Неясно, в частности, прибыл ли Зиневич в город, имея четкую программу действий, или его убедили перейти на сторону комитета уже в самом Красноярске. Нам представляется более вероятной первая версия. Так или иначе, местные мелкобуржуазные группировки выступили в духе решений Иркутского земского совещания.

Известие о создании Политцентра, начавшееся 21 декабря в Черемхово антиколчаковское восстание послужили поводом для активизации деятельности Е. Е. Колосова. Безусловно, он был связан с лидерами Политцентра и имел полномочия для осуществления дипломатической миссии — вступить в переговоры с командованием советских войск и не допустить их вступления в Красноярск, обеспечив тем самым западную границу «буферного образования» по Енисею.

Колосову удалось уговорить в целесообразности таких действий генерала Б. Зиневича, и 2 января 1920 г. они пытались по телеграфу вступить в переговоры с командованием одной из бригад 30-й стрелковой дивизии 5-й армии, находившейся в только что освобожденном Ачинске. Причем переговоры Е. Е. Колосов вел не от имени Красноярского комитета общественной безопасности, а от Политического центра, несколько раз подчеркнув, что он является членом Всероссийского Учредительного собрания. Касаясь программы Политцентра, Колосов проинформировал, что ближайшей целью его является созыв Сибирского народного собрания, а основной — проведение выборов в Сибирское Учредительное собрание. Главной задачей переговоров он считал заключение мира с Советской Россией. При этом впервые важным аргументом называлось то, что «буфер» возьмет на себя борьбу с японцами¹¹⁵. Однако командование и Реввоенсовет 5-й армии не вступили в переговоры даже о временном перемирии. Зиневичу было предложено готовить гарнизон к безоговорочной капитуляции, и тем самым попытка Политцентра остановить советские войска провалилась.

Тем временем в самом Красноярске, учитывая настроения рабочих, определенной части городских обывателей и личного со-

става гарнизона, руководство губернского комитета общественных организаций принимает решение о создании Совета рабочих и солдатских депутатов, первое заседание которого состоялось 1 января 1920 г. По своему составу это был преимущественно беспартийный орган, с представительством от эсеров, меньшевиков и коммунистов. Последние, недовольные таким развитием событий, принимают решение «о необходимости путем восстания взять власть в свои руки»¹¹⁶. Для руководства им формируются военно-революционный штаб во главе с поручиком Н. Н. Яковлевым и военпреком в составе членов РКП(б) П. Г. Козлова (председатель), М. К. Вышковского, И. С. Фридмана и М. Ф. Позигуна. Устанавливается связь с партизанами соединения А. Д. Кравченко — П. Е. Щетинкина и командованием советских войск в Ачинске. Собственно восстание свелось к призыву к частям гарнизона, признающим советскую власть, явиться утром 4 января на центральную городскую площадь, что и было сделано большинством из них. Тогда же военпреком объявил о переходе власти в свои руки, арестовал генерала Зиневича и его штаб и распустил Совет рабочих и солдатских депутатов. Восставшие организовали оборону Красноярска и в боях 5–6 января не допустили его захвата частями генералов Войцеховского и Сахарова. Около 60 тыс. колчаковцев сдались в плен, лишь некоторая их часть во главе с Каппелем, обойдя город, двинулась на восток. Вечером 6 января 1920 г. в Красноярск вошли части 30-й стрелковой дивизии 5-й Красной армии. Вооруженные силы сибирской контрреволюции фактически прекратили существование. 15 января был ликвидирован Восточный фронт. Преследование «белых» возлагается на 30-ю дивизию. За Красноярском ее части нагнали эшелоны белочехов, польских легионеров, румын. После нескольких стычек командование Чехословацкого корпуса заключает со штабом советской дивизии перемирие. Дальнейшее продвижение Красной армии к Байкалу теперь обуславливалось не только военной обетановкой, но и политическими соображениями.

Пока на западе завершалась агония колчаковской армии, в Иркутске своего апогея достигла политическая борьба. К середине декабря 1919 г. город превратился не только в формальную столицу сибирской контрреволюции. Здесь, как в Ноевом ковчеге, собрались различные рукоподыащие организации, объединения и груп-

пировки. Помимо Совета министров во главе с А. А. Червен-Водали и его ведомств действовали штаб Иркутского военного округа во главе с генералом Артемьевым, управляющий губернией П. Д. Яковлев, губернская земская управа и городская дума, Всесибирский союз земств и городов (Сибземгор), Политический центр, Сибирский краевой комитет ПСР, Сибирский союз социалистов-революционеров («эсеро-активистов»), Сибирская автономная группа социалистов-революционеров, Сибирский областной и Иркутский губернский комитеты РКП(б), региональное объединение меньшевиков, местные формирования левых эсеров, анархистов, областников и кадетов. Железнодорожный узел и прилегающие станции занимали и контролировали интервенты и чехи. На развитие ситуации существенно влияла особенность географического положения Иркутска, связанная с тем, что железная дорога находилась на противоположном берегу Ангары и в рассматриваемое время была изолирована от города, поскольку постоянного моста не было, а понтонный из-за начавшегося ледостава снесен шугой. Попасть с одного берега на другой можно было только паромом или через еще не замерзший Байкал в районе Листвянки, но тогда дорога удлинялась на сотню верст. Колоритную зарисовку обстановки тех дней в Иркутске дает в своих воспоминаниях Е. Е. Колосов: «Тянулись кошмарные дни и для чинов правительства, и для служащих министерств, для военных и для всего города; город голодал; в городе не было света, так как Ангара не стала, а понтон срезало шугой, и электрическая станция стояла, не имея возможности получить с вокзала уголь; тысячи больных и раненых начинали замерзать в нетопленных многочисленных госпиталях; тиф косил все новые и новые жертвы; телеграфное сношение суживалось с каждым днем». Ему вторит Г. Е. Катанасев: «Угольное отопление прекратилось, водопровод не действует... Гостиница наша вот уже четвертый день сидит без отопления, без света, без элект[рических] звонков, без воды... То же самое и в большинстве других домов»¹¹⁷.

В ночь на 21 декабря антиколчаковское вооруженное выступление гарнизона началось в Черемхово. Восставшие вручили власть уполномоченному Политцентра по Черемховскому уезду эсеру В. Н. Устюжанину. Местные коммунисты, располагая поддержкой рабочих и опасаясь карательных акций со стороны чехов и отступающих колчаковцев, предпочли «не высовываться» и направ-

вили своего представителя во временный ревком, организованный 3 января 1920 г. под руководством эсеров. Лишь с изменением ситуации они взяли власть в свои руки, создав уездный Совет рабочих и солдатских депутатов, который, в свою очередь, был заменен 13 февраля на коммунистический ревком.

Одновременно колчаковская власть была свергнута практически во всех городах Иркутской губернии (Балаганске, Бодайбо, Верхоленске, Зиме, Илимске, Киренске, Нижнеудинске, Тулуне). Поезд Верховного правителя и председателя Совета министров В. Н. Пепеляева до 18 октября находился в Красноярске, затем проследовал в Верхнеудинск, где на две недели был задержан чехами, фактически взявшими его под негласный арест. Местный военревком, действующий от имени Политцентра, потребовал от адмирала отречения от должности¹¹⁸. 24 декабря капитан Н. С. Калашников, назначенный Политцентром командующим Народно-революционной армией, вместе с членом Сибкрайкома ПСР В. М. Мерхалевым начали восстание в левобережной части (предместье Глазково) и, опираясь на солдат распропагандированного ими 53-го полка, захватили железнодорожные станции Батарейная, Иппокентьевская, Военный городок, разоружив стоявшие там эшелоны колчаковцев.

Местные коммунисты, по свидетельству И. В. Сурнова, решили «призвать товарищей к борьбе, не выбрасывая своего флага, а пока что бороться под флагом Политцентра. Сделать это заставило нас, коммунистов, в целях исключения столкновения с чехами и японцами, которые придерживались нейтралитета в том случае, если переворот будет совершен под „демократическими лозунгами“»¹¹⁹. В ночь на 25 декабря в городе для предотвращения выступления местного эсеровского подполья и военнослужащих по указанию начальника гарнизона генерала Е. Сычева были арестованы 11 участников нелегального заседания боевого штаба Политцентра и Центрального бюро Сибирского союза социалистов-революционеров, обсуждавших планы организации восстания. Их вместе с другими арестованными в количестве 60 чел., по свидетельству Г. Е. Катанасева, до 29 декабря содержали под усиленной охраной в гостинице «Модерн», где проживали руководители и чиновники Совета министров; возможно, арестованных рассматривали в качестве заложников в возможных переговорах с По-

литцентром. 5 января 1920 г. по указанию генерала Сычева их вывезли на озеро Байкал и на борту ледокола «Ангара» зверски убили, трупы сбросили в воду. Среди 31 погибшего было много случайных людей (солдаты и младшие офицеры 56-го полка, служащие, студенты, курьеры), 13 из них являлись эсерами, в том числе 11 членов Сибирского союза социалистов-революционеров (П. Я. Михайлов, Б. Д. Марков, П. М. Храбров, Я. Ф. Терещенко и др.) и 6 коммунистов¹²⁰.

Командующий войсками интервентов французский генерал М. Жанен потребовал от правительственных войск прекратить боевые действия против повстанцев, угрожая вооруженным вмешательством чехов¹²¹. Но утром 27 декабря началось вооруженное выступление в центре города отряда особого назначения при управляющем губернией и 2-й инструкторской школы под руководством капитана Решетина¹²². Их удалось вытеснить в Знаменское предместье, где, опираясь на поддержку рабочих дружин, подошедших партизанских формирований, военнослужащих 56-го полка, они закрепились на рубеже р. Ушаковки. Начались тяжелые бои с применением артиллерии и неудавшейся попыткой наступления на центр восставших 30 декабря.

В этот день в противостояние активно вмешались семеновцы. А. В. Колчак, находясь еще в Западной Сибири, телеграфом предупредил атамана Г. М. Семенова о возможной передаче ему всей полноты верховной власти в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. Получив информацию о задержке поезда Верховного правителя, последний приказал генералу Л. Н. Скипетрову возглавить экспедицию по освобождению адмирала в составе трех бронепоездов и двух полков¹²³. 30 декабря девять эшелонов экспедиции прибыло на станцию Иркутск, одна рота переправилась через Ангару и под оркестр прошла по центральным улицам¹²⁴. Казалось бы, ситуация в городе кардинально изменилась в пользу колчаковцев. Но, как это случается на войне, положение быстро изменилось. По настоянию М. Жанена Скипетрову пришлось отвести свою группировку обратно на станцию Байкал, где она внезапно была разоружена и захвачена в плен чехами 8 января 1920 г.

Бои в Иркутске продолжались до утра 5 января 1920 г. Однако уже 2 января на станции Иркутск при содействии дипломатических представителей интервентов начались переговоры о пере-

даче колчаковским Советом министров власти Политцентру. Делегация последнего категорически отвергла предложения А. А. Червен-Водала о создании коалиционной власти¹²⁵. В свою очередь он, а также военный министр генерал М. В. Ханжин и управляющий МПС Ларионов 3 января по телеграфу обратились к А. В. Колчаку с просьбой о его отречении и передаче верховной власти А. И. Деникину. «Это даст возможность, — телеграфировали они, — сохранить идею единой всероссийской власти, охранить государственные ценности и предупредить эксцессы и кровопролитие, которые создадут анархию и ускорят торжество большевизма на всей территории»¹²⁶. Адмирал выполнил требование. 4 января он объявил генерала А. И. Деникина своим преемником и предоставил «всю полноту военной и гражданской власти на всей территории Российской восточной окраины» атаману Г. М. Семенову.

Что же касается целей, преследуемых эсеро-меньшевистскими лидерами Политического центра при организации восстания, то они четко просматриваются в выступлениях И. И. Ахматова, А. А. Иваницкого-Василенко и Я. Н. Ходукина во время переговоров с колчаковскими министрами 2–4 января 1920 г. Политцентровцы, безусловно, исходили из необходимости продолжения борьбы с коммунистами, и поэтому Ахматов упрекал министров за то, что, эвакуируя Иркутск и отступая за Байкал, колчаковцы уничтожают антисоветский фронт, «который еще... худо ли... хорошо ли, но держится». В то же время мелкобуржуазные лидеры понимали, что белогвардейская армия полностью утратила боеспособность. Поэтому они предложили свой вариант мирного разложения советской власти, «не принимая неприятельскую армию». Предполагалось вступить в переговоры с коммунистами и, добившись перемирия, по словам Иваницкого-Василенко, «основать в Сибири демократический строй, исходящий из революции, но отвергающий большевизм». А уже после этого, «если нам удастся сообщить русскому крестьянству и солдату в советских войсках о том, что мы делаем на территории, не занятой ими, — заявлял Ахматов, — если они узнают, что мы даем народу истинную демократическую власть, к чему мы стремимся, и их победоносное наступление перейдет в колебание и замешательство». И тогда «советские солдаты будут знать, что перед ними та демократия, против которой нет смысла воевать»¹²⁷.

Однако замыслы политцентровцев были гораздо грандиознее создания буферного государственного образования с временным статусом. «Образуя Сибирское правительство, мы не покидаем мысли об Единой России, но у нас совершенно иные способы осуществить это, чем у Вас. Мы желаем произвести объединение всех демократических ячеек, которые составились вокруг советской власти. Они приобретут власть и примут все вместе Единую Россию, — подчеркивал Ахматов. — К маленьким государствам (Финляндия, Эстония, Литва и др. — *М. Ш.*), живущим теперь независимо, присоединится постепенно и Сибирская Республика... Она войдет с ними, так сказать, в общее... согласует свои и их усилия, и постепенно мы придем к практическому разрешению задачи об Единой России»¹²⁸.

В очередной раз «демократическая» контрреволюция выдвинула план удушения большевизма, предлагая вместо вооруженной борьбы сделать ставку на окружение РСФСР цепью буржуазно-демократических государств, которые своими порядками (свобода торговли, отмена продразверстки при сохранении земли за крестьянами) подтолкнут в очередной раз среднее крестьянство на сторону мелкобуржуазной демократии, что позволит свергнуть советскую власть. Снова выступили они с позиций «третьей силы», ничего не усвоив из печального опыта 1918 г., когда, располагая властью, передали ее в конечном счете правым.

4 января 1920 г. переговоры Политцентра с министрами Омского правительства завершились подписанием соглашения о передаче власти эсеро-меньшевистскому органу. Закончился этап колчаковской диктатуры. Тут же появились первые публичные заявления от имени нового «государственного образования». В Манифесте, выпущенном, по сведениям Л. А. Кроля, 5 января¹²⁹, извещалось о низвержении власти Колчака, объявлялись вне закона Семенов, Калмыков, Розанов, Колчак, провозглашалось восстановление гражданских свобод и объявлялась амнистия политическим заключенным. Ближайшими своими задачами Политцентр провозглашал:

1) созыв 12 января 1920 г. Временного сибирского совета народного управления на основе особого положения и передачу ему всей полноты власти до открытия Сибирского народного собрания, составленного из представителей губернских и уездных зем-

ских собраний, съездов крестьян, казачьих кругов, городских самоуправлений и профессиональных объединений;

2) передачу всей полноты власти на местах губернским земским собраниям и их рабочим органам (управам);

3) подготовку перевыборов городских и земских самоуправлений на основе избирательного закона 1917 г.;

4) установление перемирия на советском фронте и переговоры с советской властью «на основе гарантированного самоуправления областей, освобожденных от реакции, не занятых армией Совета Народных Комиссаров»;

5) немедленное осуществление договорных отношений с демократическими образованиями, возникшими на российской территории¹³⁰.

Параллельно с Манифестом Политический центр принимает Декларацию, которая повторяет большинство его положений. Вместе с тем в ней содержатся и новые моменты. Прежде всего, эсеры и меньшевики категорически отвергли «всякую возможность учреждения на урезанной территории Сибири власти, претендующей на всероссийское представительство». Отмечалось, что «атаманщина» поддерживается японским империализмом. Предполагалось установить договорные отношения с «революционными государствами в целях совместной самозащиты от мировой реакции», наделить Сибирское народное собрание функциями учредительного, а затем созвать последнее в Сибири¹³¹.

При анализе этих документов обращает на себя внимание отсутствие упоминания о политической окраске новоявленного государственного образования. Эсеры и меньшевики из тактических соображений выбросили даже упоминание об идеях «народоправства», так как Политцентр претендовал на государственную суверенитет, как и ряд других «демократических государственных образований», возникших на территории бывшей Российской империи. Здесь нашли отражение заявления его руководителей во время переговоров 2–4 января. В заключении Декларации содержались намеки на обоснование необходимости «буфера» между РСФСР и Японией (атаманщина, поддерживаемая Страной восходящего солнца; установление союза с революционными государствами в целях самозащиты от мировой реакции).

Таким образом, анализ действий Политцентра и его программных заявлений позволяет сделать вывод о том, что создавшие его эсеры и меньшевики стремились в своих интересах использовать обстановку и не допустить восстановления советской власти на востоке страны. Дело заключалось в том, что Красная армия тогда не могла продвигаться в Забайкалье, так как в противном случае РСФСР пришлось бы вступить в войну с Японией. Опять на первый план выдвинулись мелкобуржуазные круги, ставившие задачу создать на востоке России мощный антисоветский плацдарм, замаскированный под лозунгом «демократического» Сибирского народного собрания.

Характерно, что в отличие от первого этапа «демократической» контрреволюции (июнь — ноябрь 1918 г.) теперь выступал не весь мелкобуржуазный блок, а только левая его часть — меньшевики и эсеры, поскольку остальные (областники, народные социалисты, националы, кооператоры и др.) или навсегда сошли с политической арены, или переориентировались, или дискредитировали себя.

В начале января 1920 г. не изменилась принципиально позиция иркутских коммунистов, считавших преждевременным провозглашение советской власти. Вместе с делегацией Политцентра на переговоры с советскими и военными властями Сибири по поручению Сибирского областного и Иркутского губернских комитетов РКП(б) отправился секретарь последнего А. М. Краснощеков (бывший председатель Дальсовнаркома, освобожденный из иркутской тюрьмы во время восстания 30 декабря 1919 г.). Ему поручалось: «1) Узнать, где находится центральная (Красная. — М. Ш.) армия. 2) Узнать о намерении Центра о продвижении на восток. 3) Нужно ли идти на восток. 4) Отношение к моменту»¹³².

Политический центр 7 января отправляет на запад делегацию под руководством заместителя председателя Политцентра меньшевика И. И. Ахматова, эсеров В. М. Коногова, Е. Е. Колосова и представителя штаба Народно-революционной армии И. Н. Коркина с целью вступить в переговоры с Сибревкомом и Реввоенсоветом 5-й армии¹³³. 12 января, по другим сведениям — 14-го, в здании городской думы Политцентр устроил собрание граждан города, на котором передал свои полномочия Временному совету народного управления областью Восточной Сибири. В него вошли

все восемь членов Политцентра, три представителя от городской думы, три от профессиональных союзов, три от Объединения трудового крестьянства и три от кооперативных организаций¹³⁴. По свидетельству В. М. Коногова, из них только один не был социалистом, т. е. все остальные являлись меньшевиками (возглавили пять ведомств) и эсерами (руководители шести ведомств).

Совет народного управления утвердил программу своей деятельности в духе упомянутых выше документов Политцентра, одобрил переговоры с представителями советской власти. Для оперативного управления регионом создается 11 ведомств: иностранных дел (И. И. Ахматов), продовольствия (Домостроев), государственного контроля (Войлошников), торговли и промышленности (Пятидесятников), народного образования (А. Я. Гончаров) и т. д.¹³⁵ Выступая на первом заседании органа, А. А. Иваницкий-Василенко попытался ответить на вопрос об «объективных основаниях» для его существования. По его мнению, «эта демократическая государственность является той прослойкой, которая охраняет всю остальную Россию от всяких попыток вмешательства извне»¹³⁶.

К числу наиболее значимых деяний Временного совета народного управления следует отнести урегулирование отношений с интервентами и чехами. За право пропуска через восставший Иркутск эшелонов корпуса его командование с санкции генерала М. Жанена вечером 15 января выдало Политцентру А. В. Колчака и В. Н. Пепеляева, а также эшелон с золотым запасом России.

Объясняя данную акцию, командир Чехословацкого корпуса генерал А. Сыровы доносил М. Жанену 11 февраля 1920 г.: «Адмирал Колчак и его правительство существовали только благодаря вынужденному пребыванию чехословацких войск в Сибири... Однако адмирал Колчак совершил по отношению к чехословакам преступление, отдав приказ атаману Семенову мешать всеми средствами нашей эвакуации на восток. Чехословацкая армия об этом приказе знала, войска стали расценивать Колчака как своего врага, виновного в трудностях их эвакуации, разрешенной союзниками. Поддержание порядка в армии, как и мотивы, указанные выше, вынуждали их прекратить его охрану»¹³⁷. Для расследования преступлений бывшего Верховного правителя и его премьер-министра Политцентр образует Чрезвычайную следственную комиссию

в составе эсеров И. С. Лукьянчикова, А. Н. Алексеевского, меньшевиков В. П. Денике и К. А. Попова.

Тем временем делегация Политцентра прибыла на территорию, контролируемую Сибревкомом. Последний еще в первой половине января 1920 г. не намеревался вести с кем-либо переговоры. В частности, объединенное заседание Сибревкома, Сиббюро ЦК РКП(б), представителей командования 5-й армии и Омского губревкома 13 января в Омске приняло решения «немедленно вступить в переговоры с чехами с предложением выдачи Колчака и золотого запаса, гарантируя им свободное продвижение на родину» и «с Иркутским правительством ни в какие переговоры не вступать»¹³⁸. И такие возможности у них были: так, выше отмечалась достигнутая договоренность между отступающими чехами и авангардными частями советской 30-й стрелковой дивизии. Однако уже 19 января в Томске переговоры начались, т. е. за неделю ситуация кардинально изменялась. Обращает на себя внимание тот факт, что проходили они не в официальной резиденции Сибревкома и Сиббюро, а в «тушиковом» Томске. Безусловно, санкционировала их Москва, лично В. И. Ленин, а глава советской делегации И. Н. Смирнов регулярно информировал высшие партийные и советские инстанции об их ходе. Вероятно, повлияла на позицию Сибревкома информация и позиция А. М. Краснощекова, являющегося сторонником создания «буфера».

Достаточно представительной выглядела советская делегация, включавшая председателя Сибревкома И. Н. Смирнова, врид командующего 5-й армией Устичева, членов ее Реввоенсовета В. М. Свердлова, К. И. Грюнштейна, председателя Томского ревкома В. П. Шумкова, приехавшего из Иркутска А. М. Краснощекова и др. Во время первого заседания иркутская делегация предпринимает максимум усилий для создания у противной стороны впечатления о представляемой ими организации как массовой и авторитетной даже в международных кругах. И. И. Ахматов заявил, что влияние Политического центра распространяется на Томскую, Енисейскую, Иркутскую губернии, Якутскую, Забайкальскую и Приморскую области, а главной его задачей является «обеспечение всей Восточной Сибири за революционной Россией, воссоединение восточной окраины, на которую покушаются союзные хищники»¹³⁹.

Все последующие выступления членов делегации Политцентра обосновывали необходимость существования буферного государственного образования между РСФСР и оккупированным Японией Дальним Востоком. Ахматов, поставив в заслугу Политцентру то, что «удалось временно обеспечить вынужденный нейтралитет Японии и дружественный нейтралитет чехословаков», предупредил: «Оба эти нейтралитета будут наверняка нарушены в случае, во-первых, дальнейшего открытого продвижения Красной армии для восстановления строя, подобного строю в Советской Республике, и, во-вторых, в случае продолжения старой политики Советской России в отношении эвакуирующейся чехословацкой армии». В конечном счете Е. Е. Колосов сформулировал дилемму: «Если Советская Россия имеет достаточно сил для немедленного сокрушения вооруженной рукой японской реакции и вообще японского милитаризма, то тогда вопрос решается очень просто безостановочным продвижением советских войск вглубь Сибири — к Иркутску и за Иркутск. Тогда никакого буферного государства не нужно. Если в данное время Советская Россия таких сил не имеет, тогда необходимо прийти в целях сохранения единства России и воссоединения Восточной Сибири с остальной русской территорией к мысли о необходимости создания особого буферного государственного образования на демократических началах». В. М. Коногов привел еще один аргумент в пользу буфера: «Золотой запас и поезд Колчака, охраняемый смешанным караулом, нашим и иностранным, составляет предмет особого внимания союзников. Провозглашение советской власти по магистрали Вост[очной] Сибири было бы равносильно потере всего этого национального достояния»¹⁴⁰.

Таким образом, на переговорах 19 января 1920 г. политцентровцы в качестве главных аргументов в пользу существования буфера выдвигали опасность возможного вооруженного столкновения между РСФСР и Японией и судьбу золотого запаса. Руководители эсеро-меньшевистского органа показали себя искушенными политиками, поскольку на переговорах 2–4 января 1920 г. обосновывали существование буферного образования необходимостью продолжать борьбу с большевизмом мирными способами. В Томске же они пытались выдать себя чуть ли не за союзников

советской власти, пекущихся о территориальной целостности России в борьбе с империалистическими хищниками.

В свою очередь, И. Н. Смирнов отметил, что «буфер» в принципе возможен, но начинаться он должен или с Читы, или с Верхнеудинска. Прямо ссылаясь на директивы Москвы, он согласился с главными задачами буферного образования — избежать вооруженного столкновения с Японией и с его помощью выдворить интервентов домой. Как временное государственное образование рассматривал «буфер» и Краснощеков¹⁴¹.

В конечном счете советская делегация согласилась на образование буфера. В час ночи 20 января 1920 г. были подписаны Предварительные условия соглашения с Политическим центром, которые вступали в силу после утверждения Совнаркомом. Они сводились к следующему:

1. Образование «Восточно-Сибирской государственности» в виде государства-буфера необходимо. Граница его на западе временно определяется по линии рек Ока и Ангара.

2. Восточно-Сибирская государственность принимает на себя обязательства:

а) очистить в порядке дипломатических переговоров Кругобайкальскую и Амурскую железные дороги от иностранных войсковых частей;

б) укрепить выходы Кругобайкальской дороги.

3. Для этого, а также для организации боеспособной армии РСФСР представляет буферу «организационно-политические силы».

4. Политический центр принимает все меры для охраны поезда с Колчаком, а также золотого запаса, не допуская их продвижения на восток. Обязуется передать золотой запас и Колчака со штабом при первой возможности советской власти.

5. Данные условия считаются предварительными и подлежат утверждению Совнаркомом и Временным сибирским советом народного управления, после чего переговоры продолжают дальше для выработки окончательных условий взаимоотношений РСФСР и Восточно-Сибирской государственности¹⁴².

Тогда же И. Н. Смирнов по телеграфу информировал В. И. Ленина и Л. Д. Троцкого о результатах переговоров: «Ревсовет считает временное существование фиктивного государства полез-

ным по чисто стратегическим соображениям, но закрепление буфера больше чем на 4 недели едва ли возможно», а в заключение просил: «Сообщите ваше мнение об этой игре с буфером»¹⁴³. В ответной телеграмме от 21 января В. И. Ленин сообщал: «В отношении буферного ваше предложение одобряю. Необходимо лишь твердо установить, чтобы наш представитель или лучше два представителя при Политцентре были осведомлены обо всех решениях, имели право присутствовать на всех совещаниях Политцентра»¹⁴⁴.

Пока в Томске ждали решения Совнаркома, в Иркутске произошли события, коренным образом изменившие ситуацию. 20 января местные коммунисты предложили Политцентру передать власть советским органам, которые будут созданы в городе. Начались переговоры. Представители мелкобуржуазного органа Михайлов и Иваницкий-Василенко пытались убедить в необходимости его дальнейшего существования, причем главным аргументом стало напоминание об идущих в Томске переговорах. Иваницкий-Василенко обвинил коммунистов в близорукости и непонимании сложной международной обстановки¹⁴⁵.

В этот же день объединенное собрание коммунистов, Сибирской автономной группы левых социалистов-революционеров, Центрального штаба рабоче-крестьянских дружин приняло решение созвать 25 января собрание Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, которому Политцентр обязан передать власть, но, учитывая сложность обстановки (к Иркутску приближалась группа войск генерала В. О. Каппеля), решено было предложить Политцентру передать власть военно-революционному комитету, который должен был сложить свои полномочия после создания Совета¹⁴⁶. 21 января был образован военревком в составе А. А. Ширямова (председатель), И. В. Сурнова, Д. К. Чудинова, В. И. Литвина, А. Л. Сноскарева. 22 января 1920 г. его члены и руководители Политцентра подписали акт о передаче власти¹⁴⁷. Городской же Совет, состоявший в подавляющем большинстве из коммунистов и левых эсеров, 26 января одобрил создание военревкома и признал целесообразным его существование в качестве высшей распорядительной и исполнительной власти в губернии. 28 января Иркутский военно-революционный комитет своим постановлением расширил свои полномочия, в соответствии с которыми

наделил себя правом «в случае необходимости приостанавливать действие распоряжений Совета, которые не отвечали задачам укрепления диктатуры пролетариата»¹⁴⁸.

Создавшееся положение обсуждается 24 января в Красноярске возвращающейся домой делегацией Политцентра и представителями советских властей во главе с членом Реввоенсовета 5-й армии В. М. Свердловым, председательствующим на совместном заседании. Принимается решение оставить в силе подписанное в Томске соглашение, а по приезде в Иркутск «принять все меры... к созданию такой формы власти в пределах буферного государственного образования, которая, строясь на началах коалиционности социалистических и коммунистических элементов, смогла бы провести в жизнь сущность решений Томского совещания»¹⁴⁹. Для его реализации из Красноярска в Иркутск санним путем отправляются члены делегации Политцентра, представители советского военного командования и Сибревкома, включая А. М. Краснощекова. Но в Иркутске они убедились, что бессильны что-либо сделать для проведения в жизнь решений Томского соглашения¹⁵⁰.

Тем временем 22 января в Нижнеудинске В. О. Каппель устраивает совещание начальников сохранивших боеспособность частей колчаковской армии. Принимается решение двумя колоннами двигаться на Иркутск, взять его с ходу, освободить А. В. Колчака и захватить золотой эшелон, а затем, установив прочную связь с Г. М. Семеновым, воссоздать на Кругобайкальской железной дороге фронт¹⁵¹. В свою очередь находящийся в 150 верстах от места совещания на станции Юрты западнее Тайшета штаб советской 30-й дивизии 23 января телеграфирует председателю Иркутского военревкома А. А. Ширямову: «Реввоенсовет 5-й армии приказал адмирала Колчака содержать под арестом с принятием исключительных мер стражи и сохранения его жизни и передачи его командованию регулярных советских красных войск, применив расстрел лишь в случае невозможности удержать Колчака в своих руках для передачи советской власти Российской Республике»¹⁵². 30 января колчаковская группировка в районе станции Зима разбила заслон повстанческих войск и партизан и двинулась на Иркутск. Возглавивший ее после смерти Каппеля (26 января на станции Утай западнее Тулуна) генерал С. Н. Войцеховский 3 февраля потребовал от советских властей Иркутска выпустить груп-

пировку в город на два-три дня, передать ей Колчака и золотой эшелон, обеспечить продовольствием, фуражом и теплой одеждой, после чего «белые» уйдут за Байкал. В этой обстановке 6 февраля военревком принял решение о расстреле А. В. Колчака и В. Н. Пеняева, что и было осуществлено 7 февраля 1920 г. в пять часов утра. Группа Войцеховского, обойдя Иркутск с юга, ушла за Байкал на соединение с Г. М. Семеновым.

Пока в Иркутске разворачивалась история с Политцентром, кардинальные изменения произошли в Забайкалье и на Дальнем Востоке. 31 января в результате вооруженного переворота власть во Владивостоке перешла к Приморской областной земской управе, которую поддержали коммунисты, выдвинувшие условие сохранения их влияния в военном и хозяйственном аппарате. В Благовещенске властные полномочия 4 февраля передаются колчаковской администрацией Демократическому блоку земских, профсоюзных и других общественных организаций, который уже через два дня отказался от них в пользу Совета рабочих, крестьянских, солдатских и казачьих депутатов. 16 февраля власть в Хабаровске перешла к городской земской управе. Все эти события происходили в условиях вынужденного нейтралитета японских войск. 23 декабря 1919 г. госсекретарь США Лансинг писал президенту Вильсону: «Правительство Колчака уже разгромлено, а армии большевиков продвинулись в Восточную Сибирь... Население, по видимому, предпочитает их колчаковским офицерам. Большевицкая армия приближается к району расположения наших солдат. Если она придет в соприкосновение с нашими войсками, то это приведет к открытым военным действиям и вызовет массу осложнений»¹⁵³. Поэтому 5 января 1920 г. американское правительство принимает решение о выводе своих войск с Дальнего Востока и с этой целью начинает подготовку к их отправке на родину не позднее 1 апреля 1920 г.

Единственной опорой японцев оставался атаман Г. М. Семенов, который, используя колчаковский указ от 4 января 1920 г., сформировал 16 января собственное правительство Российской восточной окраины во главе с кадетом С. А. Таскиным. Его армия усилилась за счет каппелевцев, добравшихся до Читы во второй половине февраля и объединенных в два корпуса. Однако Япония, оставшись на Дальнем Востоке в одиночестве, решительно

противодействовала попыткам советизации региона. «Открытая ликвидация земсти в Приморье вызвала вооруженное выступление японцев при молчаливом одобрении союзников 4–5 апреля 1920 г., — отметил А. А. Азаренков. — Буфер советского типа иностранцев не устраивал, и в дальнейшем Москве пришлось от него отказаться»¹⁵⁴.

На западе советские войска явно не спешили двигаться на восток, давая возможность эвакуироваться чехам. 23 февраля 1920 г. авангард 30-й дивизии вошел на станцию Иннокентьевскую в семи километрах от Иркутска, но только через 12 дней соединение торжественно вступило в город. Существенную роль в этой ситуации играли, на наш взгляд, и соображения политического характера. Советское руководство Сибири в лице прежде всего председателя Сибревкома И. Н. Смирнова продолжало вынашивать планы создания буферного государственного образования. К этому активно подталкивала Москва. 18 февраля Л. Д. Троцкий по телеграфу потребовал от Смирнова ускорить создание буфера, чтобы избежать военного столкновения с Японией¹⁵⁵. 19 февраля уже сам В. И. Ленин в телеграмме категорически настаивал: «Надо бешено изругать противников буферного государства... погрозить им партийным судом и потребовать, чтобы все в Сибири осуществили лозунг „ни шагу на восток далее, все силы напрячь для ускоренного движения войск и паровозов на запад в Россию“. Мы окажемся идиотами, если дадим себя увлечь глупым движением вглубь Сибири, а в это время Деникин оживет и поляки ударят. Это будет преступление»¹⁵⁶.

Во исполнение этих указаний 24 февраля в Иркутске И. Н. Смирнов и А. М. Краснощеков, назначенный уполномоченным Сибревкома по «буферной» проблеме, проводят совещание с руководством региональных объединений эсеров и меньшевиков. От Сибкрайкома ПСР на нем присутствовали Л. Гирштейн, Ф. Ф. Федорович, М. С. Фельдман, С. И. Файнберг, В. М. Коногов, С. А. Кудрявцев, М. А. Краморов, И. С. Лукьянчиков, Л. К. Солдатов, И. Г. Гольдберг; от меньшевиков — И. И. Ахматов, В. А. Анисимов, И. И. Генкин, А. Самохин, М. М. Константинов, С. А. Тараканов, Шульман, И. И. Галактионов, Л. И. Гольдман, В. О. Халадзе. Смирнов жестко и без дипломатических ренерансов формулирует суть проблемы: «Политический центр, или иное наименование, деклариру-

ет свое существование; мы создаем в пределах буферного государства регулярную армию, все войско свертываем в три дивизии. Делаем это, конечно, негласно, как бы от лица местных сил. Эта армия, обтекая японцев на флангах и на фронте, составляет действительную угрозу».

А затем началась дискуссия о западной границе буфера (включать или не включать в него Иркутск). Председатель Сибревкома отверг притязания на него, а Краснощеков резюмировал: «Я как представитель коммунистов говорю, что коммунисты на Д[альнем] В[остоке], соглашаясь признать запасную власть, совершают падение, но мы идем на это; нам нужно сохранять Дальний Восток за Россией. Здесь наши цели совпадают, хотя вы исходите из лозунгов „Единая Россия“, а мы из лозунгов „Единый земной шар“. Если мы здесь не договоримся, то, может быть, будем вынуждены отказаться от Д[ального] В[остока], передав его иностранцам во имя сохранения Советской России. Но мы не желаем этого, идем на решительные компромиссы. Создание демократического государства от перевалов Яблонового хребта до Великого океана — есть вопрос, который мы должны разрешить без всякого промедления. Нужно без промедления выделить группу из [социалистов]-[революционеров] и меньшевиков, которая декларирует власть для теперешнего Забайкалья и Дальнего Востока, временно базирясь где-нибудь в Забайкалье и подчинив себе земство»¹⁵⁷.

Меньшевикам и эсерам в ультимативной форме предложили выступить в роли своеобразной ширмы, играя на их патриотических чувствах и не гарантируя ничего взамен. 3 марта Сиббюро ЦК РКП(б) для объединения усилий коммунистов региона по созданию буферного государства образует Дальбюро РКП(б) в составе двух отделений: западного — в Верхнеудинске (А. М. Краснощеков, А. А. Ширямов и Н. К. Гончаров) и восточного — во Владивостоке (П. М. Никифоров, С. Г. Лазо, И. Г. Кушпарев). Тем временем сформированная Иркутским военревкомом из рабочей дружины, партизанских частей и Народно-революционной армии Политцентра Восточно-Сибирская народная армия под командованием капитана Н. С. Калашникова 17 февраля выступила из Иркутска и 23 февраля достигла восточного побережья озера Байкал, а затем вместе с местными партизанами 26 февраля начала наступление на Верхнеудинск. 2 марта после ожесточенных боев

он был освобожден, хотя в городе оставались полк 5-й японской пехотной дивизии и чехословацкие части, объявившие нейтралитет. 5 марта здесь на коалиционной основе (коммунисты, меньшевики, эсеры, ЦИК Советов Прибайкалья, профсоюзы и др.) формируется Временная земская власть Прибайкалья во главе с меньшевиком И. Пятидесятниковым. Она декларировала обеспечение всесторонней защиты края от посягательств извне, продолжение борьбы с реакцией на Востоке (семеновцами), защиту политических и хозяйственных интересов трудового населения. Первой практической акцией земского правительства стало требование к японскому командованию вывести свои войска из Западного Забайкалья¹⁵⁸.

Попытка территориального распространения этой власти встретила непонимание среди сторожников Советов. В частности, профсоюзная конференция, состоявшаяся в Верхнеудинске в середине марта, высказалась только за советскую власть¹⁵⁹. Для придания легитимности новому государственному образованию на съезде трудящихся Прибайкалья в Верхнеудинске, созванном Временным земским правительством (26 марта — 7 апреля 1920 г.), идея буферного государственного образования получила поддержку делегатов. 3 апреля он избирает Президиум народно-революционной власти, а 6 апреля принимает Декларацию о независимости Дальневосточной Республики (ДВР). Об истинном ее назначении можно судить прежде всего из выступления В. И. Ленина на XVII Московской губернской конференции РКП(б) 13 марта: «Мы знаем, что поляки ждут момента, когда наши солдаты будут дальше, [но война с Колчаком] затрудняет переброску на Западный фронт. И нам приходится говорить нашим солдатам: подождите! Приятно освободить после Нижнеудинска Читу, это приятно, конечно, нам приходится выдерживать борьбу с нашими командирами, которые хотят еще пройти, еще сотню верст, и тогда мы добьемся до конца. А мы должны говорить: неважно, если через полгода получим Сибирь — это неважно, а спасение от войны с Польшей — это важно»¹⁶⁰. Временный характер этого государственного образования подчеркнул, закрывая съезд в Верхнеудинске, А. М. Краснощеков. «...Мы с тоской и болью смотрим на запад, на Советскую Россию, — сказал он. — Но в угоду иностранному положению мы должны создать буферное государство... Мы обраща-

емся ко всем державам мира и заявляем, что русский народ ни с какими государствами вести войны не желает, а стремится мирным трудом построить жизнь в лучшем смысле этого слова...»¹⁶¹ 16 апреля 1920 г. Наркоминдел РСФСР направил телеграмму Дальбюро ЦК РКП(б): «Полагаем признать правительство буферного государства как единственный выход из создавшегося положения»¹⁶². Эффект буферное образование стало производить практически с момента своего создания. Уже 9 марта японские войска начали уходить из Верхнеудинска.

Собственно, образование ДВР в начале апреля 1920 г. и завершает историю гражданской войны в Сибири. Попытки отдельных исследователей пролонгировать ее хронологические рамки до 1921–1922 гг., ссылаясь на массовое антикоммунистическое движение сибирского крестьянства, не выдерживают критики. Во-первых, началось оно в Западной Сибири с лета 1920 г.¹⁶³, т. е. через полгода после освобождения региона от колчаковцев. Во-вторых, оно не угрожало существованию коммунистического режима и представляло собой серию разрозненных вооруженных выступлений в защиту интересов крестьянства. Даже наиболее массовое из них — Западно-Сибирское крестьянское восстание, начавшееся в конце января 1921 г., уже к концу февраля было подавлено вдоль железной дороги, и лишь в Ялutorовском уезде бои шли до мая. Нам представляется правомерным применительно к этому периоду использование определения «малой гражданской войны», предложенного Н. С. Ларьковым¹⁶⁴.

Заметим попутно, что в ходе этих выступлений активно поднимались автономистские лозунги, порожденные, на наш взгляд, фактом существования Дальневосточной Республики. Так, в 1920 г. в Алтайской губернии выдвигалось требование автономии Сибири и созыва Земского собора. В 1921 г. западносибирские повстанцы призывали к установлению «крестьянской диктатуры — истинного народовластия» через созыв Земского собора Сибири, «в котором крестьянство, представляющее большинство населения, будет иметь подавляющее большинство»¹⁶⁵.

Завершая анализ событий заключительного этапа гражданской войны в Сибири, следует хотя бы в общих чертах остановиться на специфике восстановления здесь советской власти. Она прослеживалась в партийном строительстве, отношении к парти-

запам и созданным ими советским органам, а также в области экономики. Как правило, восстаиваемые организации РКП(б) были немногочисленными. Так, в Красноярске первое легальное собрание коммунистов состоялось 9 января 1920 г., а через 10 дней в городе было зарегистрировано 200 членов партии¹⁶⁶. К тому же восстановление сопровождалось своеобразной чисткой (перерегистрацией), которую проходили не все. Например, в Омске в результате этой акции, проведенной 9–19 декабря 1919 г., численность организации сократилась с 756 до 441 чел. Начальник политотдела расквартированной в Новониколаевске 51-й стрелковой дивизии доносил в марте: «В новониколаевской парторганизации политотдел дивизии застал полный хаос. Состав членов ниже всякой критики. Почти 50 процентов левых социалистов-революционеров и интеллигентов... почти совершенное отсутствие рабочих»¹⁶⁷. Рост партийных рядов осуществлялся в конце 1919 — начале 1920 г. в основном за счет вновь принятых, большинство из которых составляли крестьяне из числа участников партизанско-повстанческого движения (на Алтае — 67%)¹⁶⁸. Несмотря на отмеченные обстоятельства, происходил бурный рост численности и укрепление организационной структуры организаций РКП(б) в Сибири. В том же Омске на 1 июля 1920 г. насчитывалось 7 139 членов и 4 547 кандидатов в члены партии. К концу марта того же года губернские объединения имели в своих рядах: Тюменское — 1 526 членов РКП(б) и 2 583 сочувствующих, Томское — соответственно 5 270 и 1 959, Алтайское — 3 000 и 2 300, Енисейское — 510 и 650, Иркутское — 1 251 и 729. В целом в Сибири насчитывалось тогда 29 833 члена и 13 438 сочувствующих РКП(б)¹⁶⁹.

Что касается сохранившихся организаций других партий, в основном меньшевиков и эсеров, то первые отвергли свое участие в строительстве социализма, а вторые «встали в лояльную оппозицию к советской власти, обещая ей поддержку лишь постольку, поскольку, по их словам, „этот орган меньшинства демократии не пойдет вразрез с общепризнанными гражданскими свободами“». Тем не менее начиная с февраля 1920 г., когда Томский губком РКП(б) запретил меньшевикам и эсерам устраивать свои собрания, повсеместно в регионе следуют отказы легализировать в такой форме их объединения¹⁷⁰.

На освобожденной территории распускались созданные партизанами и повстанцами органы власти (советы и комитеты). Взамен их создавались ревкомы, начиная с уровня волости и заканчивая губерниями. 8 августа 1919 г. ревком организуется в Тюмени, 19 августа — в Ялуторовске, 24 октября — в Тобольске, 25 ноября — в Ишиме, 14 декабря — в Бийске, 25 декабря — в Томске и т. д. Только в Томской губернии к февралю 1920 г. действовало 3 734 волостных и сельских ревкома, а всего в Томской и Омской губерниях их насчитывалось более 10 тыс.¹⁷¹ В их состав входили армейские политработники, коммунисты-подпольщики. Согласно инструкции ВЦИК, ревкомы должны были создать условия для проведения выборов в Советы, а затем передать им власть в течение трех месяцев. Относительно быстро это произошло в городах, например в Тюмени через 10 месяцев¹⁷², в деревне процесс явно затянулся. Как правило, выборы в Советы проводились после создания местных ячеек РКП(б). «Советская власть в Сибири, — замечает А. А. Штырбул, — таким образом, унифицировалась под сложившуюся в ходе войны в Европейской России коммунистическую диктатуру с обязательными принципами жесткого централизма и диктата сверху»¹⁷³.

Что касается деятельности Сибревкома в экономической сфере, следует отметить, что 23 сентября 1919 г. им принято постановление «О порядке частной торговли», разрешавшее в освобождаемых районах свободную торговлю продовольственными товарами¹⁷⁴. «Этот факт свидетельствовал о том, что органы советской власти края сделали попытку учесть расстановку классовых сил, политического и экономического положения Сибири, антиколчакские настроения большей части городского и крестьянского населения. До определенного времени намеченный курс давал положительные результаты», — констатирует В. А. Прошин¹⁷⁵. Однако затягивание гражданской войны, стремление партийно-политического руководства РСФСР во главе с В. И. Лениным использовать «военно-коммунистические» методы в мирных условиях привели к тому, что начиная с лета 1920 г. Сибревком возвращается к практике продразверстки.

Отношение командования Восточного фронта и Сибревкома к партизанам строилось на основе указания В. И. Ленина о принятии особых мер, «чтобы сибирская партизанщина не разложила

наших войск», и приказа Реввоенсовета Республики от 11 декабря 1919 г. «О мерах по борьбе с партизанщиной в Красной армии», запрещавшего самостоятельное существование партизанских формирований в расположении частей РККА и на освобожденной территории¹⁷⁶. Осуществление этих мер проводилось на основе добровольного соглашения и лишь в случаях явного неповиновения принудительно. В частности, 26 декабря 1919 г. после предварительных переговоров РВС 5-й армии и Сибревкома со штабом партизанской армии Западной Сибири был издан совместный приказ, согласно которому все партизаны в возрасте до 35 лет, за исключением 4-го корпуса и занятых выполнением оперативных заданий, должны были влиться в запасные полки 5-й армии. Партизанские командиры зачислялись на краткосрочные курсы с последующей аттестацией на строевые должности в армейских частях¹⁷⁷. Благодаря непосредственному пополнению и наращиванию запасных полков Красная армия только на территории Западной Сибири, по подсчетам Н. С. Ларькова, получила 35 тыс. бойцов. Кроме того, партизаны составили большую часть 10-тысячного контингента войск внутренней охраны (ВОХР) Сибири¹⁷⁸.

Единственный случай создания на базе партизанских формирований соединения (дивизии) РККА имел место в Енисейской губернии. Здесь 30 января 1920 г. на базе армии А. Д. Кравченко — П. Е. Щетинкина началось формирование Енисейской стрелковой дивизии со штабом в Ачинске. Однако, столкнувшись с массовыми случаями нарушения дисциплины, деятельностью среди бывших партизан антисоветских элементов, а фактически опасаясь появления в своем тылу хорошо вооруженного и спянного в боях по принципу землячества многотысячного соединения, слабо контролируемого партийно-политическим аппаратом, советские власти 27 февраля начали разоружение дивизии, а ее штаб во главе с А. Д. Кравченко был арестован¹⁷⁹.

Имели место отказы партизан подчиняться приказам советских властей, а также случаи противодействия проводимой ими политике. Например, командир 4-го крестьянского корпуса партизанской армии Е. М. Мамонтова М. В. Козырь 15 января 1920 г. в Усть-Каменогорске выпустил воззвание, в котором призывал строить советскую власть только на основе собственного опыта, не допуская вмешательства извне. «Ставьте всюду своих лучших

выборных людей, — заявлял он, — которым вы верите, которые понимают наши нужды; защищайте и поддерживайте их от всех, кто на них посягает, как бы эти посягатели себя ни называли»¹⁸⁰. Конфликт не перерос в вооруженное противостояние благодаря благоразумию обеих сторон, вставших на путь переговоров. Подобные явления имели место и в других районах Сибири. Недовольство партизан вызывал роспуск созданных ими Советов, назначение в ряде случаев на руководящие посты в местные органы советской власти колчаковских офицеров и чиновников. Был арестован и предан суду ревтрибунала П. К. Лубков за то, что пытался с частью бойцов своего отряда сохранить его как самостоятельную боевую единицу¹⁸¹. Массовое недовольство партизан вызвало требование сдать оружие, а также арест ряда видных партизанских командиров — Г. Ф. Рогова, И. П. Новоселова, П. К. Лубкова, А. Д. Крайченко, Е. М. Мамонтова, И. Я. Третьяка и др.

Массовое недовольство партизан политикой советской власти выразилось первоначально в отказе добровольно сдавать оружие, вступать в Красную армию. При расформировании Енисейской дивизии из 13 тыс. чел. 900 изъявили желание воевать дальше в РККА, а из частей, находившихся в Минусинске, — только 30¹⁸². Усилилось дезертирство. В конечном счете, в результате воздействия целого ряда факторов, с лета 1920 г. часть бывших партизан начала вооруженную борьбу с коммунистическим режимом на территории Сибири, возглавив крестьянское движение в защиту собственных интересов. Именно крестьянству, в том числе и сибирскому, удалось ценой кровавых жертв заставить закрепившихся у власти коммунистов в 1921 г. признать эти интересы и отказаться от политики «военного коммунизма».

Таким образом, летом 1919 г. стратегическая инициатива на Восточном фронте окончательно переходит к Красной армии. Ситуация на фронте незамедлительно отразилась на колчаковском режиме. Экономический кризис перерос в развал. Качественно новое содержание во второй половине 1919 г. приобрело партизанско-повстанческое движение — обширные районы полностью контролировались восставшими. После принятия в сентябре Верховным советом Антанты решения о выводе своих войск из восточных районов России у Омского правительства окончательно ис-

чезают иллюзии на получение помощи от союзников и дипломатическое признание.

В силу указанных причин резко ухудшается внутривнутриполитическая ситуация. Потерпели крах проекты «демократизации» диктатуры за счет созыва Государственного совещания, Государственного земского совещания. Существенно обескровленные в результате поражения городских восстаний и репрессий коммунисты прекратили организованную деятельность, ограничиваясь выпуском листовок «на злобу дня». Из политического пространства региона исчезли кадетские организации. Значительно сузилась деятельность национальных объединений. Основная часть мелкобуржуазной демократии (эсеры, меньшевики, народные социалисты, кооператоры), находясь в оппозиции к режиму, летом — осенью 1919 г. продолжила объединение своих группировок вокруг земских организаций, взяв на вооружение концепцию борьбы на два фронта.

Переход советских войск в середине октября 1919 г. в решительное наступление активизировал усилия «демократической» контрреволюции, направленные на ликвидацию колчаковщины и на недопущение восстановления советской власти в регионе, образование здесь «демократического» представительного органа, а затем и «буферного демократического государственного образования». Земское совещание в начале октября в Иркутске признало необходимым организацию антиколчаковского выступления и сформировало Земское политическое бюро. Возглавившие его эсеры в ноябре высказались за прекращение боевых действий с РСФСР и создание в регионе «буфера» с однородно-социалистическим правительством. Переговоры, предпринятые ими, привели к организации Политического центра.

По его инициативе 21 декабря 1919 г. начинается вооруженное выступление в Черемхово, а затем в ряде других городов Иркутской губернии. 24 декабря восстание распространилось на Иркутск, бои в котором продолжались до 5 января 1920 г. 4 января министры Омского правительства при посредничестве интервентов передали власть Политцентру. Закончился этап колчаковской диктатуры. В официальных документах Политцентра (манифесте и декларации) провозглашалось создание демократического государственного образования, установление перемирия и ведение переговоров с советской властью.

С целью реализации их в Томске 19 января 1920 г. состоялись переговоры делегации Политцентра и руководства Сибревкома и Реввоенсовета 5-й армии. С санкции и под сильным давлением Москвы было достигнуто соглашение о создании демократического «буфера» с границей на западе по рекам Оке и Ангаре, с целью «воссоединения восточной окраины, на которую посягают союзные хищники». Хотя передача власти 22 января в Иркутске Политцентром коммунистическому военно-революционному комитету усложнила и замедлила процесс создания буферного государственного образования, тем не менее в апреле 1920 г. в Верхнеудинске была создана Дальневосточная Республика.

ПРИМЕЧАНИЯ

§ 1. РЕЖИМ ВЛАСТИ ВЕРХОВНОГО ПРАВИТЕЛЯ РОССИИ И ОТНОШЕНИЕ К НЕМУ ОСНОВНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ГРУППИРОВОК РЕГИОНА (НОВАЯ СИБИРЬ — ИЮНЬ 1919 г.)

- ¹ Гинс Г. К. Сибирь, союзники и Колчак // Колчаковщина (из белых мемуаров). Б. м., 1930. С. 34.
- ² Иртыш. (Омск.) 1918. № 40. С. 4.
- ³ Крель Л. А. За три года: (Воспоминания, впечатления, встречи). Владивосток, 1921. С. 166.
- ⁴ Первые серьезные изменения в составе Совета министров произошли в конце апреля — начале мая 1919 г. в связи с отставками А. Н. Гаттенбергера, В. В. Сапожникова, С. С. Старынкевича и назначением управляющим МВД В. Н. Пепеляева.
- ⁵ Некрасова Л. В. Российское правительство адмирала А. В. Колчака (18 ноября 1918 г. — 4 января 1920 г.) // История «белой» Сибири: Тезисы Второй науч. конф. Кемерово, 1997. С. 17.
- ⁶ Дневник П. В. Вологодского: (Из хроники антибольшевистского движения в Сибири) // Россия антибольшевистская: Из белогвардейских и эмигрантских архивов. М., 1995. С. 123.
- ⁷ Гинс Г. К. Указ. соч. С. 34.
- ⁸ Сиб. жизнь. (Томск.) 1919. 14 янв.
- ⁹ Красный архив. 1928. № 3. С. 226.
- ¹⁰ Кусков П. Иллюзии и действительность // Свободная Сибирь. (Красноярск.) 1918. 7 дек.
- ¹¹ Свободная Сибирь. 1918. 21 дек.
- ¹² Баженов В. Обзор 1918 года // Иртыш. 1919. № 1. С. 2–3.
- ¹³ Думова Н. Г. Кадетская контрреволюция и ее разгром. М., 1982. С. 205.
- ¹⁴ Дневник В. Н. Пепеляева // Красные зори. (Иркутск.) 1923. № 4. С. 88.
- ¹⁵ Гинс Г. К. Указ. соч. С. 37.
- ¹⁶ Сиб. речь. (Омск.) 1919. 17 янв.
- ¹⁷ Яковлев Н. Очерки сибирской жизни // Сиб. речь. 1919. 22 янв.
- ¹⁸ Новая Сибирь. (Иркутск.) 1918. 25 дек.; Иртыш. 1918. № 42. С. 11–12.
- ¹⁹ Сиб. речь. 1919. 18 янв.

- ²⁰ Цит. по: Безродный К. Э. В. А. Жардецкий: «По чувству долга, по без радости надежд» // Гражданские войны. Политические кризисы. Внутренние конфликты: История и современность: Мат-лы Всерос. науч-метод. конф. Омск, 1998. С. 94.
- ²¹ Народная Сибирь. (Новониколаевск.) 1919. 18 янв.; Заря. (Омск.) 1919. 22 февр.
- ²² ЦДНИИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 704. Л. 16.
- ²³ Новая Сибирь. 1918. 26 нояб.
- ²⁴ Прибайкальская жизнь. (Верхнеудинск.) 1918. 8 дек.
- ²⁵ ЦДНИИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 204. Л. 2.
- ²⁶ Добровольский А. В. Социалисты-революционеры Сибири в конце 1917 — начале 1920 г. Новосибирск, 1999. С. 62.
- ²⁷ Чемерисский И. А. Эсеровская группа «Народ» и ее распад (1919–1923) // Банкротство мелкобуржуазных партий России 1917–1922. М., 1977. Ч. 2. С. 77–78, 79.
- ²⁸ ЦДНИИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 848. Л. 1.
- ²⁹ ГАРФ. Ф. 193. Оп. 1. Д. 5. Л. 190–191.
- ³⁰ Сиб. жизнь. 1919. 25 июля.
- ³¹ Заря. 1919. 17 мая.
- ³² Сиб. записки. 1918. № 4. С. 82, 89–90.
- ³³ ГАКК. Ф. 865. Оп. 1. Д. 1. Л. 104, 83, 85, 86, 87, 90.
- ³⁴ Там же. Л. 92.
- ³⁵ Там же. Л. 94.
- ³⁶ ГАРФ. Ф. 5871. Оп. 1. Д. 205. Л. 25–28.
- ³⁷ Сиб. жизнь. 1919. 9 июля; ГАНУ. Ф. п. 5. Оп. 4. Д. 648. Л. 1–3.
- ³⁸ Народная свобода. 1918. 1 дек.; Сиб. речь. 1919. 28 мая.
- ³⁹ Нам И. В. Самоорганизация национальных меньшинств в Сибири в условиях революции и гражданской войны // История «белой» Сибири: Тезисы науч. конф. Кемерово, 1995. С. 103–104.
- ⁴⁰ Цит. по: Демидов В. А. Октябрь и национальный вопрос в Сибири. 2-е изд. Новосибирск, 1983. С. 172.
- ⁴¹ Курас Л. В. Атаман Семенов и национальные военные формирования // История «белой» Сибири: Тезисы 3-й науч. конф. Кемерово, 1999. С. 44.
- ⁴² Партизанское движение в Западной Сибири (1918–1920 гг.): Док. и мат-лы. Новосибирск, 1959. С. 64; Ларьков Н. С. О тактике сибирских большевиков в годы гражданской войны // Из

- истории социальной и общественно-политической жизни советской Сибири. Томск, 1992. С. 63.
- ⁴³ Очерки истории Омской областной организации КПСС. Омск, 1987. С. 139–140.
- ⁴⁴ Очерки истории Красноярской краевой организации КПСС. 2-е изд. Красноярск, 1982. С. 204–205.
- ⁴⁵ *Ларьков Н. С.* Из истории партийно-политической борьбы в антиколчаковском партизанском движении в Сибири // Из истории интервенции и гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке 1917–1922 гг. Новосибирск, 1985. С. 135–136.
- ⁴⁶ ЦХИДНИКК. Ф. 64. Оп. 11. Д. 8. Л. 41.
- ⁴⁷ *Лацис М.* Чрезвычайные комиссии по борьбе с контрреволюцией. М., 1921. С. 18.
- ⁴⁸ *Карabanов В. Г.* Маккавеевская Голгофа. Чита, 1993. С. 38.
- ⁴⁹ *Воинов В. М.* К вопросу о численности и настроениях белогвардейского офицерства Восточного фронта в годы гражданской войны // История советской России: Тезисы докл. республ. науч. конф. Тюмень, 1991. Ч. 1. С. 80.
- ⁵⁰ *Греков Н. В.* Контрразведка и органы государственной охраны белого движения Сибири (1918–1919 гг.) // Изв. Омск. гос. истор.-краевед. музея. Омск, 1997. № 5. С. 215.
- ⁵¹ Цит. по: *Воинов В. М.* Указ. соч. С. 81.
- ⁵² Сиб. речь. 1919. 22 мая.
- ⁵³ Там же. 28 мая.
- ⁵⁴ *Безродный К. Э.* Указ. соч. С. 94–95.
- ⁵⁵ *Перейра Н.* Сибирь: политика и общество в гражданской войне. М., 1996. С. 108.
- ⁵⁶ *Лосунов А. М.* «Дело» генерала А. И. Андогского // Изв. Омск. гос. истор.-краевед. музея. Омск, 1999. № 7. С. 200.
- ⁵⁷ *Будберг А.* Дневник белогвардейца // Дневник белогвардейца. Новосибирск, 1991. С. 249.
- ⁵⁸ *Достовалов Е. И.* «Добровольческая тактика заслонила военное искусство» // Источник. 1994. № 3. С. 50; *Будберг А.* Указ. соч. С. 249.
- ⁵⁹ Военно-истор. журнал. 1991. № 3. С. 72.
- ⁶⁰ *Скрябов В. С.* Из истории вооруженной борьбы и военного искусства на Урале (сентябрь 1918 — февраль 1919 г.) // Даль-

- ний Восток России в период революции 1917 года и гражданской войны. Владивосток, 1998. С. 283.
- ⁶¹ *Перейра Н.* Указ. соч. С. 111.
- ⁶² *Дмитриев Н. И.* Экономическая политика правительства адмирала А. В. Колчака и ее реализация // Сибирь в период гражданской войны: Учеб. пособие. Кемерово, 1995. С. 28.
- ⁶³ *Рышков В. М.* Налоговая политика контрреволюционных правительств Сибири (июнь 1918–1919 г.) // Власть и общество в Сибири в XX веке. Новосибирск, 1997. Вып. 1. С. 89–90.
- ⁶⁴ Сиб. речь. 1919. 8 мая.
- ⁶⁵ *Рышков В. М.* Свобода торговли в Сибири при «белых» (июнь — декабрь 1918 г.) // Вопросы истории Сибири XX века. Новосибирск, 1998. С. 85.
- ⁶⁶ *Черняк Э. И.* Хозяйственная жизнь сибирского города в годы гражданской войны (по материалам периодической печати) // Из истории революций в России: Мат-лы Всерос. симпозиума. Томск, 1996. Вып. 2. С. 40–41.
- ⁶⁷ Правительственный вестник. (Омск.) 1919. 10 апр.
- ⁶⁸ *Гражданов Ю. Д.* Аграрное законодательство «белой» Сибири при А. В. Колчаке // История «белой» Сибири: Тезисы науч. конф. Кемерово, 1995. С. 81.
- ⁶⁹ *Люшня С. И.* Некоторые аспекты аграрной политики правительства А. В. Колчака // Современное общество: Мат-лы науч. конф. Омск, 1999. Вып. 1. С. 86–87.
- ⁷⁰ Правительственный вестник. 1919. 14 янв.
- ⁷¹ *Гинс Г. К.* Указ. соч. С. 60.
- ⁷² *Некрасова Л. В.* Органы власти восточной контрреволюции в период колчаковщины // Власть и общество в Сибири в XX веке. С. 100.
- ⁷³ Сиб. записки. 1919. № 3. С. 87.
- ⁷⁴ *Беляев А. А.* Верховная власть А. В. Колчака и формирование правового государства // История советской России. С. 75.
- ⁷⁵ *Будберг А.* Указ. соч. С. 282; Дневник П. В. Вологодского. С. 139.
- ⁷⁶ *Некрасова Л. В.* Указ. соч. С. 108.
- ⁷⁷ Воля Сибири. 1919. 5 янв.
- ⁷⁸ ЦХИДНИКК. Ф. 64. Оп. 11. Д. 8. Л. 42.
- ⁷⁹ *Журавлев В. В.* К вопросу о характеристике политического режима на востоке России в период правления А. В. Колчака

- // Гражданская война в Сибири: Сб. докл. и статей науч. конф. Красноярск, 1999. С. 41.
- ⁸⁰ Мальцева Т. В. Роль земства в общественной жизни Сибири в годы гражданской войны // История «белой» Сибири: Тезисы науч. конф. Кемерово, 1995. С. 93.
- ⁸¹ Мальцева Т. В. Волостное земство в Сибири в годы гражданской войны // История «белой» Сибири: Тезисы Второй науч. конф. Кемерово, 1997. С. 107.
- ⁸² Будберг А. Указ. соч. С. 268.
- ⁸³ Веселовский С. Б. Дневники // Вопр. истории. 2000. № 8. С. 89.
- ⁸⁴ Политика. 1993. № 7 (30). С. 14.
- ⁸⁵ Плотников И. Ф. Александр Васильевич Колчак: Жизнь и деятельность. Ростов н/Д, 1998. С. 230.
- ⁸⁶ Дневник В. Н. Пепеляева // Красные зори. 1923. № 5. С. 36.
- ⁸⁷ Звягин С. П. О формах участия интервентов в борьбе с оппозицией колчаковскому режиму // Из прошлого Сибири. Новосибирск, 1994. Вып. 1. Ч. 1. С. 69.
- ⁸⁸ Нестеренко П. Л. Сибирская периодическая печать о взаимоотношениях правительства адмирала А. В. Колчака с союзниками: источниковедческий аспект: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Томск, 2000. С. 16.
- ⁸⁹ Фоминых С. Ф. Колчак и союзники (к проблеме признания Колчака в 1919 г.) // История «белой» Сибири: Тезисы науч. конф. С. 34–35.
- ⁹⁰ Гинс Г. К. Указ. соч. С. 41.
- ⁹¹ Савченко Ф. К вопросу об Учредительном собрании // Заря. 1919. 22 февр.
- ⁹² Красный архив. 1928. № 6. С. 59; Заря. 1919. 22 февр.
- ⁹³ Заря. 1919. 22 февр.
- ⁹⁴ Яшинов Е. Лицо власти // Заря. 1919. 10 мая.
- ⁹⁵ Журавлев В. В. Идея народного представительства в период колчаковской диктатуры // Региональные процессы в Сибири в контексте российской и мировой истории. Новосибирск, 1998. С. 149–150.
- ⁹⁶ ГАРФ. Ф. 193. Оп. 1. Д. 5. Л. 191.
- ⁹⁷ Мальцева Т. В. Земская «оппозиция» колчаковщине // Из истории интервенции и гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке 1917–1922. Новосибирск, 1985. С. 189–190.

- ⁹⁸ Иоффе Г. Э. Колчаковская авантюра и ее крах. М., 1983. С. 169.
- ⁹⁹ Шишкин В. И. Политические позиции сибирских эсеров в период колчаковщины // Изв. Сиб. отд-ния АН СССР. 1984. № 14. Вып. 3. С. 9; Добровольский А. В. Указ. соч. С. 72; ГАРФ. Ф. 5871. Оп. 1. Д. 89. Л. 124.
- ¹⁰⁰ Красный архив. 1928. № 6. С. 71; ГАРФ. Ф. 5871. Оп. 1. Д. 109. Л. 12.
- ¹⁰¹ Мальцева Т. В. Земская «оппозиция» колчаковщине. С. 191; Вегман В. Д. Областные иллюзии, возрожденные колчаковщиной // Сиб. огни. 1923. № 5/6. С. 147–148; ГАРФ. Ф. 195. Оп. 1. Д. 36. Л. 1.

**§ 2. КРАХ «КОЛЧАКИИ» И «ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ»
КОНТРРЕВОЛЮЦИЯ В СИБИРИ ВО ВТОРОЙ
ПОЛОВИНЕ 1919 – НАЧАЛЕ 1920 г.
ОБРАЗОВАНИЕ «БУФЕРА»**

- ¹ Цит. по: Воробьев В. Д. Тобольско-Петропавловская операция. М., 1939. С. 37–38.
- ² Военно-истор. журнал. 1961. № 1. С. 116.
- ³ Дневник П. В. Вологодского // Россия антибольшевистская: Из белогвардейских и эмигрантских архивов. М., 1995. С. 209–210, 213.
- ⁴ Дмитриев Н. И. Налоговая политика белогвардейских правительств на территории Сибири // Изв. Омск. гос. истор.-краевед. музея. Омск, 1996. № 4. С. 215.
- ⁵ Рышков В. М. Экономическая политика контрреволюционных правительств Сибири (вторая половина 1918–1919 г.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1998. С. 25.
- ⁶ Будберг А. Дневник белогвардейца // Дневник белогвардейца. Новосибирск, 1991. С. 288.
- ⁷ Партизанское движение в Западной Сибири (1918–1920 гг.): Док. и мат-лы. Новосибирск, 1959. С. 22; Ларьков Н. С. Повстанческо-партизанское движение в Сибири в годы гражданской войны (новые подходы) // История Советской России: новые идеи, суждения. Тюмень, 1991. Ч. 1. С. 78.
- ⁸ Журов Ю. В. Гражданская война в сибирской деревне. Красноярск, 1986. С. 131.

- ⁹ *Нестеренко П. Л.* Сибирская периодическая печать о взаимоотношениях правительства адмирала А. В. Колчака с союзниками: источниковедческий аспект: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2000. С. 16.
- ¹⁰ *Перейра Н.* Сибирь: политика и общество в гражданской войне. М., 1996. С. 123–124.
- ¹¹ *Некрасова Л. В.* Российское правительство адмирала А. В. Колчака (18 ноября 1918 г. — 4 января 1920 г.) // История «белой» Сибири: Тезисы Второй науч. конф. Кемерово, 1997. С. 18.
- ¹² Красный архив. 1928. № 6. С. 71.
- ¹³ *Гинс Г. К.* Сибирь, союзники и Колчак // Колчаковщина (из белых мемуаров). Б. м., 1930. С. 78.
- ¹⁴ Красный архив. 1928. № 6. С. 71.
- ¹⁵ Правительственный вестник. (Омск.) 1919. 17 сент.
- ¹⁶ *Журавлев В. В.* Идея народного представительства в период колчаковской диктатуры // Региональные процессы в Сибири в контексте российской и мировой истории. Новосибирск, 1998. С. 152.
- ¹⁷ Цит. по: *Мальцева Т. В.* Земская «оппозиция» колчаковщине // Из истории интервенции и гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке 1917–1922. Новосибирск, 1985. С. 190.
- ¹⁸ Красный архив. 1928. № 6. С. 68.
- ¹⁹ Сиб. жизнь. (Томск.) 1919. 5 авг.
- ²⁰ *Кроль Л. А.* За три года: (Воспоминания, впечатления, встречи). Владивосток, 1921. С. 192.
- ²¹ Свободная Сибирь. (Красноярск.) 1919. 30 сент.
- ²² Русская речь. (Новониколаевск.) 1919. 1 окт.
- ²³ *Плотников И. Ф.* Из истории большевистского подполья в Сибири в 1919 г. // Из истории интервенции и гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке. С. 132–133.
- ²⁴ ГАЧО. Ф. п. 4307. Оп. 2. Д. 837. Л. 4.
- ²⁵ ГАРФ. Ф. 5871. Оп. 1. Д. 99. Л. 20–21.
- ²⁶ Культурно-национальная автономия в истории России / Автор-сост. И. В. Нам. Томск, 1998. Т. 1. С. 255, 264.
- ²⁷ Цит. по: *Плотникова М. Е.* Колчак и эсеровская «оппозиция» // Тр. Томск. гос. ун-та. Томск, 1967. Т. 190. С. 179.
- ²⁸ ЦДНИИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 704. Л. 17.

- ²⁹ *Вегман В. Д.* Областнические иллюзии, возрожденные колчаковщиной // Сиб. огни. 1923. № 5/6. С. 143–144.
- ³⁰ ЦДНИИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 704. Л. 17.
- ³¹ *Болдырев В. Г.* Директория, Колчак, интервенты. Новониколаевск, 1925. С. 247–248.
- ³² ГАРФ. Ф. 5871. Оп. 1. Д. 99. Л. 47.
- ³³ Там же. Л. 47, 113.
- ³⁴ Там же. Л. 46.
- ³⁵ ЦДНИИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 204. Л. 10.
- ³⁶ *Шишкин В. И.* Политические позиции сибирских эсеров в период колчаковщины // Изв. Сиб. отд-ния АН СССР. 1984. № 14. Вып. 3. С. 11; Красный архив. 1928. № 6. С. 73.
- ³⁷ ГАРФ. Ф. 5871. Оп. 1. Д. 99. Л. 48.
- ³⁸ *Светачев М. И.* Империалистическая интервенция в Сибири и на Дальнем Востоке. Новосибирск, 1983. С. 179.
- ³⁹ Там же. С. 113.
- ⁴⁰ Русская речь. 1919. 7 авг.
- ⁴¹ *Виноградов К.* Кооперация и текущий момент // Трудовая Сибирь. 1919. № 27. С. 2–3; Там же. № 28/29. С. 14.
- ⁴² *Сазонов А.* Ко всей кооперации // Трудовая Сибирь. 1919. № 28/29. С. 1.
- ⁴³ *Плотникова М. Е.* О проблематике современной советской историографии гражданской войны в Сибири // Вопросы истории общественно-политической жизни Сибири периода Октября и гражданской войны. Томск, 1982. С. 209.
- ⁴⁴ *Журов Ю. В., Плотникова М. Е., Шишкин В. И.* Новые работы о борьбе большевиков Западной Сибири за народные массы в 1917–1920 годах // Борьба большевиков Сибири за народные массы в годы революции и гражданской войны. Красноярск, 1983. С. 133.
- ⁴⁵ *Шуклецов В. Т.* Борьба партии за крестьянские массы Западной Сибири в годы революции и гражданской войны (1917–1920): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 1982. С. 28.
- ⁴⁶ Там же.
- ⁴⁷ *Курышев И. В.* Крестьянство Западной Сибири в годы гражданской войны (нравственные аспекты) // Из истории революции в России (первая четверть XX в.). Томск, 1996. Вып. 2. С. 44.

- ⁴⁸ Положение о том, что именно крестьянство является ведущей силой в борьбе с колчаковщиной, четко проводилось в газете минусинских партизан «Соха и молот», это нашло отражение даже в ее названии. См.: *Никитин А. Н.* Газета «Соха и молот» как источник по истории партизанского движения на юге Енисейской губернии // Вопросы истории общественно-политической жизни Сибири... С. 157.
- ⁴⁹ *Шишкин С. Н.* Гражданская война на Дальнем Востоке 1918–1922. М., 1957. С. 94.
- ⁵⁰ Военно-истор. журнал. 1991. № 3. С. 74.
- ⁵¹ *Будберг А.* Указ. соч. С. 301.
- ⁵² Дневник П. В. Вологодского. С. 220.
- ⁵³ *Шиловский М. В.* Специфика политического участия сибирского крестьянства в социальных катаклизмах начала XX в. // Социокультурное развитие Сибири XVII–XX вв. Новосибирск, 1998. С. 66–67.
- ⁵⁴ *Никитин А. Н.* Указ. соч. С. 157; Борьба за власть Советов на Алтае: Сб. док. и мат-лов. Барнаул, 1957. С. 280; *Журов Ю. В.* Указ. соч. С. 140–142; *Шуклецов В. Т.* Сибиряки в борьбе за власть Советов. Новосибирск, 1981. С. 181.
- ⁵⁵ *Мальцева Т. В.* Советы и земства в партизанских районах Сибири периода гражданской войны // Великий Октябрь и социалистические преобразования в Сибири: Тезисы докл. и сообщ. Всесоюз. науч. конф. (секции 1, 11, 111). Новосибирск, 1987. С. 91.
- ⁵⁶ *Журов Ю. В.* Указ. соч. С. 132, 133.
- ⁵⁷ *Шуклецов В. Т.* Сибиряки в борьбе за власть Советов... С. 218.
- ⁵⁸ *Никитин А. Н.* Указ. соч. С. 155; *Ларьков Н. С.* Из истории идейно-политической борьбы в антиколчаковском партизанском движении в Сибири // Из истории интервенции и гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке. С. 137–141; *Он же.* Повстанческо-партизанское движение в Сибири в годы гражданской войны (новые подходы) // История Советской России: новые идеи, суждения. С. 79; *Штырбул А. А.* Неизвестное подполье. Анархисты Сибири в борьбе против белогвардейских режимов (середина 1918 — начало 1920 г.) // Из прошлого Сибири. Новосибирск, 1994. Вып. 1. Ч. 1. С. 58–61; *Он же.* Анархистское движение в Сибири в первой половине XX века. Омск, 1996. Ч. 2. С. 36–41.

- ⁵⁹ *Никитин А. Н.* Указ. соч. С. 162–163.
- ⁶⁰ ГАРФ. Ф. 5871. Оп. 1. Д. 99. Л. 139. О существовании в армии сильной левозэсеровской группы сообщает Н. С. Ларьков. См.: *Ларьков Н. С.* Из истории идейно-политической борьбы... С. 140.
- ⁶¹ Цит. по: *Никитин А. Н.* Указ. соч. С. 160–161.
- ⁶² Красный архив. 1928. № 6. С. 73.
- ⁶³ ЦДНИИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 704. Л. 18.
- ⁶⁴ Там же.
- ⁶⁵ Там же. Л. 19, 20.
- ⁶⁶ Там же. Л. 20.
- ⁶⁷ Там же.
- ⁶⁸ Там же. Л. 21.
- ⁶⁹ *Дроков С. В.* К вопросу формирования новой концепции гражданской войны в Восточной Сибири // История «белой» Сибири: Тезисы 3-й науч. конф. Кемерово, 1999. С. 8; ГАРФ. Ф. 5871. Оп. 1. Д. 99. Л. 137–138.
- ⁷⁰ ЦДНИИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 704. Л. 21.
- ⁷¹ Там же.
- ⁷² Там же. Д. 204. Л. 10.
- ⁷³ Там же. Д. 704. Л. 22; *Колосов Е. Е.* Сибирь при Колчаке. Пг., 1923. С. 27.
- ⁷⁴ Приморский край: Краткий энциклопедический словарь. Владивосток, 1997. С. 115; *Аблажей Н. Н., Симонов Д. Г.* К биографии контр-адмирала М. И. Федоровича // История «белой» Сибири: Тезисы 4-й науч. конф. Кемерово, 2001. С. 142.
- ⁷⁵ ЦДНИИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 204. Л. 3.
- ⁷⁶ Там же. Л. 11.
- ⁷⁷ Там же. Л. 3; д. 704. Л. 22.
- ⁷⁸ Там же. Д. 204. Л. 3, 11; д. 758. Л. 9.
- ⁷⁹ *Солодянкин А. Г.* Коммуны Иркутска в борьбе с колчаковщиной. Иркутск, 1960. С. 87.
- ⁸⁰ *Дроков С. В.* Указ. соч. С. 9.
- ⁸¹ Последние дни колчаковщины: Сб. док. М.; Л., 1926. С. 22.
- ⁸² ЦДНИИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 33. Л. 56.
- ⁸³ *Солодянкин А. Г.* Указ. соч. С. 85; *Панин Л. М.* Крах колчаковщины и образование Дальневосточной Республики. М., 1957. С. 76; *Добровольский А. В.* Социалисты-революционеры Сибири в конце 1917 — начале 1921 г. Новосибирск, 1999. С. 89;

- Мухачев Б. И.* Александр Краснощекоев: Историко-биографический очерк. Владивосток, 1999. С. 99; *Азаренков А. А.* Интервенция и вопрос о власти в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке России к началу 1920 г. // История «белой» Сибири: Тезисы науч. конф. Кемерово, 1995. С. 41; *Берснева И. В.* Между Сциллой большевизма и Харибдой белого движения: умеренные социалисты (эсеры и меньшевики) Сибири в годы гражданской войны // История «белой» Сибири: Тезисы 4-й науч. конф. С. 29; *Голыков Д. А.* Крушение антисоветского подполья в СССР. М., 1975. С. 444.
- ⁶⁴ Последние дни колчаковщины. С. 69.
- ⁶⁵ *Мухачев Б. И.* Указ. соч. С. 100.
- ⁶⁶ Цит. по: *Анов Н.* Интервенция в Омске. Алма-Ата, 1978. С. 139.
- ⁶⁷ *Молоков И. Е.* Последние дни колчаковщины в Омске и его освобождение // Проблемы истории революционного движения и борьбы за власть Советов в Сибири. С. 227.
- ⁶⁸ Иркутские дневники Г. Е. Катанаева // Изв. Омск. гос. истор.-краевед. музея. Омск, 1999. № 7. С. 263.
- ⁶⁹ Дневник П. В. Вологодского. С. 241.
- ⁷⁰ Цит. по: *Болдырев В. Г.* Указ. соч. С. 550.
- ⁷¹ *Плотников И. Ф.* Александр Васильевич Колчак: Жизнь и деятельность. Ростов н/Д, 1998. С. 251.
- ⁷² Иркутские дневники Г. Е. Катанаева. С. 262.
- ⁷³ Там же. С. 271.
- ⁷⁴ *Гинс Г. К.* Указ. соч. С. 99.
- ⁷⁵ *Шиловский М. В.* Вологодский Петр Васильевич // История «белой» Сибири в лицах: Биографический справочник. СПб., 1996. С. 9.
- ⁷⁶ Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия. М., 1983. С. 265.
- ⁷⁷ *Гинс Г. К.* Указ. соч. С. 100; *Кроль Л. А.* Указ. соч. С. 199–200.
- ⁷⁸ Наша газета. (Иркутск.) 1919. 4 дек.
- ⁷⁹ Иркутские дневники Г. Е. Катанаева. С. 264; *Гинс Г. К.* Указ. соч. С. 95.
- ⁸⁰ Томская область: Исторический очерк. Томск, 1994. С. 282.
- ⁸¹ Цит. по: *Вегман В. Д.* Указ. соч. С. 149.
- ⁸² *Шишкин В. И.* Козыревщина и ее ликвидация (из истории борьбы против сибирской «партизанщины») // Классовая борьба в

- сибирской деревне в период построения социализма. Новосибирск, 1978. С. 55.
- ⁸³ Очерки истории Алтайской организации КПСС. Барнаул, 1985. С. 123.
- ⁸⁴ *Плотникова М. Е.* О партизанском отряде Рогова и сущности «роговщины» // Новокузнецк в прошлом и настоящем. Новокузнецк, 1971. С. 66–82; *Буркова А. Л.* К проблеме определения принадлежности партизанских формирований к «белому» движению (по материалам воспоминаний) // История «белой» Сибири: Тезисы Второй науч. конф. С. 135–136.
- ⁸⁵ *Шуклецов В. Т.* Сибиряки в борьбе за власть Советов... С. 220.
- ⁸⁶ Народная мысль. (Иркутск.) 1920. 18 янв.; *Юдахин Г. Н.* Большевики Новониколаевска в период иностранной военной интервенции и гражданской войны // Боевые годы. Новосибирск, 1959. С. 158.
- ⁸⁷ *Фетисов А. П.* Свержение колчаковщины на северо-востоке РСФСР // Проблемы истории революционного движения и борьбы за власть Советов в Сибири. С. 232–234.
- ⁸⁸ *Бондаренко А. А.* Левые эсеры в борьбе с антисоветскими режимами в Сибири (лето 1918 — январь 1920 г.) // История «белой» Сибири: Тезисы науч. конф. С. 107.
- ⁸⁹ ГАРФ. Ф. п. 5. Оп. 4. Д. 673. Л. 31, 32, 33, 46.
- ⁹⁰ Томская область. С. 284.
- ⁹¹ *Шишкин В. И.* Революционные комитеты в Сибири в годы гражданской войны (август 1919 — март 1921 г.). Новосибирск, 1978. С. 128–129.
- ⁹² Последние дни колчаковщины. С. 90.
- ⁹³ *Васильев Г. А.* Борьба против «демократической» контрреволюции в период освобождения Красноярска от колчаковщины // Вопросы истории партийных организаций Сибири. Красноярск, 1972. Вып. 1. С. 93.
- ⁹⁴ Последние дни колчаковщины. С. 92; ГАРФ. Ф. 195. Оп. 1. Д. 36. Л. 1.
- ⁹⁵ ГАРФ. Ф. 195. Оп. 1. Д. 36. Л. 180, 181.
- ⁹⁶ *Шишкин В. И.* Революционные комитеты в Сибири... С. 131.
- ⁹⁷ *Колосов Е. Е.* Последние дни колчаковщины // Сиб. огни. 1922. № 2. С. 86; Иркутский дневник Г. Е. Катанаева. С. 265.

- ¹¹⁸ Переговоры о сдаче власти Омским правительством Политическому центру в присутствии высоких комиссаров и высшего командования союзных держав. Г. Иркутск (станция). Январь 1920 года. Харбин, 1920. С. 9.
- ¹¹⁹ *Сурнов И.* К иркутским событиям: (Впечатления участника) // Красное знамя. (Новониколаевск.) 1920. 27 марта.
- ¹²⁰ *Вишняк М. В.* Всероссийское Учредительное собрание. Париж, 1933. С. 213; *Добровольский А. В.* Указ. соч. С. 89–90, 111–112.
- ¹²¹ Иркутский дневник Г. Е. Катанаева. С. 265.
- ¹²² ГАНО. Ф. п. 5. Оп. 2. Д. 1392. Л. 1.
- ¹²³ Атаман Семенов. О себе: (Воспоминания, мысли и выводы). М., 1999. С. 195–196.
- ¹²⁴ Иркутский дневник Г. Е. Катанаева. С. 267.
- ¹²⁵ Переговоры о сдаче власти... С. 8.
- ¹²⁶ Последние дни колчаковщины. С. 162.
- ¹²⁷ Переговоры о сдаче власти... С. 32, 33, 43, 33, 34, 37.
- ¹²⁸ Там же. С. 50, 51–52.
- ¹²⁹ *Кроль Л. А.* Указ. соч. С. 207.
- ¹³⁰ Цит. по: *Гинс Г. К.* Крушение колчаковщины // Гражданская война в Сибири и Северной области. М.; Л., 1927. С. 212.
- ¹³¹ ЦДНИИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 871. Л. 1–2.
- ¹³² *Мухачев Б. И.* Указ. соч. С. 106.
- ¹³³ *Солодянкин А. Г.* Указ. соч. С. 128.
- ¹³⁴ ЦДНИИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 204. Л. 3; ГАНО. Ф. п. 5. Оп. 2. Д. 1397. Л. 98.
- ¹³⁵ ЦДНИИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 204. Л. 3, 13.
- ¹³⁶ Там же. Д. 872. Л. 11.
- ¹³⁷ Арест адмирала А. В. Колчака (декабрь 1919 — январь 1920) / Сост. В. И. Шишкин // Власть и общество в Сибири в XX веке. Новосибирск, 1997. Вып. 1. С. 168.
- ¹³⁸ Там же. С. 145.
- ¹³⁹ ЦДНИИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 875. Л. 2.
- ¹⁴⁰ Там же. Л. 3, 4.
- ¹⁴¹ *Мухачев Б. И.* Указ. соч. С. 108.
- ¹⁴² ЦДНИИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 875. Л. 10; ГАНО. Ф. п. 5. Оп. 2. Д. 1384. Л. 2.
- ¹⁴³ Дальневосточная политика Советской России (1920–1922): Сб. док. Новосибирск, 1996. С. 18.

- ¹⁴⁴ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 51. С. 334.
- ¹⁴⁵ ЦДНИИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 870. Л. 13.
- ¹⁴⁶ Арест адмирала А. В. Колчака... С. 138–139.
- ¹⁴⁷ ЦДНИИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 870. Л. 18.
- ¹⁴⁸ Арест адмирала А. В. Колчака... С. 140.
- ¹⁴⁹ ЦДНИИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 875. Л. 11; ГАНО. Ф. п. 5. Оп. 2. Д. 1384. Л. 3.
- ¹⁵⁰ *Мухачев Б. И.* Указ. соч. С. 111.
- ¹⁵¹ *Сахаров К. В.* Белая Сибирь. Мюнхен, 1923. С. 262–263.
- ¹⁵² Военно-истор. журнал. 1964. № 4. С. 126–127.
- ¹⁵³ Цит. по: *Шишкин С. Н.* Указ. соч. С. 111.
- ¹⁵⁴ *Азаренков А. А.* Указ. соч. С. 43.
- ¹⁵⁵ Дальневосточная Республика: Док. и мат-лы. Владивосток, 1993. Ч. 1. С. 157.
- ¹⁵⁶ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 51. С. 137.
- ¹⁵⁷ ГАНО. Ф. п. 5. Оп. 2. Д. 1384. Л. 4, 11.
- ¹⁵⁸ *Шишкин С. Н.* Указ. соч. С. 118–119; *Шерешевский Б. М.* Разгром семеновщины. Новосибирск, 1966. С. 68–69.
- ¹⁵⁹ *Шерешевский Б. М.* Указ. соч. С. 76.
- ¹⁶⁰ Ленинский сборник. М., 1975. Т. 38. С. 297.
- ¹⁶¹ Цит. по: *Мухачев Б. И.* Указ. соч. С. 118.
- ¹⁶² *Крюков М. В.* Улица Мольера, 29: Секретная миссия полковника Попова. М., 2000. С. 189.
- ¹⁶³ Первое из крупных выступлений — «Роговский» мятеж в Причерноморском крае (Алтай), примерно 800 участников, охватывает период с мая по июнь 1920 г. См.: *Шишкин В. И.* «Белый» след в красной Сибири // История «белой» Сибири: Тезисы 3-й науч. конф. С. 149.
- ¹⁶⁴ *Ларьков Н. С.* Антибольшевистское вооруженное сопротивление в Сибири: проблема периодизации // История «белой» Сибири: Тезисы 3-й науч. конф. С. 142.
- ¹⁶⁵ *Аристов Вс.* Мелкие Колчаки // Красный Алтай. 1920. 1 сент.; Власть труда. (Иркутск.) 1922. 22, 24 мая; ГАНО. Ф. п. 5. Оп. 2. Д. 1611. Л. 16.
- ¹⁶⁶ Очерки истории Красноярской краевой организации КПСС. 2-е изд. Красноярск, 1982. С. 216.
- ¹⁶⁷ Очерки истории Омской областной организации КПСС. Омск, 1987. С. 148; *Шуклецов В. Т.* Указ. соч. С. 228.

- ¹⁶⁸ Очерки истории Алтайской организации КПСС. С. 126.
- ¹⁶⁹ Очерки истории Омской областной организации КПСС. С. 149; Суверов В. М. Деятельность партийных организаций Сибири по укреплению союза рабочего класса с крестьянством (октябрь 1917–1925 г.). Томск, 1985. С. 158.
- ¹⁷⁰ Добровольский А. В. Эсеры и меньшевики Сибири в условиях перехода к НЭПу. Новосибирск, 1995. С. 7, 8.
- ¹⁷¹ Гуцин Н. Я., Журов Ю. В., Боженко Л. И. Союз рабочего класса и крестьянства Сибири в период построения социализма (1917–1937). Новосибирск, 1978. С. 142; Суверов В. М. Указ. соч. С. 153.
- ¹⁷² Баранова О. М. Создание аппарата местных Советов 1919–1921 гг. (на материалах Тюменской губернии) // История Советской России: новые идеи, суждения. С. 82.
- ¹⁷³ Штырбул А. А. Анархистское движение в Сибири. С. 65–66.
- ¹⁷⁴ Шишкин В. И. Революционные комитеты в Сибири... С. 62.
- ¹⁷⁵ Прошин В. А. Свертывание свободной торговли в Сибири в условиях военного коммунизма (конец 1919 — начало 1921 г.) // «Сибирь — мой край...»: Проблемы региональной истории и исторического образования. Новосибирск, 1999. С. 76.
- ¹⁷⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 51. С. 15, 18; Ларьков Н. С. Из истории Енисейской дивизии (январь — март 1920 г.) // Борьба большевиков Сибири за народные массы в годы революции и гражданской войны. Красноярск, 1983. С. 107.
- ¹⁷⁷ Партизанское движение в Западной Сибири. С. 676–678.
- ¹⁷⁸ Ларьков Н. С. Объединение сибирских партизан с Красной Армией (конец 1919 — начало 1920 г.) // Проблемы истории революционного движения и борьбы за власть Советов в Сибири. С. 222–223.
- ¹⁷⁹ Ларьков Н. С. Из истории Енисейской дивизии. С. 109–111.
- ¹⁸⁰ Шишкин В. И. Козыревщина и ее ликвидация. С. 62.
- ¹⁸¹ Шишкин В. И. Из истории классовой борьбы в Сибири в 1920 г. (Лубковщина и ее крах) // Изв. Сиб. отд-ния АН СССР. 1980. № 1. Вып. 1. С. 91.
- ¹⁸² Ларьков Н. С. Из истории Енисейской дивизии. С. 112.

Заключение

События 1917–1920 гг. в России начались с практически бескровного свержения самодержавия, борьбы различных политических группировок за власть, завершившейся большевистским переворотом, который, в свою очередь, после вмешательства бывших союзников привел к гражданской войне и утверждению коммунистического режима.

Накануне рассматриваемых событий Сибирь являлась преимущественно аграрной окраиной России с зачаточным состоянием промышленности. Основными очагами промышленного и общественно-политического развития региона были немногочисленные города, в которых проживало 13% населения территории. Местная буржуазия еще не сформировалась как самостоятельная политическая сила и за редким исключением не проявляла политической активности. Для большей части сибирской интеллигенции была характерна расплывчатость, неопределенность политических взглядов. Неразмежеванность политических сил привела к стремлению местной интеллектуальной элиты к образованию коалиции всех политических группировок, стоявших в оппозиции к самодержавию. Однако во время первой мировой войны все общественно-политические силы региона находились в состоянии перманентного идейно-политического и организационного кризиса.

В первой половине 1917 г. на уровне первичных организаций здесь происходит создание структур основных российских партий и объединений. Одновременно формировалась система органов государственного управления, на которую существенное влияние оказала специфика региона (отсутствие земства). Говоря об уровне массового сознания, можно согласиться с сентенцией профессора Д. Н. Филалова о том, что «революция опиралась на наименее развитую в духовном отношении часть общества, на наименее образованную, склонную к злобе, мести, способную легко переступить через закон»¹.

Из политических сил наибольшее влияние к осени 1917 г. имели эсеры и меньшевики (по количеству контролируемых организаций). Тогда же практически сошли с политической арены кадеты. Очень медленно с точки зрения организационной, но весьма агрессивно с позиций усиления влияния происходило становление большевистских объединений. Подавляющее большинство возникших формирований до осени 1917 г. поддерживало Временное правительство и его политику. В Сибири не было двоевластия и не снимался лозунг «Вся власть Советам!». Отсутствие жесткой социальной дифференциации, немногочисленность городского населения и интеллигенции предопределили тенденцию к объединению формально разнородных политических сил под лозунгами областничества.

С августа 1917 г. участвующие в политическом процессе объединения и группировки начинают непосредственную борьбу за власть, стараясь подчинить своему влиянию Советы, профсоюзы, муниципалитеты и создаваемые земские органы. Осенью среди политических формирований доминируют большевики и эсеры. Уступая последним в численности, количестве организаций и подконтрольных структур, большевики явно превосходили конкурентов по уровню организованности, сплоченности, подчиненности решениям ЦК.

Пожалуй, главным политическим событием второй половины 1917 г. стали выборы в Учредительное собрание. Результаты голосования за него в Сибири принесли убедительную победу эсерам, поддержанным подавляющей частью местного крестьянства. В крупных же городах позиции большевиков были настолько сильны, что по отдельности ни кадеты, ни меньшевики, ни эсеры не могли им противостоять.

Никакого «триумфального» шествия советской власти с точки зрения сроков и содержания процесса не было. Советы, декларативно взявшие власть в свои руки, официально или фактически сосуществовали с городскими думами и земскими учреждениями, которые продолжали выполнять хозяйственно-распорядительные функции в городах, уездах, областях и губерниях. В целом в регионе с ноября 1917 по март — апрель 1918 г. существовало многовластие, определяемое конкретным соотношением политических сил в пределах административно-территориальных образований.

С конца 1917 г. активизируются мелкобуржуазные (социалистические) группировки под областническим лозунгом автономии Сибири и создания регионального представительного органа — Сибирской областной думы. Происходит консолидация антибольшевистской коалиции, включавшей эсеров, народных социалистов, часть меньшевиков, областников, кооператоров, земцев и националов, под руководством эсеров. Разгон Учредительного собрания окончательно разводит противоборствующие группировки и предопределяет сползание государства и региона в ситуацию гражданской войны.

В первые пять месяцев 1918 г. местные коммунисты вступили в конфликт с большинством населения региона и основными его социальными группами, за исключением рабочих и беднейшего крестьянства. Создание эсерами нелегального Временного правительства автономной Сибири привело к объединению всех контрреволюционных элементов территории. Но их сил было явно недостаточно для свержения советской власти. Только объединившись с интервентами, ставленником которых стал Чехословацкий корпус, контрреволюция смогла развязать гражданскую войну.

Боевые действия по свержению советской власти в Сибири продолжались с конца мая до конца августа 1918 г. Существенную роль в ее ликвидации сыграли попытки руководства Центросибири и ряда Советов заключить перемирие с чехами, недооценка ими масштабов катастрофы и надежда на помощь Москвы, а также утрата доверия к ним со стороны рабочих ряда городов.

Первого июня 1918 г. самопровозглашается эсеро-сибирский Западно-Сибирский комиссариат, передавший в конце месяца власть части министров Временного правительства автономной Сибири, образовавшей Временное Сибирское правительство (ВСП) во главе с П. В. Вологодским. Несмотря на сильное давление справа, оно решило созвать Сибирскую областную думу. В последней оформляются две группировки. Эсеры, меньшевики и националисты высказываются в пользу временной эсеро-сибирской власти под руководством первых. Фракция областников и беспартийных настаивает на ее установлении «не по принципам партийности, а по принципам дееспособности, персонального авторитета, проникновения идеями патриотизма». Создание этой власти предполагалось поручить ВСП. В этих условиях правые берут курс на установление военной диктатуры.

Эсеры, объединившиеся вокруг Сибирской областной думы, пытаются подчинить ей ВСП. Разразившийся по их инициативе в последней декаде сентября 1918 г. политический кризис с эпицентром в Омске закончился их поражением, а ВСП начинает борьбу за свое утверждение Директорией в качестве Всероссийского Совета министров. После этого мелкобуржуазные круги практически сходят с политической арены.

В октябре — первой половине ноября 1918 г. происходит окончательная ликвидация элементов «народоправства», сопровождаемая противоборством Директории и Временного Сибирского правительства. Оно закончилось провозглашением последнего в качестве Всероссийского Совета министров и самороспуском Думы. Одновременно правые завершают подготовку к перевороту, провозвещенному 18 ноября.

Установление единоличной диктатуры А. В. Колчака принципиально изменило ситуацию в лагере сибирской контрреволюции: произошел ее раскол, сузилась без того эфемерная социальная база. Вместе с тем из пропагандистских соображений адмирал и его окружение пытались маскировать авторитарную сущность режима под лозунгом «народоправства».

Одобрили государственный переворот и встали на позиции активной поддержки колчаковщины кадеты. Вслед за ними ее поддержали представители правого фланга мелкобуржуазной демократии в лице омского блока «общественных и политических объединений». Отрицательно к упразднению Директории отнеслись эсеры. Тем не менее никаких реальных шагов, направленных на противодействие омскому режиму, они не предпринимали в конце 1918 — начале 1919 г. Нежелание правительства признать культурно-национальную автономию отдельных этносов обусловило отказ национальных объединений от прямой поддержки контрреволюции. Принципиально не изменилась позиция коммунистов, которые после сокрушительных поражений городских восстаний в конце 1918 — начале 1919 г. сосредотачиваются на пропагандистской работе среди рабочих и в партизанско-повстанческих формированиях, начавших возникать с осени 1918 г.

Антикоммунистическое движение на востоке России поддерживали городская интеллигенция, буржуазия, духовенство, чиновники и офицеры. Не сыграл существенной роли в Сибири «каза-

чий» фактор. Период с конца ноября 1918 до конца июня 1919 г. явился своеобразным апогеем колчаковского режима, пиком его достижений, прежде всего военных, экономических и административных. Но одновременно это было время шаткого равновесия, именно тогда начинает проявляться действие деструктивных тенденций, обусловивших поражение сибирской контрреволюции.

Причины поражения «белых» в Сибири напрямую связаны с причинами победы коммунистов, поскольку просчеты, недоработки, ошибки одних автоматически вели к усилению позиции других. Сыграли свою роль и факторы автономные, не связанные исключительно с вооруженным противостоянием.

В геополитическом плане Антанта после победы в первой мировой войне утратила интерес к своему бывшему союзнику. Чехословацкий корпус — ударная сила антикоммунистических сил на востоке — после вступления гражданской войны в затяжную фазу (конец 1918 г.) фактически устранился от боевых действий. Неоднократные попытки «белых» режимов в Сибири добиться дипломатического признания успеха не имели. Посетив 21 сентября 1918 г. во Владивостоке американского посла в Японии Р. Морриса, руководитель Временного Сибирского правительства П. В. Вологодский записал в дневнике: «Каково было мое разочарование, когда он... вполне определенно заявил, что вопрос о признании власти Сиб. прав-ва не может быть поднят, и что их войска пока никуда не будут двинуты, и что на помощь их Сибирской армии амуницией, снарядами также нельзя рассчитывать»².

Концепция «непредрешенчества», взятая на вооружение «белыми», в том числе в Сибири, вела в тупик. Что бы там ни говорил А. В. Колчак о созыве Национального собрания вместо Учредительного, в случае проведения выборов в конституционную ассамблею или другой представительный орган на основе принципов всеобщего избирательного права, даже при уstraении от участия в них как «врагов народа» коммунистов, победу одержали бы представители «демократической» контрреволюции. Надеяться на реализацию западных либеральных схем можно было бы только при условии возвращения к избирательному закону от 3 июня 1907 г., но это представлялось невозможным в силу ряда причин (позиция интервентов, практика проведения выборов в Учредительное собрание в 1917 г.) и прежде всего из-за развала (банк-

ротства, по терминологии недавнего прошлого) государственно-образующих партий третьейюньской системы.

Власть «белых» в регионе теряла авторитет в глазах населения вследствие забвения его интересов, отсутствия конкретной программы действий. По поводу этой ситуации четко высказался министр финансов ВСП и колчаковского Совета министров И. А. Михайлов, заявив: «У нас программы нет, и никакой надобности в ней мы не видим. Мы делаем на каждый день то, что нужно»³. Случайным был выбор кандидатуры на пост Верховного правителя. А. В. Колчак не проявил качеств военного и государственного деятеля общероссийского масштаба, не сумел консолидировать антисоветские силы на востоке России. Встретившийся с ним впервые в сентябре 1918 г. П. В. Вологодский отметил: «Колчак произвел на меня очень приятное впечатление. Испитой и суровый на вид, он, должно быть, в душе очень добрый человек»⁴.

В национальном вопросе «белые» крайне скупо и неопределенно декларировали свои предложения, придерживаясь основополагающего принципа «единой и неделимой» России. В оптимальном варианте признавалась культурно-национальная автономия отдельных этносов. Однако на практике национальный вопрос «не замечался», решение его откладывалось до победы над коммунистами, а в отношении наиболее «продвинутых» национальных движений и их лидеров была объявлена война.

В экономической сфере, находясь в экстремальной ситуации, сибирская контрреволюция оказалась неспособной поддерживать нормальные товарно-денежные отношения, организовать бесперебойное снабжение армии всем необходимым. К лету 1919 г. колчаковская диктатура оказалась в состоянии войны с местным крестьянством. Попытки насаждения столыпинского варианта решения аграрного вопроса без учета специфики региона, бесконечные мобилизации, реквизиции, восстановление сбора налогов, дороговизна и произвол различных начальников стимулировали активное, в том числе вооруженное противодействие крестьян, защищавших свои коллективные интересы.

Переворот 18 ноября 1918 г. дал коммунистам преимущество в контрпропаганде, поскольку позволил квалифицировать режим Верховного правителя как проявление реставраторских тенденций в лагере контрреволюции. В этих же целях активно осужда-

лись другие элементы внутренней политики «белых», включая государственную атрибутику (погоны, двуглавые орлы, подчеркнуто-уважительное отношение к православной церкви и т. д.). На имидж власти А. В. Колчака негативно влияли «атаманщина», засилье и всевластие военщины, дискредитировавшей себя в глазах народа и интеллигенции еще в годы русско-японской войны. Сибирской контрреволюции не удалось создать дееспособного государственного аппарата. «В результате омский переворот дал Сибири власть дряблую и бессильную, — констатировал военный министр „колчакии“ генерал А. А. Будберг, — вылившуюся в узкие омские формы и непопулярную, неспособную дать населению закон, порядок и заметное улучшение тяжелых условий его жизни. Такой власти оказалось не по плечу подняться на высоту предъявляемой ей жизнью задачи и сделать что-нибудь прочное и действенное в воссоздании разрушенной государственности в улучшенных, разумных и обновленных формах человеческого, общественного и государственного сожителства»⁵.

В военном отношении «белые» на востоке России до начала 1919 г. превосходили Красную армию по уровню организованности, сплоченности, энтузиазма. Однако по мере затягивания боевых действий переход от импровизации к планомерным военным операциям, замена добровольчества массовыми призывами, постоянный и все обостряющийся дефицит всего необходимого для действующей армии в совокупности переломили ситуацию на фронте. Отрицательную роль в военной сфере сыграли крупные стратегические просчеты «белых» в выборе направления главного удара в начале 1919 г., в проведении Челябинской операции.

По мере ухудшения ситуации на фронте усиливаются кризисные явления в тылу и активизируются действия «демократической» контрреволюции, направленные на ликвидацию колчаковщины, на недопущение восстановления советской власти в регионе и создание «буферного демократического образования». Любая попытка вмешательства в противостояние «третьей силы» была изначально обречена. По мнению одного из идеологов «белого» движения Н. В. Устрялова, в политической сумятице 1919 г. были различимы только две реальные силы: большевики и военно-политическое движение против большевиков. «Компромисса, договора с большевиками быть не может, — утверждал он. — Если его

нельзя победить и низвергнуть, перед ним можно только капитулировать. Третьего выхода нет»⁶. Тем не менее созданный Политический центр начинает в конце декабря 1919 г. вооруженные восстания в городах Иркутской губернии, а 4 января 1920 г. министры Омского правительства передают ему власть.

19 января 1920 г. на переговорах в Томске делегаций Политцентра и руководства Сибревкома достигается соглашение о создании демократического «буфера». Передача власти 22 января в Иркутске Политцентром коммунистическому военревкому хотя замедлила и усложнила процесс создания буферного государственного образования, но в конечном счете этот замысел был реализован в апреле 1920 г. созданием Дальневосточной Республики (ДВР).

Ее образование можно считать завершением истории гражданской войны в Сибири. Попытки отдельных исследователей пролонгировать ее хронологические рамки до 1921–1922 гг. со ссылкой на массовое антикоммунистическое движение крестьян не выдерживают критики. Во-первых, началось оно в Западной Сибири с лета 1920 г., или через полгода после освобождения региона от колчаковцев. Во-вторых, оно не угрожало существованию коммунистического режима и представляло собой серию разрозненных вооруженных выступлений в защиту крестьянских интересов.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Фрагменты из автобиографии проф. Дмитрия Николаевича Фналкова // Изв. Омск. гос. истор.-краевед. музея. Омск, 1999. № 7. С. 337.
- ² Дневник П. В. Вологодского // Отечественная история. 2000. № 6. С. 145.
- ³ Кроль Л. А. За три года. Владивосток, 1921. С. 190.
- ⁴ Дневник П. В. Вологодского. С. 145.
- ⁵ Будберг А. Дневник белогвардейца // Дневник белогвардейца. Новосибирск, 1991. С. 319.
- ⁶ Цит. по: Быстриянцева Л. А. Мировоззрение и общественно-политическая деятельность Н. В. Устрялова (1890–1937) // Новая и новейшая история. 2000. № 5. С. 176.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Введение</i>	3
<i>Глава 1. Борьба за власть в Сибири</i> (март 1917 — январь 1918 г.).....	20
§ 1. Ситуация в регионе накануне Февральской революции.....	20
§ 2. Формирование основных политических группировок в Сибири после Февральской революции (март — июль 1917 г.).....	34
§ 3. Советы или Учредительное собрание: борьба за реализацию альтернативных вариантов власти в Сибири во второй половине 1917 г.	77
<i>Глава 2. «Первая» советская власть и «демократическая» контрреволюция в Сибири (январь — ноябрь 1918 г.).....</i>	142
§ 1. «Триумфальное» шествие советской власти и оформление антибольшевистского подполья в регионе (январь — май 1918 г.).....	142
§ 2. Борьба за власть в период «демократической» контрреволюции (июнь — ноябрь 1918 г.).....	199
<i>Глава 3. Политические процессы в Сибири в период колчаковщины (ноябрь 1918 — январь 1920 г.).....</i>	320
§ 1. Режим власти Верховного правителя России и отношение к нему основных политических группировок региона (ноябрь 1918 — июнь 1919 г.).....	320
§ 2. Крах «колчакии» и «демократическая» контрреволюция в Сибири во второй половине 1919 — начале 1920 г. Образование «буфера».....	350
<i>Заключение</i>	419



Шиловский Михаил Викторович, 1947 г. рождения, доктор исторических наук, профессор, специалист в области истории общественно-политического движения в России и Сибири XIX - второй четверти XX в., автор более 260 научных публикаций, в том числе 3 монографий.

Основные направления исследований: история сибирского областничества, организаций российских политических партий начала XX в., место Сибири в составе России на первом этапе создания индустриального общества, борьба за власть в период социального катаклизма 1917-1920 гг., персоналии выдающихся сибиряков.

Научную деятельность Шиловский М. В. успешно сочетает с педагогической, возглавляя кафедру истории России Новосибирского государственного университета. Он является членом кандидатского диссертационного совета в ИИ СО РАН. С июля 2001 г. работает в должности заведующего сектором второй половины XIX - начала XX в. в Институте истории СО РАН.

